

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/2014

К 80-летию академика
М.Л. Титаренко

●
Новый этап экономического
развития КНР

●
Вьетнамо-американские отношения
на современном этапе

●
Всегда ли Громыко говорил «нет»

●
Русско-японская война 1904–1905 гг.
в современной японской
историографии

28 октября 2013 г. была достигнута договоренность об обменах и сотрудничестве между журналами «Проблемы Дальнего Востока» (РФ) и «Форум Северо-Восточной Азии» Цзилиньского университета (КНР). Соответствующее соглашение подписали главный редактор ПДВ, доктор экономических наук, профессор В.Я. Портяков и главный редактор «Форума Северо-Восточной Азии», профессор Чжу Сяньпин.

Журнал «Форум Северо-Восточной Азии» основан в 1992 г. и является одним из основных китайских журналов, освещающих вопросы политики, экономики, международных отношений, историко-культурного и межрегионального сотрудничества в регионе Северо-Восточной Азии. С 2012 г. финансируется государственным социально-научным целевым фондом, входит в индексы ведущих китайских научных журналов.

Журнал руководствуется в своей деятельности лозунгом «опоры на политику реформ и открытости, расширение сотрудничества с сопредельными странами, популяризацию региона Северо-Восточной Азии». Он вызывает широкий интерес во многих странах мира. Журнал нацелен на освещение различных точек зрения и теоретических новшеств в исследуемой области, в частности, проблем региональных «горячих точек» и актуальных острых тем.

В 2014 г. основными темами «Форума Северо-Восточной Азии» станут исследование Азиатско-Тихоокеанской стратегии США и вопросов региональной безопасности в СВА, проблемы межрегионального сотрудничества и экономической интеграции, освещение регионального развития в бассейне реки Тумэнь и экономического сотрудничества между сопредельными странами, тематики «нового Шелкового пути», рассмотрение проблем Корейского полуострова, путей сообщения в Северо-Восточной Азии, энергетической безопасности и строительства энергетической системы; изучение вопросов международного права в СВА, проблем экономики, демографии, природных ресурсов и окружающей среды в различных странах региона и вопросов гуманитарного характера.

Руководящий орган: Министерство образования КНР

Учредитель: Цзилиньский университет

Редакция: «Форум Северо-Восточной Азии» (г. Чанчунь, проспект Цяньцзинь 2699)

Телефон: 0431-85168728

Сайт: <http://dbyl.cbpt.cnki.net>

E-mail : dbylt2009@qq.com

Единый государственный номер: CN 22-1180/C

Международный стандартный номер: ISSN 1003-7411

Зарубежное издание: Международная книжная торговая корпорация Китая
(Пекин 399 почтовый ящик)

Иностранный код: BM715

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2014

Март — Апрель

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

Я.М. Бергер, д.и.н., (зам. главного редактора), А.В. Болятко,
д.воен.н., проф., О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
К.В. Внуков, к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол,
С.А. Горбунова, д.и.н., Л.М. Гудошников, д.ю.н., проф.,
А.С. Давыдов, к.и.н. (зам. главного редактора), А.И. Денисов,
к.э.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, А.З. Жебин,
к.полит.н., В.О. Кистанов, д.и.н., А.В. Ломанов, д.и.н.,
С.Г. Лузянин, д.и.н., проф., А.Е. Лукьянов, д.филос.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., А.В. Макаров, д.ю.н., проф.,
Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик РАН,
А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н.,
В.Ф. Сорокин, д.филол.н., проф., М.Л. Титаренко,
академик РАН, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюггер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР),
Чжу Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов
зав. отделом Кореи
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова экспедитор
Е.А. Лапшина зав. редакцией
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский оператор ЭВМ
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов
зав. отделом Японии
Г.Д. Штефан мл. редактор

© Российская академия наук, 2014

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2014

1-4 013, ВИНОГРАДНИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АН СССР

Содержание

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

- А. Островский.* К 80-летию академика М.Л. Титаренко. Организатор науки, мыслитель, философ..... 4
- М. Титаренко.* Древнекитайский философ Мо Ди (V в. до н.э.) о мудром управлении страной. Переводы из книги «Мо-цзы» (свиток 1-й) 15

ПОЛИТИКА

- К. Антипов.* О некоторых аспектах эволюции ближневосточной политики Китая 27
- Г. Локишин.* Вьетнам — США: партнерство с «оговорками» 38

ЭКОНОМИКА

- Я. Бергер.* Новый этап экономического развития Китая (К итогам 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва)..... 49
- С. Сазонов, К. Петрунько.* Перестройка управления железнодорожным транспортом КНР 63

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

- В. Петровский.* У истоков «холодной войны» в Северо-Восточной Азии: всегда ли Громыко говорил «нет» 73

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

- А. Шлындов.* Военно-воздушные силы Народно-освободительной армии Китая на пути модернизации и развития (окончание) 85
- М. Евтодьева.* «Белая книга по обороне» и оборонные программы Японии в 2013 году 93

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- Н. Кашина.* Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока РФ и Северо-Восточного Китая в добывающем секторе экономики 100
- М. Ласточкина.* Дальний Восток в контексте модернизации России 109
- А. Коваленко, В. Токмаков.* Судьбы дальневосточных казаков: штрихи к коллективному портрету 118

ИСТОРИЯ

- В. Кузьминков.* Русско-японская война 1904–1905 гг. в японской историографии 126
- И. Соков.* Канадская интервенция 1918–1919 гг. в дальневосточном эпизоде Гражданской войны в России: причины, цели, итоги 136

КУЛЬТУРА

- Е. Лачина.* «Корейская волна» как проявление «мягкой силы» 147
Ю. Еришова. Традиции и особенности китайского позднего прозаического сказа 156
Н. Лебедева. «Гений места» как фактор межкультурного взаимодействия (русская литература Харбина и китайская культура) 165

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. Королев.* Внутренняя и внешняя политика КНР: продвижение реформ и глобального влияния. 26-й международный симпозиум Ассоциации китайских политологических исследований в Сан-Хосе 172
Е. Колдунова. Формирование азиатских исследований: геополитика, институты и исследовательские сети 177

РЕЦЕНЗИИ

- А. Ломанов.* Каталог произведений российского китаеведения, хранящихся в Китайской национальной библиотеке 181

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Юбилей Анастасии Ивановны Картуновой 185

Contents 187

Summary 188

Редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» объявляет о проведении редакционной подписки (при условии получения журналов в редакции) на второе полугодие 2014 г. (№№4, 5, 6).

Стоимость редакционной подписки – 2400 руб.

Подписка заканчивается 23 мая 2014 г.

Оформить подписку можно у заведующей редакцией «ПДВ» Елены Александровны Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124 02 15.

Российское китаеведение

К 80-летию академика М.Л.Титаренко Организатор науки, мыслитель, философ

© 2014

А. Островский

27 апреля 2014 г. исполняется 80 лет выдающемуся российскому востоковеду, глубокому знатоку китайской традиционной мысли и духовной культуры академику РАН Михаилу Леонтьевичу Титаренко. Его с полным основанием можно назвать архитектором современного научного облика ИДВ РАН. С его именем связана добрая половина почти шестидесятилетней истории института. В настоящее время работа Института нацелена на глубокое комплексное изучение дальневосточного региона в интересах обеспечения долгосрочных целей развития России.

М.Л. Титаренко родился 27 апреля 1934 г. в селе *Лакомая Буда Климовского района Брянской области* в крестьянской семье. Незадолго до начала войны его семья в рамках государственной программы освоения новых земель переселилась на Алтай. Первый интерес к Китаю возник у него еще в

стенах средней школы *села Шелаболиха*, когда учительница истории поручила ему подготовить для одноклассников политинформацию о китайских событиях. Шла вторая половина 1940-х гг., когда в соседней стране развернулась ожесточенная гражданская война между Компартией и Гоминьданом. Школьник отправился в библиотеку, нашел необходимые материалы и сделал доклад, который понравился и соученикам, и учительнице, организовавшей еще одно выступление на эту тему уже перед взрослой аудиторией — на собрании колхозников. Разовое поручение переросло в увлечение — дома подросток повесил на стену карту, на которой флажками отмечал сражения и маневры армии китайских коммунистов. Доклады о происходящем в Китае в разных аудиториях Шелаболихи стали для него постоянным пионерским поручением.

В 1947 г. семья переехала в Барнаул, где М.Л. Титаренко закончил школу и в 1949 г. поступил в Барнаульское педагогическое училище. Эрудированный и уважаемый преподаватель училища В.А. Вадимов помог юноше сделать еще один шаг к выбору будущей специализации. Преподаватель рассказал ученикам о педагогических идеях древнекитайского мудреца Конфуция, а потом поручил М.Л. Титаренко написать на эту тему небольшой доклад, имевший большой успех.

В 1953 г. красный диплом педагогического училища и рекомендация педсовета открыли талантливому юноше путь для продолжения учебы в столице на философском факультете МГУ им М.В. Ломоносова. Это была одна из самых светлых и позитивных сторон советской действительности тех времен — система держала открытым путь к знаниям и новым профессиональным возможностям для энергичных и одаренных молодых людей. В стенах МГУ окончательно определился и сформировался интерес М.Л. Титаренко к изучению истории китайской философии.

В 1957 г. Правительством СССР было принято решение об углубленном изучении Китая и о дальнейшем расширении связей между двумя нашими народами. Из Китая в СССР выезжало большое количество китайской молодежи для обучения в вузах и стажировок на предприятиях. Значительная часть китайской молодежи учила русский язык для того, чтобы поехать на учебу в нашу страну. До сих пор многие китайские руководители различного уровня тепло вспоминают о годах, проведенных в СССР. В феврале 1957 г. в различные вузы Китая на несколько лет была отправлена первая группа советских стажеров для обучения китайскому языку, филологии, истории, медицине, архитектуре и даже производству фарфора. Вместе с первой группой советских стажеров, отправившихся в Пекин с Ярославского вокзала в Москве, возможность поехать туда для продолжения образования представилась и М.Л.Титаренко. Первый год стажеры интенсивно изучали на специальных курсах китайский язык, после чего продолжали стажировку по специальности.

В начале 1958 г. М.Л. Титаренко представили преподавателям философского факультета Пекинского университета Жэнь Цзиюю и Фэн Юланю. Оба этих ученых стали частью интеллектуальной истории современного Китая. Жэнь Цзиюй, активно участвовавший в те годы в дискуссиях по истории китайской философии, впоследствии прославился исследованиями буддизма и даосизма. Фэн Юлань уже тогда пользовался репутацией ученого с мировым именем. Он был автором не только известных трудов по истории китайской мысли, но и создателем собственной философской системы, нацеленной на синтез достижений китайской и западной традиций. Дважды в неделю Фэн Юлань проводил для советского стажера домашние занятия. Чтобы помочь ученику глубже проникнуть в китайскую премудрость, Фэн Юлань собственноручно записывал для него в тетрадь непонятные иероглифы.

Стажировка на философском факультете Пекинского университета, который в Китае сокращенно называется «Бэйда», открывала возможности проникнуть не только в мудрость прошлого, но и в перипетии китайского настоящего. Как раз в 1957 г. по инициативе Мао Цзэдуна профессором факультета был назначен известный марксист Фэн Дин, принимавший активное участие в политических баталлиях 1930–40-х гг. Внутриполитическая ситуация в КНР становилась все более сложной. В 1957 г. в ходе развернувшейся идеологической кампании «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» власти призвали ученых к смелости в самовыражении и соперничеству во взглядах. Но смельчаков ждала незавидная участь — во второй половине года началась кампания борьбы против «правых элементов», наряду с помещиками, кулаками, буржуазией и другими врагами социалистического строя на интеллигенцию, прозванную «девятым поганцем» обрушились репрессии, началось ее трудовое перевоспитание.

Весной 1958 г. в Китае начался «большой скачок», ознаменовавший решение Мао Цзэдуна выбрать свой собственный путь строительства социализма. Летом власти

постановили направить студентов и профессоров ведущих университетов на обучение мудрости в крестьянскую среду для «слияния с народными массами». Ранним июльским утром студенты и профессора философского факультета Пекинского университета оказались вместе на пригородном вокзале Юндинмэнь. Михаил Титаренко был единственным иностранцем, который добровольно отправился вместе с китайскими коллегами трудиться в деревню. Поездом они доехали до станции между Пекином и Тяньцзином, а потом на машинах добрались до деревни Хуанцунь в провинции Хэбэй.

Изучение философии сменили полевые работы и уборка урожая. Лишь в свободное время перевоспитуемые студенты усаживались вместе с профессорами на устланном кукурузными стеблями кирпичном кане, чтобы обсудить строительство социализма и коммунистическое будущее. Однако для советского стажера полугодовая работа в китайской деревне стала редчайшей возможностью увидеть страну изнутри, посмотреть на жизнь простых людей, понять их отношения и менталитет.

В 1959 г. М.Л. Титаренко продолжил профессиональную подготовку на философском факультете Фуданьского университета в Шанхае — там профессора и студенты уже прошли через перевоспитание физическим трудом на селе, после чего учебный процесс был возобновлен. Тогда же он выбрал тему будущей диссертации — учение древне-китайского философа Мо Ди (V в до н.э.). Основная часть работы и перевод основных глав книги «Мо-цзы» были выполнены в Шанхае под руководством профессора Ху Цюаня и доцента Пань Фуэня. Наставником М.Л. Титаренко в стенах Фуданьского университета был видный ученый-обществовед, публицист, исследователь марксистской теории и китайского традиционного духовного наследия Янь Бэймин. В 1961 г. М.Л. Титаренко получил диплом об окончании университета по специальности «философ-историк китайской философии» и диплом переводчика китайского языка. Увидев документ, выпускник испытал шок: философский диплом был выписан на имя «гражданина СССР Миши», так китайцы привыкли называть советского стажера...

Завершение учебы совпало с обострением китайско-советской политической полемики и перерождением отношений от недавней искренней дружбы к подозрительности и конфронтации. Такие изменения политического курса в советско-китайских отношениях не могли не сказаться на судьбе многих стажеров. Когда они вернулись в СССР с дипломами китайских вузов, то выяснилось, что они никому не нужны, так как все исследования по Китаю с начала 1960-х гг. были свернуты, Институт китаеведения АН СССР по приказу сверху был закрыт, советско-китайские торгово-экономические, научно-технические и культурные связи заметно сократились. В результате большинство из вернувшихся после учебы и стажировки в КНР трудоустроились совсем по другим специальностям. М.Л. Титаренко повезло значительно больше, так как он продолжил свою деятельность по полученной специальности в качестве китаеведа, обладая редкими по тем, да и по нынешним временам знаниями в области культуры, философии, религии, этики и эстетики, то есть базы одной из древнейших мировых цивилизаций — китайской.

В 1961–65 гг. М.Л. Титаренко находился в КНР на дипломатической работе — сначала в Генеральном консульстве в Шанхае, затем в Посольстве СССР в Пекине. В это время он продолжал целенаправленную работу по расширению научного кругозора, изучению классической философии и политической мысли Китая. В 1963 г. он приступил к обучению в заочной аспирантуре философского факультета МГУ, а в 1965-м защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Древнекитайская школа моистов и их учение».

С 1965 по 1985 гг. М.Л. Титаренко находился на ответственной работе в Отделе ЦК КПСС. В этот период ученый занимался исследованиями современной идейно-политической ситуации в КНР. В 1979 г. он защитил докторскую диссертацию, посвященную идейно-теоретической ситуации в КПК накануне и в период «культурной революции». Одновременно он продолжает интересоваться проблемами китайской мысли. В публика-

циях, посвященных анализу современной китайской политики и взглядов Мао Цзэдуна, ученый опирался на глубокое знание китайской философской традиции. При участии М.Л. Титаренко и под его руководством одновременно реализуются издательские проекты, способствовавшие популяризации китайской философии в нашей стране.

В 1969 г. в серии «Философское наследие» издательства «Мысль» был опубликован составленный известным историком философии В.В. Соколовым первый том «Антологии мировой философии», посвященный философскому наследию древности и средневековья. Сравнительно компактное (четыре тома) издание замышлялось как «путеводитель» по классическому философскому наследию человечества, многие фрагменты были переведены на русский язык впервые. В книгу вошел раздел «Китайская философия», составителем, автором переводов и комментариев которого стал М.Л. Титаренко¹. Подборка отразила как философское наследие древнего Китая эпохи Весен и Осеней (Чунь-цю) — Борющихся Царств (Чжаньго) (Лао-цзы, Конфуций, Мо-цзы, Ян Чжу, Мэн-цзы, Чжуан-цзы, поздние моисты, Хань Фэй-цзы), так и работы ключевых мыслителей более поздних династий (Дун Чжуншу, Ван Чун, Фань Чжэн, Чжан Цзай, Чжу Си). Это было первое подобное издание в отечественной историко-философской литературе.

Продолжением этой работы стало издание в 1972–1973 гг. в той же серии «Философское наследие» двухтомного собрания текстов «Древнекитайская философия». Подготовка и издание этой первой в нашей стране антологии древнекитайской мысли было осуществлено М.Л. Титаренко в сотрудничестве с В.Г. Бутовым, Р.В. Вяткиным и Ян Хиншуном. Написанная М.Л. Титаренко в соавторстве с В.Г.Бутовым вводная статья «Философия древнего Китая»² представляла читателю общую картину развития китайской мысли, ее социальный фон, сопоставляла взгляды представителей различных школ. В этом же издании была опубликована представительная и наиболее полная до настоящего времени подборка отрывков из памятника «Мо-цзы» в переводе ученого.

В 1985 г. вышла книга М.Л. Титаренко «Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение», и поныне остающаяся в отечественной литературе единственным специальным исследованием этой школы древнекитайской философии. Наибольшее внимание ученый уделил социально-политическим и этическим воззрениям моистов, прежде всего, их представлениям о справедливости и равенстве, сфокусированным в призыве Мо-цзы и его учеников устанавливать отношения между людьми на принципах «всеобщей любви и взаимной выгоды». Этот тезис моистов указывал на попытку этического обоснования равенства людей и отражал стремление привлечь к участию в политической жизни государства широкие слои населения. Ученый подробно исследовал антиконфуцианскую критику со стороны моистов, основанную на критерии «пользы для людей» и обличенную в принципы «почитания мудрости», «возвышения единства», «отрицания нападений», «экономии в расходах». Особое внимание было уделено анализу этико-религиозного измерения моистского учения, прежде всего, проблеме утилитарной трактовки «воли Неба». Важное место в работе занимает исследование гносеологии, категориального аппарата и методов рассуждений моистов. Впервые в китайской философии представители этой школы сформулировали категорию причин, принципов классификации и критериев оценки истинности знаний, поздние моисты разработали довольно цельную для своего времени систему категорий логики.

Важным шагом в популяризации китайской мысли в нашей стране стала публикация в 1989 г. на русском языке перевода китайского вузовского учебника «История китайской философии». Инициатива М.Л. Титаренко по переводу и изданию этой книги расширяла представления российских читателей о китайской философской культуре. В книге была изложена практически вся история китайской философии с древности до Сунь Ятсена, она давала представление о том, как современные китайские ученые трактуют свое богатое философское наследие.

В 1994 г. был издан первый в истории мирового востоковедения энциклопедический словарь «Китайская философия». Этот новаторский проект был задуман и осуществлен по инициативе и под непосредственным руководством М.Л. Титаренко. В издание вошло свыше 1,5 тыс. статей, посвященных терминам китайской философии и культуры, памятникам мысли, философским школам и направлениям, персоналиям мыслителей, а также исследователям китайской мысли. Хотя подобные словари издавались ранее в самом Китае, уникальность издания заключалась в попытке создать целостную концептуальную схему интерпретации китайской мысли и ее системы категорий на западном языке для западного читателя. При подготовке издания было использовано все накопленное в отечественной синологии, к работе были привлечены китайские специалисты. В итоге появилась фундаментальная работа, определяющая положение в сфере философских знаний на десятилетия вперед.

В 1985 г. М.Л. Титаренко стал директором Института Дальнего Востока АН СССР. Страна вступила в период глубоких перемен, которые не могли не сказаться на работе научного сообщества. Под руководством М.Л. Титаренко ИДВ превратился в научный центр с мировым именем и влиянием. Односторонняя ориентация на сиюминутные политические вопросы ушла в прошлое, институт трансформировался в многопрофильный комплексный центр изучения Китая и сопредельных стран Дальнего Востока, в проблематике исследований на видное место вышли вопросы культурно-цивилизационных отношений. В работе ИДВ появились новые направления, связанные с исследованием Японии, Кореи, Юго-Восточной Азии, а также проблем безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Произошедший во второй половине 1980-х гг. переход от советско-китайской конфронтации к нормализации отношений стал мощным стимулом для развития отечественного китаеведения. Для ученых открылись прежде недоступные возможности сотрудничества с коллегами из КНР, снятие властями политических ограничений в области общественно-научных и гуманитарных исследований создавало благоприятный фон для развития китаеведения. ИДВ выступил перед руководством страны с предложениями о коренном пересмотре подходов к КНР и ситуации на Корейском полуострове. Эти инициативы способствовали полной нормализации отношений с Китаем в 1989 г. и установлению в сентябре 1990 г. дипломатических отношений с Республикой Корея.

Распад СССР принес глубокий экономический кризис, финансирование науки резко сократилось. В начале 1990-х гг. новая российская политическая элита демонстрировала подчеркнутый интерес к сближению с Западом в ущерб стратегическим интересам страны на Востоке. В этих непростых условиях М.Л. Титаренко проявил себя как незаурядный организатор — ИДВ не просто боролся за выживание, но двигался вперед, развивался, осваивая все новые научные темы и направления. Одновременно ученому пришлось выступать как патриоту Отечества, аргументированно и убежденно отстаивая курс на сотрудничество и партнерство с Китаем — великим восточным соседом России.

На рубеже веков в научном творчестве М.Л. Титаренко возникли новые исследовательские темы, связанные с осмыслением места и роли России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, отношений нового Российского государства с Китаем и другими соседями на Дальнем Востоке. Ученый ориентировал свой труд и работу Института на решение важной задачи — востоковедение было призвано внести свой вклад в анализ новых вызовов, возникших на дальневосточных рубежах России, дабы помочь сохранению целостности нашей страны, развитию экономической мощи на ее восточных рубежах, возрождению ее духовных богатств. Центральными стали тезисы о развитии России с опорой на сотрудничество со странами Восточной Азии, о необходимости поддержания равновесия между восточным и западным векторами российской политики. Во времена президентства В.В.Путина на фоне устойчивого укрепления российско-китайского партнерства эти идеи уже восприняты определенной частью отечественной политической элиты.

Однако в сложные и драматичные для России 1990-е годы продвижение этих концепций требовало больших усилий, оно сталкивалось с непониманием, предвзятостью и откровенным безразличием.

Рассмотрению места России в Азиатско-Тихоокеанском регионе посвящены шесть монографий М.Л. Титаренко — «Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межцивилизационных отношений» (М., 1994), «Россия лицом к Азии» (М., 1998), «Китай: цивилизация и реформы» (М., 1999), «Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор» (М., 2003), «Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии» (М., 2008), «Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы» (М., 2012). Красной нитью через эти публикации проходит призыв к выстраиванию гармоничных отношений между Россией и ее дальневосточными соседями, к учету культурно-цивилизационных факторов при анализе внешнеполитической и экономической проблематики.

М.Л. Титаренко исходит из того, что «само положение России на евразийском пространстве предопределяет ее роль связующего звена между Европой и Восточной Азией, географического стержня целостного мирового устройства, фактора сближения и взаимоувязки западной и восточной цивилизаций, политической культуры, моральных и идеологических ценностей»³. Подобное сближение может происходить лишь на основе диалога цивилизаций, терпимости и внимательности к иным культурам, отказа от попыток насильственной трансформации чужих ценностей.

Важное место в работах М.Л. Титаренко посвящено проблемам возрождения российского национального самосознания, его защиты от размывания в условиях глобализации, налаживанию осмысленного созидательного диалога культур, позитивному осмыслению азиатского аспекта российской культурной идентичности. Ученый полагает, что восточный вектор российской политики является своего рода «константой», история которой насчитывает многие столетия. Другое дело, что в ходе крутых переломов в российской истории эта составляющая иногда «забывалась» национальной элитой и уходила в тень. Сильное культурно-цивилизационное влияние на Россию со стороны Западной Европы — это реальность. Куда сложнее разобраться с азиатским направлением и понять — является ли это направление российской политики лишь функциональным, либо оно также имеет в своем основании цивилизационную подоплеку.

Ученый отмечает, что после распада СССР сегодняшняя Россия стала «более азиатским государством», чем Российская империя до 1917 г. или СССР, поскольку потеря влияния в Восточной Европе и обретение независимости бывшими союзными республиками в западной части СССР «сместили» Россию в Азию. М.Л. Титаренко доказывает, что в российской политике азиатско-тихоокеанский и евро-атлантический векторы должны быть равноценны, ибо в противном случае страна будет обречена на увеличение разрыва между западными и восточными регионами. Азиатский вектор сотрудничества является не только инструментом поддержания добрых отношений с восточными соседями, но и орудием сохранения целостности России, то есть ее внутренней безопасности. Выравнивание приоритетов между Западом и Востоком позволит максимально эффективно использовать преимущества географического положения России. Это стимулирует развитие восточных районов страны, способствует включению в международную интеграцию Сибири и Дальнего Востока, создаст шанс для более сбалансированного вхождения нашей страны в глобальную экономику.

Предлагаемая М.Л. Титаренко неоевразийская культурологическая схема восходит к работам представителей «старо-евразийского» течения в русской эмиграции 1920–30-х гг. (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский), противопоставлявшего исторические судьбы и интересы России и Запада, трудам В.В. Вернадского о ноосфере и разработкам Л.Н. Гумилева. Ученый подчеркивает, что в отличие от евразийцев первой

половины XX в., неоевразийство более не противопоставляет друг другу европейское и азиатское измерение России, не стремится к замкнутости и обособлению, не отказывается от восприятия импульсов иных культурных традиций. Неоевразийство заявляет о себе как «принцип цивилизационной открытости, симфонического диалога и синтеза качественно разных по своей природе культур Востока и Запада». Это не только путь возрождения России, но и глобальный проект, способный заложить основы для будущего созидательного взаимодействия цивилизаций.

Эти размышления о диалоге культур рождались в 1990-е гг. на фоне полемики с двумя нашумевшими в то время концепциями американских ученых — «конфликта цивилизаций» С. Хантингтона и «конца истории» Ф. Фукуямы, возникшими как осмысление новой глобальной культурной реальности, сложившейся после распада СССР и завершения построенного на идеологии советско-американского противоборства. Хантингтон предупредил о возможном расколе человечества по линиям этнокультурных и религиозных границ. Фукуяма, напротив, предположил, что Западу более ничего не угрожает, поскольку все страны и народы теперь сплотятся воедино, выбрав модель демократического общества американского типа. В конце 1990-х спор о «конфликте цивилизаций» и «конце истории» слегка угас, чтобы разгореться с новой силой после терактов 11 сентября 2001 г., обостривших противоречия между Западом и исламским миром, а также вдохновивших американское руководство на меры по насильственной демократизации Ближнего Востока.

На этом фоне особую значимость обретают призывы неоевразийства к религиозной терпимости, взаимному уважению между культурами. По словам М.Л. Титаренко, подлинное евразийство может быть охарактеризовано как диалог культур и дружеское сотрудничество, это «пример синтеза западного рационализма и духовной мудрости Востока», который воспринимает «русскую культуру как синтез Востока и Запада на основе развития собственных самобытных начал» и приоритета духовности. «Система евразийских ценностей, стержнем которых являются духовные ценности христианства, является моделью равноправных отношений различных цивилизаций, признающей их право на существование, развитие и сотрудничество с другими цивилизациями, другими культурами»⁴.

Кажется, что нынешняя Россия очень далека от евразийского идеала — ведь ценности коллективизма, сопереживания и равенства, сохранившиеся в идеологически трансформированном виде в советскую эпоху, были сильно потеснены в ходе общественно-экономических перемен 1990-х гг. Ученый призывает к защите этих ценностей и их адаптации к новым реальностям, указывая в качестве возможного примера на китайский путь сочетания национальной самобытности с освоением иностранной культуры. Этот путь пролегает через четкое разделение собственной цивилизации на материально-инструментальную и духовную сферы. При этом национальные духовные ценности свято оберегаются, их трансформация идет медленно, а защитники национальной культуры действуют сознательно и открыто, не опасаясь упреков в косности и консерватизме.

На этом уровне проблемы международных отношений и межцивилизационного диалога сливаются воедино. Гармоничное взаимодействие со странами Восточной Азии окажется невозможным, если Россия будет пытаться навязывать им чуждые ценности. Напротив, Россия лишь укрепит свою национальную идентичность, если научится восточно-азиатскому опыту ассимиляции иных традиций без ущерба для собственного цивилизационного «стержня».

М.Л. Титаренко глубоко проанализировал проблемы сохранения национальной культурно-цивилизационной традиции в ходе быстрого реформирования общества и его включения в процессы глобализации. Хотя в центре рассмотрения проблемы находится Китай, ученый обращается к проблемам развития региона в целом, полагая, что сформировавшаяся в последние десятилетия «восточно-азиатская модель развития» демонстри-

рует миру наличие альтернативных путей строительства демократии и рыночной экономики, которые не сводятся к копированию западной модели. Азиатский финансовый кризис 1997 г. подтолкнул многих зарубежных исследователей к критике “восточно-азиатской модели развития”. Однако большим заблуждением стала их попытка использовать кризис для полного отрицания “азиатских ценностей”.

М.Л. Титаренко подчеркнул, что в основе по-прежнему перспективной “восточно-азиатской модели” роста лежат устойчивые и позитивные по сути своей духовные ценности. Ученый отметил, что азиатский кризис был обусловлен серьезными ошибками региональных политических и экономических лидеров, в том числе и тех, что неустанно клялись в верности своим национальным ценностям. Однако к их просчетам можно отнести не только недостаточность либерализации экономики и демократизации политики своих стран, на что указывают многие западные исследователи, но и отказ от собственных цивилизационных устоев, сопровождавшийся некритическим и бездумным усвоением западных ценностей общества потребления, подрывающих мобилизующие факторы функционирования экономик азиатских стран.

При анализе будущего Китая и перспектив его взаимодействия с окружающим миром ученый опирался на комплексное рассмотрение адаптивных способностей современной китайской цивилизации с ее многотысячелетними духовными традициями к модернизации и к требованиям индустриального общества. Обсуждая экономические успехи китайских реформ последних двух десятилетий, М.Л. Титаренко отметил глубинный цивилизационный парадокс, связанный с нынешним ростом потенциала Китая. С одной стороны, чаемый Западом переход Китая на позиции западных ценностей способен привести страну к политическому кризису, замедлить ее экономическое развитие и вызвать разрушительный хаос. Последствия этого будут тяжелы не только для самих китайцев, но и для мира в целом. С другой стороны, мощь Китая зачастую воспринимается как угроза стабильности западной цивилизации, что толкает западных политиков к алармизму и разработке программ “сдерживания” Пекина. Не желая того, Запад попадает в ловушку выбора между двумя тупиковыми сценариями, один из которых подчинен стремлению переделать мир по американскому образцу, другой же движим страхом перед чужой мощью, воспринимаемой как враждебная сила. Выход из этой ловушки возможен лишь на основе признания равноправия и многообразия цивилизаций и социально-политических укладов.

М.Л. Титаренко оптимистично оценивает перспективы дальнейшего развития Китая и сохранения его целостности. Он указывает на ряд фундаментальных особенностей китайской традиционной цивилизации, способных помочь преодолеть трудности. Среди них стремление к социальной гармонизации, дух созидательности, этническая однородность населения и высокая этническая сплоченность ханьцев, высокая адаптивность и способность к “перевариванию” иностранного опыта. Ученый подчеркивает, что заимствование китайского опыта в России более не может сводиться к копированию конкретных шагов реформы, время для такого заимствования уже ушло. Для нашей страны куда важнее китайская цивилизационная методология, позволяющая отстаивать и развивать национальную самобытность — сперва «переваривание» достижений мировой цивилизации с учетом собственных традиций и лишь потом их использование.

Более того, по мнению ученого, в нынешнее время стремительно растет роль Китая в мировом развитии, не только в цивилизационном, но и в политическом и экономическом плане. Китай уже занимает второе место по объему валового внутреннего продукта, а в 2013 г. занял первое место в мире по объему внешней торговли. В результате резко возросла роль и ответственность КНР в решении глобальных проблем развития мировой экономики и вопросов безопасности. Китай становится одним из главных двигателей развития мировой экономики и принимает все большее участие в вопросах мировой политики. В этих условиях все более важную роль в формировании

конструктивных подходов к мировым делам должно играть сотрудничество Китая с Россией в создании нового, более справедливого демократического порядка на мировой арене. Как справедливо указал М.Л. Титаренко, «Россия и Китай — две державы — проявляют подлинно инновационный подход к формированию новой архитектуры мира и международной безопасности»⁵.

М.Л. Титаренко с тревогой указывает, что в нынешнем Китае размывается не только официальная партийная идеология, но и традиционные этические ценности трудолюбия и коллективизма. В сочетании с ростом национализма в духовной атмосфере Китая может скопиться взрывоопасная смесь: если экономический подъем прекратится, то китайское общество, привыкшее за четверть века к головокружительному росту, может этого не выдержать. Ученый отмечает две угрозы будущему Китая, и обе они находятся внутри страны. Первое — это «соблазн быстрого обогащения, построения потребительского общества американского образца», недостижимый из-за явной невозможности обеспечить всем китайцам райскую жизнь по заокеанским стандартам на базе имеющихся ограниченных экологических ресурсов. Вторая угроза — «имперский соблазн», реанимация традиционных амбиций китаецентризма и гегемонизма.

Особое внимание М.Л. Титаренко в своих работах уделял проблемам стратегического сотрудничества России на дальневосточном направлении, обращал внимание российской общественности на необходимость уделять внимание восточному вектору российской политики, развитию связей со странами Востока, где растут новые центры экономической силы и политического влияния. Ученым был сделан важный вывод о том, что «российским интересам отвечает сценарий всестороннего взаимодействия, сотрудничества с Китаем»⁶.

Научные интересы М.Л. Титаренко весьма широки. Помимо проблем развития Дальнего Востока России, перспектив российско-китайских отношений и ситуации в самом Китае в сферу деятельности ученого входит и определение места и роли России и Китая в Восточной Азии, включая Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию. В связи с растущей ролью Китая в мире в работах М.Л. Титаренко много внимания уделено проблемам взаимодействия в новых условиях России и Китая в Центральной Азии. В них высказывается необходимость активизации деятельности ШОС не только в политической, но и в экономической и гуманитарной сфере. В центре внимания ученого уже много лет находятся проблемы Корейского полуострова и предлагаются пути их решения.

По инициативе М.Л. Титаренко Институт Дальнего Востока РАН совместно с китайскими и индийскими коллегами организовал постоянно действующий семинар, посвященный научному обсуждению проблем в формате трехстороннего сотрудничества Россия — Индия — Китай (РИК). Возникший позже формат БРИК (РИК плюс Бразилия) «объективно опирался на организационные и концептуальные наработки трехстороннего индийско-российско-китайского взаимодействия (цели, принципы, приоритеты, поэтапное институциональное становление — от неофициальных консультаций к механизму встреч глав МИД и саммитам при параллельном развитии секторального диалога)»⁷.

Ученый провел многосторонний анализ проблем российско-китайского взаимодействия, заключив, что несмотря на различия в путях реформ у России и Китая есть хорошие перспективы для добрососедства. Более того, у обеих стран есть огромный и все еще недостаточно используемый потенциал экономического сотрудничества. М.Л. Титаренко отмечает, что главным побудительным мотивом в активизации российско-китайского стратегического взаимодействия явились изменения на мировой арене и рост противоречий в отношениях с Западом. «К середине 1990-х гг. стало ясно, что вхождение России и Китая в «цивилизованный (в «западном» понимании) мир» не состоялось. И та, и другая держава, с точки зрения Запада, остались его основными потенциальными противниками».

Особое внимание ученый посвятил осмыслению цивилизационной миссии китаеведения (и востоковедения в целом), не только способствующих познанию Китая и Востока, но и “обеспечивающих переход от контактов и диалога к взаимопониманию и равноправному сотрудничеству социумов и их культур”. В мировом масштабе синология превращается в инструмент цивилизационного общения Запада и Китая, при этом “особенностью российского китаеведения является то, что оно проникнуто духом евразийства, подчеркнутого равноправного отношения к Китаю, китайской цивилизации, стремлением к взаимопониманию и взаимообогащению, к симфонической гармонии культур”. М.Л. Титаренко подчеркивает роль востоковедения в изучении «цивилизационных координат» российской культуры и в формировании адекватной политики государства на восточном направлении.

В этом плане решающую роль играет многотомная, многодисциплинарная энциклопедия «Духовная культура Китая», главным редактором которой стал академик М.Л. Титаренко. Энциклопедия замышлялась как научное и, вместе с тем, просветительское издание, способное удовлетворить растущий интерес общества к китайской культуре. Реализация проекта заняла более десяти лет. В издательстве «Восточная литература» РАН было издано шесть томов энциклопедии — «Философия» (2006), «Мифология. Религия» (2007), «Литература. Язык. Письменность» (2008), «История. Политика. Идеология. Право» (2009), «Наука. Технологии. Военная мысль. Медицина. Образование» (2009) и «Архитектура. Каллиграфия. Живопись. Ремесло. Музыка и танец. Театр и кино» (2010). Это солидные книги объемом по 80–90 а.л. с изысканным графическим оформлением в стиле традиционного китайского книгоиздания, качественными цветными иллюстрациями, подробные указатели снабжены иероглифией. Каждый том состоит из трех разделов: общий раздел, куда входят развернутые статьи и очерки по главным проблемам тома; словарный раздел, где в алфавитном порядке размещены статьи о китайских терминах, течениях мысли, персоналиях и произведениях; справочный раздел, куда входят библиография, вспомогательные указатели (имен, терминов, географических названий, понятий, произведений), а также карты и хронологические таблицы.

Энциклопедия «Духовная культура Китая» систематически соединяет знания, накопленные отечественными китаеоведами на протяжении более трех веков, начиная с отца Иакинфа (Н.Я. Бичурин) и архимандрита Палладия (Кафарова), В.П. Васильева, В.М. Алексеева. Аналогичную работу планировали и западные синологи, которые опирались на научные достижения западной науки, начиная с Маттео Риччи, и существенно более устойчивую материальную базу, чем у современного российского китаеведения. Но на этом его направлении российские ученые опередили западных коллег. Большую роль в этом сыграл М.Л. Титаренко, чья целеустремленность, настойчивость и вера в успех во многом передались многочисленному авторскому коллективу. В результате получился поистине эпохальный труд, который объединен едиными терминологическими и стилистическими стандартами. Этот эпохальный труд в 2012 г. по заслугам был удостоен Государственной премии РФ, и академик М.Л. Титаренко как главный редактор и автор многих разделов этой энциклопедии стал ее лауреатом.

Научная и организационная деятельность М.Л. Титаренко получила заслуженное признание российской и международной научной общественности. В 1997 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 2003 г. — действительным членом Российской академии наук, является председателем Научного совета Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН по комплексному изучению проблем современного Китая. Ранее Михаил Леонтьевич был избран академиком Российской академии естественных наук (1994 г.), действительным членом Международной академии информатизации. М.Л. Титаренко — почетный доктор Гаванского института Азии (Республика Куба), почетный доктор Ханьянского (Республика Корея) и Цзилиньского (КНР) университетов, почетный профессор Хэйлуцзянской академии общественных наук (КНР), советник Международ-

ной конфуцианской ассоциации, вице-президент Международной ассоциации по изучению китайской философии (США), член Европейской ассоциации китаеведов.

Академик М.Л. Титаренко является председателем Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии (с 1987 г.), президентом неправительственной организации «Российское общество солидарности и сотрудничества стран Азии и Африки» (с 1987 г.), председателем Общества российско-китайской дружбы (с 1998 г.), членом Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития (1997–2003 гг.), а с 2003 г. — членом Исполнительного совета этого комитета, членом Президиума Российско-японского комитета XXI в. (с 1998 г.), членом Совета неправительственных организаций при Председателе Государственной Думы ФС РФ (с 1998 г.). М.Л. Титаренко уже много лет активно участвует в работе Общества российско-китайской дружбы в качестве его председателя, Ассоциации российско-корейской дружбы в качестве заместителя председателя, Общества российско-японской дружбы, Российского национального комитета по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству, Российского комитета солидарности с народами Азии и Африки, Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития.

Академик М.Л. Титаренко также принимает активное участие в работе Межведомственной комиссии Совета Безопасности по вопросам экономической и политической безопасности. Научного совета МИД РФ, Научного совета при Совете Безопасности РФ, Экономического совета при Президенте РФ, Совета Российского гуманитарного научного фонда.

М.Л. Титаренко — член редколлегии ряда российских и зарубежных китаеведческих и политологических журналов, а также международных научных советов Цзилиньского (Чанчунь, КНР) и Ханьянского (Республика Корея) университетов.

М.Л. Титаренко награжден двумя орденами «Знак почета» (1976 г., 1984 г.), орденом Почета РФ (1999 г.), орденом Республики Корея «За заслуги в дипломатической службе (медаль Хункван)» (2000 г.). В 1995 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки РФ». Он является лауреатом премии Российской академии наук имени Е.В. Тарле (2000 г.). В 2009 г. Указом Президента РФ за большой вклад в развитие науки и многолетнюю плодотворную деятельность Михаил Леонтьевич Титаренко был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством IV степени».

Сердечно желаем Михаилу Леонтьевичу крепкого здоровья, новых творческих свершений, успехов во всех делах и начинаниях и радостного долголетия!

-
1. См.: Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1, ч. 1. С. 181–261.
 2. См.: Древнекитайская философия: собрание текстов. М., 1972. Т. 1. С. 5–77.
 3. См.: *Титаренко М.Л.* Китай: цивилизация и реформы. М., 1999. С. 176.
 4. См.: *Титаренко М.Л.* Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. М., 2003. С. 58.
 5. См.: *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012. С. 16.
 6. Там же. С. 159.
 7. Там же. С. 484.

Древнекитайский философ Мо Ди (V в. до н.э.) о мудром управлении страной. Переводы из книги «Мо-цзы» (свиток 1-й)

© 2014

М. Титаренко

Идеи Мо Ди о мудром управлении страной, об отношении между властью и народом, о роли нравственности и справедливости в политике стали неотъемлемым элементом современной политической культуры Китая.

Ключевые слова: Поднебесная, приближение совершеннамудрых, всеобщая любовь, справедливость, Небо, благодать, талант, управление, бескорыстие, самосовершенствование, пример, мера, человеколюбие.

За последние более чем 30 лет в ходе проведения политики реформ и открытости в Китае произошел настоящий ренессанс в изучении богатого духовного наследия китайского народа. В этом наследии особое место занимают философско-нравственные системы Конфуция и Мо Ди, которые жили в VI и V в. до н.э. Многие идеи стали неотъемлемой частью китайской духовной культуры и сохраняют свое значение по сей день. Особое место среди этих идей занимают системы взглядов, касающиеся гуманного правления: привлечение к управлению одаренных людей — *цзюнь цзы*, пути укрепления доверия между правящими верхами и простым народом, методы утверждения высокой ответственности, знания дела, нравственного управления и искоренения мздоимства и угодничества, создание благоприятных условий для воспитания подрастающих поколений, а также позитивных и достойных примеров для всего населения. Концентрированное и лаконичное изложение этих идей дается в начальных четырех главах книги великого мыслителя Древнего Китая Мо Ди «Мо-цзы» — «Приближение [одаренных] служилых», «О совершенствовании», «Влияние примера», «Подражание образцу».

В моей монографии «Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение» (М., 1985) была предпринята попытка унифицировать подход к оценке состава книги «Мо-цзы».

Дошедшие до нас 53 главы этой книги по стилю, содержанию и предположительному времени написания были разделены мною на шесть групп.

Начальные три главы «Цинь ши» («Приближение служилых»), «Сю шэнь» («О самовоспитании») и «Со жань» («Влияние примера») тогда были расценены мною как позднейшее изложение идей Мо Ди. После длительных раздумий и сравнения содержания глав ныне я пересмотрел свои оценки этих, равно как и других четырех глав 1-го свитка книги «Мо-цзы». Речь идет о главах: «Фа и» («Подражание образцу»), «Ци хуань» («Семь бед»), «Цзы го» («Осуждение крайностей») и «Сань бьянь» («Три доказательства»).

Дело в том, что за годы, прошедшие после выхода моей монографии, в Китае произошел настоящий прорыв в изучении идей Мо Ди и его последователей. По своему размаху он несколько не уступает широкому потоку исследований учения Конфуция и конфуцианства. В родных краях Мо Ди в городе Танчжоу провинции Шаньдун сложился научный Центр исследований учения Мо-цзы и Музей военного искусства и изобретений Мо Ди. Изучение Мо Ди и идей его школы приобрело широчайший размах и глубину. Вышло более 100 фундаментальных работ и переводов на современный китайский язык. Все это побудило меня переработать и дополнить мое исследование с учетом вышедших капитальных исследований. Однако я должен подчеркнуть, что *главные выводы и оценки моего труда*, как показала жизнь, оказались соответствующими оригиналу трудов Мо Ди и его последователей, т.е. они могут быть дополнены и обогащены новыми аргументами, но суть их не меняется.

Вместе с тем более углубленный анализ побудил меня внести некоторые изменения в мои взгляды относительно деления текста книги на разделы, отражающие собственно взгляды учителя Мо Ди и взгляды его последователей более позднего периода. В связи с этим я полагаю, что *первые семь глав являются развернутым проспектом и, возможно, оригинальным текстом, отражающим взгляды самого Мо Ди начального этапа становления его школы. Эти семь глав — развернутый проспект будущих философско-нравственных принципов Мо Ди*, изложенных далее в главах с 8-й по 39-ю (т.е. со 2-го по 9-й свиток) и с 46-й по 50-ю (т.е. с конца 11-го по 13-й свиток). Главы с 52-й по 71-ю (т.е. 14-й и 15-й свитки) — это тоже изложение практических идей и советов Мо Ди по вопросам обороны, изготовлению оборонительных орудий, а также принципов организации обороны городских стен и обеспечения выживания подвергшихся нападению городов. По сути, эти главы являются развернутым практическим приложением к главе «Против нападений». Именно такой точки зрения придерживался мой первый наставник в изучении взглядов Мо Ди и его школы профессор Жэнь Цзюй. Я полностью разделяю его точку зрения в этом вопросе.

Дальнейшее изучение первоисточников побуждает меня внести некоторые уточнения в мой ранний перевод названий некоторых глав.

Как известно, Мо Ди первоначально был среди последователей учения Конфуция. Анализ семи начальных глав книги «Мо-цзы» позволяет утверждать, что Мо Ди, как и Конфуций, исключительное место в своем философско-нравственном учении придавал необходимости сочетать государственную политику, действия правителей с высокими нравственными стандартами. Подобно Конфуцию, он прибегает к ссылкам на многочисленные исторические примеры для обоснования своих призывов к правящей элите — следовать не узколичным и групповым пристрастиям, а проявлять заботу о благополучии «простолюдинов ста фамилий», то есть всего населения. Для этого он предлагал выдвигать талантливых людей вне зависимости от их социального статуса. «Представить правителю одаренного служилого — *ши* в качестве сановника значительно ценнее, чем торжественно преподнести изысканные драгоценности», полагал Мо Ди.

Многие идеи Мо Ди звучат весьма современно и актуально и в современном обществе, когда идет борьба за придание государственной политике высокого нравственного измерения.

Ниже впервые на русском языке публикуется полный перевод этих глав с древнекитайского языка. Предисловие, перевод 4-х глав книги «Мо-цзы» и комментарии подготовлены академиком М.Л. Титаренко.

Глава I. Приближение [одаренных]* служилых¹ («Цинь ши»)

Если, придя к власти, не позаботиться о привлечении одаренных служилых, это равносильно гибели государства. Выявить талант и не поспешить использовать его, значит, оттолкнуть достойных служилых от правителя. Не привлекая талантливых служилых, невозможно получить советы и помощь в решении неотложных дел. Без привлечения одаренных служилых невозможно выработать долговременные расчеты благоденствия страны.

Никогда еще не было, чтобы желание длительного благополучия страны [сочеталось] с пренебрежением к талантливым служилым, забвением об их привлечении [к управлению].

В былые времена князь Вэнь² вынужден был бежать в другое царство, однако потом он [вернул себе трон] и возглавил союз царств в Поднебесной; князь Хуань³ тоже бежал за границу, однако впоследствии стал предводителем правителей уделов; Гоу Цзянь⁴ — правитель удела Юэ, подвергся оскорблениям и унижениям со стороны правителя удела У, однако впоследствии он смог стать величественным совершенным правителем Срединного царства. Эти три деятеля добились успеха и славы в Поднебесной прежде всего потому, что они смогли вынести крайние унижения, которым они подвергались первоначально в своих царствах. Высшие доблести не могут быть повержены, но второстепенные — ниспровергаются. Однако есть способ добиться успеха — и он называется умением использовать [одаренных] людей.

Приходилось слышать [о том, что порождает неудачи]. Это случалось отнюдь не из-за отсутствия удобного и уютного жилища, но из-за отсутствия крупницы стойкости в сердце; отнюдь не из-за недостатка богатств, но из-за отсутствия полноты осознания сердцем возникших проблем. Поэтому совершенный муж (*цзюнь цзы*)⁵ трудные дела возлагает на себя, а на своих подчиненных и других людей возлагает лишь более легкие дела. Люди же из толпы предпочитают оставлять для себя более легкие дела и возлагают на других самое тяжелое бремя. Совершенный муж, занимая тот или иной властный пост, не позволяет себе отступать от вышеизложенного принципа в подходе к делам. Выполняя службу, он глубоко проникает в суть дел и даже в разных, самых простых, рутинных заботах простолюдинов он от начала и до конца не допускает в сердце небрежения или неприятия. И это потому, что совершенный муж обладает верой в свои силы. Следовательно, возлагая на себя самые трудные дела, совершенный муж тем самым достигает поставленной цели. Поэтому не приходилось слышать, чтобы кто-то смог избежать неудачи, берясь лишь за желаемые и благоприятные дела.

Облеченный властью сановник может навредить правителю страны. Лыстец и прилипала, занимая даже невысокий пост, может принести вред верхам. Правитель обязан уметь проверять и наставлять сановников. Вышестоящий непременно должен прямо говорить о своих требованиях нижестоящим чиновникам. Если властитель и исполнители обсуждают и многократно обдумывают возникающие задачи и дела в стране, взаимно наставляют и увещевают друг друга, то такая страна будет долго процветать. Если же ни-

* «Цинь ши» — «Приближение [одаренных] служилых» — первая глава 1-го свитка книги «Мо-цзы». Относительно ее авторства среди исследователей нет единого мнения. Одни полагают, что начальные семь глав этой книги представляют собой запись (возможно, авторскую) тематических поучений основоположника школы — Мо Ди. Изложение в ней ведется от первого лица, нет привычного для последующих глав патетического вступительного рефрена «Учитель учителей Мо, говоря, изрек...» (*Цзы Мо-цзы янь юэ...*). По мнению других исследователей, четкая логика и высокохудожественный стиль текста являются продуктом более поздней попытки краткого изложения утилитарных принципов управления страной на основе 10 принципов учения Мо Ди: почитание совершенномудрых, почитание единства, всеобщая любовь, против нападения, за экономю в расходах, за экономю при захоронениях, против роскоши, против музыки, против судьбы, против конфуцианцев.

жестоящие сановники озабочены лишь сохранением своих постов и щедрого жалования, но не проверяют и не наставляют [исполнителей], а окружающие правителя сановники безучастно безмолвствуют, и находящиеся вдали от правителя сановники тоже не открывают рта, тогда отчуждение и неприязнь проникает в сердца массы простолудинов — носителей ста фамилий, а льстецы, окружающие правителя, очерняют и отбрасывают хорошие предложения и идеи. Так наступает угроза существованию страны!

Разве не потому в эпоху Ся правитель Цзе⁶, в эпоху Шан правитель Чжоу⁷ утратили власть над Поднебесной, лишили себя [поддержки] достойных служилых, казнили совершенномудрых служилых Би Ганя и Мэй Бэня. Поэтому утверждаю: представление правителю талантливого служилого намного ценнее, чем торжественное подношение ему изысканных драгоценностей.

Вот пять штук разных шил. Одно из них самое острое, но именно оно непременно прежде всех переломится. Вот пять ножей. Один из них самый заточенный и острый, но именно этот нож прежде других затупится. Так же и колодец с прекрасным источником прежде всего будет исчерпан и иссушен, а самое большое и прямоствольное дерево будет прежде всего срублено, лучший священный черепаший панцирь прежде всего будет подвергнут обжигу⁸, священная змея будет прежде всего выставлена сохнуть на солнце⁹. Поэтому утверждаю, что Би Гань погиб, так как он проявил твердость, прямоту и непреклонность. Мэнь Бэнь был казнен, так как он в храбрости и силе превосходил других¹⁰, Си Ши была утоплена [завистниками], так как была безмерно красивой¹¹. У Ци был раздавлен позвоночником, так как проводил реформы¹². Мало кто из людей этого типа умирают своей смертью. Поэтому утверждаю: высшее совершенство трудно сохранить в своей полноте!

Из вышеизложенного следует, что если у власти стоит доблестный и мудрый правитель, то он также не любит бесталанных сановников. Хотя он добрый отец, но он не любит непутового сына, который не может успешно довести до конца дела, но занимает [высокий] пост. Не соответствуя этому посту и не выполняя надлежащие посту дела, но получая жалование в соответствии с занимаемым местом. Этот [бесталанный человек] не должен [занимать этот пост] и получать это высокое жалование.

Да! Хороший лук трудно натянуть, но стрела летит далеко и глубоко пронзает цель. Хорошую лошадь трудно объездить, однако на ней можно далеко отвезти тяжелую поклажу. Большим талантом трудно управлять, но правитель, имеющий в своем распоряжении такой талант, получает высокое преимущество. Как и большая река не брезгует небольшими ручейками и притоками, которые делают ее полноводной, так и совершенномудрый, столкнувшись с вызовом, не избегает ответственности, но смело берется за дело. Поэтому он становится героем в управлении и решении трудных дел в Поднебесной. Исток большой реки отнюдь не один, а лисья шуба не шьется из одной шкурки лисы. Какой умный человек отвергнет поддержку человека, следующего тому же истинному пути-Дао, но привлечет человека, слепо следующего его прихотям? Ведь такие поступки противны установлениям совершенных правителей о всеобщей любви в Поднебесной.

Разве есть [совершенные] люди, которые избегают привлекать тех, кто придерживается одинаковых взглядов о пути-Дао, но объединяются с людьми, имеющими сходные корыстные побуждения?

Ведь так! Свет благодати не всегда царит между Небом и Землей! Речной поток не всегда могуч. Большой огонь не всегда всеобъемлющ. Добродетельное правление также не может быть всеохватывающе совершенным. Если сановник, управляющий тысячью человек, подобен [погнутой] стреле, напоминающей вогнутую поверхность точильного камня, то он не сможет сохранить порядок десяти тысяч вещей. Это подобно и тому, как быстро иссыкает узенький ручеек, как легко запрудить мелкую речку. На каменистой, бедной земле нельзя получить обильный урожай пяти злаков. Если щедрые благодетельные совершенного правителя ограничиваются лишь высшими сановниками, то они не могут разлиться по всей стране.

Глава II. О самовоспитании («Сю шэнь»)*

Мудрый правитель, руководя сражением, конечно, должен обращать внимание на боевой порядок войск, но самым главным является их боевой дух. Проводя церемонию похорон, полагается соблюдать определенные правила ритуала, однако самым главным является выражение сердечной скорби. Для чиновника, разумеется, важно обладать знанием своего дела, однако соблюдение нравственных норм в поступках является самым важным. Поэтому если корни [древя] непрочны, то трудно говорить о пышности его кроны. Если не можешь сделать друзьями находящихся рядом, то стоит ли говорить о приближении людей издалека. Если некто даже о своих родных не заботится, то стоит ли говорить о том, что он будет заботиться о чужих людях? Если человек начал какое-то одно дело, но, не закончив, бросил его, то можно ли поручать ему много дел? Если [человек] берет некую вещь и не стремится узнать, что это такое, то разве можно говорить о широте его познаний? Вот почему прежние мудрые правители, управляя Поднебесной, непременно четко присматривались к своему окружению и способности его приближать людей издалека.

Мудрый правитель, пристально наблюдая за своим окружением, которое следует его примеру, совершенствуется в делах. Если мудрый правитель не совершенствует своих нравственных достоинств, о нем злословят и распространяют сплетни. то он должен образумиться, строго осмыслить свои действия. Благодаря этому добродетель правителя возвысится и станет меньше вражды, и раскаяний. Не следует прислушиваться к клевете и наветам, не надо своевольно нападать на других, опровергать их слова. Следуя этим путем, мудрый правитель непрерывно самоукрепляется. его устремления и влияние с каждым днем растут и его самосовершенствование с каждым днем все более возвышается.

Путь-Дао мудрого правителя таков: в бедности быть скромным и совестливым, в богатстве быть справедливым, в отношении новорожденных проявлять нежную любовь, в отношении умерших — искреннюю скорбь. Эти четыре качества нельзя выражать ложно и неискренне, [нужно] постоянно контролировать себя. В сердце должна сохраняться безграничная доброта, движения тела должны выражать несравненную щедрость и уважение, речи не должны содержать слов и оборотов, не соответствующих образцам совершенных правителей прежних времен. Человеколюбие и любовь самопроизвольно пронизывают сердце, все члены и все тело всю жизнь, вплоть до поседения волос и образования лысины. Но [мудрый правитель] не должен ослаблять своих усилий. Так может поступить, наверное, только совершенномудрый человек!¹³

Человек, не обладающий твердой волей, не умен, а его слова не внушают доверия, не имеют применения, а действия — бесплодны. Если такой человек богат, но не делится с людьми, то едва ли кто будет дружить с ним. Человек, устремления которого неустойчивы, представления о делах и истории не широки, а в споре он не способен отделить истину ото лжи, едва ли стоит того, чтобы вести с ним глубокие беседы. Если корни дерева непрочны, то и ветви кроны не смогут удержаться. Так и человек. если даже он обладает храбростью, но пренебрегает нравственным совершенствованием, непременно, обленившись, опустится. Не может быть чистым течение реки с грязными и протухшими истоками. Человек, слова и поступки которого не вызывают доверия и не имеют применения, неизбежно получит дурную известность. Известность не возникает беспричинно,

* Глава «Сю шэнь» — «О самовоспитании» по своему содержанию конкретизирует принципы главы «О приближении [одаренных] служилых», раскрывая пути воспитания и критерии отбора совершенномудрых людей. Мо Ди настаивал на придании принципам управления государством нравственного измерения. Для этого, полагал Мо Ди, правитель страны должен прежде всего сам обладать высокими нравственными качествами, постоянно самосовершенствоваться, руководствуясь примером совершенномудрых правителей прошлых эпох, таких, как Тан, Юй и Вэнь, которые на первое место ставили благоденствие всех жителей Поднебесной.

слава также не растет на пустом месте. Заслуги и успех, естественно, прославляются. Но слава не может возникнуть из пустых слов. Лишь постоянное совершенствование нравственных достоинств и свершение добрых дел рождают славу.

Если слов много, а дел мало, то даже самые красивые слова люди не желают слушать. Если быть старательным в делах, но непрестанно самовозвеличиваться, то и в этом случае, несмотря на все усердие, не обязательно добьешься признания и славы. Умный человек имеет внутренний расчет и не занимается самовозвеличиванием. Он старателен в делах, но не раздувает своих заслуг. Только так утверждается славное имя в Поднебесной. Чтобы добиться мудрости, не нужно многословия и не обязательно изощренные речи, но требуется пронизательный ум.

Если уж нет мудрости, то трудно обладать пронизательным умом, а если к этому добавить и лень, то это в корне несовместимо с исполнением дел служения. Если добродетель не пронизывает сердце, то невозможно долго сохранять славное имя. Известности добиться нелегко, а славы тем более невозможно достичь хитростью.

У мудрого правителя и [совершенного мужа] слова и дела находятся в полном единстве. Не доводилось слышать, чтобы некто, лишь стремясь достичь личной выгоды, пренебрегая праведными путями добродетели, мог добиться славы совершенномуудрого человека в Поднебесной.

Глава III. Влияние примера («Со жань»)*

Учитель Мо-цзы посмотрел, как окрашивают шелковые нити и, вздохнув, сказал: «Окрашивают синим [красителем] — получают нити синего цвета. Окрашивают желтым [красителем] — получают нити желтого цвета. В какой краситель погружают, такой цвет приобретают нити. Если в пять разных красителей погрузить шелковые нити, они приобретут цвета, соответствующие цветам красителя. Поэтому при окраске шелковых нитей нельзя не проявлять осторожности [чтобы не спутать цвета]».

И такое происходит не только при окраске шелковых нитей, правители царств тоже «окрашиваются». Правитель Шунь «окрасился» под влиянием Сю Юйя, Бо Яна¹⁴. Правитель Юй — под влиянием Гао Яо и Бо И¹⁵, правитель Тан — под влиянием И Ина и Чжун Хуая¹⁶, [правитель] У испытал влияние князя Тайя и князя Чжоу¹⁷. Эта «окраска» четырех [совершенных] правителей была весьма достойной, поэтому они правили Поднебесной и приобрели статус «Тянь цзы» — Сына Неба¹⁸ и заслуженную славу в Поднебесной.

Каждый, кто пожелает назвать выдающегося человека в Поднебесной, прославившегося человеколюбием и справедливостью, тот непременно назовет имена этих четырех совершенных правителей.

В эпоху Ся был правитель Цзе, который «окрасился» дурным влиянием Гань Си-ня и Туй Чи¹⁹. В эпоху Инь правитель Чжоу следовал [недостойным] примерам Чун Хоу и У Лая²⁰. [Чжоусский] правитель Ли испытал дурное влияние своего высшего сановника Чан Фу и жестокого Жун Ичжуна²¹.

Чжоусский правитель Ю оказался под [недобрым] влиянием князя И из удела Фу и князя Гу из удела Цай²². Эти четыре правителя [испытали дурное влияние] и получили недостойную «окраску», поэтому их государства погибли и сами они кончили позором. Их презирают в

Поднебесной. Если нужно привести пример презираемого в Поднебесной [жестокое и распутное] правителя, то непременно называют эти четыре недостойных имени.

* «Со жань» — буквально «То, что окрашивается». В этой главе Мо Ди убедительно показывает, что подобно тому, как белые нити шелка приобретают цвет красителя, в какой они погружаются, так и человек под влиянием социальной среды, хорошего или дурного примера «окрашивается» теми нравственными чертами, которые присущи окружающим. Поэтому перевод дается по смыслу: «Влияние примера».

Правитель удела Ци князь Хуан испытал глубокое благое влияние Гуань Чжуна и Бао Шуя²³; правитель удела Цзинь князь Вэнь оказался под влиянием Цзю Фаня и Гао Яня²⁴; Чжуан — правитель удела Чу следовал примерам сановников Сунь Шу и Шэнь Иня²⁵; правитель удела У Хэ Лю испытал влияние У Юаня и Вэнь И²⁶. Правитель удела Юэ Гоу Цзянь следовал достойным примерам Фань Ли и сановника Чжуна²⁷. Эти пять мудрых правителей следовали достойным примерам, поэтому они стали гегемонами среды правителей уделов в Поднебесной и прославились своими заслугами в последующие времена...

Фань Цзин «окрасился» влиянием Чжан Люшо и Ван Шэна²⁸. Чжун Хань Ин «окрасился» влиянием Цзи Цина и Гао Цяня²⁹. Сановник Фу Чай из удела У испытал влияние Ван Суньло и главного министра Пи³⁰.

Далее в оригинале приводится текст, который носит чисто иллюстративный характер, не добавляя никаких новых идей, но его перевод требует комментариев, которые в три раза превышают текст оригинала. С учетом вышеизложенных соображений эта часть текста нами не приводится. В опущенной части текста называются имена шести недостойных сановников при правителях разных уделов, которые предпочитали любовь к собственной персоне любви к стране, которой должны были служить. Эти сановники, не зная главного, выбрали недостойные примеры для подражания, поэтому «окрасились» в дурной цвет...

[Как говорилось], «окрашиваются» не только страны, испытывая хорошее или плохое влияние, то же происходит и со служилыми людьми. Если их друзья человеколюбивы и справедливы, честны, правдивы, осмотрительны, избегают нарушать правила и исполняют приказы, то их семьи день ото дня благоденствуют, они сами пребывают каждый день в спокойствии и безопасности, их репутация растет с каждым днем, их служба при правителе идет правильным путем. Примером этому были Дуань Ганьму, Цинь-цзы и Фу Юэ, а также другие подобные люди³¹. Наоборот, если друзья ведут себя высокомерно, самодовольно, принимают грозный вид, будоражат и подстрекают людей, создают клики ради достижения корыстных целей, то их семьи будут день ото дня приходить в упадок и сами они окажутся однажды в опасности, их имя быстро утратит былую известность, а служба утратит правильный путь. Как пример подобных людей назову Цзы Си, И Я и Шу Дао³². Как сказано в «Каноне стихов»: «Необходимо выбирать достойное, необходимо [быть] осмотрительным при оценке того, что достойно»³³. Такова житейская мудрость.

Глава IV. Подражание образцу («Фа и»)*

Учитель Мо сказал: «Любое дело в Поднебесной люди делают, пользуясь мериллом, [следуя правилам] или подражая образцу».

Ни мастера любых ремесел, ни мудрые служилые в государственных делах не могут успешно завершить свои дела в ремеслах или по службе во власти, если они или не подражают образцу, или не следуют правилам, или не используют в работе мерило. Ремесленник, рисуя эскиз изделия, использует в качестве мерилла угольник и циркуль для рисования квадратных и круглых форм, проводя прямые линии, использует линейки, отвес и тушь, для взвешивания использует безмен, для измерения жидкостей использует в качестве мерилла различные сосуды.

Не важно, искусный мастер или начинающий подмастерье — все они используют мерилла или образцы в работе в соответствии с видом работы и формой предметов, подлежащих измерению. Искусный мастер умело использует подходящие инструменты, будь то

* Оба иероглифа, которыми названа эта глава, весьма многозначны, и Мо Ди употребляет их во всех главных смыслах: норма, критерий, пример, кодекс, мерило, правила, измеритель, образец, порядок, закон.

угольник, циркуль, шнур, отвес или сосуд для измерения жидкости. Малоопытный подмастерье, хотя и не очень умело, но также использует эти инструменты и следует установленным правилам. Умение подражать образцу и соблюдать правила работы — это мерило определения уровня мастерства ремесленника. Поэтому в любом ремесле имеются измерительные приборы, правила и образцы, которые можно использовать в работе.

И потому, прежде всего, коснемся больших дел по управлению Поднебесной, затем перейдем к делам по управлению уделами (царствами) Поднебесной. Наоборот, здесь нет ясных правил, образцов и измерительных приборов. Наоборот, здесь положение не столь разумно, как в ремеслах.

Стало быть, какие же правила, или кодексы, или образцы следует применить для управления Поднебесной и уделами? Что если попробовать следовать правилам и примеру своих родителей? Но ведь в Поднебесной отцов и матерей очень много, но человеколюбивых среди них мало. Если бы следовали правилам и примеру своих родителей, то ведь этот критерий не соответствует норме человеколюбия! Критерий, не соответствующий норме человеколюбия, нельзя считать мерилом. А что если попробовать взять в качестве образца своих учителей и начальников? Но ведь учителей и начальников в Поднебесной также очень много, но придерживающихся человеколюбия и всеобщей любви слишком мало. Следовательно, если во всем следовать примеру учителей и начальников, то это значит следовать нечелолюбивым образцам. А подлинный критерий не может быть нечелолюбивым, следовательно, этот критерий не может быть принят за норму и образец для подражания.

А что если попробовать сделать критерием управления действия правителя страны? Правителей уделов в Поднебесной много, однако, следующим критериям человеколюбия и всеобщей любви мало. Если бы был взят за образец этот критерий, то он не соответствует человеколюбию, следовательно, не может быть образцом. Итак, все перечисленные примеры — родители, учителя и начальники, а также правители стран не могут служить образцом человеколюбивого и мудрого управления.

Таким образом, что же следует принять за образец для подражания при управлении страной? Отвечаю: нет более совершенного образца, чем Небо³⁴. Поступки Неба добродетельны, великодушны и бескорыстны. Оно преподносит людям щедрые и обильные благодеяния и милости, но не ждет воздаяния и прославления своих заслуг. Сияние Неба долговечно и неистощимо. Поэтому совершенномудрые правители прошлого брали именно Небо в качестве образца и примера. Раз уж взяли Небо в качестве образца, то любые действия и поступки должны соответствовать и соизмеряться небесными смыслами и желаниями.

[Следовательно] то, что соответствует образцам действия Неба, то следует делать, а то, что противно этим образцам, не делать. А что же соответствует небесным замыслам и образцам поведения и что не соответствует? Совершенно очевидно, что высшее Небо желает, чтобы люди [подобно ему] питали взаимную любовь друг к другу и приносили друг другу взаимную пользу. Тогда как взаимная ненависть, вражда между людьми противны Небу. Откуда известно, что отношения взаимной любви и взаимной выгоды желанны высокому Небу, а взаимная ненависть и вражда противны ему? Это очевидно из деяний Неба, которое изливает на людей всеобщую взаимную любовь и взаимную выгоду. Это видно из того, что Небо обнимает и охватывает все человечество и каждому человеку преподносит свои благодеяния в виде еды и одежды!

Ныне в Поднебесной как большие, так и малые страны — все объята Небом как его уделы. И люди, как взрослые, так и дети, как высокородные и знатные, так и простолюдины — все соратники высокого Неба. Поэтому среди людей нет не возвращающих скот — волов, овец, свиней и собак, не готовящих чистое вино для возлияния и жертвенное зерно в сосуде почтительной церемонии поклонения высокому Небу. Разве это не очевидное и ясное свидетельство того, что высокое Небо обнимает все человечество и

преподносит каждому человеку необходимое? Если уж высокое Небо обнимает все человечество и преподносит каждому необходимое, то почему нельзя утверждать, что высокое Небо желает, чтобы люди следовали взаимной любви и приносили взаимную выгоду друг другу?

Итак, отвечаю: человека, питающего к людям любовь и приносящего им выгоду, высокое Небо непременно вознаграждает счастьем, а человека, питающего злобу и ненависть к людям, высокое Небо непременно карает. Поэтому утверждаю, что человек, наносящий вред невинным людям, непременно подвергается небесной каре. На чем основывается утверждение, что наносящий вред людям непременно будет наказан Небом? Это следует из знания о том, что Небо желает, чтобы люди питали взаимную любовь и приносили друг другу пользу, но не желает, чтобы люди вредили друг другу и питали взаимную вражду и ненависть.

Совершенномудрые правители прошлых эпох Ся Юй, Шан Тан, Чжоу Вэньван, Чжоу Уван³⁵ — все они любили и заботились обо всех людях Поднебесной, возглавляли их в проведении церемоний поклонения высокому Небу и почитания духов. Они приносили людям много пользы, поэтому Небо вознаграждало их счастьем и благоденствием, возводило их в сан Сына Неба, правители уделов в Поднебесной — все почитали их.

Жестокие правители прошлых эпох — Ся Цзе, Шан Чжоу, Чжоу Ю, Ли³⁶ творили зло, казнили множество людей и принесли всем людям Поднебесной множество бед и горя, они клеветали на высокое Небо, оскорбляли духов. Они принесли беды многим людям, поэтому высокое Небо покарало их, они лишились власти в своих странах и получили позорную смерть и проклятье жителей Поднебесной. Дети и внуки последующих эпох — все проклинали их, и эти проклятья не прекратились вплоть до нынешних времен. Поэтому Цзе, Чжоу, Ю, Ли и подобные им люди — все они делали злые дела и подверглись небесной каре. И, наоборот, Юй, Тан, Вэньван, Уван и подобные им люди, которые любили людей и приносили людям пользу — все они были осчастливлены судьбой. Таким образом, существуют примеры и образцы правителей, которые любили людей и приносили пользу Поднебесной. Высокое Небо осчастливило их. Также существуют примеры жестоких правителей, которые чинили зло и беды Поднебесной, и Небо покарало их.

1. Служилые (±) *ши* — прослойка просвещенных интеллектуалов, сложившаяся в древнекитайских царствах на грани эпохи Чуньцю (Весны и Осени) (770–476 гг. до н.э.) и эпохи Воюющих царств, или Чжаньго (475–221 гг. до н.э.) из выходцев из аристократических и знатных семейств. Часто служилые происходили из рядов свободных торговцев и ремесленников крупных городов — центров вновь складывающихся государств. Из числа *ши* — служилых рекрутировался государственный аппарат нарождающихся царств, складывалась иерархическая структура свиты правителей. Деловые и нравственные качества сановников и чиновников этой свиты оказывали большое влияние на качества управления и внутреннюю стабильность молодых государств.
2. Князь Вэнь (гун) — правитель удела Цзинь эпохи Весны и Осени, (на троне правил в 636–628 гг. до н.э.). Собственное имя Чжун Эр. Опасаясь расправы со стороны отца, Чжун Эр бежал за границу, где находился 19 лет. Затем с помощью правителя царства Цинь вернулся на родину и занял трон. Отличался умелым использованием талантливых сановников. Впоследствии стал одним из пяти гегемонов в Поднебесной.
3. Князь Хуань Ци — правитель удела Ци. Его собственное имя Цзянь Сяобай (правил в 685–643 гг. до н.э.). Когда его младший брат захватил трон и начал казнить своих возможных противников, Цзянь Сяобай бежал в соседнее царство. Жестокое правление брата привело, в конечном счете, к его казни. Цзянь Сяобай вернулся и правил под именем князя Хуаня и стал историческим примером добродетельного правления.
4. Гоу Цзянь — князь, правитель удела Юэ (497–465 гг. до н.э.) был взят в плен правителем удела У, который подвергал его пыткам, которые Гоу Цзянь мужественно принял. Впоследствии Гоу Цзянь привлек к себе многих выдающихся политиков и дипломатов, которые помогли ему воз-

- родить царство Юэ, а затем разбить и уничтожить царство У и казнить его правителя. Гоу Цзянь считается в Китае классическим примером умелого превращения неудачи в стимул для собирания силы, самоусиления, извлечения уроков из поражения и достижения, в конечном счете, полной победы.
5. Цзюнь-цзы — в конфуцианской и моистской традиции совершенный муж, обладающий незаурядными талантами в политических делах, высокими нравственными качествами и добродетельным, гуманным отношением к людям, верностью долгу и приверженностью справедливости. Правители, следующие принципам добродетельного правления, именуются «го цзюнь» — совершенными государственными мужами.
 6. Цзе — последний правитель династии Ся (XXI-XVI вв. до н.э.) по преданию отличался крайней жестокостью и распутством. Был свергнут с трона добродетельным правителем Таном, основателем династии Шан. Умер в изгнании.
 7. Чжоу — последний правитель династии Шан (XVI-XI вв. до н.э.). Традиция относит Чжоу к числу жестоких и безнравственных правителей. Был разбит мудрым правителем У, основателем новой династии Западная Чжоу (XI в. до н.э. — 771 г. до н.э.). Чжоу покончил жизнь самоубийством.
 8. В древнем Китае существовало поверье: если бросить в огонь панцирь черепахи, на нем появятся трещины — священные знаки, похожие на иероглифы. Дешифровка этих знаков специально обученными людьми рассматривалась как предсказание судьбы правителям и их царствам.
 9. Древние мистические образы предписывали в целях вымаливания дождей во время засухи вывешивать сохнуть на солнце убитую змею как символ дракона. Это, по поверью, побудит дракона ниспослать дождь.
 10. Би Гань (XII в. до н.э.) — мудрый министр при жестоком и распутном князе Чжоу династии Шан (XII в. до н.э.). Пытался увещевать правителя, но был казнен. Мэнь Бэнь — богатырь из удела Ци. Он отличался огромной физической силой. По преданию, «мог вырвать рога у буйвола». Его сила вызвала зависть у правителя Чжоу, который приказал его казнить.
 11. Си Ши — легендарная красавица из удела Юэ. По преданию, мудрый правитель удела Юэ Гоу Цзянь преподнес ее в качестве дани правителю удела У князю Фу Ча, который был столь очарован ее красотой, что забросил все государственные дела, что привело к упадку и гибели удела. Си Ши была утоплена после гибели князя и его страны.
 12. У Ци — знаменитый военный деятель и стратег эпохи Чжаньго (Воюющих царств). Будучи высшим сановником при правителе удела или царства Чу, провел ряд крупных реформ, благодаря чему Чу стало процветать. Однако зависть других влиятельных сановников, окружавших чжуского князя Дао, привело после смерти князя к его гибели в 381 г. до н.э. Этот пример, вероятно, является более поздней вставкой учеников Мо-цзы в первоначальный текст, сделанный с целью своеобразной «актуализации текста».
 13. Цзюнь цзы — «благородный человек» или «совершенный муж». Это нравственный критерий человека, обладающего выдающимися деловыми и нравственными качествами. Критерий «цзюнь цзы» является общим понятием и в учении Конфуция, и в учении Мо Ди. Это как раз один из доводов, подтверждающих сведения о том, что в молодости Мо Ди был учеником Конфуция или его учеников. Однако социальное содержание понятия «совершенный муж» (цзюнь цзы) в конфуцианстве и у моистов серьезно различается. У Конфуция «цзюнь цзы» имеет двоякий смысл. Прежде всего — это синоним и эвфемизм правителя страны, т.е. человека аристократически высококордного. Нравственные характеристики в этом случае отходят на второй план. Вместе с тем, выходцы из знатных аристократических родов, отличившиеся добродетельными делами, тоже называются «цзюнь цзы» — «совершенным мужем», «благородным мужем». У Мо Ди термин «цзюнь цзы» несет прежде всего нравственную нагрузку. «Цзюнь цзы» не просто «благородный муж» с точки зрения его родовитости, а в первую очередь высоконравственный, совершенный человек, мудрый и добродетельный муж, обладающий знаниями и высокими моральными качествами. У Мо Ди и его последователей термин «цзюнь цзы» точнее переводить как «совершенный человек». В тех случаях, когда термин употребляется как синоним правителя страны, видимо, целесообразно его переводить словами «мудрый правитель». Именно такой смысл вкладывает Мо Ди в этот термин в главе «О самовоспитании», или «О самосовершенствовании».
 14. Шунь — легендарный правитель, вождь племени древних китайцев, живших в бассейне Желтой реки в середине XXIII в. до н.э., преемник легендарного правителя Яо. По преданию, среди

- семи его близких друзей были совершенномудрые советники. Согласно свидетельству Сыма Цяня, правитель Яо первоначально хотел передать престол в Поднебесной Сю Юю, но тот отказался от этой чести и удалился в горы, став отшельником. Бо Ян был близким другом правителя, одним из семи сподвижников Шуя.
15. Юй — основатель династии Ся. Шунь поручал ему миссию борьбы с наводнением, что стало великой заслугой Юя. Впоследствии стал преемником Шуя и основателем династии Ся. Гао Яо при правителе Шуне возглавлял судебную палату. Юй хотел передать ему престол, но он вскоре умер, не успев этого сделать. Бо И также был одним из друзей Шуя и возглавлял палату скотоводства и охоты. Был близким помощником Юя в борьбе с наводнением. Также входил в число преемников Юя.
 16. Тан — основатель династии Шан (XVI—XI вв. до н.э.). Китайская традиционная историография относит его вместе с Яо, Шунем и Юем к числу четырех совершенномудрых правителей древнего Китая. И Ин первоначально был рабом, полученным в качестве приданого женой правителя Тана. Впоследствии стал высшим сановником и советником правителя. Чжун Хуай был совершенномудрым служилым при правителе.
 17. У — «Вонистенный» — правитель с таким именем был сыном правителя Вэня, стал вместе с отцом основателем новой династии Западного Чжоу XII в. до н.э., которая сменила династию Шан. Князь Тан на склоне лет встретился с правителем Вэнем и помог ему сместить распутного правителя династии Шан. За эти заслуги получил в награду удел Ци, впоследствии одно из самых развитых и процветающих государств периодов Чуньцю (Весны и Осени) и Чжаньго — Воюющих царств. Князь Чжоу, имя Дань, — один из самых знаменитых совершенномудрых правителей, считается основоположником политической культуры Китая. Для Конфуция — это самый почитаемый и образцовый пример высшего советника правителя страны. Чжоу Дань был младшим братом правителя У, помог ему уничтожить династию Шан. После смерти правителя У стал регентом при малолетнем правителе Чэне. Отверг предложения занять трон и внес большой вклад в укрепление власти династии Чжоу и объединение уделов Поднебесной в мощное единое государство.
 18. Тянь цзы — «Сын Неба» — верховный правитель, синоним императора. Согласно традиционным представлениям, получил мандат на правление от Неба и сам почитался как Сын Неба.
 19. Цзе — последний правитель династии Ся (1818–1763 гг. до н.э.) вошел в историю как классический пример жестокого, беспутного правителя. Гань Синь был приближенным правителя Цзе, по преданию отличался лживым и лживым характером, был крайне жестоким в отношении нижестоящих. Туй До, по другим версиям, Туй Чи или Туй И — высший сановник при правителе Цзе, отличался крайней жестокостью и безнравственным поведением.
 20. Чжоу — последний правитель династии Инь, которого наряду с правителями Цзе, Ли и Ю традиционная историография относит к числу самых жестоких и беспутных правителей древнего Китая. Чун Хоу и У Лай — высшие сановники при Чжоу. Характеризуются как льстецы.
 21. Ли (IX в. до н.э.) — правитель-тиран эпохи Западного Чжоу; был свергнут восставшим населением, умер в изгнании. Чан Фу и Жун Ичжун — пособники Ли в жестоком управлении страной.
 22. Ю (правил в 781–771 гг. до н.э.) — жестокий правитель-тиран эпохи Западного Чжоу, последний правитель этой династии. Князь И, князь Гу — высшие удельные сановники при Юе.
 23. Князь Ци Хуан (685–643 гг. до н.э.), его правление в уделе Ци было периодом расцвета. Советником князя Ци Хуана был знаменитый мудрец, основоположник экономической и юридической мысли в Китае Гуань Чжун (умер в 645 г. до н.э.). Известен в России под именем Гуань цзы. Бао Шуй — друг Гуань Чжуна, который представил его князю Ци Хуану. Бао стал министром (да фу, высший сановник второй ступени по рангу). Китайская историография относит Гуань Чжуна и его сподвижника Бао Шуй к числу добродетельных совершенномудрых сановников, служилых.
 24. Князь Цзинь Вэнь (правил в 635–628 гг. до н.э.) в ходе междоусобной войны за власть вынужден был бежать в соседний удел вместе со своим верным советником Цзю Фанем, который помог князю через 19 лет изгнания вернуть власть в уделе Цзинь и добиться процветания в стране. Гао Янь был мудрым советником, занимал пост министра (да фу) в уделе Цзинь при правителе Вэне.
 25. Князь Чу Чжуан (правил в 631–591 гг. до н.э.) — один из пяти гегемонов периода Чуньцю (722–551 гг. до н.э.). Сунь Шу и Шэнь Инь — высшие сановники при Чу Чжуане. А Сунь Шу был главным министром при Чу Чжуане и его учителем. Шэнь Инь имел пост министра (да фу).

26. Лю — правитель удела У (правил в 514—496 гг. до н.э.). Позднее получил имя князя Гуана. У Юань, он же У Цзысю, выходец из удела Чу. В уделе У занимал пост министра (да фу). Помог правителю упорядочить управление в стране. Вэнь И, он же Вэнь Чжин, также был да фу — министром удела У.
27. Гоу Цзянь — князь удела Юэ. Вступил на престол в 496 г. до н.э. В современной историографии и идеологии Китая имя князя Гоу Цзяня часто приводится как пример мужества, долготерпения и целеустремленности ради достижения великой цели возрождения своей родины и готовности ради этого претерпеть любые испытания и тяготы. Фань Ли — близкий советник и помощник Гоу Цзяня в борьбе с правителем удела У. Чжун — почтительное прозвище «Драгоценный министр» или «Великий министр» (да фу) в уделе Юэ, дано имя Вэнь Цыциню за его хитроумные планы и стратегию уничтожения удела У — главного врага Юэ. Они позволили правителю Гоу Цзяню не только разбить и уничтожить удел У, но и возродить удел Юэ.
28. Фань Цзин — основатель крупного аристократического рода в уделе Цзинь (VI—V вв. до н.э.). Чжан Люшо и Ван Шэн — влиятельные сановники в семье Фаня.
29. Чжун Хань Ин — глава аристократического рода в уделе Цзинь конца VI в. до н.э. Цзи Цин и Гао Цянь — влиятельные сановники в семье Чжун Хань Ина.
30. Фу Чай — князь, правитель удела У, яростный противник удела Юэ и его правителя Гоу Цзяня. Ван Суньло — сановный вельможа в уделе У. Пи — главный министр удела У.
31. Дуань Ганьму — V в. до н.э., «свободный ученый и учитель», как и Конфуций. Ученик Цзы Ся — ученика Конфуция. Цинь-цзы — он же Цинь Хуали (V—IV вв. до н.э.) — ближайший ученик Мо Ди, глава ордена моистов. Фу Юэ — министр у императора У Дина (1324—1265 гг. до н.э.) эпохи Шан-Инь.
32. Цзы Си — министр-советник правителя удела Чу, был казнен за попытку поднять мятеж. И Я — главный повар при дворе князя Ци Хуана. После смерти князя Хуана организовал мятеж в стоворе с Шу Дао. Шу Дао — слуга князя Ци Хуана.
33. Мо Ди приводит стих из «Ши цзина» — Канона «Книга Песен». В дошедшем до нас тексте «Ши цзина» эти строфы отсутствуют.
34. Суждения Мо Ди о небесных смыслах и желаниях как высшем критерии и образце добродетели, проводниках принципов взаимной всеобщей любви и выгоды, которые излагаются в этой главе — лишь краткий конспект идей, содержащихся в последующих главах книги, особенно в трех вариантах глав «О всеобщей любви» и «Воле Неба». Желания Неба, небесные смыслы как высший критерий справедливости и добродетельности и одновременно высший судья, высший нравственный стимул, который должен пробуждать в людях внутренние духовные силы к самосовершенствованию, к справедливости и свершению добрых дел, следованию принципам всеобщей любви и взаимной выгоды, пронизывали все учение Мо Ди.
35. О совершенномудрых правителях прошлых 4-х эпох см. комментарии к главе III «Влияние примера» («Со жань») в сносках 14—17.
36. О жестоких тиранах, правителях прошлых 4-х эпох см. комментарии к главе III «Влияние примера» («Со жань») в сносках 19—22.

Политика

О некоторых аспектах эволюции ближневосточной политики Китая

© 2014

К. Антипов

Предпринята попытка анализа процесса изменений стратегического баланса в политике КНР в Азии в связи с «инициативами» китайского руководства по созданию сухопутного и морского «поясов Шелкового пути XXI века». Ключевым элементом формирующейся стратегии является политика «продвижения КНР в Западную Азию», направленная на повышение глобального статуса Китая, стабилизацию обстановки на Ближнем Востоке и установление отношений стратегического партнерства со всеми странами региона.

Ключевые слова: Китай, экономический пояс Шелкового пути, Ближний Восток, Западная Азия, стратегическая концепция, «движение на Запад», китайско-американские отношения на Ближнем Востоке

В 2013 г. Ближний Восток занял место одного из главных направлений внешней политики Китая, переживающей важный этап структурных изменений и формирования новых приоритетов. Объективной основой этого сдвига является продолжавшееся в течение последних лет поэтапное развитие торгово-экономических отношений КНР со странами региона, прежде всего в сфере энергетики, а также активное участие китайской дипломатии в урегулировании положения в Сирии и других кризисных процессах в арабском мире, в решении иранской ядерной проблемы, нормализации положения в Афганистане, разрешении конфликта в Судане и т.д. Возросшие интересы и возможности Китая в Западной Азии и Северной Африке существенно повлияли на усиление китайско-американского диалога по Ближнему Востоку.

В то же время, судя по ряду публикаций, ближневосточная политика подверглась определенному критическому пересмотру в свете крупных изменений ситуации в регионе, а также быстро возрастающих потребностей развития КНР. Так, продолжающиеся потрясения в арабском мире показывают, что выдвинутая китайским руководством в 2006 г. концепция отношений со странами региона под лозунгом «Гармоничного Ближнего Востока» в значительной степени исчерпала себя, и дальнейшая политика на данном направлении нуждается в новых подходах, в большей мере учитывающих интересы безопасности и развития КНР на новом этапе. Следует отметить, что бурные потрясения на Ближнем Востоке в 2010–2013 гг., многомиллиардный ущерб, понесенный китайскими компаниями в арабских странах, военные действия стран НАТО и другие сопутствовавшие события оказали непосредственное воздействие на формирование новых стратегических подходов Пекина к международной деятельности в целом. Как отмечалось в за-

падных экспертных кругах, полученный Китаем опыт на Ближнем Востоке стал одним из важных факторов, определивших реформирование как внешней, так и внутренней политики этой страны¹. Это, в частности, привело к изменениям в стиле и методах управления кризисными ситуациями, содействовало проявлению новых подходов к организации деятельности в арабском мире, повлияло на усиление недоверия к политике Запада и т.д. В результате предпринятые в феврале-марте 2011 г. попытки распространить дестабилизирующий эффект «жасминовой революции» на Китай вызвали жесткую и незамедлительную реакцию со стороны китайских властей. За рубежом Пекин осуществил беспрецедентную по масштабам и оперативности эвакуацию из Ливии около 36 000 китайских граждан с использованием вооруженных сил КНР. Масштабные предупредительные мероприятия по сохранению стабильности с использованием сил безопасности были проведены в это же время внутри страны. Эти мероприятия оказались своего рода рубежом в развитии стратегии безопасности Китая². При этом зарубежные комментаторы указывали на отход Китая от сдержанности последних двадцати лет и поворот в сторону напористой политики с использованием силовых методов. Можно полагать, что события на Ближнем Востоке ускорили эволюцию внешнеполитических установок в сторону усиления «боеготовности» и «напористости» дипломатии КНР. Примечательно в этой связи выступление в «Нью-Йорк таймс» в разгар ливийских событий одного из наиболее влиятельных китайских политологов Янь Сюэтуна, указавшего, что «желая восстановить свой исторический статус в роли великой державы, Китай должен действовать как великая держава». И далее: «Похоже, что идея более напористой политики набирает влияние в Китае»³.

Определяющее влияние на дальнейшую деятельность китайской дипломатии в этом регионе на данном этапе оказывает усиливающийся процесс масштабной интеграции ближневосточной политики в общую внешнеполитическую стратегию, выдвинутую в 2013 г. новым китайским руководством во главе с председателем КНР Си Цзиньпином и предусматривающую строительство «Экономического пояса Великого Шелкового Пути» проходящего в Европу и Африку через континентальную часть Западной Азии⁴, и «Морского Шелкового пути XXI века», охватывающего азиатский континент. При этом в русле идей создания нового Шелкового пути идет активное формирование т.н. «политики западной ориентации»⁵, призванной обеспечить интеграцию китайской дипломатии на Ближнем Востоке, в Центральной и Южной Азии. Указывая на центральную роль Ближнего Востока в реализации «двух инициатив» китайского руководства, министр иностранных дел КНР Ван И в ходе декабрьской поездки в арабские страны заявил, что, как предполагают в Пекине, данный регион окажется местом стыковки обоих стратегических проектов⁶.

Провозглашение в Китае т.н. «двух инициатив», касающихся строительства «Экономического пояса Великого Шелкового Пути» в Западной Азии и «Морского Шелкового пути XXI века», обозначило основные параметры внешнеполитической стратегии нового поколения китайских руководителей. К числу важнейших целей намечающихся перемен относится, прежде всего, централизация всех направлений международной деятельности Китая под эгидой единого руководства, более последовательное подчинение их задачам сбалансированного развития страны и установление приоритетности сотрудничества с окружающими странами. Проводимые мероприятия в немалой степени носят управленческий характер, и на нынешнем этапе одной из важных целей является общее совершенствование системы управления внешней политикой и ее более надежная «стыковка» с внутренней политикой. При этом налицо постановка перед внешнеполитическим комплексом Китая задач не только по адаптации к изменяющейся международной обстановке, но и по обеспечению новых интересов, связанных с ростом потребностей КНР, нуждами развития Западного Китая и мобилизацией в этих целях политических ресурсов на международной арене. При этом подчеркивается, что Китай является не только тихоокеанской, но азиатской державой, его интересы распространяются на весь континент, и переход к осуществлению в Западной Азии системной политики, ее более тесная координация с политикой в

Восточной Азии отвечают задачам глобальной стратегии КНР, в том числе затрагивают широкий спектр вопросов китайско-американских отношений. В соответствии с этим новый подход предусматривает выравнивание баланса между приоритетами КНР в азиатско-тихоокеанском регионе и политикой в континентальной Азии с учетом стратегических интересов Китая, сформировавшихся на Ближнем Востоке в последние годы.

Хотя сама стратегия далека от завершения и на данном этапе представляет собой скорее комплекс концептуальных установок, главный принцип построения международной деятельности Китая состоит в укреплении отношений с соседними странами, то есть отводит приоритетную роль азиатской политике. Соответствующие вопросы обсуждались на проходившей в Пекине 24–25 октября 2013 г. конференции по вопросам дипломатии, где в качестве главной внешнеполитической задачи было определено укрепление отношений мира и сотрудничества с соседними государствами. В конференции принял участие председатель КНР Си Цзиньпин и все остальные члены китайского руководства. Такая демонстрация единства по вопросам внешнеполитической стратегии, по-видимому, может свидетельствовать о том, что путь к выработке нового подхода оказался непростым.

Новые установки во внешней политике Китая были в дальнейшем закреплены в решениях состоявшегося в ноябре 2013 г. III пленума ЦК КПК XVIII созыва. Итоги пленума, особенно постановление о создании Совета государственной безопасности КНР для более эффективной координации вопросов безопасности в стране и за рубежом акцентировали прямую связь между процессами развития Китая и международной обстановкой. При этом усиление координации предусматривается и между различными направлениями внешней политики, в том числе поставлена задача выравнивания баланса между восточным и западным направлениями политики КНР на азиатском континенте. Примечательно, что в соответствии с новыми установками страны Западной Азии, в том числе — страны Ближнего Востока рассматриваются как соседи Китая, входящие в его геостратегическое окружение, а следовательно — относящиеся к приоритетным партнерам КНР. Поскольку, как отмечалось в одной из редакционных статей газеты «Жэньминь жибао», «экономический пояс» Великого Шелкового Пути и Морской Шелковый путь XXI-го века — это главные особенности дипломатии Китая в новой эпохе⁷, ближневосточная политика получила официальное закрепление среди внешнеполитических приоритетов КНР. Так, выступая на состоявшемся в Пекине семинаре по международным отношениям, министр иностранных дел КНР Ван И назвал отношения с арабскими странами в ряду приоритетов внешней политики Китая в 2014 г. и, в частности, заявил, что Китай «разрабатывает новые меры по сотрудничеству с арабскими странами»⁸. Все это дает основания полагать, что на данном этапе в китайском руководстве в основном утвердилось представление о высокой зависимости жизненных интересов КНР от политики на Ближнем Востоке и назревшей необходимости формирования стратегического направления на западном направлении. Выражая эту позицию, директор Института исследований Западной Азии и Африки АОН КНР Ян Гуан заявил, что «осуществление великого возрождения Китая в значительной степени зависит от региона Западной Азии и Африки. Интересы Китая за рубежом постоянно возрастают. Из крупной мировой державы Китай превращается в мощную мировую державу. В будущем регион Западной Азии и Африки будет становиться все важнее в качестве необходимого партнера в развитии Китая».

Концепция новой ближневосточной политики КНР и ее источники

Выдвинутые руководителями КНР «инициативы» открыли путь для масштабного осуществления назревших изменений в сфере внешнеполитической деятельности применительно к решению новых задач развития страны. Не случайно комплекс соответствующих вопросов об усилении координации и централизации всех направлений внешней и внутренней политики был последовательно вынесен сначала на октябрьскую кон-

ференцию по вопросам дипломатической работы, а затем, в ноябре — на III пленум ЦК КПК, принявший решения об углублении реформ в Китае. Применительно к ближневосточному направлению — это, прежде всего, обеспечение энергобезопасности в отношениях с арабскими странами и ускоренное наращивание политики открытости и «выхода за рубеж» в отношении Западного Китая.

Однако на данном этапе эти инициативы еще не приобрели характера завершенной стратегии, определяющей хотя бы очередность выполнения поставленных задач или, например, хронологические или географические рамки их реализации. В нынешнем виде они намечают только узловые направления новой внешнеполитической стратегии и служат ее общими ориентирами. Учитывая определенные традиции построения политических стратегий в КНР, нельзя исключать, что теоретический аппарат данной политики Пекина будет и впредь оставаться на уровне комплекса генеральных идей, а в дальнейшем может пополняться путем выдвижения конкретных установок по мере необходимости. По-видимому, такой подход в большей степени отвечает интересам практической дипломатии, оставляя ей возможность для достаточной гибкости, самостоятельной разработки практической политики и поэтапного решения стратегических задач. Кроме того, он вполне согласуется с известными заветами Дэн Сяопина в сфере внешней политики, содержавшими рекомендации «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» («таогуан янхуэй ю соцзовэй») ¹⁰.

Вместе с тем, нельзя исключить, что процесс внедрения новой политики может носить достаточно противоречивый характер. Учитывая масштабы предпринятых инициатив, а также активные и временами напряженные дискуссии вокруг них, можно предполагать, что внедрение намеченной стратегии на стадии практической реализации может сопровождаться серьезными расхождениями между представителями заинтересованных группировок в деловых, профессиональных и политических кругах. Необходимо также учитывать специфику региона, наличие в нем сложных противоречий, острых международных конфликтов, создающих значительные препятствия и риски на пути данной политики, а также неизбежность высоких затрат и принятия сложных решений.

В этой связи напрашивается вывод о том, что собственно политику по реализации стратегических инициатив китайского руководства еще предстоит развивать, и значительная роль в решении этой задачи отводится научно-исследовательскому комплексу Китая. С учетом этого представляется целесообразным обратить внимание на то, что уже в течение ряда лет в китайских экспертных кругах ведется активное обсуждение назревших вопросов перестройки стратегии КНР на ближневосточном направлении, и при этом до последнего времени сохранялись определенные различия в оценках и подходах к некоторым существенным вопросам. Например, как вытекает из материалов дискуссий, проходивших в течение последнего года в ряде академических институтов, немалая часть авторитетных экспертов в китайских дипломатических и академических кругах были склонны рассматривать в качестве главной задачи не сотрудничество с азиатскими странами в окружении Китая, а развитие китайско-американских отношений, ссылаясь на положения XVIII съезда КПК ¹¹.

Ряд моментов указывает также на то, что выступления сторонников «концепции Шелкового пути» в Западной Азии и усиления ближневосточного направления в международной деятельности Китая в течение ряда лет сталкивались с несогласием не только со стороны ученых коллег, но и на официальном уровне. Этот аспект заслуживает внимания, поскольку, его воздействие на практическую политику китайского государства может ощущаться и в дальнейшем, несмотря на очевидное сужение поля разногласий после принятия решений на пленуме ЦК КПК. Как в свое время писал по этому поводу основоположник стратегической концепции континентального выхода Китая на Ближний Восток профессор Чжан Сяодун, «самая большая проблема может прийти изнутри Китая, учитывая высокие затраты и трудность получения немедленного эффекта. Это означает,

что будет трудно добиться принятия решения на соответствующем уровне и сформировать последовательное понимание данной проблемы. Таким образом, существует острая необходимость в скоординированных усилиях различных ведомств и разработке устойчивой и дальновидной стратегии Китая в отношении Большого Ближнего Востока»¹².

Как показывает анализ происходящих в настоящее время изменений, основные идеи разворачивающейся стратегии были публично выдвинуты китайскими экспертами задолго до выхода на политическую арену нынешнего поколения руководителей КНР. Выступивший с докладом в январе 1998 г. в китайском журнале «Стратегия и управление» профессор Чжан Сяодун из Академии общественных наук КНР, в частности, писал, что Китай, став в 1996 г. «чистым импортером нефти», должен пересмотреть свою позицию по Ближнему Востоку и перейти от реагирования на возникающие проблемы в регионе к инициативной и наступательной стратегии, подразумевающей продвижение новых, жизненно важных интересов, связанных с потребностями глобальной безопасности и развития КНР. Таким образом, по мнению западных экспертов, был впервые в истории поставлен вопрос о необходимости распространения влияния Китая за пределы традиционной сферы его внешнеполитической деятельности, которая, по их мнению, до сих пор ограничена Юго-Восточной Азией и Индокитаем¹³.

Особое внимание на Западе привлекли рекомендации профессора Чжана по использованию возможностей Китая на Ближнем Востоке, в частности, тесного сотрудничества с Ираном для оказания воздействия на США с тем, чтобы вынудить их отказаться от активной поддержки Тайваня, который в тот период активизировал политику независимости от КНР. Как отмечают в экспертных кругах, предложенный подход был принят китайской дипломатией, которой удалось усилить заинтересованность США и Израиля в сотрудничестве с Китаем на Ближнем Востоке и содействовать решению практических задач. Например, была открыта возможность налаживания китайско-израильских военно-технических связей¹⁴.

Из последующих публикаций Чжан Сяодуна очевидно, что концепция новой стратегии Китая на Ближнем Востоке приобрела сравнительно завершённый характер к 2009 г. Однако несмотря на высокий авторитет, международную известность и видное положение в научных кругах КНР (вице-президент Китайского общества ближневосточных исследований) Чжан не получил необходимой политической поддержки для реализации своих идей в тот период. Надо отметить, что его предложения о внесении соответствующих изменений в стратегию внешней политики содержали достаточно острую критику допущенных, по его мнению, ошибок в оценке поведения США на Ближнем Востоке. Так, он писал о необходимости извлечь три урока из ближневосточной ситуации: 1) Китайское руководство не отреагировало своевременно на изменение роли и значения Ближнего Востока для Китая. Не была осознана стратегическая ценность Ближнего Востока для КНР. 2) Не были учтены изменения, произошедшие в регионе после 11 сентября 2001 г., т.е. военное вмешательство Запада и его потенциальные последствия. 3) Была допущена недооценка начавшихся на Ближнем Востоке процессов стратегической дестабилизации¹⁵. Несмотря на это, его работы оказали заметное влияние на подход нынешних китайских руководителей к концепции Шелкового пути и, по-видимому, существенно содействовали его формированию. Примечательно, что уже в начале 2013 г., еще до принятия известных решений на третьем пленуме ЦК КПК на встречах экспертов отмечалось, что «движение Китая на Запад — это уже начавшийся процесс, являющийся необходимым фактором развития и политики открытости нашей страны»¹⁶.

Поскольку идеи Чжан Сяодуна напрямую перекликаются с нынешними внешнеполитическими инициативами китайского руководства, они сохраняют высокую актуальность и заслуживают внимания исследователей. Так, его основная идея состояла в том, что жизненно важные интересы развития Китая закономерно требуют обеспечения его влияния в странах Западной Азии, а также лидерства в решении задач развития этого ре-

гиона. При этом в интересах безопасности и устойчивости сотрудничества со странами региона, особенно — в сфере поставок энергоресурсов Чжан считал принципиально важным делать ставку на осуществление континентальной политики, т.е. создание гарантированного доступа на Ближний Восток сухопутным путем и строительство в Западной Азии соответствующей инфраструктуры. В обоснование своих рекомендаций Чжан утверждал, что именно западное направление является органичным для развития китайской нации, и ссылаясь на исторические хроники, свидетельствующие о том, что изначально расширение сферы влияния Китая происходило не в азиатско-тихоокеанском регионе, а на западном направлении в период империи Западная Хань. В частности, он приводил записи о дипломатической миссии в 134 г. до н.э. ханьского сановника Чжан Цяня и завоеваниях императора У Ди. Чжан Сяодун считал миссию Чжан Цяня блестящим примером выполнения дипломатических и разведывательных задач, однако полагал ее исторически незавершенной. В одной из своих статей, опубликованных под псевдонимом Дун Фансяо (Восток рассветает), профессор настаивал, что хотя в настоящее время прямой военной угрозы Китаю на Северо-Западе не существует, однако прилегающий регион сохраняет весьма важное значение для Китая, а «формирующийся в Евразии геополитический фактор оказывает большое воздействие на развитие и безопасность КНР». Поэтому «Китаю чрезвычайно важно предпринять новую, более широкую миссию, чтобы еще раз «проложить путь на Запад», т.е. использовать материк для стратегического выхода на Большой Ближний Восток»¹⁷.

Оценивая ситуацию в Западной Азии, Чжан писал, что основной характеристикой региона является политическая и экономическая нестабильность, вакуум лидерства и объединяющих тенденций. Ключевым элементом политики КНР на данном направлении, по мнению Чжана, могло бы стать масштабное развитие торгово-экономического сотрудничества на базе создания под эгидой Китая транспортной инфраструктуры и средств связи, обеспечивающих движение на запад в Европу, регион Персидского залива, в Пакистан и Индию. Разрабатывая вопросы дипломатической деятельности, Чжан отмечал высокую эффективность таких международных организаций, как Лига арабских государств, Совет по сотрудничеству стран Персидского Залива, Шанхайская организация сотрудничества, Форум по безопасности и сотрудничеству в Центральной Азии, Иссык-Кульский форум и т.д. В этой связи он рекомендовал делать ставку на двусторонние соглашения со странами региона и не рассчитывать на многостороннее сотрудничество.

Важным аспектом концепции Чжан Сяодуна являлся вопрос о влиянии великих держав на политику Китая в регионе. По его оценке, «в условиях глобализации конкуренция на Ближнем Востоке может привести Китай в ловушку игры с нулевой суммой, но может оказаться и взаимовыгодным». Он также выражал уверенность, что «соперничество с великими державами окажется неизбежным», поскольку «континентальная стратегия выхода Китая на Ближний Восток в сущности решает задачу преодоления геополитических проблем и прорыва окружения Китая со стороны США»¹⁸.

Один из наиболее видных последователей Чжан Сяодуна руководитель Центра международных и стратегических исследований Пекинского университета Ван Цзисы связывает необходимость нового «похода на Запад» прежде всего с политикой изменения стратегического баланса США. По его мнению, нынешняя ситуация способствует тому, чтобы и Китай выровнял баланс своей стратегии в Азии, усилив политику на западном направлении. Вместе с тем, он считает закономерным, что, воспользовавшись на начальном этапе реформ экономическим потенциалом соседей в Юго-Восточной Азии и создав современный экономически развитый регион на тихоокеанском побережье, теперь Китай должен расширить диапазон стратегии открытости, проложить путь на Запад азиатского материка и мобилизовать имеющиеся там ресурсы. Такой подход, отмечает профессор Ван, предусматривает разработку внешнеполитической стратегии, соответствующей целям 12-пятилетнего плана, ориентированного на развитие Западного Китая. Примеча-

тельно, что, по мнению Вана, строительство нового Шелкового пути, открывающего новые экономические возможности для КНР вплоть до восточного побережья Атлантики, можно было бы осуществить быстро. Вслед за Чжан Сяодунем он включает в азиатский участок «западной стратегии» все страны Южной, Центральной и Западной Азии, регион Каспия и Кавказ. Подчеркивая стратегическое значение этой политики, Ван полагает, что она будет способствовать «выравниванию отношений с США и содействовать укреплению взаимного доверия», поскольку США заинтересованы в усилении роли КНР в этом регионе. Один из основных выводов Ван Цзисы заключается в том, что, «наступая» на западном направлении, Китай «в геополитическом и геоэкономическом отношениях будет находиться в относительно благоприятном положении», поскольку не будет сталкиваться с противодействием и соперничеством со стороны США, как это происходит в тихоокеанском регионе¹⁹.

Новые ориентиры ближневосточной политики Китая

Характер происходящей трансформации ближневосточной политики Китая наглядно проявляется не только в наметившихся структурных изменениях азиатской стратегии, но и в нарастании ее наступательных, глобалистских тенденций. На данном этапе стало очевидным, что в рамках обновляемой внешней политики именно Ближнему Востоку отводится роль одного из главных плацдармов для дальнейшего утверждения Китая в роли великой державы, осуществляющей глобальные интересы. Так, выступая в китайской академической прессе с установочной статьей о новых взглядах китайского руководства по вопросу международной безопасности, специальный представитель КНР на Ближнем Востоке У Сыкэ отмечал, что на данном этапе Китай переходит к осуществлению на Ближнем Востоке «более активной, инновационной политики». При этом он пояснил, что Китай выступает на Ближнем Востоке как «развивающаяся держава, занимающая высокое положение в глобальной политике, отстаивающая справедливость и правопорядок, эффективность глобального управления и совместное процветание». Подчеркивая динамику данного перехода и грядущие дальнейшие изменения международной роли КНР, У Сыкэ подчеркнул, что в будущем интересы Китая за рубежом неизбежно будут расширяться, и опираясь на эту тенденцию, Китай будет играть еще большую роль в международных делах и сможет развивать «сотрудничество стратегического партнерства нового типа» с арабским миром²⁰. Анализируя содержание новой стратегической концепции, ведущий сотрудник Китайского института современных международных отношений (КИСМО) Ма Сяолинь говорил: «А как Китай выйдет на уровень глобальной державы? Нужен трамплин, нужно направление, т.е. — нужен «вход на Запад». Движение на запад — необходимость в плане усиления международного положения Китая, повышения его роли, эффективный ответ на теории «китайской угрозы» и «ответственности» Китая²¹.

Отражением происходящих изменений стало активное продвижение в последние месяцы тезиса о политической роли и международной ответственности Китая за развитие ситуации на Ближнем Востоке. При этом на первый план выдвигается концепция приоритета политических задач. Характерным в этом плане является одно из недавних выступлений агентства Синьхуа: «Некоторые люди считают по привычке, что Китай активизирует свои действия на Ближнем Востоке, исходя из собственных экономических интересов. Однако такой взгляд является чрезвычайно узким... За последний год более активные действия Китая на Ближнем Востоке были нацелены на обеспечение им своей ответственности в качестве крупной державы мира»²².

Разъясняя перспективы политики Пекина, министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что «политическая роль Китая на Ближнем Востоке будет только возрастать. Обратного пути не будет». «Китай на Ближнем Востоке, особенно в арабских странах действует не только в экономической сфере, мы готовы развивать сотрудничество в полити-

ческой и военной областях и сфере безопасности». При этом Ван И подчеркнул, что тем не менее «фундаментальное значение экономических связей» сохраняется, поскольку они служат решению ключевой проблемы повышения уровня жизни населения и развития в интересах Китая и арабских партнеров». Он пояснил, что, с точки зрения КНР, политическое сближение должно обеспечивать «возможности для постоянного улучшения» делового сотрудничества²³.

Высказывания Ван И свидетельствуют, что на данном этапе в Пекине утвердилось представление о недостаточности экономического фактора для оказания нужного воздействия на развитие ситуации на Ближнем Востоке и необходимости расширения используемого внешнеполитического арсенала, более масштабного сочетания экономических и политических, а при необходимости — военных рычагов. Такой подход можно рассматривать как прямое следствие «уроков арабской весны» и проходивших в последний период дискуссий в экспертных кругах о необходимости расширения роли военной силы во внешней политике. Вместе с тем, в настоящее время на позицию китайских специалистов по Ближнему Востоку все большее воздействие оказывает конфликтная ситуация, складывающаяся вокруг территориальных проблем в Южно-Китайском море. Судя по выступлениям ряда авторитетных китайских ученых, сама постановка задачи по формированию новой стратегии на Ближнем Востоке ассоциируется у них с перспективой общего усиления наступательного характера внешней политики, необходимостью наращивания ее силового компонента. Примечателен в этом смысле состоявшийся обмен мнениями между ведущими специалистами по Ближнему Востоку, проведенный в марте 2013 г. под эгидой института Западной Азии и Африки АОН КНР. Так, по мнению заместителя директора института Янь Гана, поскольку американский «сдвиг на Восток» предусматривает передислокацию вооруженных сил и вмешательство в дела Восточной Азии, китайское «продвижение на Запад» тоже не может ограничиваться развитием торговых связей, должно иметь соответствующий вес и силовую проекцию. Однако, по словам одного из ведущих сотрудников этого института Ван Цзинле, вне зависимости от того, какая конкретная внешнеполитическая стратегия или концепция будет выдвинута, необходимо, чтобы она соответствовала принципам мира и дружбы, а «не находилась бы с ними в полном противоречии». Особенно это касается конкретной внешней политики. По словам Ван Цзинле, «нам не следовало бы выдвигать политику «западной ориентации» в качестве нашей внешнеполитической стратегии». Представитель Общества изучения Чахар Ван Нань указал, что «сдвиг американской стратегии на Восток оказывает давление на безопасность Китая. Поэтому обязательно нужны какие-то меры по безопасности в рамках этой политики». Отстаивая необходимость развертывания новой стратегии, Ван Цзинсы отметил, что «китайско-американские «отношения нового типа» должны рассматриваться в глобальном плане и развиваться на глобальной основе. Но вопрос заключается в том, хватит ли у нас интеллектуальных ресурсов и готовности вести с США эффективный диалог на равных по ряду регионов и глобальных проблем, основываясь на нашем глубоком понимании и владении этими проблемами, и «вынудить» их заново обдумать свою политику, меньше вредить другим, заботиться только о своих делах»²⁴.

Таким образом, региональная деятельность на Ближнем Востоке, сохраняя самостоятельное значение для нужд развития и безопасности Китая, все больше увязывается с формированием роли великой державы, способной оказывать влияние, выходящее за рамки данного региона. Логика нового подхода КНР к своей роли на региональной и международной арене закономерно требует от Китая уточнить формат своих отношений с США на Ближнем Востоке. В этом вопросе позиция Китая находится в подвижном состоянии и характеризуется разнонаправленными тенденциями. Как отмечалось на одном из научных семинаров в Пекине, проведенных группой по разработке инновационной темы «Стратегия Китая на Ближнем Востоке и отношения великих держав» по итогам 2012 г., «подъем Китая требует выработки ближневосточной стратегии. При этом следует учитывать следующие

щие пять положений: 1) Стратегия США потерпела неудачу. 2) Народные массы на Ближнем Востоке утратили энтузиазм в отношении американской поддержки в построении демократии. 3) народы надеются найти подходящий путь политического развития в условиях экономического спада. 4) Крупные государства Ближнего Востока снижают свою зависимость от США; усиливается тенденция в ориентации Египта, Саудовской Аравии и Ирана на Китай. 5) Темпы развития китайско-арабских связей, политическое доверие постоянно усиливаются, прагматичное сотрудничество дает богатые результаты.

При этом отношения с США остаются одним из важнейших элементов ближневосточной политики Китая, играют важную роль в рамках китайско-американского стратегического диалога и являются существенной частью общей политики «отношений нового типа», выдвинутой Пекином в мае 2013 г. По некоторым признакам, к середине 2013 г. китайская дипломатия внесла определенные коррективы в оценку роли США в регионе. В настоящее время наряду с публикациями о том, что сокращение американского присутствия на Ближнем Востоке может создать здесь политический вакуум, сквозным тезисом в высказываниях китайских представителей звучит признание доминирующей роли США на Ближнем Востоке. Это положение подчеркивается как официальными представителями, так и китайскими авторитетными экспертами. Как заявил директор центра ближневосточных исследований КИСМО Нью Синьчу, «ни одна страна не способна и не стремится заменить США на Ближнем Востоке. Вашингтон все еще остается крупнейшим игроком в регионе»²⁵. По словам спецпредставителя КНР на Ближнем Востоке У Сыкэ, у Китая и США в данном регионе гораздо больше общих интересов, чем разногласий. Главное то, что и КНР, и США заинтересованы в поддержании мира и стабильности, обеспечении возможности для работы китайских и американских компаний. «Китай по мере усиления его международного влияния становится все более важен для Ближнего Востока. Однако в наши намерения не входит брать на себя чью-то роль или забирать их часть пирога»²⁶.

Такая позиция соседствует с выводом о том, что, по объективным причинам, несмотря на сохраняющееся намерение Вашингтона осуществить стратегическую «перебалансировку» между Ближним Востоком и азиатско-тихоокеанским регионом, Америка не откажется от контроля над ближневосточным узлом мировой политики и финансов. США сохраняют необходимое военное и политическое присутствие несмотря на постепенное снижение потребности в поставках нефти.

В свете этого десятая поездка Керри на Ближний Восток и визиты Ван И в канун 2014 г. в Израиль, Палестину, Алжир, Марокко и Саудовскую Аравию, практически совпавшие по времени, воспринимаются если не как синхронизированные, то как параллельные действия. Последовавший 8 января 2014 г. визит Ван И в Джибути, где размещена основная американская база в Африке Кэмп Лемонье, и его переговоры с правительством этой страны продемонстрировал возможности дальнейшего усиления военно-морской деятельности Китая в зонах традиционной ответственности США на Ближнем Востоке. Развернутая в данном регионе на рубеже 2013 и 2014 гг. необычайно активная деятельность китайской дипломатии на высоком уровне фактически явилась подготовкой очередного раунда консультаций КНР—США по Ближнему Востоку, проводимых этими странами с 2011 г. в рамках китайско-американского стратегического диалога.

Определенное изменение претерпели публичные оценки китайских дипломатов положения в сирийском и иранском вопросах. Так, летом-осенью 2013 г. высказывания официальных китайских представителей, выступления экспертов и публикации прессы КНР по Сирии носили достаточно скептический характер. При этом подчеркивалось, что согласие Сирии на уничтожение химического оружия явилось положительным шагом, однако российская инициатива, договоренности между Россией и США не являются гарантией главной проблемы — отказа американской стороны от вооруженного вмешательства в сирийские дела. Однако развитие процесса «химического разоружения», а

главное — подключение к этому было оставшегося в стороне Китая, позволило китайской стороне скорректировать свой подход к данному вопросу. Этому способствовали также начавшиеся благоприятные подвижки в урегулировании иранской ядерной проблемы при активном участии КНР. Как отмечалось в статье спецпредставителя КНР на Ближнем Востоке У Сыкэ, «международное сообщество... совместно инициировало успешную практику урегулирования таких кризисов политическими средствами»²⁷.

Вместе с тем, как полагают видные американские эксперты, подобные оценки, скорее всего, отражают не только признание Пекином необходимости строить долгосрочные отношения с США на Ближнем Востоке, но и определенную настороженность в отношении сохранения в регионе американской военной мощи. В свете этого оценивается и обращение китайского руководства к развитию континентальной стратегии в Западной Азии. Как отмечалось в меморандуме группы бывших деятелей администрации, разведки и госдепартамента США на имя президента Обамы в начале 2014 г., стремление китайского руководства обеспечить надежную возможность альтернативной транспортировки нефти с Ближнего Востока сухопутными средствами могут быть глубже поняты, если учесть, что в американских политических кругах постоянно подчеркивается возможность оказания давления на Китай с использованием военно-морских сил США, контролирующих морские коммуникации. Необходимо «найти возможности влияния, вытекающие из роли США, как военно-морского гаранта потока энергоносителей, от которого зависят Китай и другие страны региона». По мнению этих экспертов, данная ситуация может оказывать существенное воздействие на условия разрешения нынешнего конфликта в Южно-Китайском море²⁸.

Хотя такая позиция носит неоднозначный характер, она отражает важную тенденцию: как Китай, так и США рассматривают свои позиции на Ближнем Востоке как потенциальный рычаг воздействия на жизненно важные интересы друг друга. Сохраняющиеся противоречия, определенный конфликт интересов продолжают оказывать сдерживающее влияние на возможности усиления конструктивного двустороннего китайско-американского сотрудничества в данном регионе, например, по афганскому вопросу. Вместе с тем, можно сделать вывод, что выдвигание Китаем новой стратегии в Западной Азии предполагает усиление взаимной заинтересованности обеих сторон в поддержании баланса отношений и расширении взаимодействия.

1. *Keck Z.* Four Things China Learned From the Arab Spring // *The Diplomat*. 2014. 1 янв. URL: <http://thediplomat.com/2014/01/four-things-china-learned-from-the-arab-spring>.
2. См., например: *Антипов К.* События на арабском Востоке и позиция Китая // *Пробл. Дальнего Востока*. 2011. № 6. С. 3–17.
3. *Yan Xuetong.* How Assertive Should a Great Power Be? // *The New York Times*. 2011. 4 янв. URL: http://www.nytimes.com/2011/04/01/opinion/01iht-edyan01.html?_r=1&ref=china.
4. Xi Jinping Promote People-to-People Friendship and Create a Better Future. President Xi Jinping proposes to build a Silk Road Economic Belt with Central Asian countries. 2013 1101. URL: http://www.china.org.cn/travel/revitalize_the_silk_road_in_Shaanxi/2013-11/01/content_30468580.htm.
5. *сицзинь* — «западная ориентация» (перевод дается в трактовке источника russia.china.org.cn).
6. *Ding Ying.* Peace in the Middle East // *Beijing Review*. 2014. № 2 9 Janv. URL: http://www.bjreview.com.cn/world/txt/2014-01/07/content_589489.htm.
7. *Чжун Шэн.* Сылу цзиньшэнь гуаньчуань гуцзинь кайсиньпянь [Дух «Шелкового пути»: новая глава проходит через древность и современность] // *Жэньминь жибао-он лайн*. 2014. 26 февр. URL: <http://world.people.com.cn/n/2014/0226/c1002-24467575.html>.
8. Глава МИД КНР назвал пять приоритетных направлений внешней политики страны на следующий год // *Синьхуа*. 2013. 17 янв. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8487067.html>.

9. Ян Фэйжун. Юн вомэньды яньцзю чэнго вэй шисянь Чжунго мэнь цзо гунсянь [Использовать результаты наших исследований для вклада в осуществление китайской мечты] // Сия юй Фэйчжоу. 2013. № 5. URL: <http://iwaas.cass.cn/swgl/gqfz/2013-05-15/2620.shtml>.
10. См., например: *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013; *Портяков В.Я.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Пробл. Дальнего Востока. 2012. № 5.
11. *Чжань Шимин.* Чжунгодэ Сицзинь вэньти: яньпань юй сыкао [Исследуя движение Китая на Запад] // Нанья Фэйчжоу. 2013. № 2. С. 4–19.
12. *Дун Фансяо.* Чжунгодэ чжаньлюэ сюаньцзэ: цун луди поцзинь чжундун [Стратегический выбор Китая. Подойти к Ближнему Востоку с материка] // Сия фэйчжоу. 2008. № 10. С. 1–9. URL: http://qk.cass.cn/xyfz/zdtj/200909/t20090914_12778.htm.
13. *Sisci F.* China mourns loss of policy prophet // *Asia Times*. 2013. 24 Janv. URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/OA24Ad01.html>.
14. Там же.
15. *Дун Фансяо.* Чжунгодэ чжаньлюэ сюаньцзэ: цун луди поцзинь чжундун [Стратегический выбор Китая. Подойти к Ближнему Востоку с материка] // Сия фэйчжоу. 2008. № 10 С. 1–9. URL: http://qk.cass.cn/xyfz/zdtj/200909/t20090914_12778.htm. См. Также: *Zhang Xiaodong.* China's Strategic Option: Approach to the Greater Middle East through the Eurasian Hinterland // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2010. Vol. 4, №4. P. 32.
16. *Чжань Шимин.* Указ. соч.
17. Там же.
18. Там же.
19. *Wang Jisi.* Center for International and Strategic Studies. Peking University “Marching Westwards”: The Rebalancing of China’s Geostrategy // *International and Strategic Studies Report*. 2012. № 73, 7 Oct.
20. *Wu Sike.* (Ministry of Foreign Affairs, People’s Republic of China). The Upheaval in West Asia and North Africa: A Constructed New Viewpoint of World Security // *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*. 2013. Vol. 7, № 1.
21. Чжань Шимин. Указ. соч.
22. Китай ответственно действует на Ближнем Востоке // *Синьхуа*, 201327 дек. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8498210.html>.
23. См.: *Ван И.* Чжунго цзай чжундундицзюй фахуйдэ чжэнчжи цзоюн чжихуй юэлайюэдо [Политическая роль Китая в ближневосточном регионе в дальнейшем может только возрастать] // Жэньминь жибао он-лайн. 2014. 0109. URL: <http://world.people.com.cn/tv/2014-0109/c157278-24072722.html?prolongation=1>)
24. *Чжань Шимин.* Указ соч.
25. *Ding Ying.* Peace in the Middle East // *Beijing Review*. 2014. № 2 9 Jan. URL: http://www.bjreview.com.cn/world/txt/2014-01/07/content_589489.htm.
26. Middle East respects China’s mediation // *Global Times*. 2014 14 Jan. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/837321.shtml#.UtbCaeKu424>.
27. *Wu Sike.* Chinese special envoy to the Middle East January 16, 2014. Hands J. For A Peaceful Middle East // *China Focus*. 2014 16 Jan. URL: <http://www.chinausfocus.com/foreign-policy/join-hands-for-a-peaceful-middle-east/>.
28. *Pollack J.D., Bush R.C., Jones B.* Avert Conflict in the South and East China Seas — BIG BETS & BLACK SWANS. // Memorandum to the President. 2014.23 Jan. URL: <http://www.brookings.edu/research/papers/2014/01/conflict-south-east-china-seas-pollack-bush-jones>.

Вьетнам — США: партнерство с «оговорками»*

© 2014

Г. Локиин

Автор анализирует отношения Вьетнама и США на современном этапе, опираясь на итоги состоявшегося в июле 2013 г. визита президента СРВ Чыонг Тан Шанга в США. Он показывает, что территориальные претензии Китая в Южно-Китайском море повлекли сближение стратегических интересов Вьетнама и США и явились стимулом к налаживанию сотрудничества двух стран. Однако бывшие противники в кровопролитной войне, далеко уйдя от ненависти, к взаимному доверию так и не приблизились.

Ключевые слова: всеобъемлющее стратегическое партнерство, Транс-тихоокеанское партнерство, Южно-Китайское море, АСЕАН.

«У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их — наш долг» — эти слова лорда Пальмерстона, сказанные в английском парламенте в 1848 г., и сегодня лучше всего подходят для определения отношений между двумя бывшими непримиримыми врагами — Вьетнамом и США. Ужесточение позиций Китая в Южно-Китайском море (далее ЮКМ) привело к сближению стратегических вьетнамско-американских интересов и послужило стимулом для налаживания сотрудничества двух стран. За прошедшие годы они далеко ушли от ненависти, но к взаимному доверию так и не приблизились.

Интересы сторон диктуют

Вьетнам — относительно небольшая страна ЮВА, живущая в тени своего гигантского соседа — Китая. Вьетнам, у которого нет выбора, кроме как научиться разделять судьбу с ним на всех поворотах истории. Для большой и могущественной страны свойственно оказывать влияние на меньшего соседа, как столь же естественно стремление меньшей страны всячески ограничивать это влияние и сохранять свою независимость.

Южно-Китайское или, как его называют во Вьетнаме, Восточное море — это его жизненное пространство в буквальном смысле этого слова. И главное не в его геополитическом и геостратегическом значении, а, прежде всего, в его минеральных и рыбных ресурсах, без которых Вьетнам просто нежизнеспособен. Обострившиеся противоречия с Китаем из-за границ исключительных экономических зон в ЮКМ и суверенитета над его островами заставляют Вьетнам использовать испытанную тактику всех малых и средних государств ЮВА по отношению к главным внерегиональным державам, которая получила название «хежирование рисков». На практике это означает

Локиин Григорий Михайлович, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. E-mail: L6188017@yandex.ru.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 14-27-09001.

балансирование отношений с одной из глобальных держав, в данном случае КНР, отношениями с другой — США.

Политика Вьетнама в сложившемся треугольнике Китай — Вьетнам — США реализуется на практике внешнеполитический курс, утвержденный на XI съезде КПВ в январе 2011 г. Он заключается в неуклонном проведении независимой, суверенной внешней политики при одновременной разнонаправленности и диверсификации международных отношений. Вьетнам в последние годы активно интегрируется в региональную и мировую экономику на основе этих принципов в целях укрепления своего международного положения, что требует постоянного развития отношений с важнейшими партнерами, какими для него являются Китай и Америка.

США заявляют, что тоже преследуют свои государственные интересы, состоящие, в том, чтобы обеспечивать свободу судоходства в ЮКМ¹. Это позволяет Вьетнаму рассчитывать на определенную поддержку с их стороны, поскольку в данном случае интересы двух стран совпадают.

Для США Вьетнам имеет первостепенное значение в силу важности проходящих вдоль всего его побережья ЮКМ морских и воздушных коммуникаций. По ним осуществляется значительная часть американской торговли и поставок нефти из стран Персидского залива как для самих США, так и для их главных союзников в АТР. Однако интересы КНР в этом регионе вынуждают рассматривать все его проблемы, прежде всего, через призму американо-китайских отношений. Как известно, крупнейшие корпорации США имеют здесь важные экономические интересы, связанные с разведкой и добычей значительных объемов углеводородов в ЮКМ. Не меньший интерес для американского ВПК представляет быстро растущий рынок вооружений, образовавшийся в результате возникшей напряженности и начавшейся гонки вооружений. Все это происходит на фоне комплексной военной мощи Китая и увеличения возможностей китайского ВМФ.

Политика США в ЮКМ направлена на сохранение их гегемонии в одном из весьма чувствительных мест мирового океана, на то, чтобы по возможности контролировать притязания КНР на усиление ее глобальной роли. В этой геополитической игре без Вьетнама им не обойтись. Важным элементом провозглашенной США стратегии «возвращения в Азию» является укрепление их связей в АТР не только с многолетними союзниками Южной Кореей, Японией и Филиппинами, но и с новым партнером, которым стал Вьетнам.

Таким образом, стратегические интересы Вьетнама и США совпадают в стремлении к сохранению баланса сил в условиях быстрого подъема Китая и к ограничению его экспансии, особенно в ЮКМ. Но у обеих стран весьма сложные и совершенно разные отношения с КНР. У Вьетнама нет реальной возможности сбалансировать отношения с Китаем, развернувшись полностью в сторону США: он не считает себя врагом Китая, хотя напряженность между ними в ЮКМ продолжает нарастать, и Вьетнам вынужден тратить немалые средства на укрепление обороноспособности.

Один из самых авторитетных экспертов по американо-вьетнамским отношениям, австралийский профессор К. Тэйер довольно четко определил сущность этих отношений: «США имеют влияние во Вьетнаме в той мере, в которой вьетнамцы действительно чего-то хотят от них. А они хотят, чтобы их президента принимали в Белом доме, хотят стратегического партнерства с США и снятия ими ограничений на торговлю оружием. Официальные лица в США дали четко понять, что ни одно из этих пожеланий не будет удовлетворено, пока положение с правами человека (включая свободу Интернета) не будет улучшено»². Но эксперт немного не договаривает.

В силу внутренних обстоятельств отношение США к Вьетнаму строится иначе, чем, например, к странам Ближнего Востока или к другим странам, где положение с правами человека даже хуже, чем в СРВ. Сказывается сильное давление вьетнамской днас-

поры и многочисленных американских правозащитных организаций. Организованной и влиятельной оппозиции во Вьетнаме нет, но власти стараются держать под контролем националистические антикитайские настроения в стране. Этим пользуются некоторые представители вьетнамской диаспоры Америки, обвиняющие вьетнамское руководство в капитуляции перед Китаем и предательстве национальных интересов.

Есть и другие, более важные причины американской сдержанности. Прежде всего, это неуверенность в решимости вьетнамского руководства до конца противостоять китайской экспансии, подозрения в готовности его к конъюнктурному соглашательству и смене ориентиров. Шумные кампании в защиту прав человека во Вьетнаме, которые время от времени устраивает в США многочисленная вьетнамская диаспора, служат при этом лишь внешней оболочкой, под которой творцы американской политики скрывают свои сомнения в том, каковы на самом деле стратегические цели Вьетнама, и как далеко он готов пойти вместе с США в «сдерживании» Китая. При этом роль Вьетнама в объявленной США стратегии «возвращения» в АТР слишком велика, чтобы чрезмерно акцентировать недостатки демократии в этой стране.

Можно, однако, заметить, что США до сих пор ни разу не поддержали выдвигаемые Вьетнамом требования суверенитета в ЮКМ. Они развивают дипломатическое и экономическое сотрудничество, проводят многочисленные встречи на всех уровнях, посылая сигнал Китаю, что все это может легко перейти и в военное сотрудничество, и они не делают этого, якобы, только потому, что не стремятся к военному превосходству над Пекином.

Отодвинуть прошлое, смотреть в будущее

12 июля 1995 г. президент США Б. Клинтон и премьер-министр СРВ Во Ван Кьет объявили о нормализации дипломатических отношений между Вьетнамом и Соединенными Штатами. С того момента, руководствуясь принципом «отодвинуть прошлое, смотреть в будущее», Вьетнам прошел длинный путь в строительстве стабильных и долговременных отношений с США. И это происходило вопреки не затянувшимся еще ранам 9-летней войны, несмотря на часто упоминаемую вьетнамскими руководителями угрозу т.н. «мирной эволюции», исходящей от США.

Стороны создали разветвленную систему взаимных военно-политических консультаций. Первый диалог по проблемам безопасности состоялся в 2008 г. В августе 2010 г. было решено проводить такой диалог уже дважды в год, поочередно в Вашингтоне и в Ханое. С тех пор продолжается интенсивный обмен визитами между соответствующими ведомствами двух стран. Постоянно действующих механизмов двустороннего сотрудничества насчитывается уже более десяти. В них ведется активный диалог сторон по вопросам политики, безопасности, обороны, экономики и развития, а также взаимоотношениям с АСЕАН, где роль Вьетнама достаточно весома. В последние годы установлен и поддерживается диалог по вопросам демократии, прав человека, религиозных свобод и другим темам, которые еще недавно считались особо чувствительными в двусторонних отношениях. Обмен визитами между высшими руководителями Вьетнама и США, их встречи в кулуарах ряда международных форумов также способствовали развитию взаимосвязей.

Как полагает генеральный директор Института международных и стратегических исследований Дипломатической академии Вьетнама Хоанг Ань Туан, «отношения США и Вьетнама созрели и достигли той стадии, когда имеется достаточное количество рутинных консультаций, регулярных встреч и других механизмов на всех уровнях — от рабочего до самого высокого. Они превратились из «особых» в «нормальные», вышли из ограниченного круга проблем к всеобъемлющему сотрудничеству на самых разных направлениях»³.

В развитии военного сотрудничества с США Вьетнам неизменно проявляет особую осторожность в зависимости от уровня напряженности в отношениях с Китаем. Политика США в этом вопросе тоже ограничена рядом запретов, наложенных американским Конгрессом. В частности, боевого оружия Вьетнаму США пока не продают. За это от него требуют улучшения положения с правами человека и религиозными свободами, а практически — проведения таких политических реформ, которые повлекли бы радикальное изменение политического строя. Компартия Вьетнама вряд ли когда-нибудь на это согласится.

Несмотря на это, военное сотрудничество постепенно налаживается, начиная с содействия обучению вьетнамских офицеров английскому языку, обмена опытом военных медиков вплоть до дружеских визитов в СРВ кораблей американских ВМС. США уже не раз предлагали заключить соглашение по обслуживанию американских судов, включая военные, в случае вынужденного захода их в порты Вьетнама при чрезвычайных обстоятельствах, но пока такого соглашения нет.

Количество заходов военных кораблей США в порты Вьетнама ограничено одним кораблем в год. Точно также ограничены заходы китайских военных кораблей. Американская сторона неоднократно предлагала увеличить их число, но Вьетнам на это пока не идет. Совместные учения с участием американских кораблей строго ограничены штабными или поисково-спасательными тренировками.

Американские техники помогли отремонтировать и ввести в строй десятки американских вертолетов, которые достались вьетнамцам в ходе войны с США. Они оказывают помощь в подготовке личного состава Вьетнамской народной армии к операциям ООН по поддержанию мира в различных странах.

Вьетнам крайне осторожно и избирательно подходит ко всем предлагаемым американцами формам военного сотрудничества, тесно увязывая их с вкладом США в залечивание ран войны, особенно, ликвидацию последствий применения отравляющих веществ. На это США ежегодно выделяют необходимые средства и направляют специалистов для обезвреживания неразорвавшихся мин и снарядов в ряде провинций Вьетнама.

В июне 2012 г. во Вьетнаме побывал министр обороны США Леон Панетта. Одним из главных мероприятий в программе его визита было посещение бухты Камрань, где в годы войны американцы построили крупнейшую базу для своих ВМС. Из этого посещения некоторые западные СМИ попытались сделать мировую сенсацию и чуть ли не символ окончательного примирения коммунистического Вьетнама со своим бывшим главным врагом. Но явно выраженное желание США вернуться в Камрань с вьетнамской стороны ответа не получило. Вьетнам не взял на себя никаких обязательств в этом отношении. В бухту разрешено заходить на стоянку, пополнение запасов и ремонт только коммерческим судам и вспомогательным (не вооруженным) военным кораблям.

Бухта Камрань не только очень удобна, но и велика по своим размерам. Бывшая база ВМС США занимает лишь небольшую ее часть и является в настоящее время базой ВМС Вьетнама. В этой зоне Вьетнам не сотрудничает ни с одним государством и не позволяет туда заходить никаким иностранным кораблям. А рядом расположен большой порт Ба Нгой, где имеются судоремонтные мастерские, и куда уже не раз заходили как американские, так и многие другие корабли. Порт открыт на коммерческих началах для судов всех стран⁴.

Выступая на «Диалоге Шангри—ла» в Сингапуре в июне 2010 г., вьетнамский министр иностранных дел Фам Бинь Минь очертил четкие рамки военного сотрудничества с США: «Вьетнам твердо придерживается независимости и самостоятельности своей внешней политики. Это значит, что он категорически отказывается от любых попыток втянуть его в какие-либо действия против другой страны, прежде всего Китая. В то же время, если США располагают современными научно-техническими достижениями и со-

гласны ими поделиться. то ради защиты своего отечества Вьетнам нуждается в них и приветствует это»⁵.

Наряду с углублением политических отношений значительное развитие за эти годы получило двустороннее торгово-экономическое сотрудничество, особенно после вступления в силу в 2001 г. Соглашения о двусторонней торговле между Вьетнамом и США. В целом за время, прошедшее после нормализации отношений в 1995 г., США превратились во второго после Китая торгового партнера Вьетнама. США — главный рынок для вьетнамского экспорта. Двусторонняя торговля в 2012 г. достигла 24,5 млрд долл. США (по американским данным, 26 млрд долл.) с профицитом для Вьетнама в 14,8 млрд долл. Ожидается, что объем торговли между ними в 2015 г. составит 33 млрд, а к 2020 г. достигнет 50 млрд долл.⁶

США сыграли важную роль в принятии Вьетнама в 2007 г. в ВТО. Однако Вьетнам по-прежнему добивается, чтобы США как можно скорее признали его страной с рыночной экономикой и распространили на него Общую систему преференций (GSP), а также сняли тарифные барьеры, наложенные на импорт таких вьетнамских продуктов, как креветки, чай, рыба и др.

Благодаря политической стабильности на фоне проблем у его соседей по АСЕАН Вьетнам представляется достаточно выгодным и надежным местом для американских инвестиций. Общий объем прямых инвестиций из США во Вьетнам, вложенных в 600 проектов, составлял в мае 2013 г. 10,5 млрд долл., что вывело США на седьмое место среди главных инвесторов СРВ⁷. Стороны ведут переговоры о заключении соглашения о полной либерализации инвестиций. Многие американские производители придерживаются так называемой «стратегии Китай+1», направленной на сокращение их зависимости от постоянно дорожающего производства в КНР⁸.

США и Вьетнам находятся на «продвинутой стадии» обмена ядерными технологиями. Заключено соглашение, по которому во Вьетнам поставляются технологии и топливо. Хотя все это означает отход от предпринимаемых США усилий по предотвращению распространения ядерного оружия, администрация Б. Обамы полагает, что каждая страна требует отдельного подхода. К тому же, все работы в этой области во Вьетнаме находятся под контролем МАГАТЭ, и как сообщается, у правительства СРВ пока нет планов обогащения своего урана. А отработанные материалы возвращаются в США. Поэтому компания «Дженерал электрик» получила разрешение на поставку реактора и других компонентов во Вьетнам⁹.

Взаимодействие между двумя странами в сферах образования и подготовки кадров, науки и технологий, исследований и противодействия климатическим изменениям также получило значительное развитие. В настоящее время в США учатся около 17 тыс. вьетнамских студентов, хотя еще в 2007–2008 гг. их было менее 9 тыс. человек. Вьетнамцы составляют в США самую многочисленную группу студентов из стран ЮВА. В 2011–2012 гг. Вьетнам был седьмым из всех государств мира по числу студентов, направленных на учебу в США¹⁰.

Достигнутые успехи — это всего лишь начало. К 2020 г. Вьетнам нацелен стать современной индустриальной страной, а США рассматривают его как важного партнера в ЮВА. Обе страны прилагают усилия для укрепления и развития отношений партнерства и многостороннего сотрудничества.

«Всеобъемлющее», но не «стратегическое» партнерство

Официальный визит президента Чыонг Тан Шанга в США 24–26 июля 2013 г. стал важным шагом в развитии и углублении двусторонних отношений. Он проходил через месяц после его поездки в Китай и стал вторым официальным визитом главы вьетнамского государства в Америку с момента нормализации отношений двух стран в 1995 г.

В предшествующие визиту дни полуторамиллионная вьетнамская диаспора в США вместе с республиканцами в Конгрессе развернула беспрецедентную пропагандистскую кампанию по дискредитации политики СРВ. Миссионерская защита прав человека вместе со стратегическими и экономическими интересами рассматривается как одна из трех главных опор внешней политики США. Но, как подтверждает практика отношений с Вьетнамом, эти три опоры вовсе не равноценны.

Возросшая жесткость китайской политики в его территориальных спорах с соседями по ЮКМ, влиявшая на всю стратегическую обстановку в Азии, не позволила администрации Б. Обамы пойти на поводу у протестовавших и согласиться с тем, чтобы американо-вьетнамские отношения определялись ситуацией, связанной с правами человека в СРВ. Президент США отдал приоритет стратегическим и экономическим интересам, отодвинув на задний план все другие соображения. Визит состоялся и прошел достаточно успешно.

Цели визита вьетнамского президента в США состояли в том, чтобы зафиксировать определенные рамки отношений на новом этапе, способствовать их расширению и углублению, особенно в тех областях, где обе стороны имеют общие интересы и приоритеты. В совместном заявлении по итогам встречи говорилось, что президенты «решили установить всеобъемлющее партнерство США и Вьетнама, чтобы обозначить рамки развития своих отношений», которые касаются самого широкого круга проблем, включая политику, экономику, дипломатию, безопасность и оборону, науку, технологии, культуру, образование, здравоохранение и права человека¹¹.

Визит привлек широкое внимание мировых СМИ. Некоторые наблюдатели рассматривали его как исторический шанс для Вьетнама поднять отношения с США до уровня «стратегического партнерства». Этот оптимизм основывался на слухах, будто вьетнамское руководство приняло решение установить более близкие связи с США в целях балансирования отношений с Китаем.

Принятая в итоге переговоров формула отношений свидетельствует о том, что о «стратегическом партнерстве» договориться не удалось, хотя предложение об этом было сделано еще во время визита Х. Клинтон в Ханой в 2010 г. Но тогда оно принято не было. Переговоры шли почти два года и были прерваны из-за серии арестов диссидентов во Вьетнаме. Незадолго до визита вьетнамского президента в США премьер-министр СРВ Нгуен Тан Зунг, выступая с докладом на представительном форуме в Сингапуре, говорил о стремлении установить такие отношения со всеми постоянными членами СБ ООН. Но вместо этого стороны нашли промежуточную формулу — «всеобъемлющее партнерство», которое охватывает самую широкую сферу сотрудничества. За разницей в названиях просматривается желание вьетнамского руководства показать, что стороны еще не достигли той степени близости и доверия, как в отношениях с другими «стратегическими партнерами», такими как Россия и Китай.

Политические основы «всеобъемлющего партнерства»

Стороны приняли Совместное заявление, касающееся принципов и содержания отношений двух стран в установленных ими новых рамках. В нем отмечается, что эти отношения основаны на принципах «уважения Устава ООН, норм международного права, политических систем независимости, суверенитета и территориальной целостности друг друга»¹². Характерно, что слова «взаимное уважение», «невмешательство во внутренние дела», «уважение политического строя» друг друга повторяются в нескольких местах Заявления. В сложившейся перед визитом обстановке вьетнамской стороне было особенно важно напомнить об этом.

В ходе визита США и Вьетнам обозначили свои общие стратегические интересы и цели. Президент Шанг, выступая в Центре международных и стратегических исследо-

Визит президента СРВ в США не внес заметных изменений в содержание и формы двустороннего военного сотрудничества. Американцы по-прежнему добиваются более свободного доступа в порты Вьетнама и дальнейшего развития военного взаимодействия, но запрета на продажу боевого оружия не снимают. В интервью агентству «Ассошиэйтед пресс» накануне визита президент Шанг призвал США снять ограничения на продажу оружия Вьетнаму. Это — давняя цель вьетнамских дипломатов и политиков. Тем не менее, президент Шанг настаивал на отмене ограничений на продажу оружия не так настойчиво, как в отношении антидемпинговых барьеров в торговле. Очевидно, во Вьетнаме отдают себе отчет в том, что за поставками оружия последуют американские инструктора и другие дополнительные условия. А тем временем страна уже имеет надежного партнера по военно-техническому сотрудничеству в лице России. Так что в Ханое, похоже, полагают, что радикальная смена поставщиков современных вооружений не имеет большого смысла.

Американская сторона подтвердила все прежние договоренности о помощи в ликвидации таких особо болезненных последствий прошлой войны, как оставшиеся на полях мины и снаряды, а также результаты массовых применений американской авиацией диоксида.

В октябре 2013 г. в Вашингтоне прошел 4-й Стратегический диалог на уровне заместителей министров обороны, в ходе которого стороны приняли план на 2014 г. В дополнение к прежним формам военного взаимодействия был подписан Меморандум о взаимопонимании в области сотрудничества между службами береговой охраны. Расширено сотрудничество между военными и военно-морскими учебными заведениями двух стран. Однако и в этот раз Вьетнам воздержался от принятия американского предложения о проведении совместных боевых учений. Сохраняются и ограничения на заходы военных кораблей США в порты Вьетнама. Вьетнам по-прежнему не дал ответа на предложение об открытии бюро военного сотрудничества при посольстве США в Ханое, которое было сделано прежним министром обороны США Л. Панеттой еще в июне 2012 г.

Заместитель министра обороны СРВ старший генерал Нгуен Ти Винь по окончании переговоров, в частности, заявил, что, хотя США предложили Вьетнаму активное сотрудничество в ликвидации последствий войны, принимаемые меры все еще недостаточны, учитывая масштабы нанесенного ущерба. Генерал подчеркнул также необходимость укрепления стратегического доверия между высшими руководителями двух стран, что можно расценивать как намек на нежелание США снять запрет на продажу оружия Вьетнаму¹⁶.

Вьетнам стремится развивать военное сотрудничество с США в той мере, в какой это отвечает его национальным интересам в отстаивании своего суверенитета. А скорость продвижения по этому пути будет в определенной мере зависеть от того, как поведет себя Китай в отношении Южно-Китайского моря.

Экономка — движущая сила развития отношений

Как подтвердили результаты визита, именно экономическое сотрудничество рассматривается сторонами как фундамент и движущая сила отношений между двумя странами. Они договорились поощрять американских бизнесменов и инвесторов на продолжение работы во Вьетнаме, особенно в таких приоритетных для него отраслях, как высокие технологии, энергетика, машиностроение, охрана окружающей среды, информационные технологии, модернизация сельского хозяйства, развитие трудовых ресурсов. Вьетнамская сторона предлагала ускорить полное признание Вьетнама страной с рыночной экономикой, устранить антидемпинговые барьеры на пути вьетнамского экспорта на рынки США. Но американцы не пошли на это, ссылаясь на сохранение определяющей

роли государственных предприятий в экономике Вьетнама. Они обещали вернуться к рассмотрению этого вопроса в зависимости от хода проводящихся во Вьетнаме реформ.

Главным достижением Б. Обамы в результате переговоров с президентом СРВ американские СМИ называли обязательство Вьетнама до конца 2013 г. подписать соглашение о присоединении к создаваемому Транстихоокеанскому партнерству (ТТП) — самой большой Зоне свободной торговли в АТР без участия Китая¹⁷, который активно продвигает идею «всеобъемлющего экономического партнерства» в Восточной Азии (RCEP) с участием группы АСЕАН+3¹⁸, а в дальнейшем Индии, Австралии и Новой Зеландии, но без США.

Вьетнамское руководство пошло на участие в ТТП, полагая, что выгоды превысят все издержки. Прежде всего, оно заинтересовано в открытии американского, японского и австралийского рынков. Многочисленные барьеры, с которыми сталкивается вьетнамский экспорт, как ожидается, будут сняты. Но во вьетнамских деловых кругах и СМИ продолжают дискуссии о возможных негативных последствиях этого шага.

Что касается самого ТТП, то прошло более 20 раундов переговоров, однако подписание соглашения затягивается не только из-за различий в позициях стран-участниц, но и по причине противоречий в самих США. В январе 2014 г. Конгресс заблокировал попытки президента добиться его ускоренной ратификации. Тем не менее, создание ТТП полностью отвечает стратегическим интересам США, поскольку зона свободной торговли в рамках ТТП выступит мощной альтернативой концепции «азиатизации Азии» и созданию интеграционного объединения в формате АСЕАН+3 без включения неазиатских стран-членов. При этом ряд государств АСЕАН, включая Вьетнам, участвуют в переговорах по обоим интеграционным проектам в АТР.

Будущее вьетнамо-американских отношений

Очевидно, что партнерство двух стран, имеющих серьезные различия и тяжелую историю взаимоотношений, вызывает множество разных и зачастую противоречивых оценок. Но большинство наблюдателей сходятся в том, что бывшие непримиримые противники решили оставить позади этот мрачный период своих отношений и готовы делать шаги к сближению. Ныне США смотрят на Вьетнам как на новый рынок, который еще предстоит освоить, а Вьетнам — на США как на источник кредитов и потенциального инвестора в его растущую экономику.

В сентябре 2013 г. премьер-министр СРВ Нгуен Тан Зунг во время пребывания на сессии ГА ООН в Нью-Йорке встретился с государственным секретарем США Дж. Керри и министром торговли Пенни Притцкер. Как сообщалось, он вновь просил их ускорить признание Вьетнама страной с рыночной экономикой и прекратить антидемпинговые расследования в 12-ти торговых спорах с Вьетнамом. Вместе с тем, особо высоко была оценена помощь США в реализации проекта освоения бассейна реки Меконг, который позволит Вьетнаму, Лаосу и Камбодже сократить отставание в экономическом развитии от других стран АСЕАН и, сохранит экологию этой великой азиатской реки.

2013 г. завершился в обстановке нового обострения ситуации в Восточной Азии, связанного с односторонним введением КНР зоны противоздушной обороны (ADIZ) над значительной частью акватории Восточно-Китайского моря, включая оспариваемые у Японии острова Сенкаку. Сразу возникли спекуляции на тему предстоящего создания такой же зоны в ЮКМ.

В этой обстановке проходил визит во Вьетнам и на Филиппины в декабре 2013 г. государственного секретаря США Дж. Керри. На пресс-конференции в Ханое Дж. Керри жестко критиковал установление зоны и призвал Китай и Японию к «интенсивным дискуссиям» для снятия напряженности и разрешения их территориального спора в Восточно-Китайском море¹⁹.

С 1 января 2014 г. вступило в силу другое ранее принятое постановление властей китайской провинции Хайнань, по которому всем иностранным²⁰ рыболовецким и исследовательским судам, действующим в зоне, ограниченной линией «U», надлежало запрашивать у них на это разрешение. Естественно, все это привело к значительному росту напряженности в регионе. Вьетнам и Филиппины заявили, что они этого постановления не признают и никакие разрешения запрашивать не будут.

Тогда же заметно ужесточилась риторика высокопоставленных чиновников администрации США. 5 февраля 2014 г. заместитель государственного секретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана Даниел Расселл в комиссии Конгресса США по иностранным делам заявил, что Китай должен воздержаться от установления новых таких зон. Он также подчеркнул, что «какие-либо ссылки Китая на пресловутую линию “U” в ЮКМ, не привязанную к базовой береговой линии Китая, несовместимы с нормами международного права». Это было первое публичное заявление представителя американской администрации относительно неправомерности линии “U”, которой КНР обозначает свои территориальные претензии в ЮКМ²¹.

Вьетнам при всех сохраняющихся трудностях и препятствиях, действительно, становится важным политическим партнером США в регионе. Но представить себе военный союз между ними в обозримой перспективе невозможно. Неправильно считать, как пишут некоторые американские аналитики, что у Вьетнама в создавшейся ситуации в ЮВА остается единственный выбор: либо подчиниться требованиям Китая, либо опереться на США. Это не так. Не отказываясь от любой возможности получить помощь извне, вьетнамцы всегда предпочитали опираться на свои собственные силы и мобилизацию мирового общественного мнения в свою поддержку. Интересам Вьетнама на данном этапе отвечает начатая при президентстве Б. Обамы политика «возврата США» в АТР. Но в Ханое, без сомнения, осознают, что она может потребовать дальнейшего вовлечения страны в орбиту американской политики. Поддержка США всегда имеет свою цену. Стремясь получить американские инвестиции и технологии, вьетнамское руководство ни на какие уступки, способные привести к изменению политического строя, не идет и вряд ли пойдет в обозримом будущем.

Вьетнам, как уже отмечалось, совершенно не стремится и к тому, чтобы отношения с США представляли какой-то вызов Китаю. Каждый шаг в направлении сближения с США — это всегда своеобразное послание китайскому руководству с напоминанием о бесплодности дальнейшей конфронтации и предпочтительности мирного взаимовыгодного сотрудничества. Ханой явно не желает, чтобы его, так или иначе, втягивали в т.н. «сдерживание» КНР.

В целом Вьетнаму удалось сохранить сбалансированный подход к своим международным отношениям. Внешняя политика Вьетнама четко выражена в принципе «трех нет», впервые сформулированном в «Белой книге обороны» в 2009 г. и неоднократно повторявшемся многими вьетнамскими политическими деятелями. Он гласит: нет — участию в военных блоках, нет — военным союзам против Китая, нет — иностранным военным базам на территории СРВ. Об этом напоминал премьер-министр Вьетнама Нгуен Тан Зунг, выступая с докладом на открытии 12-го «Диалога Шангри Ла» в Сингапуре в мае 2013 г.²²

Потому можно с уверенностью предполагать, что отношения Вьетнама и США еще долго останутся такими, каковы они сегодня.

1. Надо иметь в виду, что свободу судоходства американцы толкуют исключительно как свободу действий для их ВМФ. Они подписали, но до сих пор не ратифицировали Конвенцию ООН 1982 г. Она разрешает «мирный проход» военных кораблей в исключительной экономической зоне прибрежных государств, но это не касается ведения военной разведки, чем занимался, на-

- пример, фрегат «Импеккабль» в марте 2009 г, который был перехвачен китайскими кораблями и выгеснен за пределы этой зоны.
2. The Diplomat. 2013. 14 Aug.
 3. *Hoang Anh Toan*. Director General of the Institute for Foreign Policy and Strategic Studies at the Diplomatic Academy of Vietnam. URL: www.East-Westcenter.org/APB/ № 225/august 1.2013.
 4. С 2013 г. там строится база для шести вьетнамских подводных лодок «Варшавянка», закупленных в России. Вьетнам дал согласие на создание в Камрани пункта материально-технического обеспечения и отдыха для российских кораблей, направляющихся на патрулирование и защиту коммерческих судов от пиратов у берегов Сомали. Распространяемые западными СМИ слухи о «возвращении» России в Камрань, где после войны была база российских ВМС и ВВС, сильно преувеличены.
 5. URL: www.saigonbao.com/ BBC/ 24 06 2010/ Vietnam Embraces an Old Ennemi”
 6. Background Briefing: Thayer Consultancy ABN # 65 648 097 123 Vietnam & U.S. Presidents to meet at The White House. Carlyle A. // Thayer. 2013. 23 July.
 7. URL: WWW. Mofa.vn/Thứ tư, ngày 31 tháng 07 năm 2013 (МИД СРВ, среда 31 июля 2013)
 8. Asia Times on-line. URL: www.atimes.com/SouthEast Asia/ Vietnam Weaves between US and China Sep 19,2008.
 9. Published on *Center for Strategic and International Studies*. URL: <http://csis.org>
http://online.wsj.com/article/SB10001424052748704741904575409261840078780.html?mod=google_news_wsj.
 10. *Hoang Anh Toan*. Op.cit.
 11. Телеграфное агентство Вьетнама. Совместное заявление Вьетнама и США. 2013.26 июля г. URL: www.Thong.
 12. Ibid.
 13. Линия «U» официально появилась на карте, представленной в ООН в 2009 г. Она обозначает претензии КНР почти на 90% акватории ЮКМ со всеми его островами.
 14. США добиваются свободы плавания своих военных кораблей за пределами 12-мильной зоны территориальных вод в 200-мильной исключительной экономической зоне прибрежных государств, а Китай допускает это только после запроса и его разрешения на «мирный проход» без какой-либо военной деятельности, включая разведку, чем часто занимаются американцы. Слабость позиции США и в том, что они Конвенцию 1982 г. подписали, но до сих пор не ратифицировали.
 15. Восточное море в поездке г-на Шанга в США // БиБиСи. 2013. 26 июля. (вьет.яз)
 16. Thayer C. Vietnam Gradually Warms Up to US Military // The Diplomat. 2013. 24. Oct.
 17. Зона свободной торговли (ЗСТ), которая будет создана в результате подписания соглашения, должна стать крупнейшим интеграционным объединением, состоящим из 12 государств (Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония). Совокупный ВВП этих государств составляет более трети мирового ВВП.
 18. АСЕАН + Китай, Япония и Южная Корея.
 19. Associated Press. 2013. 16 Dec.,
 20. Вся эта часть акватории находится под административным контролем провинции Хайнань. Правительство вскоре это постановление подтвердило.
 21. Broukings Opinion. 2014. 6 Febr.
 22. URL: WWW. *Shangri-La Dialogue 2013/ Keynote Address: Q&A/*Nguyen Tan Dung, Prime Minister, Vietnam.

Экономика

Новый этап экономического развития Китая (К итогам 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва)

© 2014

Я. Бергер

Для предотвращения дальнейшего сокращения роста и достижения целей глобального лидерства Китая 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва принял программу всесторонних глубоких реформ, направленных на усиление роли рынка в размещении ресурсов. Новый этап развития нацелен на превращение Китая в крупнейшую экономику мира. Инвестиционная экспансия ведет к глобальному расширению интересов Китая, что, в свою очередь, стимулирует эволюцию военной доктрины в направлении «обороны на внешних рубежах».

Ключевые слова: реформа, развитие, экономический рост, рынок, инвестиции, деревня, землепользование, урбанизация, монополии, смешанная собственность, финансы, распределение, налоги.

На протяжении трех с половиной десятилетий курса на реформы и развитие Китай благодаря высокой динамике экономического роста добился выдающихся успехов. За период с 1980 по 2007 гг. доля ВВП Китая в мире по ППС увеличилась с 2,19% до 10,94%, а за последующее пятилетие — до 14,92%. По объему ВВП Китай обошел Германию и Японию и вышел на 2-е место в мире после США.

Рост китайской экономики опирался на такие благоприятные условия, как обилие дешевой рабочей силы и высокая конъюнктура мировой экономики, обеспечивавшая спрос на мощный приток китайских промышленных товаров. Главным двигателем роста были широкомасштабные отечественные и зарубежные инвестиции в инфраструктуру и промышленное производство.

В последние годы, однако, факторы, способствовавшие экономическому росту, стали постепенно исчерпываться, а движущие его силы — ослабевать. Вследствие общих закономерностей экономического развития при достижении некоторого, достаточно высокого его уровня резервы избыточной рабочей силы стали иссякать, а ее стоимость — повышаться. Численность населения в рабочем возрасте достигла своего максимума, после которого она начала сокращаться. Соответственно возрастает иждивенческая нагрузка на одного работника. Из-за глобального кризиса возникли затруднения со сбытом китайских товаров на мировых рынках. Стала неуклонно падать эффективность

инвестиций: для поддержания столь же высоких, как на начальных этапах, темпов роста требовалось все больше инвестиций.

В результате динамика экономического роста стала снижаться. Если в первые два десятилетия после принятия курса на рыночные реформы и открытость, с 1978 по 2008 гг. среднегодовые темпы роста китайской экономики составили 10,02%, то в последующее пятилетие, с началом глобального финансового кризиса они упали до 7,7%.

Одновременно все больше стали ощущаться серьезные негативные следствия сверхскорого роста экономики, подгоняемого наращиванием инвестиций, без поддержки со стороны адекватно увеличивающегося внутреннего потребительского спроса. Упомянем некоторые из них.

– Низка эффективность использования ресурсов. На производство единицы ВВП в Китае тратят в 2,6 раза больше энергии, чем в среднем в мире. Недостаточно эффективно используются весьма ограниченные земельные ресурсы — как в городах, так и в сельской местности.

– Низка производительность труда. Производство ВВП на одного занятого составляет в Китае 21% от уровня США и 32% от уровня Японии. По большинству отраслей Китай занимает нижние ярусы в производственных цепочках международного разделения труда. По производству добавленной стоимости в промышленности Китай существенно уступает развитым странам.

– За последние годы из-за удорожания рабочей силы, земли, капитала, повышения стоимости китайской валюты утрачиваются традиционные конкурентные преимущества Китая на мировых рынках промышленной продукции, сокращается доля Китая в мировой торговле трудоемкой продукцией.

– Доля наукоемкой и техноемкой продукции в экспорте относительно невелика. Значительно выросла за последние годы зависимость китайской экономики от импорта ресурсов и технологий.

– Китай занимает первое место в мире по численности научно-технического персонала, Однако предприятия слабо заинтересованы развитии НИОКР и использовании их результатов.

– Неоправданный расчет на постоянный рост внешнего спроса привел к тому, что во многих отраслях китайской промышленности, включая производство стали, цемента, электролитического алюминия, листового стекла, кокса, автомобилей, мобильных телефонов, табака были наращены избыточные производственные мощности. Во многих случаях недоиспользуются от 30 до 50% мощностей, причем не только в традиционных, но и в технологически новейших отраслях, таких как производство солнечной и ветровой энергии. Это ведет к непомерному увеличению складских запасов и снижению прибыльности предприятий.

– В погоне за высокими и сверхвысокими темпами роста местные и региональные власти прилагали все силы, чтобы привлечь инвесторов, пренебрегая нередко долгосрочными интересами страны в целом и даже своей местности в таких, например, вопросах, как сбережение ресурсов и охрана окружающей среды. Загрязнение атмосферы, водных источников, почв в ряде районов достигло таких размеров, что стало угрожать здоровью и жизни людей.

– Рациональное межрайонное разделение труда развито слабо. Развитие регионов нередко носит автаркический характер, вступая в противоречие с задачами формирования единого народнохозяйственного комплекса в масштабах всего Китая.

– Признаки надвигающегося кризиса наблюдаются за последние годы в важнейшей для экономики и общества — финансовой сфере. Окупаемость долгосрочных кредитов, предназначенных во многом для развития инфраструктуры, рассчитана на большой период времени, что ведет к росту долгов, в том числе в немалой степени — невозвратных.

– Темпы увеличения денежной массы за последние годы были выше динамики ВВП. Но основная часть прироста прямо или косвенно поступает на рынок недвижимости или в инфраструктуру. Пузыри на рынке недвижимости и теневые структуры способствуют быстрому росту денежных кредитов, которые, однако, остаются недоступными для малых и средних промышленных предприятий.

– Стремление перенаправить вектор кредитования из отраслей реального сектора экономики в более безопасный сектор жилищного строительства, подталкивает рост цен на недвижимость, что вызывает озлобленность у населения и побуждает прибегать к мерам административного макрорегулирования.

– Недостатки в системе распределения ведут к существенной социальной и имущественной дифференциации общества, порождающей массовое недовольство и многочисленные локальные конфликты.

– Среди проблем и вызовов, перед которыми стоит сегодня страна, первостепенное место занимает состояние власти, ее легитимность, прочность ее связей с теми социальными группами и слоями, на поддержку которых она может рассчитывать, проводя структурные реформы. Этот приводной механизм подвергается серьезным испытаниям. Не в последнюю очередь из-за принявшей массовые масштабы коррупции, разъедающей все звенья партийной и государственной власти и прогрессирующей, несмотря на все старания ее остановить.

Рынок и государство. Постановление 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) «О некоторых важных проблемах всестороннего углубления реформы» представляет собой стратегическую программу нового этапа развития экономики и общества Китая, определяющую цели, задачи и ориентиры страны на широкую перспективу. Одновременно это — и своего рода дорожная карта, содержащая ответы на основные стоящие перед Китаем злободневные проблемы и вызовы. Документ ясно демонстрирует решимость руководства правящей партии изыскать и раскрыть новые источники и ресурсы для продолжения долгосрочного поступательного развития китайской экономики и избавления ее от болезненных синдромов, мешающих такому развитию. Именно решению этой главной задачи подчинены все преобразования, предусматриваемые новым высшим руководством правящей партии.

Программа носит многогранный характер. Остается незыблемой установка на приоритет экономики перед прочими сферами государственной и общественной жизни. Вместе с тем, подчеркивается тесная связь и взаимозависимость экономических реформ с проблемами политическими, социальными, культурными, экологическими. Речь, таким образом, идет о капитальном ремонте и дальнейшей модернизации всех систем жизнеобеспечения страны. По подсчетам одного из ведущих китайских экономистов У Цзиньляня, в документах 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва упоминаются до 300 различного рода необходимых преобразований, охватывающих все аспекты развития.

Ключом к решению многих задач, стоящих перед Китаем, является дальнейшая оптимизация отношений между государством и рынком. В канун важнейших партийных форумов последних десятилетий в стране неизменно обострялись дискуссии по поводу того, в каком направлении должна происходить такая оптимизация: увеличивать ли далее роль рынка или, напротив ее умерить. Состоявшийся в 1992 г. XIV съезд КПК призвал к строительству социалистической рыночной экономики и определил, что рынок должен играть основополагающую роль в распределении ресурсов под макроконтролем со стороны социалистического государства. В ноябре 1993 г. 3-й пленум ЦК КПК 14-го созыва принял программу из 50 пунктов, которая дала старт реформам в области налогообложения, финансов, валютного управления, государственных предприятий, социального страхования. В 2002 г. XVI съезд КПК призвал осуществлять основополагающую роль рынка по размещению ресурсов «в еще большей степени» и одновременно снял оговорку «под макроконтролем со стороны социалистического госу-

дарства». Через пять лет XVII съезд КПК предписал действовать в том же духе, но «еще лучше», а XVIII съезд КПК в 2012 г. — повторил то же указание, только «в еще большей степени и в еще больших масштабах».

И вот, наконец, всего год спустя, в ноябре 2013 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва роль рынка была сформулирована как «решающая». При всей схожести прежнего и нынешнего понятий из документов последнего пленума и последующей практики становится ясно, что имеется в виду *кардинальное расширение и углубление воздействия законов рынка на экономику*. Более того, можно сказать, что такое мало заметное, на первый взгляд, различие формулировок определяет главный стержень нового партийного документа и, более того, составляет важнейший фактор *нового этапа развития Китая*.

На первом этапе пореформенного развития страны в 80-е годы прошлого века в центре преобразований стояло становление семейного подряда в деревне. На втором этапе в 90-е годы на первый план выдвинулось реформирование государственных предприятий и становление негосударственного сектора экономики. Третий этап в начале 2000-х годов нашего века ознаменовался вступлением Китая в ВТО и гигантским укреплением его связей с мировым хозяйством. Нынешний четвертый этап — восхождение к экономическому и политическому лидерству Китая в мире на основе всеобъемлющего развития рыночной экономики. Этот этап призван укрепить экономическую основу национального единства и завершить создание фундамента для реализации мечты о великом возрождении китайской нации

Углубление и расширение рыночных отношений должно способствовать изменению модели развития и, прежде всего, переформатированию механизма, движущего экономический рост. Опора преимущественно на наращивание инвестиций и экспорта сменяется большей ориентацией на внутренний спрос. Важным локомотивом его становится урбанизация. Она сопровождается изменением социальной структуры в пользу средних слоев, общим увеличением семейных доходов и повышением сервисных секторов в структуре экономики, что соответствует постиндустриальной стадии развития, при сокращении удельного веса промышленности, доминировавшей на стадии индустриализации.

Расширение рыночных отношений должно освободить от административного давления и привести в норму ценообразование факторов производства. Будут сбалансированы цены на энергоносители и электроэнергию. Постепенно сформируется единый рынок землепользования, охватывающий город и деревню, Коммерциализация депозитной ставки должна обеспечить равный доступ всех субъектов рынка к пользованию кредитно-финансовыми ресурсами, а формирование механизма определения валютного курса будет способствовать интернационализации юаня. Намечается открыть доступ частного капитала в монополизированные государством отрасли, такие как железные дороги, электроэнергетика, добыча, транспортировка и переработка нефти, гражданская авиация, почта. Будет ужесточен налог на монопольную прибыль.

За годы реформ не только намного возрос совокупный потенциал китайской экономики, но и значительно укрепилась взаимосвязь и взаимозависимость китайских регионов, особенно в восточной, наиболее развитой части страны. Существенно возросли товарные потоки между провинциями. Однако остается еще немало различного рода барьеров, ведомственных и территориальных, на пути свободного перемещения факторов производства.

Одним из важнейших препятствий на пути к единому рынку является стена, отделяющая *город от деревни*. Особые сложности в преодолении этой преграды связаны с тем, что она носит не только экономический и материально-технический, но и сословно-дискриминационный характер. Ведущий китайский экономист Ли Инин говорит, что в определенном смысле крестьян можно называть «гражданами второго сорта»¹.

В течение многих лет государство вкладывало подавляющую часть финансов в индустриализацию, в инфраструктуру города, тогда как село оставалось поставщиком

ресурсов и наиболее трудоспособной рабочей силы. В результате село значительно превосходит город по удельному весу людей пожилых и нетрудоспособных. Заниженные цены на сельскохозяйственную продукцию отвращают крестьян от занятия земледелием. В результате способность Китая обеспечивать себя зерном сокращается. Пекин вынужден обращаться к импорту.

Сельский (согласно особой системе прописки) житель, даже работая и проживая в городе достаточно длительное время, за равный труд не получает равную с горожанином заработную плату. Он не пользуется равными условиями труда, образования, социального страхования, обеспечения жильем.

Изъятие у крестьян земли по заниженным ценам и перепродажа ее по рыночной стоимости городским девелоперам стали важнейшим источником дохода в бюджетах местных правительств. Сельская земля, формально находится в коллективной собственности, но пахотные участки отдаются крестьянским дворам в обработку по семейному подряду, а непахотные — застраиваются и отчуждаются, часто по решению местных властей и сельской верхушки. При этом порядок изъятия нередко носит принудительный характер и граничит с произволом. Именно это обстоятельство часто становится причиной широко распространенной коррупции, с одной стороны, массовых протестов во многих районах страны — с другой.

Формирование единого для деревни и города рынка факторов производства Пекин начал с *реформы системы землепользования*. 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва решил предназначенные для застройки коллективные земли в деревне отчуждать, сдавать в аренду, акционировать наравне с землей, принадлежащей государству. Соответствующие нормативные документы готовятся и должны вступить в силу в текущем году. В Аньхое и Шэньчжэне проводятся соответствующие эксперименты.

Одновременно ведется такая же пробная работа по стабилизации и совершенствованию подрядных отношений на пахотных землях, а также эксперименты по отработке системы владения и пользования приусадебными участками. Крайне осторожно проводятся опыты по передаче крестьянами прав собственности на жилье и использования их в качестве обеспечения или как залог². Обследование, проведенное в 1791 крестьянском хозяйстве на территории 17 провинций в 2011 г., обнаружило, что только 36.7% крестьян имеют правильно оформленные контракты и сертификаты на пользование землей. В документе № 1 ЦК КПК и Госсовета КНР за 2013 г., традиционно посвященном деревне и сельскому хозяйству, говорилось, что приведение в порядок земельной документации планируется завершить в течение пяти лет. До этого момента и пока не будут получены результаты экспериментов, ныне действующие порядки во всей стране, скорее всего, больших изменений не претерпят.

Заместитель руководителя Центра изучения развития при Госсовете КНР Хань Цзюнь отмечает, что в стране имеют хождение ошибочные толкования решений 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва. Многие компании полагают, что горожанам позволят произвольно скупать в деревне как предназначенные для застройки коллективные земли, так и приусадебные участки. Однако коллективные земли нельзя национализировать, а вхождение торгово-промышленного капитала в сельское хозяйство нельзя осуществлять за счет крестьян. С земельной реформой не следует торопиться. Нельзя допустить концентрации земли в руках горстки магнатов. Изменение порядка изъятия земли, передача предназначенных для застройки коллективных земель требует сугубой осмотрительности и, в частности, увязки с разрабатываемым в настоящее время проектом введения налога на недвижимость, который предполагается ввести в течение пяти лет.

Китайское руководство, отмечает Хань Цзюнь, немалые надежды связывает с урбанизацией, но оно не готово ради этого очень важного в экономическом и политическом плане процесса жертвовать самым ценным достоянием народа — землей. В настоящее время урбанизация земли идет быстрее, чем урбанизация населения. С 2000 по 2010 гг.

население городских районов выросло на 35,3%, а площадь городской застройки — на 99,3%. Плотность городского населения за последние 10 лет сократилась на четверть³.

Еще до последней смены высшего китайского руководства много говорилось о необходимости реформировать *хукоу* — дискриминационную систему регистрации граждан, привязывающую социальный статус, экономические и политические права гражданина к месту его рождения: городскому или сельскому. Китайские эксперты не однажды подчеркивали пагубность этой системы для перспектив развития. Они указывали на угрозу попадания страны в «ловушку средних доходов», подобную той, которая прервала восхождение ряда государств Латинской Америки к высокому уровню доходов, и рекомендовали следовать положительному примеру Японии и Республики Корея, счастливо избежавших этой ловушки, своевременно сократив различия между городом и деревней. Выдвигались различные проекты реформирования, но все они оставались лишь на бумаге, прежде всего потому, что связанная с такой реформой реорганизация системы предоставления публичных услуг и социального обеспечения требует немалых затрат.

XVIII съезд КПК призвал ускорить реформирование системы подворной регистрации населения, подчеркнув важность обретения крестьянами общегражданского статуса. Ряд китайских экспертов, однако, полагают, что даже ускоренный переход от двучленной системы «деревня-город» к единой системе потребует не менее полутора десятилетий. Они предлагают идти к этой цели постепенно, постадийно, ослабляя связь между статусом горожан и их привилегиями и снимая барьеры сначала в малых городах и поселках, потом — в средних и крупных и только под конец — в мегаполисах. Пока что городские власти в большинстве случаев противятся значительному увеличению притока новых горожан, поскольку он чреват большим увеличением бремени социальных расходов, которые окупятся очень нескоро. Единственным исключением здесь служат те городские поселения, куда сами крестьяне идут неохотно из-за ограниченных возможностей трудоустройства или иных недостатков социальной инфраструктуры, включая жилье, образование, здравоохранение.

Еще один важный вектор углубления рыночных реформ касается предприятий *государственного сектора экономики* и его соотношения с негосударственными секторами. В постановлении 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва сказано, что государственные предприятия «в основном интегрированы в рыночную экономику». В прошлом, действительно, было сделано немало для того, чтобы госпредприятия стали подлинными субъектами рынка. В 90-е годы они освободились от большого количества избыточной рабочей силы и от ряда не связанных непосредственно с предпринимательством социальных функций, включая материальную поддержку местных школ, больниц, полиции. Многие крупные государственные предприятия располагают солидной научно-исследовательской базой, имеют немалый опыт деятельности на международных рынках, способны быстро развиваться. Из 500 крупнейших мировых корпораций 43 представляют китайские государственные компании центрального подчинения. За вычетом подоходного налога в расчете на 100 юаней дохода госпредприятия платят государству в среднем 8,4 юаней налогов, тогда как частные — 3,7 юаней, а иностранные — 3,5 юаней. В 2011 г. налоги, уплачиваемые госпредприятиями, составили 38,4% всех налоговых доходов государства. До конца 2011 г. госпредприятия передали в фонд социального страхования акции на сумму 211 млрд юаней, что составляет 43,1% его финансовых доходов⁴.

Однако наследие прошлого все еще дает себя знать. По мнению Ли Инна, госпредприятия еще не стали рыночными в полном смысле этого слова, в лучшем случае их можно назвать «не вполне рыночными». Более 8 тыс. предприятий только центрального подчинения сохраняют функциональные органы по поддержке образования, здравоохранения, местных общин. Ежегодные дотации этим органам составляют десятки миллиардов юаней. На содержании предприятий находятся более 5 млн пенсионеров и более 1 млн испытывающих материальные затруднения рабочих и служащих⁵. Сегодня рефор-

маторы хотели бы усовершенствовать управление госпредприятиями, сделать их более эффективными, более адекватно реагирующими на сигналы рынка и соответственно вносящими еще более весомый вклад в казну государства.

В Китае, как правило, плохо развита внутриотраслевая производственная кооперация между крупными, средними и малыми предприятиями. Все они стремятся производить конечный продукт. В связи с этим насущно необходимыми становятся слияние и поглощение предприятий с использованием развитого фондового рынка.

Постановление пленума ЦК КПК — это, прежде всего, политический документ. В нем не могут быть прописаны все детали намечаемых трансформаций, тем более — в такой сложной сфере, как функционирование государственного сектора экономики, где сосредоточены огромные ресурсы, где особенно остро сталкиваются различные интересы и идейные установки, где многие ориентиры еще до конца не определены. Поэтому конкретные решения по разным аспектам реформы госсектора в соответствии с уже сложившейся и испытанной практикой будут приниматься не только исходя из общей стратегии, но и по результатам накапливаемого опыта. Предстоит, в частности, найти оптимальную дистанцию отмежевания предприятий от государства и приближения к рынку, соблюсти разумное сочетание государственных интересов с интересами компаний, с тем, чтобы не пришлось в жертву ни одним, ни другим, чтобы углубление рыночных отношений не обернулось повальной приватизацией.

Надлежит существенно усовершенствовать формы и методы управления государственными активами и укрепить контроль над ним. Как отмечалось на состоявшемся в конце 2013 г. расширенном заседании Госкомитета по контролю и управлению госимуществом, широко распространенная в государственном секторе коррупция в небольшой степени связана с существованием тесных личных связей между парткомом, советом директоров и главными менеджерами компании, вплоть до совмещения их функций в одном лице. Нередко и руководитель партийной комиссии по проверке дисциплины принадлежит к тому же тесному кругу. В наиболее коррумпированных отраслях, таких как нефтегазовая, высшие менеджеры назначались на должность, как правило, без конкурса, по прямому распоряжению опекающих их правительственных чиновников. Именно такие компании и предприятия, как полагают, подвергнутся первоочередной реорганизации.

В документах 4-го пленума ЦК КПК 15-го созыва, состоявшегося в сентябре 1999 г., было определено, что государственный сектор экономики должны составлять отрасли, связанные с безопасностью государства, естественные монополии, отрасли с важными базовыми сооружениями, минеральными ресурсами и публичными услугами, а также важные предприятия, являющиеся костяком поддержки новых и высоких технологий. Однако, несмотря на попытки ограничить отраслевой спектр государственного сектора, он по-прежнему представлен достаточно широко во многих отраслях, особенно в энергетике, добыче сырья, производстве оборудования, финансах, оптовой торговле, связи и транспорте. В государственном секторе все еще много средних и малых предприятий, плохо управляемых и малоэффективных. В 2012 г. чистая прибыль госпредприятий составила всего 6%, а если исключить 10 самых прибыльных предприятий и госдотации, то этот показатель опустится до 2,59%⁶.

Многие госпредприятия находятся на грани убыточности. При этом высшие менеджеры получают заработную плату, бонусы и социальные пакеты, общая сумма которых нередко превосходит прибыль. Причину такой нестыковки усматривают в недостатках системы управления, избыточном административном вмешательстве, а выход — в разграничении функций управления и дальнейшем слиянии государственной собственности с негосударственной, в формировании смешанной собственности. В постановлении 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва экономика смешанной собственности названа «важной формой реализации основного экономического строя», а активное развитие та-

кой экономики — «непременным требованием «углубления реформы государственных предприятий, совершенствования основного экономического строя»⁷.

По этому пути Китай начал идти еще в конце прошлого — начале нынешнего века, но процесс развивался неравномерно, с прорывами и откатами. Преобразование собственности осуществляется посредством различных форм акционирования. К концу 2012 г. акционированием было охвачено 63,6% всех ценовых промышленных предприятий, 58,5% их основного капитала, 58% дохода от основных видов деятельности, 58% налогов и 59,1% прибыли⁸.

Изначально предполагалось, что вклад государства как акционера будет постепенно понижаться, однако после 2007 г. он оставался почти неизменным — на уровне примерно 80%, а в отдельные годы был еще выше⁹. Теперь этот процесс будет продвигаться более интенсивно. В зависимости от важности для безопасности и экономики страны госпредприятия, государственные инвестиционные компании и компании, управляющие государственными активами, делятся на четыре группы. К первой, самой малочисленной относятся те, которые могут функционировать вообще без привлечения государственного капитала. Ко второй — те, где государство обладает абсолютным контролем. Сюда относятся военная промышленность, электросети, нефтяная и нефтехимическая промышленность, угледобыча, гражданская авиация. В третьей — у государства имеется относительный контроль, поскольку здесь ему принадлежат такие гиганты, как Баошаньский и Аньшаньский металлургические комбинаты, 1-й и Шахайский автомобильные заводы. В четвертой группе государственный контроль не требуется, государство либо сохраняет свое участие, либо полностью от него отказывается (последнее относится к т.н. «конкурентным отраслям», таким, например, как текстильная промышленность, где присутствие государственного капитала нецелесообразно).

Серьезные изменения предполагается произвести в государственных монополиях. В текущем году намечено привлечь внешних инвесторов в систему железных дорог, начать функционирование нефтяной биржи, ослабить ограничения на импорт нефтепродуктов и природного газа, ввести прямые закупки электроэнергии крупными пользователями, развернуть подключение к сетям по конкурентным ценам. В 2015–2017 гг. предполагают ввести в действие новую модель железнодорожных перевозок, новый механизм ценообразования на нефтепродукты, базирующийся на взаимосвязи внутреннего и внешнего рынка и на рыночном принципе спроса и предложения. Правительственное вмешательство потребуется лишь в случае слишком больших колебаний цен. Начнет действовать также первичная форма конкурентного рынка электроэнергии, основанная преимущественно на двусторонних контрактах и, в меньшей степени, также на реальной конкуренции. В 2018–2020 гг. намеченные реформы должны быть завершены¹⁰.

Отчисления от прибыли госпредприятий центрального подчинения в доход государства стартовали в 2007 г. Размер их зависит от сферы деятельности, но в целом остается небольшим: максимум 15% для предприятий центрального подчинения в ресурсной сфере, минимум 5% для предприятий военной промышленности¹¹. Эту ситуацию еще более усугубляет то обстоятельство, что 90% отчислений вновь вкладывается в государственный сектор. Повышение эффективности государственного сектора позволит увеличить поступления в бюджет и направить немалые дополнительные средства на развитие системы социального обеспечения граждан.

Глубокие изменения предполагается произвести в *финансовой* сфере, являющейся ядром современной рыночной экономики. Будет расширено участие негосударственного капитала в легальной деятельности *банков*, прежде всего средних и малых, и иных финансовых организаций. Это значительно увеличит кредитные ресурсы, облегчит доступ населения к финансовым услугам, в том числе — к микрокредитам и поможет вывести из тени неофициальные финансовые структуры¹². Реформирование порядка эмиссии ценных бумаг стимулирует развитие *фондового рынка* и повысит его роль в

поддержке развития реального сектора экономики. Переход к рыночному определению *обменного курса валют* повысит его гибкость и будет способствовать интернационализации китайской национальной валюты, хотя при этом может пострадать устойчивость финансовой системы. Чтобы предотвратить угрозу, планируется создать систему, позволяющую управлять рисками. Еще одной важной мерой станет *либерализация процентной ставки*, предполагающая устранение нижней границы ставки по кредитам.

В начале 2014 г. Центр макроэкономических исследований Сямэньского университета провел опрос китайских экономистов с целью ранжировать вызовы, с которыми в настоящее время сталкивается функционирование макроэкономики КНР. 63% экспертов по макроэкономике признали главным вызовом большие долги местных правительств, связанные преимущественно с их чрезмерной инвестиционной активностью. По данным аудита, с конца 2011 г. по июнь 2013 г. задолженность местных правительств увеличилась с 10,7 трлн юаней до 17,9 трлн юаней, что составляет треть годового ВВП. В числе мер, рекомендованных экспертами для смягчения угрозы дефолта, были полномасштабное бюджетное управление долгами, формирование открытого долгового рынка, отказ от погони за максимизацией ВВП и т.п.¹³ Министр финансов КНР Лоу Цзивэй считает, что главное — добиться рационального сочетания обязанностей и расходов в центре и на местах¹⁴. Одновременно в разных провинциях страны создаются свои компании по управлению активами, способные справиться с плохими долгами самостоятельно, без помощи центра.

Функции *государства* на новом этапе, если не сокращаются, то, во всяком случае, существенно преобразуются. Они перемещаются еще более из сферы непосредственного хозяйствования, из микроэкономики в сферу *макрорегулирования, контроля над рынком, социального управления и предоставления публичных услуг*. Предполагается привести в соответствие реальные обязанности всех уровней власти с их финансированием, сделать основными критериями оценки деятельности чиновников не рост ВВП, а качество общественных услуг и удовлетворенность населения.

Реформирование правительственных функций, уменьшение вмешательства государства в экономику открывают дорогу для усиления роли рынка. Регулирующее воздействие рынка на экономическую деятельность больше не будет сдерживаться необходимостью обращаться к правительству за разного рода административными разрешениями. Факторы производства будут перемещаться по законам спроса и предложения, а не по руководящим указаниям. Воздействие государства на ценообразование сохранится только в сфере оказания публичных услуг.

Вместе с тем, именно государство ответственно за создание условий для функционирования легального и равноправного рынка, за предотвращение его монополизации. Государство обеспечивает поддержание социального порядка и мотиваций для труда, творчества и инноваций, без чего невозможна ни рыночная, ни нерыночная экономика.

В связи с этим большое экономическое, социальное и политическое значение приобретает реформирование системы распределения. Реформы в этой сфере призваны повысить роль внутреннего потребления как двигателя экономического роста и укрепить сильно пошатнувшуюся веру в социальную справедливость. За годы реформ система распределения прошла путь от уравниловки до чрезмерной социальной дифференциации и поляризации. На этот процесс оказывают воздействие разные факторы. Первый среди них — наличие у значительной части населения нелегальных и «серых» доходов. Свою лепту в диспропорции распределительной системы вносят также низкая доля оплаты труда в доходах населения, растущий разрыв в оплате труда работников монопольных отраслей и негосударственных предприятий, несбалансированность участия разных факторов производства в распределении доходов.

В документах XVIII съезда КПК и 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва реорганизация *налоговой системы* названа ключевой точкой всего процесса углубления реформ.

Одновременно многие эксперты считают эту область самым узким местом проведения реформ. Едва ли не все трудности и проблемы в экономике и социальной сфере так или иначе связаны с налоговой системой.

В последние годы миллионы малых предприятий ощутили облегчение в связи с переходом от налога на хозяйственную деятельность к налогу на добавленную стоимость (НДС). Но налоговая нагрузка на предприятия и граждан все еще остается очень тяжелой. Необходимо уменьшить удельный вес косвенных налогов и постепенно поднять долю прямых налогов: подоходного налога, налога на потребление и других. Это существенно снизит налоговое давление на социальные группы с невысоким уровнем дохода и поднимет налогообложение зажиточных слоев общества.

Внешнеэкономическая экспансия и эволюция военной доктрины. В 10-й пятилетке среднегодовые темпы роста китайского экспорта достигали 25%, в 11-й пятилетке они снизились до 15,7%, а в начале 12-й стали измеряться несколькими процентами. Снижение динамики объясняется рядом факторов. Прежде всего, трудностями, переживаемыми мировой экономикой. Они, с одной стороны, сжали спрос на китайскую продукцию, а с другой — стимулировали в ряде развитых стран стремление к реиндустриализации, усилили рост протекционизма в отношении отечественного производства как в развитых, так и развивающихся странах и стимулировали политизацию торговых конфликтов. В 2013 г. антидемпинговые и antidотационные расследования против Китая были возбуждены в 19 странах.

Но в еще большей мере спад динамики китайского экспорта вызывается постепенным затуханием действенности традиционных конкурентных преимуществ Китая — дешевых ресурсов и дешевой рабочей силы. Предпринимая различные меры для сохранения и поддержания позиций Китая как ведущего мирового экспортера товаров и второго по значению мирового импортера, Пекин одновременно быстро продвигается к роли одного из главных мировых инвесторов капитала. Усиление конкуренции на внутреннем рынке будет существенно активизировать внешнюю экономическую экспансию Китая по ряду предсказуемых векторов. Не случайно одновременно с курсом на углубление рыночных реформ усилилась пропаганда двух направлений «шелкового пути»: морского и континентального. От экспорта товаров Китай станет все больше переходить к экспорту капиталов, что призвано усилить и расширить также его политическое влияние — как в отдельных регионах, так и в глобальном масштабе.

За период с 2003 по 2012 гг. зарубежные капиталовложения Китая росли в среднем за год на 41,6%. В 2012 г. прямые иностранные инвестиции КНР составили 87,8 млрд долл., что вывело страну по этому показателю на 3-ю позицию в мире. Суммарный объем прямых китайских инвестиций за рубежом превзошел 500 млрд долл. По предположению заместителя председателя финансово-экономического комитета ВСНП Гу Шэнцзу, к 2020 г. их объем может превысить 1 трлн долларов.

С целью еще больше продвигать стратегию «выхода за пределы», Пекин предпринимает дальнейшие шаги по облегчению выдачи разрешений на зарубежную инвестиционную деятельность, по совершенствованию систем товарных пошлин, валютного регулирования, финансовых услуг, правил въезда и выезда своих и иностранных граждан. Значительные усилия прилагаются к созданию вокруг Китая зон свободной торговли.

В начале 2014 г. в Пекине состоялся новогодний форум по зарубежным инвестициям Китая. Как сообщил на этом форуме председатель Ассоциации содействия китайским инвестициям Чжан Ханья, прямые иностранные инвестиции в 179 зарубежных странах и районах осуществляют около 22 тыс. китайских предприятий.

Среди крупнейших проектов китайских негосударственных инвесторов первое место принадлежит строительству в Никарагуа канала между Карибским морем и Тихим океаном ориентировочной стоимостью 40 млрд долл. Этот проект, представляю-

ший собой альтернативу Панамскому каналу, включает в себя сооружение двух морских портов, аэропорта, нефтепровода и создание двух зон свободной торговли. Ввод в эксплуатацию намечен на 2019 г., завершение строительства — на 2029 г. Второе место по объему инвестиций принадлежит строительству глубоководного порта в Крыму. Он предназначен для вывоза зерна из Украины. Стоимость проекта оценивается в 10 млрд долл. Как пишут в китайской печати, он позволит сократить путь из Китая в Северную Европу на 6 тыс. км и существенно активизирует китайско-европейские торговые связи. Третий по масштабам проект — покупка крупнейшего мирового производителя мяса компании Smithfield Food. В числе прочих крупных сделок — инвестиции в Англии, США, Испании, Малайзии¹⁵.

Директор Института новой экономики и главный советник Китайского института зарубежных инвестиций Го Ся, выступая на новогоднем форуме, заявил, что зарубежные инвестиции — главная сила в реализации «китайской мечты». По его словам, наибольшие выгоды сулят инфраструктурные проекты, связанные с реализацией идеи нового Шелкового пути, с транспортными, информационными, финансовыми и иными сетями. Создание этих сетей потребует многомиллиардных инвестиций, что приведет к важным переменам во всей международной финансовой системе. Прямые зарубежные китайские инвестиции будут осуществляться не в американских долларах, а в жэньминьби. Мощное развитие китайской инвестиционной активности приведет к тому, что суверенное национальное богатство Китая будет пополняться активами, дисперсно распространенными по всему земному шару.

Параллельно с укоренением идей финансово-экономической экспансии Китая все больший вес приобретает убежденность в необходимости «*ведения войны на внешних рубежах*»¹⁶. Эти соображения находят воплощение и развитие не только в высказываниях экономистов и коммерсантов, но также, в еще большей мере, в суждениях военных экспертов. Характерным примером проекции сдвигов во внешнеэкономической обстановке Китая на эволюцию его военной доктрины может служить статья директора Института военной мысли Мао Цзэдуна Военной академии Хуан Инсю. Статья под заголовком «Мечта о сильной армии в ракурсе китайской мечты» опубликована в январском номере за 2014 г. журнала «Сюэси шибао», издаваемого Центральной партией при ЦК КПК.

Автор напоминает, что после создания Нового Китая довольно долго в военной стратегии доминировала мотивация защиты своей страны. Руководящей стратегической идеей подготовки к войне и начального ее этапа было заманивание противника вглубь своей территории с тем, чтобы в ходе широкой затяжной народной войны ослабить его, а затем, после коренных изменений в соотношении сил, перейти в контрнаступление или в наступление и окончательно изгнать агрессора. В 1988 г. от стратегии противостояния крупномасштабной агрессии перешли к стратегии подготовки к локальным войнам. На деле это означало перемещение стратегического фронта из глубины своей территории в приграничные и приморские районы. С 1993 по 2004 гг. НОАК одновременно делала упор на активную оборону. Тем не менее, полагает Хуан Инсю, вплоть до настоящего времени китайская военная стратегия, в основном, интравертна, не полностью отошла от идей обороны своей земли и своих границ. Отставание от развития государственных интересов, от возвышения международного статуса государства не позволяет поднять строительство вооруженных сил Китая на новую ступень.

Осуществление китайской мечты о великом возрождении китайской нации, полагает Хуан Инсю, требует перехода от интравертности к экстравертности. Иными словами, в соответствии с реализацией стратегии «выхода за пределы» китайская военная стратегия должна продвигать вперед линию обороны, переходить от защиты границ и приморья к защите заграничного пространства. Нужно быть в состоянии эффективно

сдерживать и останавливать любое государство, наносящее ущерб важным зарубежным интересам Китая.

Реализация нового курса. Китай сегодня, действительно ближе, чем когда-либо прежде, к осуществлению своей мечты. Но трудностей и вызовов, с которыми сталкивается Китай сегодня, также больше, чем когда-либо ранее. Дорога в будущее по-прежнему изобилует шипами и ловушками. Осуществить радикальные перемены нелегко, прежде всего, потому, что за каждым из препятствий, мешающих их реализации, стоят влиятельные силы, властные группы, преследующие свои собственные интересы. Видный китайский эксперт, директор Института исследования реформ и развития на Хайнане Чи Фу-линь указывает, что самая большая трудность для проведения реформ — необходимость слома сложившейся комбинации интересов, особенно тех, кто извлекает свою выгоду, контролируя власть на местах и в народнохозяйственных отраслях¹⁷. Лишь одолев эту преграду, можно убедить большинство общества в том, что реформы социально справедливы и направлены на общее благосостояние, а их результаты не присваиваются корыстным меньшинством.

Давление, а нередко и доминирование корпоративных, местнических, ведомственных и иных частных интересов, превалирование их над интересами общегосударственными, общегражданскими ведет к фрагментации власти, к ослаблению действенности принимаемых решений. Чтобы реформистский проект нового китайского руководства не постигла неудача, как это случилось с некоторыми прежними важными начинаниями, не получившими достаточного развития именно из-за конфликта интересов, в Китае создан высший координирующий орган — Группа по руководству углублением реформ.

О значении, которое придается этому органу, говорит то, что во главе его стоит первое лицо партии, армии и государства, а заместителями его являются трое из семи членов высшего партийного ареопага — Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. На первом заседании группы в начале 2014 г. присутствовал Постоянный комитет в полном составе.

Круг ответственности и полномочий этого нового органа власти весьма широк. Об этом говорит его структура, включающая шесть подгрупп соответственно сферам компетенции. Сюда входят экономика и экология (явно не случайно поставленные вместе), демократия и право (также в одной связке), культура, социальная система, партийное строительство и проверка дисциплины. Таким образом, функции руководящей группы простираются значительно дальше, чем у того института, который можно было бы считать ее предшественником, т.е. учрежденного в 1982 г. Госкомитета по реформе хозяйственной системы. То был правительственный орган, входивший в состав Госсовета КНР. Ныне же руководящая группа стоит как бы над правительством. Только в экономической сфере она призвана координировать деятельность более 20 правительственных ведомств, имеющих отношение к реформам, не считая структурных подразделений ЦК КПК и его аппарата. Но кроме экономики, в ведение Группы по руководству углублением реформ входит также преобразование административных, политических и иных общественных структур, что к функциям правительственного Госкомитета по реформе хозяйственной системы и пришедшего ему на смену Госкомитета по развитию и реформам не относилось. К тому же последний неоднократно упрекали в том, что он преследует собственные ведомственные интересы, в частности, в реформировании системы разрешений.

Новому органу предстоит приложить немало усилий для того, чтобы импульс основательного реформирования китайской экономической системы, посылаемый сверху, не был погашен на более низких уровнях, как это иной раз бывало прежде¹⁸. Группа по руководству углублением реформ призвана также разрешить многие сложные и спор-

ные вопросы, которые неизбежно будут возникать в ходе осуществления масштабных преобразований.

Перспективы.

– Новый этап развития приведет к дальнейшему росту экономической мощи Китая. При средних годовых темпах роста ВВП в 7% его объем к 2020 г. достигнет около 14 трлн долл., и Китай, опередив США, станет самой большой экономикой на планете. ВВП в расчете на душу населения превысит 10 тыс. долл., и Китай вплотную приблизится к выходу из зоны, обозначаемой как «ловушка средних доходов».

– Основным двигателем роста станет внутреннее потребление. Две трети населения страны станут жителями городов. Абсолютное большинство населения охватят системы социального обеспечения. Разрыв в доходах и благосостоянии богатых и бедных сократится до показателей развитых стран.

– Для подавляющего большинства стран мира Китай станет главным торговым партнером и одним из основных инвесторов. Жэньминьби будет одной из главных мировых расчетных валют и важной резервной валютой.

– Китай займет одно из ведущих мест в развитии мировой науки и техники. Он станет лидером в использовании возобновляемых видов энергии, но одновременно существенно возрастут потребление и импорт нефти и природного газа и зависимость китайской экономики от ввоза энергоносителей и сырья.

– Будет постепенно сокращаться способность обеспечивать себя продовольствием за счет собственных ресурсов и увеличиваться зависимость от внешних поставок. Значительно возрастут расходы на охрану окружающей среды, и будет постепенно улучшаться экологическая обстановка.

– При увеличении численности населения к 2020 г. до 1,4 млрд человек рост населения в трудоспособном возрасте станет отрицательным, ожидаемая продолжительность жизни увеличится примерно на 1 год, и иждивенческая нагрузка на трудоспособное население будет неуклонно возрастать. В связи с сокращением абсолютного прироста численности населения при уменьшающихся темпах экономического роста занятость и уровень безработицы будут оставаться в основном стабильными.

– Основными внешними вызовами для Китая останутся сокращающиеся источники продовольствия, сырья и энергии на планете и усиливающаяся конкуренция за доступ к ним, а также низкая динамика мировой экономики.

1. Цзинцзи цанькао бао. 2013. 29 нояб.

2. Приусадебные участки выделяются сельским коллективом только его членам под строительство жилья.

По правилам сельские жители на один двор могут иметь только один приусадебный участок, площадь которого не должна превышать установленных для данной административной единицы нормативов. Однако на практике эти ограничения не всегда действуют. Нередко приусадебные участки увеличиваются за счет пахотных земель или пустуют.

3. Цзинцзи цанькао бао. 2014. 24 янв.

4. Ванъи цайцзин. 2013. 4 дек.

5. Синьхуа. 2013. 26 дек.

6. Чжунго синьвэньван. 2014. 25 янв.

7. Такая формулировка, несомненно, укрепила позиции «рыночников» в их непрекращающейся полемике с «государственниками», но отнюдь не ознаменовала их полной и безоговорочной победы и не положила конец дискуссии. Это в полной мере показал форум «Смешанная собственность и новый взгляд на реформу госпредприятий», состоявшийся в феврале 2014 г. в Ябули (провинция Хэйлуцзян). Здесь одни участники, среди которых были ведущие менеджеры госкомпаний, настаивали на том, что смешанная собственность — это лекарство, способное излечить болезни государственных предприятий, а другие, не менее известные, отвергали такой подход. Последние подчеркивали, что смешанная собственность это фикция: в конечном счете,

либо государственная собственность поглотит частную, либо, напротив, частная — государственную. Третьего не дано. Такой позиции придерживается руководитель крупнейшей ризлтерской компании Жэнь Чжицян. С его точки зрения, неясны границы смешанной собственности. Считается ли она таковой, если ее доля составляет 1%? С ним солидарен исполнительный директор инвестиционного банка Азиатско-Тихоокеанского региона Deutsche Bank Цай Хунпин. Он считает, что смешанная собственность это специфическая для Китая, временная, исторически преходящая мера, без которой в сегодняшней ситуации трудно обойтись, но которая впоследствии постепенно исчерпает себя.

8. *Ли Ичжун*. Фачжань хуньхэ соючжи цзинци яо цзохао динцэн шэци [Для развития экономики со смешанной собственностью необходимо хорошее планирование] // Цзинци жибао. 2014. 29 янв.
9. *Сян Аньбо*. Шэньхуа гою цие гайгэ дэ чжиду цичу юй чжугун фансян [Углублять институциональную основу и главное направление реформирования государственных предприятий] // Чжунго фачжань гуаньча. 2013. 15 окт.
10. *Фэн Фэй*. Шэньхуа лундуань ханье гайгэ [Углублять реформу монопольных отраслей] // Чжунго фачжань гуаньча. 2013. 2 дек.
11. Отчисления от прибыли после уплаты налогов для табачных компаний в 2012 г. были повышены до 20%.
12. Теневые банковские системы, получающие дешевые долларовые займы в оффшорах и конвертирующие их в юаневые кредиты под видом прямых иностранных инвестиций, в немалой степени ответственны за вздутие цен на активы, в том числе и прежде всего — на стоимость земли в городах.
13. Чжунго данчжэн ганьбу луньтань. 2014. 17 янв.
14. Жэньминь жибао. 2013. 21 нояб.
15. Hong Kong firm wins US \$ 40 b Nicaragua canal project // South China Morning Post, Hong Kong. 2013. 13 June; Укэлань Кэлимия шэньшуй ган сяму чжэнши цзяньюэ [Официальное соглашение о глубоководном порте в Крыму на Украине] // Чжунго цзинци ван. 2013. 6 дек.
16. Синьлян цайцин вэйбо во ю хуа шо. 2014. 11 янв.
17. Цефанцзюнь бао. 2014. 17 янв.
18. Примером того, как важные решения высшего руководства не исполняются вследствие ведомственного разнобоя, Ху Шули (одна из самых видных фигур в китайской экономической журналистике) называет неспособность в течение двух десятилетий объединить широкополосное вещание, цифровое телевидение и новое поколение Интернета (Синь шицзи. 2014. 6 янв.).

Перестройка управления железнодорожным транспортом КНР

© 2014

С. Сазонов, К. Петрунько

На XVIII съезде КПК и 3-м пленуме ЦК КПК были сформулированы задачи перестройки управления железнодорожной отраслью КНР с одновременным осуществлением мер, обеспечивающих повышение ее инвестиционной привлекательности. В процессе реформирования Министерство железных дорог КНР было упразднено.

Ключевые слова: XVIII съезд КПК, 3-й пленум ЦК КПК. Министерство железных дорог КНР, Государственное управление железными дорогами (ГУЖД), Министерство транспорта, Китайская железнодорожная корпорация (КЖК), высокоскоростные железные дороги (ВСЖД).

В 2000–2013 гг. в Китае было построено более 17 тыс. км новых железных дорог, и в начале 2014 г. их суммарная длина превысила 103 тыс. км¹.

В 2011 г. доля электрифицированных линий составляла около 50% общесетевой протяженности, а вскоре после введения в строй 2298-километровой ВСЖД Пекин—Гуанчжоу в начале 2014 г. длина действующих в Китае электрифицированных железных дорог составила 52,4% общесетевой протяженности, превысив 48 тыс. км (для сравнения: протяженность электрифицированных линий в России в 2013 г. составляла 43,3 тыс. км, в Германии, Индии, Японии и Франции — 21,0, 18,81, 16,97 и 15,22 тыс. км соответственно²). По этому показателю КНР в 2013 г. заняла первое место в мире.

Строительство ВСЖД позволяло смягчить напряженность с грузовыми перевозками на наиболее загруженных магистралях, которые в 2013 г. удовлетворяли около 90% потребностей грузоотправителей³. Железнодорожный транспорт, несмотря на снижение в начале XXI в. его доли в объеме перевозок, остается здесь важнейшим видом транспорта. По общей протяженности действующих железных дорог Китай занимает второе место в мире и первое место в Азии.

Железнодорожный транспорт КНР является к тому же крупнейшим работодателем в стране — в 2013 г. численность его персонала приближалась к 2 млн чел.⁴ Загруженность этого вида транспорта — самая высокая в мире. Железные дороги Китая — лидеры по объему пассажирских перевозок — в 2013 г. этот показатель достиг 2,08 млрд человек (в пиковые дни железные дороги перевозили по 10 млн пассажиров)⁵. Китайские железные дороги — на втором месте в мире по объему грузоперевозок: плотность грузовых перевозок КЖК вдвое превышает российскую, значительно выше, чем в США, Ин-

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ЦЭСИК ИДВ РАН. Тел.: 8(499) 129-04-01. E-mail: jsazonova2010@mail.ru.

Петрунько Ксения Александровна, аспирантка ИДВ РАН. Тел: 8-967-104-18-61; E-mail: petrunko-ksenia@yandex.ru.

дин и странах Европы⁶. Средняя дальность перевозки грузов по железной дороге в 2013 г. была одной из высших в мире — 750 км⁷.

После окончания строительства в ноябре 2013 г. ВСЖД Тяньцзинь — Цинхуандао (287 км.), в декабре того же года — ВСЖД Пекин — Харбин (1249 км.) и ввода в эксплуатацию 28 декабря 2013 г. семи новых ВСЖД общей протяженностью 2285 км, Китай стал страной с *крупнейшей в мире сетью ВСЖД* (более 50% общей протяженности скоростных дорог в мире⁸) при протяженности 10463 км. В начале 2014 г. в Китае высокоскоростные экспрессы курсировали по 34 выделенным линиям ВСЖД⁹. Строительство высокоскоростных магистралей значительно повысило мобильность населения КНР — к началу 2014 г. на долю ВСЖД приходилось около 25% всех пассажирских перевозок железнодорожным транспортом КНР¹⁰.

Согласно «Программе развития комплексной транспортной системы на 12-ю пятилетку», общая протяженность ВСЖД в КНР к 2020 г. должна будет возрасти до 20 тыс. км, а суммарную длину железнодорожных линий для поездов со скоростью не менее 160 км/час планируется довести до 40 тыс. км¹¹. Эти магистралы, состоящие из четырех линий в направлении «север-восток» и четырех маршрутов в направлении «восток-запад»,¹² охватят почти все города Китая с населением 500 тыс. и более человек и обеспечат доступ к скоростному железнодорожному сообщению более 90% населения страны¹³. Магистралы в направлении «север-юг» свяжут Пекин с крупнейшими мегалополисами (Шанхай и Гуанчжоу), а также с Шэньяном, Харбином и Далянем на северо-востоке. Строительство новых магистралей обойдется в 1,5 трлн юаней.

Появление ВСЖД в Китае не только стало технологическим прорывом, но и сыграло большую роль в деле стимулирования развития экономики страны и активизации внутреннего спроса. Согласно расчетам китайских экономистов на основе межотраслевых балансов, каждый миллиард юаней, вложенный в развитие ВСЖД, создает более 20 тыс. новых рабочих мест в железнодорожной отрасли, плюс вдвое больше рабочих мест в смежных отраслях¹⁴. Китайская аналитическая компания China Galaxy Securities Co. Ltd подсчитала, что инвестирование 700 млрд юаней (108,5 млрд долл. США) капиталовложений в железнодорожное строительство может обеспечить спрос на 30 млн т стали и 140 млн т цемента¹⁵. Китайские специалисты в области железнодорожного транспорта единодушны в своих оценках — *капиталовложения в развитие железнодорожной инфраструктуры способствуют росту ВВП КНР на 2–3%*¹⁶.

Строительство ВСЖД способствует динамичному развитию экономики прилегающих районов и многих связанных с прокладкой новой ВСЖД отраслей. По оценкам специалистов МЖД КНР, введенная в эксплуатацию в декабре 2012 г. самая протяженная в мире ВСЖД Пекин—Гуанчжоу позволит ежегодно увеличивать ВВП КНР на 30 млрд юаней.

После ввода в строй в 2006 г. наиболее удаленной 1956-километровой ВСЖД Цинхай — Тибет¹⁷ ВВП Тибетского автономного района (ТАР) увеличился с 34,2 млрд юаней в 2006 г. до 80,2 млрд юаней в 2013 г. За этот период доходы туристической отрасли ежегодно возрастали на 25%, количество туристов, посетивших ТАР, увеличивалось на 30%, общее количество туристов, посетивших автономный район, выросло с 1,8 млн до 12,9 млн¹⁸. В 2013 г. 330 тыс. человек, или 10% населения Тибета работали в туристической индустрии. Благодаря стремительному развитию региональной экономики и функционированию ВСЖД Цинхай — Тибет общий объем экспортно-импортных операций автономного района превысил в 2013 г. 3 млрд долл.¹⁹

К сожалению, впечатляющие успехи развития отрасли, обусловленные, в первую очередь, дополнительным (к бюджетному финансированию) кредитованием центральными и местными банками, породили серьезные проблемы. Многие зарубежные экономисты и раньше полагали, что «чрезмерный объем инвестиций, направляемый в ак-

тивное расширение скоростного железнодорожного строительства, чреват большими рисками, что может затруднить развитие китайской экономики»²⁰.

Согласно данным руководства недавно учрежденной Китайской железнодорожной корпорации (КЖК), в начале 2014 г. стоимость основных фондов отрасли составляла 4,84 трлн юаней (800 млрд долл.)²¹, а объем ее долгов вырос на более чем 50% по сравнению с началом 2011 г. (1,98 трлн юаней)²², достигнув 3,06 трлн юаней (510 млн долл. США)²³.

Соотношение объема долговых обязательств к стоимости основных фондов КЖК (МЖД КНР) увеличилось с 58,28% в 2011 г.²⁴ до 63,22% в начале 2014 г.²⁵ При этом аналитики скептически относятся к качеству этого долга в условиях ускоренного расширения масштабов строительства инфраструктуры ВСЖД, непрозрачности управления железнодорожной отраслью, отсутствием частного финансирования²⁶.

Были сделаны прогнозы, что к концу 2014 г. общая сумма долговых обязательств может достичь 3,5 трлн юаней²⁷.

В начале 2014 г. крупнейшая компания КНР China Railway Group по показателю «чрезмерной задолженности и наличию плохих долгов» поднялась на первое место среди 36 компаний, занимающихся железнодорожным строительством,

Соотношение стоимости активов компании (626,6 млрд юаней, или 103,5 млрд долл.) к общему объему задолженности (531,6 млрд юаней, или 87,8 млрд долл.) составило 84,84%. Это соотношение несколько снизилось в середине 2013 г., но возросло по сравнению с 2012 г., когда это соотношение составляло 83,92%²⁸.

Огромная финансовая задолженность МЖД КНР при относительно недостаточном объеме государственных инвестиций в развитие железнодорожной сети, необходимость выявления дополнительных источников вложения в развитие отрасли вынудили руководство страны всерьез заняться реформированием железнодорожной монополии. 22 марта 2012 г. Госсовет КНР одобрил план модернизации железнодорожного транспорта, разработанный при участии МЖД КНР и нацеленный на реструктуризацию отрасли, *разделение функций государственного управления и хозяйственной деятельности*.

Для ликвидации монополизма МЖД КНР в Китае трижды осуществлялись попытки реформировать отрасль. В 1986 г. тогдашний министр МЖД КНР *Дин Гуаньгэн* провозгласил курс на «полную экономическую ответственность», предусматривавший отчисление лишь 5% прибыли министерства в бюджет, повышение финансовой независимости МЖД от государства. План не был реализован в связи с увольнением министра за серию железнодорожных аварий.

В 2000 г. министр, *Фу Чжихуань* выступил с инициативой полного организационного отделения инфраструктуры от перевозочной деятельности «ради либерализации перевозок и деятельности по оперированию подвижным составом». Эта инициатива была отвергнута Госсоветом КНР.

В марте 2005 г. новый министр *Лю Чжицюнь* выступил с предложением о ликвидации 41 отделения дорог. Однако его инициатива не затрагивала суть реформы отрасли — ликвидацию монополизма министерства, предоставление большей свободы хозяйствования и привлечение дополнительных источников финансирования. В 2011 г. после аварии высокоскоростного пассажирского поезда в Вэньчжоу он был исключен из партии, уволен с формулировкой «за коррупцию», а 9 июля 2013 г. приговорен к смертной казни с двухлетней отсрочкой «за взяточничество и злоупотребление должностными полномочиями»²⁹.

Следствием решений XVIII съезда КПК и 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва, состоявшихся в ноябре 2013 г., явились преобразования в сфере государственных предприятий, которые со времени создания КНР составляли фундамент народного хозяйства.

Руководство КНР приступило к проведению ориентированных на рынок реформ на государственных предприятиях с целью дальнейшего демонтажа их монопольного положения и всемерного поощрения конкуренции.

В резолюции пленума отмечалось:

– Все больше активов, принадлежащих государству, будут трансформироваться в предприятия общественного благосостояния;

– На предприятия естественных монополий будут распространяться функции государственных полномочий хозяйственного управления;

– Частный капитал будет допущен к участию в инвестиционных проектах наравне с государственным — тем самым будет обеспечен переход к экономической модели, основанной на «праве смешанной собственности»³⁰.

Первой крупной государственной естественной монополией, где началось разделение полномочий между административным регулированием и рыночными отношениями, стала сфера железнодорожного транспорта, руководимая МЖД КНР (по оценке многих китайских экономистов, данное министерство «как и остальные госкорпорации является низкоэффективной и громоздкой структурой, получающей чрезмерные государственные преференции»³¹).

Ранее, на состоявшемся 14 марта 2013 г. пленарном заседании в рамках первой сессии ВСНП 12-го созыва был одобрен план реструктуризации МЖД КНР «с целью разделения функций государственного управления и организации хозяйственной деятельности китайских железных дорог с одновременным выделением из монопольной структуры министерства конкурентных видов деятельности, сокращения бюрократии и повышения эффективности железнодорожных услуг»³².

В соответствии с планом, МЖД КНР было разделено на административное и коммерческое подразделения — Государственное управление железных дорог КНР (ГУЖД КНР) и Китайскую железнодорожную корпорацию (КЖК)³³.

Основными задачами деятельности ГУЖД КНР были определены: мониторинг и определение технологических стандартов, обеспечение контроля безопасности на железнодорожном транспорте, повышение уровня сервиса, оценка качества и перспектив нового инфраструктурного строительства³⁴.

Предполагалось, что КЖК (China Railway Corp.) с зарегистрированным капиталом в 1,04 трлн юаней (165,73 млрд долл.)³⁵ будет заниматься оперативной деятельностью реорганизованного МЖД КНР, определять уровень железнодорожных тарифов, заниматься трудоустройством двух миллионов сотрудников отрасли³⁶, постепенно сокращать сумму задолженности бывшего МЖД КНР³⁷, а также «сотрудничать со всеми заинтересованными сторонами с целью извлечения максимальной прибыли из переданных активов»³⁸.

Соответствующие активы, долговые обязательства, персонал восемнадцати региональных управлений, транспортных компаний Министерства железных дорог (МЖД) КНР были переданы в собственность Корпорации железных дорог (КЖД)³⁹.

Планируется, что в дальнейшем восемнадцать железнодорожных управлений будут трансформированы в семь региональных корпораций⁴⁰: объединяющее Пекин и Тяньцзинь, Северо-восточное, Восточное, Центральное, Юго-западное и Северо-западное. Нынешняя Сианьская корпорация может превратиться в самостоятельное подразделение, либо войти составной частью в Северо-западную корпорацию со штаб-квартирой в г. Ланьчжоу. Несколько ключевых ВСЖД могут войти в состав новых корпораций в качестве независимых агентов, например, ВСЖД Пекин—Сянган⁴¹.

На проходившей в марте 2013 г. в Пекине 1-й сессии ВСНП 12-го созыва заместитель директора Народного банка Китая Лю Шиюй отметил, что «после реорганизации МЖД ее коммерческие долги будут переданы создаваемой КЖК, которая будет отвечать за реализацию хозяйственных функций действующего министерства»⁴², а государство бу-

дет и впредь принимать комплексные меры по расширению финансовой поддержки железнодорожному строительству, поощрению инвестиций в железнодорожный сектор»⁴³.

По сообщениям руководства КЖК, корпорация приступила к изучению технического обоснования завершения в срок строительства крупных инфраструктурных проектов⁴⁴, а правительство, в свою очередь, обязалось предоставлять этой новой структуре субсидии в течении трех лет после начала реформирования МЖД КНР⁴⁵.

В плане отмечается, что КЖК является предприятием, основанным исключительно на государственном капитале⁴⁶, а Министерство финансов КНР будет выполнять обязанности инвестора от имени Госсовета КНР⁴⁷ и «со всей ответственностью подходить к вопросу снижения уровня предыдущей задолженности МЖД КНР, следить за качеством и объемами эмиссии ценных бумаг КЖК»⁴⁸.

22 марта 2013 г. Госкомитет по развитию и реформе (ГКРР) объявил, что ставки грузовых и пассажирских железнодорожных тарифов, по-прежнему, будут определяться решением правительства КНР, которое намерено «подходить к решению этого вопроса со всей серьезностью, принимая во внимание операционные, строительные расходы, рост доходов населения. Уровень железнодорожных тарифов будет координироваться в соответствии со стоимостью транспортировки другими видами транспорта КНР»⁴⁹. Министерство транспорта КНР через ГУЖД КНР будет осуществлять контроль над деятельностью КЖК согласно существующим правовым актам⁵⁰.

С целью «дальнейшего развития конкуренции в сфере грузовых перевозок и поэтапного прекращения перекрестного субсидирования между грузовыми и пассажирскими перевозками»⁵¹, осуществления ряда мер, обеспечивающих повышение инвестиционной привлекательности железнодорожного комплекса КНР», в июне 2013 г. КЖК приступила ко второму этапу реформирования отрасли, направленному на снижение совокупных народно-хозяйственных затрат на железнодорожные грузоперевозки⁵².

В деле расширения железнодорожной сети КЖК рассчитывает привлечь дополнительные источники финансирования за счет расширения сотрудничества с Национальным инвестиционным фондом Китая (НИФК)⁵³, а также посредством учреждения Фонда железнодорожного развития (ФЖР)⁵⁴.

Отличительная особенность деятельности НИФК заключается в возможности получения бюджетного финансирования инфраструктурного строительства при соблюдении ряда условий, включая соответствие проекта стратегическим отраслевым и государственным программам⁵⁵.

По замыслу руководства КЖК, ФЖР мог бы играть роль инвестиционной платформы, открытой для частного капитала и средств местных правительств⁵⁶. Планируется, что доля государственного участия в формировании финансовых средств этого Фонда может составлять 50%⁵⁷, доля КЖК — 40%, а 10% будут мобилизованы за счет частных инвесторов и местных правительств⁵⁸, «поскольку новые железнодорожные магистрали стимулируют экономическое развитие на региональном уровне и создают новые рабочие места»⁵⁹.

Эксперты ГКРР полагают, что проводимая реформа МЖД КНР позволит значительно сократить стоимость расходов по логистике⁶⁰, понизить на треть стоимость железнодорожных тарифов на грузовые перевозки⁶¹. Некоторые известные китайские экономисты высказывают сомнения в достоверности стоимости основных фондов реорганизуемого МЖД КНР⁶², оцениваемой аудиторами министерства в первом квартале 2013 г. в размере 4,56 трлн юаней⁶³.

Учитывая, что протяженность железнодорожных путей КНР составляет 100 тыс. км (при средней стоимости 200 млн юаней за 1 км пути⁶⁴), стоимость основных фондов реорганизуемой МЖД КНР может составлять не менее 20 трлн юаней⁶⁵.

Многие китайские экономисты гадают, каким образом будет погашаться огромная финансовая задолженность перед центральными и местными банками КНР, образо-

вавшаяся за счет предыдущего и текущего крупномасштабного инвестирования в новое инфраструктурное строительство⁶⁶.

На первых порах реформированию системы управления железнодорожным транспортом КНР, казалось бы, сопутствовал успех: лишь за первый квартал 2013 г. чистая прибыль КЖК достигла 6,88 млрд юаней, а совокупный объем иностранных займов и кредитов на местном уровне превысил 100,9 млрд юаней⁶⁷. Однако некоторые аналитики бывшего МЖД КНР полагают: «Если государство откажется реструктурировать часть долга, оставленного прежним министерством, то у новой корпорации не останется иного выхода, как только повысить стоимость железнодорожных тарифов»⁶⁸.

Эти эксперты отмечают, что при прежнем МЖД КНР низкая стоимость пассажирских билетов и, соответственно, убыточность этого сегмента деятельности МЖД в основном компенсировалась доходами от тарифа на грузовые перевозки. В прошлом МЖД КНР осторожно подходило к повышению стоимости грузовых перевозок в стране — с 2003 г. Министерство постепенно повышало грузовой тариф девять раз⁶⁹, причем последнее повышение состоялось в марте 2013 г.⁷⁰

По мнению профессора Пекинского Университета транспорта Чжао Цзяня, «сегодня КЖК, будучи коммерческой организацией, вряд ли будет мириться с убытками»⁷¹. Первым шагом реформы грузовых тарифов явилось решение об их повышении с января 2014 г. на 0,03 юаня за т/км, что составило 20% от размера предыдущего тарифа на грузовые перевозки в КНР — 0,13 юаня за т/км.

Впрочем, по мнению аналитиков КЖК, за исключением угольной и сталелитейной отраслей, осуществляющих транспортировку своей продукции на дальние расстояния, повышение тарифов в целом не окажет значительного влияния на экономику КНР⁷². Руководитель КЖК Шэн Гуанцзу на ежегодном рабочем совещании заявил, что в 2014 г. объем перевозок железными дорогами КНР по сравнению с 2013 г. возрастет на 2%, достигнув 3,28 млрд т, объем перевозки пассажиров — на 10%.⁷³

Китайские специалисты в области железнодорожного транспорта признают, что импульс к нововведениям в большинстве случаев исходит от частного сектора, а это требует децентрализации в принятии экономических решений⁷⁴. Роль КЖК должна заключаться в создании наиболее благоприятной среды для развития конкуренции и предпринимательства и использования преимущественно косвенных форм и методов регулирования.

Основными хозяйствующими субъектами могут стать управления дорог, действующие на основе регуляторного контракта, а КЖК будет отвечать лишь за общее руководство отраслью и за формирование инвестиционного фонда для развития значимых национальных программ и проектов в области железнодорожного транспорта⁷⁵.

Регулирующий контракт будет представлять собой соглашение между КЖК и хозяйствующим субъектом (управлением), определяющее основные параметры предоставляемых услуг, а срок его действия может быть не менее 5 лет.

На весь срок действия контракта будут определяться темпы индексации тарифов, объемы и график предоставления субсидий на реализацию конкретных проектов, обязательства руководства дорог по реализации таких проектов, обеспечения перевозочной деятельности и пр. Стратегическим направлением финансирования нового железнодорожного строительства станет государственно-частное партнерство (ГЧП) в форме концессионных соглашений в сфере строительства железнодорожной инфраструктуры. Объем инвестиций частного партнера должен быть в соотношении не менее чем 1:3 (т.е., на один юань, инвестированный государством, частный инвестор должен вложить не менее трех юаней⁷⁶).

КЖК предлагает применять модель жизненного цикла: в этом случае выбирается консорциум инвесторов, который привлекает долгосрочное финансирование, строит ма-

гистраль и в течение 30–40 лет управляет ею и получает доходы, а КЖК обязуется по истечении срока вернуть до 70% от общего объема инвестиций⁷⁷.

Расширение возможности привлечения дополнительных финансовых ресурсов в развитие объектов магистральной инфраструктуры КЖК напрямую связывает с привлечением частного капитала, допуск которого на инфраструктурный рынок был открыт решением Госсовета КНР от 28 марта 2012 г.⁷⁸ Было принято Постановление об учреждении пилотной зоны «всеобъемлющей финансовой реформы» в городе Вэньчжоу⁷⁹. Этим решением Госсовет КНР наделил муниципалитет правом привлекать частные инвестиции в развитие местной инфраструктуры⁸⁰.

Первым шагом городских властей стала продажа в 2013 г. 50-процентного пакета акций строящейся государственной 52,22-километровой железной дороги стоимостью в 17,6 млрд юаней⁸¹, который был раскуплен индивидуальными инвесторами и частными компаниями⁸². Частные инвесторы сходились во мнении, что акции государственной компании «более надежны, чем вклады в коммерческих банках, а долгосрочные проценты по железнодорожному кредиту выглядят более привлекательно по сравнению с аналогичными финансовыми продуктами иных банков»⁸³.

Местное железнодорожное управление СУАР явилось первым подразделением реорганизованного МЖД КНР, которое в конце марта 2013 г. стало активно привлекать частных инвесторов в инфраструктурное строительство.

СП с уставным капиталом в 50 млн юаней (8 млн долл.) было зарегистрировано в уезде Цапдал Сибэ (СУАР), половина которого была сформирована за счет частных инвестиций⁸⁴.

В январе 2014 г. директор департамента инвестиций ГКРП У Хун посулил, что Правительство КНР ускорит разработку положений, стимулирующих участие частного капитала в развитии железнодорожного транспорта Китая⁸⁵.

1. The history of China's railway transport. URL: http://www.china.org.cn/photos/2014-01/23/content_31284975.htm.
2. China's electric railway mileage exceeds 48,000 km. URL: http://www.china.org.cn/business/2012-12/05/content_27313735.htm.
3. *Han Qiao*. China to build more high-speed railways. URL: http://www.china.org.cn/china/Off_the_Wire/2012-10/02/content_26689758.htm.
4. Debts in focus for MOR breakup. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/10/content_28197954.htm.
5. China's rail traffic to surge in 2014. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2014-01/09/content_17226912.htm.
6. Central Intelligence Agency. Country comparison: Railways. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2121rank.html>.
7. China's rail traffic to surge in 2014. URL: http://en.ce.cn/Industries/Transport/201401/11/t20140111_2102073.shtml.
8. China's high-speed rail on fast track. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/834687.shtml#.Us71kPRdUps>.
9. New high-speed rail links Tianjin, Qinhuangdao. URL: http://en.ce.cn/Industries/Transport/201312/02/t20131202_1834527.shtml.
10. Railway reforms to deliver multiple dividends. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-08/22/content_29792250.htm.
11. *Han Qiao*. China to build more high-speed railways. URL: http://www.china.org.cn/china/Off_the_Wire/2012-10/02/content_26689758.htm.
12. *Li Yang (China Daily)*. Seven new high-speed railways begin operations. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2013-12/29/content_17203951.htm.
13. China to form high-speed railway network by 2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2012-07/25/content_15617455.htm.

14. Тэдао юньшу юй цзинцзи. 2012. № 2. С. 4.
15. High-speed progress. URL: http://en.ce.cn/Business/ti/201311/14/t20131114_1750981.shtml.
16. Xu Wei, Xin Dingding (*China Daily*). Reorganized railways an engine for reform. URL: http://www.chinadaily.com.cn/kindle/2013-04/11/content_16391982.htm.
17. Tibet's Medog County restricts tourist arrivals. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-11/13/c_132885315.htm.
18. Tourists to Tibet surge in 2013. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-02/02/c_133089541.htm.
19. Railway boosts economic growth in Tibet. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2014-01/15/content_17236538.htm.
20. Market reforms enter new era. URL: http://en.ce.cn/Business/opinion/201401/06/t20140106_2055139.shtml.
21. CRC to reduce investment by 30b yuan for 2014. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/836668.shtml#.Us7y7vRdUps>.
22. Hu Yue. High-Speed Doubts. China's high-speed railway development faces a number of environmental and financial obstacles. Beijing Review. 2011. Vol. 54, № 23. June 16. P. 30.
23. Railway sector seeks more investment: official. URL: http://en.ce.cn/Industries/Transport/201401/15/t20140115_2125536.shtml.
24. New railway attracts private capital. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2012-05/14/content_15288316.htm.
25. Fund to ease burden of rail projects. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-01/18/content_16136189.htm; China's high-speed rail on fast track. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/834687.shtml#.Us71kPRdUps>.
26. An Baijie (*China Daily*). Train tickets may cost more than air travel. URL: <http://english.people-daily.com.cn/90778/8174617.html>.
27. China railway entered a new stage of development. URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2013-03/18/content_16317963.htm.
28. Li Hongmei. China Railway remains top debtor in 2013. URL: http://en.ce.cn/Industries/Transport/201401/13/t20140113_2109475.shtml.
29. Lan Xinzhen. Restart Railway Reform. China must reform its railway sector and eliminate the state monopoly in the sector, but reforms will not be easy. Beijing Review. 2012. Vol. 55, № 15. 12 April. P. 30; Richard Fu (*Shanghai Daily*). Rail spending to rise 3% in 2013. URL: <http://english.people-daily.com.cn/90778/8096959.html>; China's high-speed rail on fast track. <http://www.globaltimes.cn/content/834687.shtml#.Us71kPRdUps>; Xu Wei, Tang Yue (*China Daily*). Long way ahead for reform. URL: http://africa.chinadaily.com.cn/weekly/2013-10/04/content_17009508.htm.
30. Shi Mingshen, Li Zhenyu (*People's Daily Online*). Commentary: A reading of China's roadmap for market-oriented reforms. URL: <http://english.people.com.cn/business/8460479.html>; China's emphasis on market's 'decisive' role to boost economic efficiency. URL: <http://english.people.com.cn/business/8456596.html>.
31. Diverse ownership to boost SOE reforms. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-01/05/c_133020197.htm.
32. China to dismantle Railways Ministry. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-03/11/content_16297377_4.htm; Nation set to launch new railway corporation. URL: <http://english.people-daily.com.cn/90778/8168072.html>.
33. China launches new State-owned railway corporation. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-03/15/content_16310908.htm.
34. Debts in focus for MOR breakup. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/10/content_28197954.htm.
35. China's railway pricing scheme unchanged: NDRC official. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8179634.html>.
36. Debts in focus for MOR breakup. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/10/content_28197954.htm.
37. Ni Jinjie (*The Beijing News*). Three Issues Confronting China Railway Corp. URL: http://www.bjreview.com.cn/This_Week/2013-03/25/content_529610.htm.
38. China railway entered a new stage of development. URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2013-03/18/content_16317963.htm.

39. China's railway bonds rating to remain intact. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2013-03/13/content_16306281.htm.
40. Lu named boss of new railway administration. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/china/2013-03/27/content_16350291.htm.
41. *Zheng Yangpeng (chinadaily.com.cn)*. Rail network on track to be split, report says. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2013-04/18/content_16419334.htm.
42. Chinese gov't approves establishment of China Railway Corporation. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8171031.html>.
43. Кредитный рейтинг облигаций Министерства железных дорог КНР останется неизменным после его реорганизации — заместитель председателя Центробанка КНР. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/8166331.html>.
44. China's railway infrastructure investment up 28%. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8204607.html>.
45. China to allow social capital in railway sector. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-08/21/content_29779933.htm.
46. *Li Qiaoyi (Global Times)*. Railway debt issue tabled. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8163411.html>.
47. Green light given to new firm. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8168198.html>.
48. Debts in focus for MOR breakup. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/10/content_28197954.htm.
49. China's railway pricing scheme unchanged: NDRC official. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8179634.html>.
50. Railway sector seeks more investment: official. URL: http://en.ce.cn/Industries/Transport/201401/15/t20140115_2125536.shtml.
51. *Zheng Yangpeng (chinadaily.com.cn)*. Rail network on track to be split, report says. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2013-04/18/content_16419334.htm.
52. *Lan Xinzhen*. Taking the Next Big Step. Chinese leadership raises the bar in their commitment to deepening reform // *Beijing Review*, 2013, Vol. 56, № 46. Nov. 14. P. 17.
53. State-owned railway project attracts investors. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-03/12/content_16303269.htm.
54. New lure for private investment in SOEs. URL: http://www.china.org.cn/wap/2012-05/26/content_25484336.htm.
55. China's fixed asset investment in railways up 25.7%. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-03/14/content_16308428.htm.
56. China plans 650b yuan in rail investment. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-01/17/content_16132939.htm.
57. Fund to ease burden of rail projects. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-01/18/content_16136189.htm.
58. China to allow social capital in railway sector. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-08/21/content_29779933.htm.
59. China's high-speed railway boom to continue. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2013-01/15/content_16123837.htm.
60. *Lu Ning*. CRC puts new face on old monopoly. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8171345.html>.
61. *Zheng Yangpeng (China Daily)*. Investment in railways rises. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8168190.html>.
62. China railway entered a new stage of development. URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2013-03/18/content_16317963.htm.
63. *Xin Dingding, Baijie (China Daily)*. Railway reform 'a step forward', but success not guaranteed. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2013-03/11/content_16296491.htm.
64. Chinese state-owned railway giant goes into business. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8171077.html>.
65. Nation set to launch new railway corporation. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8168072.html>; China railway entered a new stage of development. URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2013-03/18/content_16317963.htm.

66. *Li Qiaoyi (Global Times)*. Railway debt issue tabled. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8163411.html>.
67. China Railway Corporation liabilities up in Q1. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-05/03/content_16473413.htm.
68. *An Baijie (China Daily)*. Train tickets may cost more than air travel. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8174617.html>; *Ni Jinjie (The Beijing News)*. Three Issues Confronting China Railway Corp. URL: http://www.bjreview.com.cn/THIS_WEEK/2013-03/25/content_529610.htm.
69. *Zheng Yangpeng (China Daily)*. Investment in railways rises. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8168190.html>.
70. MOR planning to hike freight rates. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8135597.html>.
71. *Xu Wei, Xin Dingding (China Daily)*. Reorganized railways an engine for reform. URL: http://www.chinadaily.com.cn/kindle/2013-04/11/content_16391982.htm.
72. China mulling railway freight rate hike. URL: http://en.ce.cn/subject/exclusive/201401/27/t20140127_2216845.shtml.
73. China's rail traffic to surge in 2014. URL: http://en.ce.cn/Industries/Transport/201401/11/t20140111_2102073.shtml.
74. *Zhang Monan* (an associate researcher with the State Information Centre). Safeguarding Private Investment. Beijing Review. 2012. Vol. 55, № 25. 21 June. P. 34.
75. Call for local moves on private investment. URL: http://www.china.org.cn/business/2012-12/28/content_27538768.htm.
76. Railway sector seeks more investment: official. URL: http://en.ce.cn/Industries/Transport/201401/15/t20140115_2125536.shtml.
77. Railways try to get investors on track. URL: http://www.china.org.cn/business/2012-05/21/content_25430034.htm.
78. China to further «stimulate» private investment: report. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/06/content_28143284.htm.
79. Wenzhou to attract more investment. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90778/8130088.html>.
80. Top 10 Economic News Stories in 2012. URL: http://www.bjreview.com.cn/business/txt/2012-12/24/content_509207_2.htm.
81. China's railway to retain current pricing scheme. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/22/content_28332958.htm.
82. Wenzhou railway project attracts investors. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-03/13/content_28224589.htm.
83. Private investment in rail project boosts Wenzhou. URL: http://www.china.org.cn/business/2013-04/25/content_27506862.htm.
84. *Zheng Yangpeng (Chinadaily.com.cn)*. Local railway gets private-capital investment. URL: http://europe.chinadaily.com.cn/business/2013-03/20/content_16325880.htm.
85. *Du Juan, Zhao Yinan, Chen Jia (China Daily)*. «Early warning» on capacity. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2014-01/23/content_17252652_2.htm.

Дискуссионная трибуна

У истоков «холодной войны» в Северо-Восточной Азии: всегда ли Громыко говорил «нет»

© 2014

В. Петровский

Статья посвящена неоднозначным трактовкам исторических уроков Второй мировой войны в Азии и на Тихом океане, а также Корейской войны 1950–1953 гг. Автор полагает, что объективная, компромиссная оценка исторических фактов поможет достижению примирения и согласия между странами и народами Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, мирный договор Сан-Франциско, Корейская война, территориальные споры, биполярное противостояние, исторические уроки Второй мировой войны.

*Мои «нет» они слышали гораздо реже, чем я их «ноу»
Андрей Грамыко*

Обострение ситуации вокруг Корейского полуострова в марте—апреле 2013 г., новые санкции Совета Безопасности ООН против ракетно-ядерной программы КНДР, ответное заявление Пхеньяна о выходе из Соглашения о перемирии в Корейской войне. Массовые волнения и антияпонские погромы в Китае в августе 2012 г., связанные с фактом высадки группы японских граждан и водружения японского флага на спорных островах Дяоюйдао (Сенкаку). Демонстративный визит на спорные острова Токто (Такэсима) президента РК Ли Мен Бака и резкое обострение японо-южнокорейских отношений...

Вот лишь некоторые недавние свидетельства того, что нестабильная ситуация в Северо-Восточной Азии (СВА), наличие неразрешенных территориальных споров и конфликтов, отсутствие механизмов региональной безопасности и сотрудничества уходят корнями в события новейшей истории второй половины XX в. и обусловлены связанными с ними историческими и геополитическими противоречиями.

Лишь сейчас, в нашу постбиполярную эпоху, когда ООН получает настоящие возможности для работы в соответствии со своим Уставом, мы можем реально оценить смысл и содержание конфронтационной политики времен «холодной войны», ее опасность и ущербность. Западная пресса и историография рисуют образ неуступчивой советской дипломатии, которая якобы и создавала послевоенные тупики и ловушки «холод-

ной войны» в США и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ее собирательным образом стал министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, прозванный за твердую позицию на переговорах «министер нет».

Так ли это? Исторические уроки Второй мировой войны на Тихом океане и Корейской войны 1950–1953 гг. до сих пор должным образом не извлечены, и это препятствует налаживанию отношений добрососедства и сотрудничества между странами региона. Более того, различная и подчас противоположная трактовка исторических, геополитических и международно-правовых последствий окончания Второй мировой войны на Тихом океане породила неразрешенные по сию пору территориальные конфликты между странами региона.

Вернемся в середину 1940-х. Война в Азии и на Тихом океане завершена, японский милитаризм повержен. Державы-победительницы, формируя послевоенный мировой порядок, создали ООН как механизм согласования своих интересов и инструмент коллективного международного действия. Но различная трактовка политического и международно-правового оформления окончания войны породила (и подпитывает сейчас) территориальные споры между КНР и Японией, Японией и Республикой Корея, японские территориальные претензии к России по Южным Курилам и некоторые другие кризисные и конфликтные ситуации в регионе.

Ведь послевоенный порядок в Восточной Азии изначально складывался не так, как в Европе, где установилась Ялтинская система международных отношений. Достигнутые в ее рамках политические договоренности, касающиеся Азии и Тихого океана, так и не были реализованы в условиях разгоравшейся «холодной войны» и конфронтации Востока и Запада.

«К 1951 году, когда был подписан мирный договор с Японией, предварительно согласованные параметры ялтинских соглашений по Восточной Азии уже были разрушены, не успев стать реализованными, — отмечает Кими Хаара. — В то время как Германия оказалась единственной разделенной страной в Европе, в Восточной Азии «холодная война» разделила сразу несколько стран и народов. Сан-Францисский мирный договор сыграл критически важную роль в создании новых проблем с границами, не обозначив их точно и окончательно, посеяв в регионе семена «неразрешенных проблем»¹.

Процесс подготовки и подписания договора был отмечен ожесточенным и бескомпромиссным противостоянием великих держав — бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Ценности и интересы коллективного действия были принесены в жертву эгоистически понимаемым национальным интересам.

Как неоднократно констатировали советские и российские историки, какого-либо обсуждения и внесения поправок в составленный Вашингтоном и одобренный Лондоном текст договора не допускалось. «Для того чтобы, проштамповать англо-американскую заготовку, был подобран состав участников подписания, в основном из стран проамериканской ориентации. Было создано «механическое большинство» из стран, с Японией не воевавших. В Сан-Франциско приглашались представители 21 латиноамериканского, 7 европейских, 7 африканских государств. Страны же, много лет сражавшиеся с японскими агрессорами и больше всех пострадавшие от них, на конференцию допущены не были. Не получили приглашения КНР, КНДР, ДРВ, Монгольская Народная Республика»².

Советская дипломатия активно пыталась противостоять такому ходу событий. Как подчеркивается, например, в Докладной записке министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского И.В. Сталину от 12 августа 1951 г., «советское правительство сообщает правительствам США и Великобритании, что оно исходит из того, что повестка дня должна предусматривать не только выступления делегаций с речами и заявлениями, как это указывается в повестке дня, но должна также предоставить любой принимающей участие в конференции делегации возможность внести свои предложения или проекты

по вопросу о мирном договоре с Японией. Само собой разумеется, что на конференции нашей делегацией будет поставлен вопрос об обязательном приглашении представителей КНР, без участия которых не может быть заключен мирный договор с Японией».

При этом особо подчеркивалось, что "договор должен предусматривать разрешение территориальных вопросов на основе Каирской, Потсдамской деклараций и Ялтинского соглашения, а именно: а) возвращение Китаю острова Тайвань (Формоза), Пескадорских островов; б) возвращение Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов, а также передачи Советскому Союзу Курильских островов"³.

Советская сторона предложила внести в текст договора ряд поправок и изменений. Несмотря на то, что по ряду пунктов эти поправки к договору были некоторыми участниками конференции поддержаны, советские предложения не были даже поставлены на обсуждение. В виду таких серьезных разногласий со вчерашними союзниками советская делегация вообще отказалась от подписания Сан-Францисского мирного договора и покинула конференцию.

Некоторые отечественные историки и эксперты расценили это как фатальную дипломатическую ошибку. «Для Советского Союза, безусловно, было важно окончательно решить территориальный вопрос в отношениях с Японией, но, по мнению советских официальных лиц, еще более значительным казалось *"использовать Сан-Францисскую мирную конференцию для разоблачения политики Соединенных Штатов и разъяснения мировой общественности позиции Советского Союза"*, — подчеркивает, например, С.В. Чернявский. — Какими бы мотивами не руководствовалось тогдашнее руководство Советского Союза, отказавшись от подписания Сан-Францисского договора (1951), по нашему мнению это был крупный просчет советской дипломатии»⁴.

Причины отказа советской делегации подписать договор подробно излагались в выступлении главы делегации А.А. Громыко. Позднее в своих мемуарах, написанных уже после выхода на пенсию, Н.С. Хрущев назвал отказ СССР подписать договор большой ошибкой, сделанной по вине И.В. Сталина⁵.

В свою очередь, это мнение Н.С. Хрущева кажется специалистам по истории международных отношений далеко не бесспорным. Как полагает, в частности, М.А. Мунтян: «Это очередное «нет» сталинской дипломатии и у нас в стране, и за рубежом нередко характеризуется как ошибка. Так оценивал это событие в своих мемуарах Н.С. Хрущев. И понятно, ведь именно он подписал Московскую декларацию, признававшую правомерность притязаний Японии на 2 из 4-х островов Южных Курил; именно он сумел рассориться с китайским руководством, сведя близкое союзничество двух стран к минимальным межгосударственным отношениям. Но считать, что это «большая ошибка», и только «ошибка» было бы еще большей ошибкой и можно лишь в случае, если вырвать связанные с японским мирным договором события из региональных и глобальных международных отношений (курсив авт.), то есть:

- закрыть глаза на возникновение КНР и КНДР и предгрозые «корейской войны»;
- не видеть, что союз с Китаем, КНДР и ДРВ стал одним из серьезнейших факторов советской сверхдержавности;
- не признавать, что США нуждались в военных базах на японских островах для сдерживания континентальных евразийских гигантов;
- не учитывать, что все акторы развертывавшейся в данном случае политической драмы действовали в рамках тогда существовавших правил и принципов, и за каждым из них стояла «своя правда»⁶.

Нельзя не согласиться с тем, что региональный и глобальный международный контекст исключительно важен для взвешенной и объективной оценки действий советской дипломатии, связанных с подготовкой и подписанием Сан-Францисского мирного договора. Как полагает С.В. Чернявский, катализатором его подписания стала война в

Корею (1950–1953). Именно она вынудила Японию и США пересмотреть свои послевоенные взаимоотношения. Для Соединенных Штатов в тот момент было исключительно важным заставить Японию следовать в русле той политики, которую они проводили на Дальнем Востоке, сделав ее, по сути, своим главным союзником в этом регионе⁷.

Однако, как отмечают авторитетные историки и эксперты, Соединенные Штаты стремились к усилению своего военного присутствия в Японии изначально, еще до того, как разразилась Корейская война, и начался процесс подготовки Сан-Францисского мирного договора. Профессор Р. Дингман, подчеркивал в частности, что «Вашингтон и Токио решили сделать американское военно-морское присутствие в Японии ключевым элементом Сан-Францисской системы еще до начала Корейской войны. В каком-то смысле, она стала удобным фиговым листком, который помог скрыть решения, принятые правительствами обеих стран ранее»⁸.

Тем не менее, Корейская война коренным образом изменила геополитическую ситуацию не только в Азии, но и во всем мире. Она стала первым серьезным испытанием на прочность для только что созданной державами-победительницами Организации Объединенных Наций. В условиях разгоравшейся «холодной войны», которая чуть было не переросла в войну горячую, мировую, с применением оружия массового уничтожения, великие державы, отбросив взаимные обещания, пережили сильнейший соблазн действовать исключительно во имя своих интересов и амбиций, в ущерб логике компромисса и коллективного действия.

В Каирской декларации 1943 г. державы-победительницы заявили, что в будущем «Корея станет свободной и независимой». США и СССР согласились, что Корея будет разделена по 38-й параллели на северную и южную зоны с целью более эффективной капитуляции японской армии. В августе 1945 г. советские войска вошли в Корею. Американские вооруженные силы высадились на юге Кореи в сентябре 1945 г.

Положение в Корею стало предметом обсуждения на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в декабре 1945 г. Согласованный проект послевоенного устройства Кореи, в частности, предусматривал:

«1. В целях восстановления Кореи как независимого государства, создания условий для развития страны на демократических началах и скорейшей ликвидации пагубных последствий длительного японского господства в Корею создается Временное Корейское Демократическое Правительство, которое будет принимать все необходимые меры для развития промышленности, транспорта и сельского хозяйства Кореи и национальной культуры корейского народа.

2. Для оказания содействия образованию Временного Корейского Правительства и для предварительной разработки соответствующих мероприятий создать совместную Комиссию из представителей командования американских войск в Южной Корею и командования советских войск в Северной Корею»⁹.

20 марта 1946 г. в Сеуле совместная Советско-американская комиссия приступила к подготовке рекомендаций относительно состава временного демократического правительства путем консультаций с демократическими организациями Кореи и к разработке мер помощи и содействия политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа. Трудности в работе комиссии возникли сразу же, как только встал вопрос о выборе конкретных организаций для консультаций. — слишком разными были представления у СССР и США о демократии. В конечном итоге работа комиссии зашла в тупик, и Соединенные Штаты вынесли корейский вопрос на рассмотрение ООН.

Именно это можно считать точкой отсчета по-настоящему серьезных российско-американских противоречий по поводу будущего Кореи. ООН становилась не более чем площадкой для выяснения советско-американских отношений (и не только по поводу Кореи).

В мае 1948 г. под наблюдением Временной комиссии ООН на Юге Кореи проведены парламентские выборы (СССР отказался допустить представителей комиссии на Север Кореи). В Южной Корее созывается Национальная ассамблея, принимается Конституция, 20 июля президентом страны избирается Ли Сын Ман. 15 августа 1948 г. в Сеуле провозглашена Республика Корея. Полномочия военной администрации США прекращены.

В эти же месяцы северокорейские коммунисты под патронажем СССР провозглашают свою государственность. 10 июля 1948 г. Временный народный комитет одобряет проект конституции. В сентябре Верховная народная ассамблея провозглашает создание Корейской Народно-Демократической Республики со столицей в Пхеньяне. Новое государство претендует на власть на всей территории Кореи. Премьер-министром назначен Ким Ир Сен.

Обратим внимание, что данные события разворачиваются на фоне резкого обострения советско-американских отношений. Эскалация «холодной войны» диктует свою логику: сталинская дипломатия берет курс на стычки и конфликты с Западом по всему спектру отношений. Так, 25 августа 1948 г. СССР разрывает дипломатические отношения с США, заявив, что американские власти насильно удерживают у себя двух советских учителей (США, в свою очередь, сообщают о том, что педагоги решили остаться добровольно).

12 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН признает правительство Южной Кореи в Сеуле законным правительством Кореи и рекомендует вывести оттуда оккупационные войска. 25 декабря 1948 г. Советский Союз заявляет о том, что вывел свои войска из Северной Кореи. При этом обе сверхдержавы продолжают наращивать свое присутствие на Корейском полуострове, а взаимный антагонизм двух корейских режимов лишь нарастает.

В таких условиях прямое столкновение Севера и Юга Кореи становится лишь вопросом времени. В июне 1950 г. начинается Корейская война. Днем 25 июня (по нью-йоркскому времени) по просьбе США для обсуждения корейского кризиса собрался Совет Безопасности ООН, который принял резолюцию с требованием немедленно прекратить военные действия и вывести северокорейские войска с территории к югу от 38-й параллели. Через два дня, 27 июня, Совет Безопасности принял вторую резолюцию, призвавшую «членов ООН предоставить Корейской Республике любую необходимую помощь для отражения вооруженного нападения и восстановления мира и безопасности в регионе». 7 июля 1950 по решению СБ ООН сформировалось объединенное командование войсками ООН в Корее во главе с США.

Последним шагом по солидаризации действий ООН стало принятое 7 июля Советом Безопасности предложение странам, предоставившим свои воинские контингенты и иную помощь, передать их под общее командование во главе с США. В резолюции содержалась также просьба к США назначить командующего объединенными силами и разрешалось использование флага ООН в операциях против северокорейских войск.

8 июля президент Трумэн назначил командующим вооруженными силами ООН в Корею генерала Дугласа Макартура, героя войны против Японии на Тихом океане. Помимо американских сил, составивших более 90% от общей численности войск ООН, в их состав свои вооруженные силы направили 16 государств, а 5 — медицинские подразделения.

Эти решения Совета Безопасности ООН до сих пор расцениваются как неправомерные в России, КНР и КНДР. Историки и специалисты по международному праву оспаривают их легитимность и статус: Постоянный представитель СССР при ООН Я.А. Малик в то время бойкотировал заседания Совета Безопасности и не смог воспользоваться своим правом вето.

Это весьма поучительная страница истории международных отношений. 13 января 1950 г. Совет Безопасности ООН отвергает требование СССР исключить представителей китайских националистов (остров Формоза, ныне Тайвань) из ООН. В ответ советская делегация бойкотировала заседания ООН в течение 8 месяцев (до 1 августа). Это дает повод автоматически зачислять все решения Совета Безопасности, принятые в тот период, в разряд не законных. Как указывают некоторые источники, решение о бойкоте принял лично И. Сталин, проигнорировав возражения министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского и его первого заместителя А.А. Громыко.

Различные толкования Устава ООН, действительно, дают повод ставить под сомнение вышеуказанные резолюции СБ ООН по Корее. Некоторые специалисты отмечают, что правомерность принудительных действий государств не оспаривается при наличии явно выраженного согласия Совета Безопасности. Проблемы возникают в случаях, когда этот орган ООН не может действовать из-за разногласий между его членами. Манипулируя призывом сделать хоть что-нибудь, государства ссылаются на бездействие или недостаточную эффективность мер, предпринимаемых Советом, как на основание для деятельности по решению других органов ООН, индивидуальной либо коллективной самообороны.

В этом смысле, полагает, например, Е. Довгань, резолюция 83(1950) от 27 июня 1950 г.: «[Совет Безопасности] рекомендует государствам-членам ООН предоставить Корейской Республике *ту помощь, которая может оказаться необходимой* для восстановления в этом районе международного мира и безопасности» — носит рекомендательный характер и не может считаться санкцией на обеспечение странами ее исполнения.

Однако, заключает тот же автор, цели резолюции 83(1950) уточняются в резолюции 84 (1950) от 7 июля 1950 г., которая призывает государства оказать помощь Корейской Республике в ее обороне против вооруженного нападения, т.е. данный документ свидетельствует о признании правомерности коллективной самообороны¹⁰.

Среди российских корееведов и специалистов по международным отношениям преобладает сдержанно-скептический подход к оценке действий ООН после начала Корейской войны. Как полагают авторы отечественной монографии «Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории», с принятием резолюции СБ ООН № 83 «создавалась международно-правовая зацепка для создания многосторонних формирований... Хотя такое решение противоречило в принципе Уставу ООН». По их мнению, резолюции Совета безопасности № 84 и 85 «завершили форсированный процесс правовой интернационализации Корейской войны».¹¹

27 июля 1953 г. в местечке Пханьмыньжон вблизи 38-й параллели было достигнуто соглашение о прекращении огня. Корея оказалась разделена по 38-й параллели на Корейскую Народно-Демократическую Республику и Республику Корея. Не прошло, однако, и двух недель после подписания Соглашения о перемирии, как логика «холодной войны» все-таки взяла свое. Государственный секретарь США Даллес и военный министр Стивенсон вылетели в Сеул и заключили 8 августа 1953 г. Договор о взаимной обороне между США и Южной Кореей, который официально был подписан в Вашингтоне 1 октября 1953 г. и ратифицирован в январе 1954 г. Договор закреплял на постоянной основе присутствие в Южной Корее американских войск и их право на проведение военных действий против Северной Кореи.

На состоявшемся в апреле-июле 1954 г. Женевском совещании министров иностранных дел СССР, КНР, США, Великобритании и Франции по мирному урегулированию в Корее и восстановлению мира в Индокитае был рассмотрен предложенный правительством КНДР план восстановления единства Кореи и мирного урегулирования корейского вопроса. Он предусматривал проведение под наблюдением комиссии из представителей Северной и Южной Кореи свободных выборов в общекорейское Национальное собрание, которое должно было образовать единое правительство Кореи, вывод из Кореи

всех иностранных войск, принятие на себя государствами, наиболее заинтересованными в поддержании мира на Дальнем Востоке, обязательств по обеспечению дальнейшего мирного развития Кореи. В поддержку плана КНДР выступили СССР и КНР. Однако план был отвергнут США и их союзниками, которые продолжили курс на укрепление своего контроля над Южной Кореей¹².

Соглашение о перемирии до сих пор служит единственной опорой мира и стабильности на полуострове, оно определяет режим условной границы, проходящей по 38-ой параллели демилитаризованной зоны (ДМЗ) между Севером и Югом. Но уместно ли сводить роль ООН лишь к поддержанию статус-кво? Исторический опыт показал, что присутствие Командования сил ООН в Корее не способствует реальному снижению напряженности и фиксирует парадоксальную ситуацию участия Организации Объединенных Наций в войне против одного из своих членов.

В период «холодной войны» любые усилия ООН в рамках миротворчества и конфликтного урегулирования были, по сути дела, обречены на неудачу из-за биполярного противостояния и силовой политики вовлеченных в конфликт держав. Постбиполярная эпоха открывает перед ООН новые возможности по урегулированию межкорейского конфликта и диктует новые «правила игры». Мирный договор (или другой документ, который рано или поздно заменит Соглашение о перемирии 1953 г.), должен окончательно подвести историческую черту под прошлым и принести на Корейский полуостров мир, доверие, взаимопонимание и сотрудничество.

Возвращаясь к периоду второй половины 1940-х — первой половины 1950 гг., уместно напомнить, что СССР всемерно поддерживал своего союзника, Китайскую Народную Республику, и в дипломатических баталиях на трибуне ООН, и на полях сражений Корейской войны. Вступление КНР в войну в октябре-ноябре 1950 г. дало повод Вашингтону категорически выступить против признания КНР, несмотря на все попытки Лондона (который признал КНР через три месяца после ее образования) убедить своего американского союзника сделать это.

Лейбористский кабинет К. Эттли также пытался убедить администрацию Дж. Трумэна согласиться на участие КНР в Сан-Францисской мирной конференции. Глава Форин офис Г. Моррисон одобрил предложение правительства Канады о том, что Пекин мог бы присоединиться к договору позднее, в более удобный момент. С госсекретарем США Дж. Ф. Даллесом обсуждался также вопрос о возможном присоединении к договору и гоминьдановского правительства¹³.

Общая позиция СССР и КНР в этом вопросе была зафиксирована в Договоре о дружбе, союзе и взаимной помощи. Стороны договорились «в порядке взаимного согласия добиваться заключения в возможно более короткий срок совместно с другими союзными во время Второй мировой войны державами мирного договора с Японией». При этом предусматривалось, что стороны будут едины в стремлении «воспрепятствовать возрождению японского империализма и повторению агрессии со стороны Японии или какого-либо другого государства, которое бы объединилось с Японией в актах агрессии»¹⁴.

Справедливости ради следует отметить, что в отличие от ситуации с отказом СССР от участия в работе Совета Безопасности ООН в знак протеста против нежелания его членов исключить из своего состава представителей гоминьдановского правительства, заменив их представителями КНР (что и дало формальную возможность Совбезу ООН утвердить внесенную США резолюцию об участии сил ООН в Корейской войне), в дипломатических переговорах по поводу Сан-Францисской мирной конференции Москва проявила достаточную гибкость. Это опровергает расхожий миф западной историографии о «тотальной неуступчивости» советской дипломатии по всем вопросам.

Так, в упомянутой ранее Докладной записке А.Я. Вышинского И.В. Сталину советской делегации предлагалось сначала внести на рассмотрение конференции свой про-

ект мирного договора с Японией — и только после отказа принять его к рассмотрению «предложить отложить конференцию на три месяца, поручив Совету министров иностранных дел (СМИД) в составе представителей СССР, США, Китайской Народной Республики и Великобритании с привлечением к этому делу всех стран, активно участвовавших в войне против Японии, рассмотреть все имеющиеся проекты мирного договора и подготовить в трехмесячный срок новый проект мирного договора с Японией, который должен полностью отвечать принципам Каирской, Потсдамской деклараций и Ялтинско-му соглашению».

По истечении этого срока предлагалось созвать новую конференцию для рассмотрения подготовленного СМИД проекта мирного договора с Японией, на которой должны были быть представлены все страны, участвовавшие в войне с Японией и пострадавшие от японской агрессии¹⁵. Как не вспомнить здесь высказывание Андрея Громыко, вынесенное в эпитафий? Предлагавшаяся тогда дипломатическая стратегия даже по нынешним временам, не отмеченным печатью биполярного противостояния, выглядит вполне разумной и оправданной...

Для России главная проблема наследия, оставленного Сан-Францисским мирным договором, состоит в том, что он проводил границы государств по итогам Второй мировой войны, но не определил государственной принадлежности Курильских островов и географических пределов территорий, от которых отказалась Япония: «Вначале США собирались подтвердить на конференции Ялтинские соглашения и признать передачу Советскому Союзу всех Курильских островов. Позже американская позиция изменилась, и было решено зафиксировать в договоре лишь отказ Японии от прав на эти острова при сохранении неопределенности в вопросе их принадлежности. Полагаем, что *эта ловушка была расставлена сознательно, и она сработала — СССР в нее попал* (курсив авт.), — полагает С.В. Чернявский¹⁶.

Показательно, что при обсуждении договора в Сенате США была принята резолюция, содержащая следующую оговорку:

«Предусматривается, что условия Договора не будут означать признание за СССР каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 г., которые наносили бы ущерб правам и правооснованиям Японии на эти территории, равно как не будут признаваться какие бы то ни было положения в пользу СССР в отношении Японии, содержащиеся в Ялтинском соглашении»¹⁷.

Таким образом, по мнению А.А. Кошкина, «усилиями США создавалась странная, если не сказать абсурдная, ситуация, когда Япония отказывалась от указанных территорий как бы вообще, без определения, в чью пользу совершается этот отказ. Конечно же, не случайно американские составители договора предпочли не перечислять в его тексте поименно все Курильские острова, от которых отказывалась Япония, сознательно оставляя для японского правительства возможность предъявить претензии на их часть, что и было сделано в последующий период»¹⁸.

Действительно, к такой аргументации японская сторона прибегает и по сию пору. Официальная позиция Токио по поводу Сан-Францисского мирного договора сводится к следующим тезисам:

1. Южные Курилы никогда не входили в состав островов Тисима, от прав на которые Токио отказался в соответствии с Сан-Францисским мирным договором, следовательно, от «северных территорий», то есть Южных Курил, оккупированных Советским Союзом фактически уже после окончания Второй мировой войны, Япония не отказывалась;

2. Советский Союз отказался подписать Сан-Францисский мирный договор, следовательно, не может, опираясь на этот договор, претендовать на территории, от прав на которые отказалась Япония в соответствии с этим договором¹⁹.

Япония, претендуя на южные острова Курильской гряды, также ссылается на советско-японскую декларацию от 19 октября 1956 г. «О прекращении состояния войны

между двумя государствами и восстановлении дипломатических и консульских отношений», по которой Союз обязался передать о-ва Шикотан и Хабомаи. Но советской стороной выдвигались при этом определенные условия (которые не были соблюдены).

В частности, в Токийской декларации указывалось, что «Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией»²⁰. Советский Союз также не устраивало наличие американских военных баз на территории Японии.

При этом уместно напомнить, что в ходе советско-японских переговоров, которые начались в 1955 г., два года спустя после подписания Соглашения о перемирии в Корейской войне, Япония оказалась под сильным дипломатическим нажимом со стороны Соединенных Штатов, которые не были заинтересованы в нормализации отношений СССР и Японии. В частности, как отмечает К. Хара, Вашингтон убеждал Токио требовать от Советского Союза возврата всех четырех островов (заведомо зная о неприемлемости этого для Москвы), угрожая в противном случае отказаться от возврата Японии Окинавы²¹.

Кстати, в Токийской декларации СССР поддержал стремление Японии стать членом ООН, чего Токио настойчиво добивался много лет. Как отмечает В. Толстой, «С момента основания ООН «двери» этой организации в течение 11 лет не открывались для Японии как побежденной страны. Тесный альянс с США (по договору 1951 г.), значительный экономический рост 1955–1957 гг., нормализация отношений с СССР в 1956 г. — вот основные факторы, прямо или косвенно сказавшиеся на улучшении внешнеполитической репутации Японии и решении проблемы вступления в ООН. Став членом ООН в декабре 1956 г., Токио рассчитывал с ее помощью решить территориальную проблему с СССР, нормализовать отношения с соседями по Юго-Восточной Азии, гарантировать национальную безопасность»²².

Неизменной стратегической целью Японии уже который год является также получение статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН. Принятая на юбилейной, 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюция, исключившая ссылки на «вражеские государства» из статей 53, 77 и 107 Устава ООН, открыла для Японии такую возможность. Но сможет ли Япония добиться этого без достижения примирения и согласия со своими соседями и такими ключевыми членами Совбеза ООН, как Китай?

Ведь там хорошо помнят недавнюю трагическую историю и, как подчеркивает В. Толстой, стремятся «не допустить, чтобы страна, унижавшая Китай и другие страны Азии на протяжении многих десятилетий в XX в., заполучила вожделенный статус. Используя негативную в отношении Японии историческую память народов Азии, подхватывая поводы, предоставляемые самой Японией (японские учебники истории, в которых порой искажаются или замалчиваются исторические факты, посещения высшими должностными лицами страны храма, где канонизированы военные преступники, и т.п.), Пекин разворачивает кампанию критики в адрес Токио, чтобы обратить внимание мирового сообщества на неготовность Японии войти в Совет Безопасности ООН на правах постоянного члена»²³.

В отличие от европейского опыта примирения и согласия после Второй мировой войны, основанного на однозначной трактовке исторических событий (включая готовность послевоенной Германии принять на себя вину за нацистское прошлое), страны Северо-Восточной Азии еще ожидают признания исторической ответственности за трагическое прошлое со стороны Японии. Но и здесь можно найти «ловушку», расставленную Сан-Францисским договором. По свидетельству Питера Лоуи, госсекретарь США Дж.Ф. Даллес категорически противился тому, чтобы включить в текст договора статью об от-

ветственности за военные преступления — для того, чтобы не настраивать против себя Токно, видя в нем будущего союзника.

Кроме того, Дж.Ф. Даллес «был участником Парижской мирной конференции 1919 г. и ожесточенных споров по поводу Версальского договора, и это убедило его в том, что включение в договор статьи об ответственности за развязывание войны и военные преступления не служит никакой полезной цели». Члены британского кабинета пытались убедить Вашингтон включить соответствующие положения в Сан-Францисский мирный договор, но «Даллес опять настоял на своем»²⁴.

Это, кстати, был лишь один из череды неприятных сюрпризов Вашингтона для Лондона, который надеялся на то, что участие в антигитлеровской коалиции даст ему право на полноправное участие в механизмах послевоенного мирового порядка (в том числе в регионе Восточной Азии). Но Соединенные Штаты дали ясно понять Великобритании, что предпочтут в этом регионе единоличную гегемонию с опорой на своих региональных сателлитов. И кабинет лейбористов, и затем У. Черчилль на посту премьер-министра пытались бороться с этим, — но безуспешно.

В «ловушке» «холодной войны», расставленной несколько десятилетий назад создателями «Сан-Францисской системы», до сих пор остаются не только российско-японские, но также японо-китайские и японо-южнокорейские отношения, в частности, китайско-японские и корейско-японские споры о принадлежности островов Дяоюйдао (Сенкаку) и Токто (Такэсима). В различных вариантах Сан-Францисского договора, которые готовились, начиная с 1947 г., эти острова то упоминаются, то исчезают, и их принадлежность определяется по-разному. Итоговый вариант договора не упоминает о-ва Дяоюйдао как территории, которые должны принадлежать КНР, Тайваню или Японии; статьи договора с упоминанием о-вов Токто (Такэсима) также дают возможность двоякого толкования того, кому они должны принадлежать — Японии или Корее²⁵.

Китай и Россия, имеющие территориальные споры с Японией, поддержали позицию друг друга в отношении итогов Второй мировой войны и послевоенного мироустройства во время встречи на высшем уровне в Пекине 27–29 сентября 2010 г. Фактически эта поддержка была выражена ранее, на церемонии празднования 65-летия Победы в Москве, на которой присутствовал Председатель КНР Ху Цзиньтао. Президент России тогда отметил, что «некоторые продолжают пытаться переосмыслить события прошлого и результаты Второй мировой войны. Россия и Китай разделяют мнение о том, что эти результаты не могут быть поставлены под сомнение». Председатель КНР Ху Цзиньтао, со своей стороны, подтвердил, что «Россия и Китай сходятся во мнениях при оценке истории Второй мировой войны, и обе страны должны сотрудничать, чтобы отстоять важность и точность исторической правды»²⁶.

В Совместном российско-китайском заявлении от 27 сентября 2010 г. в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны было отмечено, что обе страны приняли на себя удар агрессии и противостояли фашизму и милитаризму. Россия и Китай решительно осудили попытки фальсификации истории Второй мировой войны, прославления нацизма, милитаризма и их сторонников, дискредитации освободителей, подчеркнув, что «пересмотр Устава ООН и других международных документов, итогов Второй мировой войны являются недопустимым»²⁷.

Означает ли это, что Россия поддерживает КНР в ее территориальном споре с Японией? По мнению Г. Кристофферсен: «Если российско-китайское стратегическое партнерство втянется в кризис вокруг Дяоюйдао/Сенкаку, в Восточной Азии может сформироваться новый биполярный порядок, в котором по одну сторону будут Китай и Россия, а по другую — Япония, США, а также, возможно, почти все остальные страны Восточной Азии. В этой биполярности Российская Федерация неизбежно бы выступала в качестве «младшего партнера» при лидерстве Китая. Поэтому ее решение не вмешиваться в спор {по островам}, безусловно, соответствует национальным интересам России»²⁸.

Россия и Китай, которых связывают отношения доверительного стратегического партнерства и взаимодействия, разделяют общее видение итогов Второй мировой войны и вытекающее из него стремление преодолеть наследие «холодной войны» в Восточной Азии. Но при этом российско-китайские отношения не являются традиционным союзническим альянсом в стиле XIX в., который предусматривает чрезмерную взаимозависимость, отношения ведущего и ведомого.

Поэтому Россия не намерена принимать чью-либо сторону в территориальных спорах третьих стран, выступая за то, чтобы они сами решали проблемы путем диалога. Эту позицию вновь подтвердил в ноябре 2013 г. министр иностранных дел РФ С. Лавров, выступая на пресс-конференции по окончанию переговоров в формате «2+2» в Токио: «Мы в принципе никогда не дружим с кем-то против кого-то (курсив авт.). Мы хотим, и это один из приоритетов внешней политики России, чтобы ни одна страна не ощущала себя дискомфортно, не ощущала рисков для своей безопасности»²⁹.

Близится очередной юбилей окончания Второй мировой войны на Тихом океане. Почти 70 лет назад верные союзническому долгу советские войска принесли освобождение от японской колониальной зависимости народам Восточной Азии. Уже давно разрушена Берлинская стена, ставшая символом разделения Востока и Запада. Но в Восточной Азии «сохранились фундаментальные противоречия и структура конфронтации времен «холодной войны»... Сегодня, 20 лет спустя после ее окончания и 60 лет спустя после подписания Сан-Францисского договора в регионе по-прежнему не разрешены территориальные споры, сохраняется американское военное присутствие, основанное на союзнических альянсах Сан-Францисской системы»³⁰.

Может быть, именно поэтому широкообъявленный в 2009 г. курс администрации Б. Обамы на «возвращение в Азию» вызывает вопросы в странах Восточной Азии и АТР — не потому, что ставится под сомнение статус США как азиатско-тихоокеанской державы (как раз в этом мало у кого есть сомнения) — а потому, что такое «возвращение» происходит с опорой на морально и политически устаревшие альянсы и блоки времен «холодной войны»?

Решая вопросы территорий и границ в Восточной Азии после окончания Второй мировой войны, союзнические державы в первую очередь руководствовались своими геополитическими и стратегическими интересами, а не историческими фактами или интересами сторон в территориальных спорах и конфликтах. И с тех пор на протяжении десятилетий историки и эксперты продолжают весьма активно и убедительно доказывать правоту точки зрения «своей» конфликтующей стороны...

Этим спорам не видно конца, и вряд ли историческая полемика, ведущаяся в конфронтационном ключе, приведет к конкретным результатам. Может, пришла пора искать компромисс, приступив к выработке однозначной и непротиворечивой трактовки последствий окончания Второй мировой войны в Восточной Азии и на Тихом океане? Первым шагом в этом направлении могла бы стать, во исполнение Совместного российско-китайского заявления в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны, инициатива российских и китайских ученых и экспертов по учреждению постоянно действующего научно-экспертного международного форума для совместного обсуждения и исследования исторических событий, связанных со Второй мировой войной в Восточной Азии и на Тихом океане и ее последствиями.

1. Hara K. The San Francisco Peace Treaty and Frontier Problems in The Regional Order in East Asia A Sixty Year Perspective // The Asia-Pacific Journal. 2012. Vol. 10, Issue 17, No. 1. URL: <http://www.japanfocus.org/-kimie-hara/3739#sthash.P7JX15qR.dpuf>.
2. Кошкин А.А. Громыко говорит «нет»: к истории заключения послевоенного мирного договора с Японией // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2011. № 4(19). С. 131.

3. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72121>.
4. URL: http://rgavmf.ru/lib/chemiavskiy_sf_dogovor_1951.pdf.
5. *Иванов А.В.* Юбилей одной ошибки // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2011. № 4(19). С. 136.
6. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document209956.html>.
7. URL: http://rgavmf.ru/lib/chemiavskiy_sf_dogovor_1951.pdf.
8. San Francisco: 50 Years On, Part One, Suntory and Toyota International Centres for Economics and Related Disciplines. // Discussion Paper / London School of Economics and Political Science. 2001. № IS/01/425, Sept.
9. Правда. 1945. 28 дек.
10. *Довгань Е.* Обязательность резолюций Совета безопасности ООН в контексте принципа невмешательства во внутренние дела государств // Белорус. журн. междуна-род. отношений. 2004. URL: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=636&Itemid, с. 1, 2, 10.
11. *Торкунов А.В. Денисов В.И. Ли Вл.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа-групп. 2008 С. 138, 139.
12. URL: <http://www.barichev.ru/book/index.php?id=237>.
13. Там же.
14. Советско-китайские отношения, 1917–1957. М., 1959. С. 219.
15. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/72121>.
16. URL: http://rgavmf.ru/lib/chemiavskiy_sf_dogovor_1951.pdf.
17. Международное право в избранных документах. М.: Междунар. отношения, 1957. Т. 3. С. 317, 333.
18. *Кошкин А.А.* Указ. соч. С. 133.
19. Цит. по: *Иванов А.В.* Юбилей одной ошибки // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2011. № 4(19). С. 138.
20. Цит. по: URL: http://vff-s.narod.ru/kur/his/k_is01.html.
21. URL: <http://www.japanfocus.org/-kimie-hara/3739#sthash.P7JX15qR.dpuf>.
22. Толстой В. Китайско-японское соперничество в ООН // Журн. междуна-род. отношений. 2008. № 3. URL: <http://evolutio.info/content/view/1430/215/>
23. Там же.
24. San Francisco: 50 Years On, Part One, Suntory and Toyota International Centres for Economics and Related Disciplines.
25. *Seokwoo Lee.* The 1951 San Francisco Peace Treaty with Japan and the Territorial Disputes in East Asia // Pacific Rim Law and Policy Journal. 2002. Vol. 11, № 1. С. 63.
26. URL: www.news.kreml.ru/transcripts/7689/
27. Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны». URL: www.news.kremlin.ru/ref_notes/720/
28. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/?id_4=694.
29. Независимая газ. 2013. 8 нояб.
30. *Hara K.* Op. cit.

Военное строительство

Военно-воздушные силы Народно-освободительной армии Китая на пути модернизации и развития

© 2014

А. Шлындов

(Окончание. Начало в ПДВ № 1 2014)

Во второй части статьи рассмотрены проблемы модернизации и развития транспортной авиации и авиационного вооружения НОАК. анализируются вопросы боевой подготовки ее личного состава и системы базирования авиации.

Ключевые слова: транспортная авиация, управляемые ракеты «воздух-воздух», ТВ-управляемые ракеты, боевая подготовка.

Военно-транспортная авиация ВВС НОАК

Военно-транспортная авиация предназначена для переброски по воздуху войск, вооружения и военной техники, материальных средств, а также десантирования оперативно-стратегических и оперативных десантов, выброски разведывательных групп, эвакуации раненых. Военно-транспортная авиация активно привлекается в ходе проведения миротворческих и гуманитарных операций.

Китайские военные теоретики пришли к выводу, что по мере усиления экономического и политического влияния Китая в мире его национальные интересы приобретают глобальный масштаб. Соответственно расширяется и роль его вооруженных сил, которые помимо обеспечения военными средствами национальной безопасности КНР должны быть способны защищать эти интересы не только в зонах, прилегающих к ее границам, но и в отдаленных регионах земного шара, то есть обладать боевыми возможностями по осуществлению «проекции силы» — крупномасштабной переброски войск (сил) на дальние расстояния. Кроме того, такие возможности необходимы Китаю для выполнения миротворческих и других функций по мандату ООН, проведения гуманитарных операций, транспортировки специалистов, оборудования и грузов на объекты, строящиеся с помощью Китая в странах третьего мира, возвращения на родину своих граждан, находящихся в зонах вооруженных конфликтов, как это было во время ливийских событий в 2012 г. Решение всех этих задач в наиболее короткие сроки можно обеспечить, главным образом, с помощью транспортной авиации, значительная часть которой в КНР входит в состав военно-транспортной авиации (ВТА) НОАК.

На середину 2012 г. военно-транспортная авиация НОАК насчитывала более 320 самолетов. По сравнению с 1995 г., когда в ней имелось максимальное количество само-

летов, а именно 600 ед., численность самолетного парка ВТА уменьшилась на 280 самолетов за счет списания морально и физически устаревших машин первого и второго поколений, таких как советские Ан-12, Ли-2, Ил-14, Ил-18, английские — Вae Trident 1Е/2Е. В результате в составе ВТА ВВС НОАК остались, в основном, самолеты третьего поколения российского и собственного производства: из них тяжелых транспортников Ил-76—10 ед., Юнь-8 различных модификаций — 53 ед.; средних — Ту-154—12 ед., Ту-154МД — 4 ед.; легких: Юнь-11—20 ед., Юнь-12—8 ед., Юнь-5—17 ед.¹

Стремясь ликвидировать свою зависимость от поставок тяжелых военно-транспортных самолетов (ВТС) из России, которая после распада СССР фактически лишилась производственной базы транспортной и военно-транспортной авиации, и несмотря на все усилия оказалась не в состоянии возобновить производство ВТС на Ташкентском авиационном производственном объединении имени В.В. Чкалова (ТАПОиЧ), сорвав китайский заказ на поставку крупной партии самолетов Ил-76 и топливозаправщиков Ил-78 на его базе, Китай уделяет повышенное внимание созданию тяжелых ВТС, многоцелевых воздушных танкеров и самолетов специального назначения собственной разработки и производства. Для ускорения создания самолетов данного класса были привлечены специалисты АНТК им. О.К. Антонова, последние, в частности, оказывают китайским коллегам техническое содействие в разработке тяжелого ВТС Юнь-9, который по своим летным и тактико-техническим характеристикам существенно превосходит как находящийся на вооружении ВВС НОАК и поставляемый на экспорт самолет серии Юнь-8 с четырьмя турбовинтовыми двигателями WJ-6С, так и все еще широко эксплуатируемую в мире американскую машину С-130 «Геркулес»².

Существенных успехов китайские разработчики добились в создании военно-транспортного самолета (ВТС) с турбореактивными двухконтурными двигателями (ТРДД). Начались летные испытания первого прототипа тяжелого ВТС Юнь-20, который впервые был поднят в воздух 26 января 2013 г. Новая китайская машина обладает взлетным весом более 200 т, массой полезной нагрузки 66 т имеет длину фюзеляжа 47 м, размах крыла 45 м, высоту 15 м, а его конфигурация имеет определенное сходство с американским Boeing С-17 Globemaster и российским Ил-76. В ряде западных изданий прошла информация, что конструкция крыла для Юнь-20 и технология его производства разработаны украинским, авиационным концерном «Антонов». По мнению российских экспертов в основу Юнь-20 положен нереализованный проект советского тяжелого военно-транспортного самолета Ан-170³. По сообщениям китайских СМИ, новый китайский транспортник по всем параметрам превосходит российские машины серии Ил-76МД и по основным характеристикам соответствует глубоко модернизированному самолету Ил-76МД-90А, а по некоторым — превосходит его.

Параллельно китайские специалисты активно работают над созданием новых ТРДД с повышенной тягой, таких как WS-18 и WS-20. До их создания Юнь-20 будут оснащаться российскими двигателями Д-30КП2.

По заявлениям представителей китайского правительства, основное предназначение самолета — осуществление гуманитарных операций. В свою очередь на официальном сайте Министерства обороны КНР утверждалось, что реализация проекта по созданию ВТС — Юнь-20 крайне важна для укрепления экономики и обороноспособности КНР⁴.

Система вооружения самолетов ВВС НОАК

Стремительное развитие высокотехнологичных отраслей китайской промышленности в конце XX начале XXI вв. обеспечило мощный технологический рывок Китая в разработке и производстве ракетной техники, в частности, авиационных ракет разных типов и назначения. КНР к настоящему времени стала одним из крупнейших мировых производителей ракетного вооружения. Не имея на начальном этапе опыта разработки и производства управляемых ракет (УР), Китай пошел по испытанному в других высокотехнологичных областях опыту заимствования передовых технологий других стран. До

введения запрета на поставки вооружения и военной техники странами НАТО во главе с США и рядом других ориентированных на них стран, таких как Израиль, Китай активно привлекал западные технологии, в частности в конце 1980-х годов он наладил лицензионный выпуск американской УР класса «воздух-воздух» AIM-9 Sidewinder, получившей китайское обозначение PL-5 и израильской Python 3, а также не задолго до введения Западом запрета на экспорт в КНР ВВТ после событий на площади Тяньаньмэнь приобрел у итальянской фирмы Selenia партию ракет средней дальности Aspide и часть проектно-конструкторской документации по этой ракете. Этот тип УР впоследствии был скопирован, получив китайское обозначение PL-11. Следует отметить, что все вышеназванные УР не принадлежали к числу последних западных разработок. Они имели небольшую дальность и предназначались, главным образом, для ближнего воздушного боя. Несмотря на то, что правила CHINCOM, запрещавшие поставки вооружения, военной техники и оборудования двойного назначения были отменены, США и союзные им страны продолжали проводить согласованную политику в отношении передачи КНР современных технологий военного и двойного назначения.

Серьезный импульс процессу разработки и производства собственных достаточно совершенных УР класса «воздух-воздух» был дан, когда китайские специалисты получили доступ к ракетному вооружению для произведенных в КНР по российской лицензии истребителей Су-27 и импортированных из России многофункциональных авиационных комплексов Су-30 МКК и Су-30 МК2, представленных УР класса «воздух-воздух» Р-27Р1 (ЭР1), Р-27П(ЭП), Р-27Т1(ЭТ1), Р-27П(ЭП), Р-73Э и РВВ-АЕ(Р-77). Синтезировав ранее полученные западные технологии и российские разработки, китайские конструкторы создали линейку собственных современных УР малой, средней и большой дальности, таких как PL-5 модификаций А, D, С, Е с тепловой головкой самонаведения, сопоставимых по тактико-техническим характеристикам с американскими УР AIM-9Н, AIM-9L или AIM-9P, PL8 на основе израильской УР Pafael Python 3; PL-9, PL-10/ASR — на базе совместно разработанной ЮАР и Бразилией УР A-Darter. Последняя по дизайну и тактико-техническим характеристикам похожа на американскую MBDA AIM-132, имеет повышенную дальность, обеспечивающую возможность поражать цели за пределами визуальной видимости. Характерной особенностью данной УР является то, что горючее ее двигателя практически бездымно и не оставляет инерционного следа, что серьезно затрудняет ее визуальное обнаружение. К УР средней дальности относятся PL-11 на основе отечественной HQ61 и итальянской Selema Aspide и ее улучшенный вариант PL-11В с активной радиолокационной головкой самонаведения (РГСН) AMR-1, а также PL-12 разных модификаций. Базовая ракета PL-12 имеет активную радиолокационную систему конечного наведения и максимальную дальность применения до 60–80 км и относится к одному классу с американской AIM-120 и российской РВВ-АЕ. Ее модификации представлены ракетами PL12B/C/D. Последняя PL12D является наиболее совершенной, представляя собой УР с активным радиолокационным самонаведением, оптимизированную для размещения на внутренних узлах подвески перспективных авиационных комплексов пятого поколения, создаваемых по технологии малозаметности «Stealth». УР большой дальности представлены многоцелевой ракетой «воздух-воздух» и «воздух-РЛС» PL-15. По массогабаритным характеристикам она напоминает последние модификации ракеты PL-12, имеет активно-пассивную головку самонаведения и аппаратуру, обеспечивающую двустороннюю линию обмена данными с самолетом-носителем. Максимальная дальность ракеты составляет около 100 км. На завершающей стадии разработки находится китайская УР сверхбольшой дальности PL-21 с перспективным прямоточным ракетным двигателем, обеспечивающим дальность применения до 150–200 км.

Авиационное вооружение класса «воздух-поверхность», предназначенное для оснащения многофункциональных истребителей Цзянь-11В представлено управляемой ракетой KD-88, представляющей собой развитие российской УР аналогичного класса Х-29ТЭ. Данный тип ракет может оснащаться пассивной телевизионной (Х-29Т) или полуактивной лазерной головкой самонаведения (ГСН) (Х-29Л). К средствам поражения це-

лей, находящихся на поверхности земли, относятся также свободно падающие (гравитационные) и корректируемые авиабомбы до 500 кг с лазерным наведением и бомбовые кассеты, которые входят в комплекс вооружения Цзян 11 (Су27СК).

Ракетное вооружение бомбардировочной авиации представлено линейкой противокорабельных ракет (ПКР) YJ-6 (С-601) KD-63, С-301, С-101, YJ-82, YJ-83/YJ-62(С803), С-602, предназначенных для оснащения дальних бомбардировщиков Хань-6 последних модификаций. Указанные ПКР оснащены оборудованием, позволяющим осуществлять коррекцию их траектории на среднем участке полета по командам с самолета-носителя. Серьезное внимание китайские разработчики уделяют созданию крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) различного предназначения. Наиболее совершенной из них на настоящее время является крылатая ракета воздушного базирования CJ-10А большой дальности полета (2500 км). Она может иметь ядерную боеголовку и в этом оснащении, будучи размещенной на ракетоносцах Хун-6К, является стратегическим оружием.

Боевая подготовка и обучение личного состава ВВС НОАК в современных условиях

По мере сокращения самолетного парка военно-воздушных сил Народно-освободительной армии Китая за счет снятия с вооружения самолетов второго и, частично, третьего поколения уменьшается и численность их летного и технического состава. При этом ставится задача существенного повышения как теоретической подготовки, так и мастерства летных кадров и технического персонала в условиях активного поступления на вооружение авиационных комплексов новых поколений. В боевой подготовке летчиков основное внимание уделяется созданию в процессе обучения на тренажерах и в тренировочных полетах реальной боевой обстановки, которая может сложиться в ходе сетецентрических боевых действий, характеризующихся широким применением современных высокотехнологических средств вооруженной борьбы.

Цели и задачи обучения и боевой подготовки в новых условиях были конкретизированы в принятых в 2009 г. «Основных положениях военного обучения и оценок». В указанном документе подчеркивается, что основной упор боевой подготовки военных кадров должен делаться на проведении совместных операций, с участием формирований всех видов (родов) войск (сил), совместном обучении, совместных тренировках, которые должны быть направлены на воспитание военнослужащих (командиров) нового типа, имеющих гибкое стратегическое мышление и оперативный талант, позволяющий проводить эффективные совместные операции в условиях сетецентрических войн, обеспечивающие победу над любым противником.

В «Основных положениях» выделены четыре «руководящих принципа»: «адаптироваться к революционным изменениям, происходящим в военном деле»; «готовиться к силовому воспрепятствованию провозглашения независимости Тайваня»; «активно интегрировать самое передовое вооружение и военную технику»; «в ходе планирования, организации и проведения учений (тренировок) не снижать их реалистичность ради обеспечения большей безопасности».

Для эффективного решения целей и задач, обозначенных в названном выше документе, были разработаны новые программы обучения для военно-воздушных академий и летных училищ, а также краткосрочных курсов повышения квалификации, на которых проходит подготовку до 60% военнослужащих. В соответствии с этими программами было существенно увеличено время, отводящееся на практическую летную подготовку, а также продолжительность тактических упражнений в ходе одного вылета. О повышенном внимании китайского военного руководства к качеству подготовки летного состава свидетельствует также и тот факт, что в самолетном парке ВВС НОАК количество учебно-тренировочных и учебно-боевых самолетов с 2005 г. увеличилось приблизительно в 2,5 раза. В ходе летной подготовки, помимо полномасштабных тренажерных комплексов нового поколения, предназначенных для отработки летным составом всего

комплекса задач, связанных с техникой пилотирования и боевым применением самолета в полном объеме, стал активно использоваться новый учебно-боевой самолет L-15, разработанный с участием российских специалистов. Его бортовая ЭВМ и радиоэлектронное оборудование (БРЭО) позволяет имитировать эксплуатационные и тактико-технические характеристики различных типов и модификаций боевых самолетов, в том числе машин «4+» и пятого поколения на всех пилотажных режимах и этапах полета. Годовой налет летчиков строевых частей истребительной, истребительно-бомбардировочной и бомбардировочной авиации достиг 150 часов, а военно-транспортной — более 200 часов⁵. При этом увеличилось количество выполняемых в ходе одного тренировочного полета упражнений. Если раньше ставилась лишь одна-две учебные задачи, то теперь три-четыре, например, отработка элементов дальнего воздушного ракетного боя и ближнего маневренного воздушного боя с применением ракетного и стрелково-пушечного вооружения, отработка навыков ведения огневого, помехового и маневренного противодействия средствам ПВО, отработка навыков поиска, обнаружения наземных (морских) подвижных и неподвижных целей, выполнение прицеливания и применения управляемых и неуправляемых авиационных средств поражения.

Большое значение в ВВС НОАК в настоящее время придается отработке навыков совершения беспосадочных перелетов на большие расстояния с выполнением дозаправки в воздухе. Управление полетами над безорнированной местностью, как правило, осуществляется с помощью самолетов дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОУ) авиацией. В ходе таких перелетов летный состав получает также практику применения авиации с незнакомых аэродромов.

Командование ВВС НОАК использует для отработки задач боевой подготовки и обучения военнослужащих участие китайских контингентов в миротворческих операциях, проводящихся под эгидой ООН и других международных организаций. в частности, задачи повышения летного и штурманского мастерства отрабатываются в ходе воздушных перебросок персонала в горячие точки различных, в том числе удаленных от территории КНР регионов мира, а также в гуманитарных акциях по спасению и оказанию помощи пострадавшим от природных и техногенных катастроф. Начиная с 1990 г. военнослужащие НОАК, включая летный и технический персонал ВВС, принимали участие в 22 миротворческих операциях в различных регионах земного шара. В общей сложности в них было задействовано более 200 тыс. солдат и офицеров НОАК.

В интересах боевой подготовки и обучения активно используются и совместные учения стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также тренировки и учения на двухсторонней основе. Во всех учениях ШОС «Мирная миссия», начиная с 2003 г., была задействована довольно значительная группировка китайской авиации, включавшая помимо армейских вертолетов Z-9 и Ми-17 подразделение истребителей бомбардировщиков Цзянь-Хун 7А Flying Leopard. В последнем таком учении, проходившем на территории России с 27 июля по 15 августа 2013 г., также приняли участие истребители бомбардировщики этого типа из состава 31-го авиационного полка 11 авиационной дивизии Шеньянского военного округа. Китайские летчики, пилотировавшие прибывшие на учения самолеты, продемонстрировали высокий уровень летной подготовки, совершив ювелирно выверенную посадку с минутным интервалом в чрезвычайно сложных метеословиях⁶. В районе аэродрома Шагол под г. Челябинск в это время шел сильный дождь и была весьма слабая видимость. В ходе активной фазы учений российские фронтовые бомбардировщики Су-24М совместно с китайскими истребителями-бомбардировщиками Цзянь-Хун 7А нанесли эффективные бомбовые удары по выдвигающимся резервам условных бандформирований. Российские самолеты применяли 250-килограммовые фугасные авиабомбы, китайские 500-килограммовые корректируемые авиабомбы (КАБ) с лазерным наведением⁷.

В 2010 г. на территории Турции были проведены первые совместные китайско-турецкие военно-воздушные учения под названием «Анатолийский орел». Для участия в этих учениях несколько многоцелевых истребителей ВВС НОАК совершили беспосадоч-

ный перелет в Турцию, в ходе которого были проведены тренировки по дозаправке самолетов в воздухе.

На учениях «Анатолийский орел» отрабатывались задачи взаимодействия боевых самолетов двух стран в условиях, приближавшихся к реальной боевой обстановке, установления и поддержания связи, а также и обмена информацией между ними. Кроме того, были проведены учебные воздушные бои китайских и турецких самолетов.

Участие в совместных военно-воздушных учениях со страной-членом НАТО позволило китайским летчикам на практике ознакомиться с боевыми возможностями самолетов американского производства, стоящих на вооружении ВВС Турции, узнать их сильные и слабые стороны, тактику применения и боевые приемы, используемые авиацией США и других стран НАТО.

В этих же целях было использовано и состоявшееся в марте 2011 г. совместное китайско-пакистанское военно-воздушное учение, посвященное 60-летию установления дипломатических отношений между двумя странами. С пакистанской стороны в нем были задействованы модернизированные истребители американского производства F-16 и последние модификации французских «Миражей».

Таким образом, на современном этапе боевая подготовка и обучение личного состава ВВС НОАК проводится не только и не столько для защиты национального воздушного пространства, сколько для проведения эффективных совместных и воздушных операций с оборонительными и наступательными целями (задачами) в локальных (региональных) войнах, которые могут быть развязаны в зонах по периметру сухопутных и морских границ Китая, а также в интересах предотвращения (срыва) военного вмешательства США с целью оказания помощи Тайваню в случае применения Пекином военносилового метода решения тайваньской проблемы.

Система базирования авиации

ВВС НОАК имеет разветвленную аэродромную сеть, насчитывающую более 400 аэродромов, из них 350 с твердым покрытием. Их оперативная емкость позволяет с избытком обеспечить не только постоянное базирование приписанных авиационных частей (соединений) и их рассредоточение в случае угрозы нападения противника, но и возможность рассредоточивать, как авиационные группировки после их оперативного развертывания, так и прибывающие на усиление или совершающие маневр. Следует отметить, что несмотря на предпринимаемые руководством ВВС НОАК усилия приблизить аэродромную сеть к районам возможного возникновения военных конфликтов в условиях значительного сокращения парка боевых самолетов, существенно возрастает значение маневра тактической авиации между театрами военных действий, т.е. ее перебросок с одного ТВД на другой, иногда находящийся на довольно большом расстоянии от первого.

На каждом аэродроме базируется, как правило, авиационный полк, реже — авиадивизия с преобладанием однотипных самолетов. Это облегчает их обслуживание и предполетную подготовку.

Основной аэродром и два-три аэродрома рассредоточения с их инфраструктурой составляют авиационную базу, которая является составным элементом системы тылового обеспечения. Персонал баз обеспечивает эксплуатационную готовность аэродромов, решает задачи тылового, технического и отдельных видов боевого обеспечения. Личный состав авиационных частей (соединений) и персонал авиабаз расквартировывается в непосредственной близости от аэродромов, что позволяет им в случае объявления тревоги в короткие сроки приступить к выполнению своих функциональных обязанностей. Сутки перед полетами экипажи самолетов проводят на территории аэродрома, ночуя в специальной гостинице и принимая пищу в столовой. Эти объекты также обслуживаются персоналом базы.

По мере сокращения самолетного парка ВВС НОАК в процессе их модернизации часть аэродромов, не соответствующая требованиям эффективного применения авиации в военных конфликтах (локальных и региональных войнах) по их территориаль-

ному расположению, состоянию аэродромного покрытия, инфраструктуры и логистики признается неперспективной и передается гражданским авиапредприятиям или закрывается (консервируется). Одновременно расширяются возможности перспективных аэродромов: усиливается их защищенность, для базирующихся на них самолетов возводятся капоныры, строятся подземные (заглубленные) пункты управления, склады горючего и ГСМ, боеприпасов, совершается их оперативная маскировка. Аэродромы (авиабазы) более плотно прикрываются наземными средствами ПВО/ПРО.

* * *

Наиболее быстрыми темпами модернизация и развитие китайской военной авиации стали осуществляться после изгнания чанкайшистов с материковой части Китая силами возглавляемой КПК революционной армии и образования в 1949 г. Китайской Народной Республики. Были созданы регулярные вооруженные силы республики, получившие в качестве официального названия возглавлявшихся КПК военных формирований — Народно-освободительная армия Китая (НОАК). Для оснащения НОАК СССР передал правительству КНР вооружение и военную технику разгромленной Квантунской армии, в том числе значительное количество находившихся в ее составе боеготовых военных самолетов различного назначения.

Мощный качественный и количественный рывок в модернизации и развитии китайской военной авиации наблюдался накануне и в период корейской войны, в которой на стороне КНДР активно действовали регулярные соединения НОАК — китайские народные добровольцы.

В ходе ведения боевых действий против так называемых сил ООН, основу которых составляли вооруженные силы США, на вооружение ВВС НОАК в массовых количествах поступали современные реактивные самолеты, такие как МиГ-15 и МиГ-15 бис. В конце войны было налажено лицензионное производство самолетов этого типа, которые составили основу боевой мощи ВВС НОАК.

В этот и последующие периоды получила развитие и бомбардировочная авиация ВВС НОАК, основным самолетом которой стал один из лучших фронтовых бомбардировщиков того времени Ил-28. В дополнение к советским поставкам производство машин этого типа по советской лицензии под китайским названием Хун-5 было налажено на построенном с помощью СССР авиазаводе в г. Сиань.

После корейской войны на предприятиях китайского авиапрома по советской лицензии началось производство новейшего реактивного истребителя МиГ-19, который стал самым массовым самолетом ВВС НОАК и на долгое время составил основу их боевой мощи. До разрыва советско-китайских связей в различных областях, включая военнотехническое сотрудничество, Китаю была передана проектная документация и несколько машинокомплектов известного советского дальнего бомбардировщика Ту-16. Позднее самолет данного типа был скопирован китайскими специалистами, и было налажено его серийное производство под китайским обозначением Хун-6 на авиазаводе в г. Сиань. Следует отметить, что с самолета Хун-6 был совершен испытательный сброс первой китайской атомной бомбы.

После вооруженного инцидента на о. Даманском западные страны во главе с США пришли к выводу, что Китай может быть использован в качестве противовеса растущей мощи и влияния СССР в мире. Это способствовало скорейшей нормализации отношений Китая с США и другими союзными им странами, включая государства-члены НАТО, а также Израиль и Японию. Все они начали развивать военнотехнические связи с КНР, дозируя передачу последнему некоторые из своих военных технологий, главным образом, в сфере авиационной техники и вооружения. С помощью стран Запада в Китае было налажено производство некоторых типов ракет класса «воздух-воздух», бортового радиоэлектронного оборудования, РЛС, систем управления вооружением, авиадвигателей.

После нормализации советско-китайских отношений военнотехническое сотрудничество между КНР и Западом стало сокращаться, а после событий на площади

Тяньаньмэнь США и союзные им страны ввели полное эмбарго на поставки в Китай вооружения и военной техники, а также технологий его производства. Более того, был введен запрет на передачу КНР технологий двойного использования. В этих условиях СССР вновь стал для КНР одним из немногих источников получения как современной военной техники и вооружения, так и военных технологий. Следует отметить, что более всего Китай нуждался именно в передовых технологиях в сфере авиации, где наблюдалось его наиболее серьезное отставание от передовых авиационных держав мира.

Во многом благодаря поставкам из России, которая стала правопреемником СССР после его распада, и налаживанию лицензионного, а затем и самостоятельного производства самолетов четвертого и «4+» поколения российской разработки, процесс модернизации и развития ВВС НОАК в конце 90-х годов прошлого — начале XXI вв. получил мощный импульс ускорения и стал в высшей степени результативным. Именно в этот период китайские авиаконструкторы и инженеры освоили полный цикл создания современных авиационных комплексов, а авиационная промышленность КНР приобрела способность к их самостоятельному серийному производству, что стало возможным благодаря проведенной модернизации и созданию практически с нуля новых отраслей индустрии, позволившей самостоятельно выпускать весь спектр высокотехнологичного оборудования и агрегатов. Это обеспечило Китаю возможность войти в число великих авиационных держав мира, обладающих как самыми современными авиационными технологиями, так и второй после США численностью боевых самолетов четвертого и «4+» поколений в своем авиационном парке.

Следует отметить сильные и слабые стороны ВВС НОАК. К сильным, как указывалось выше, относится наличие в их составе мощной группировки многофункциональных истребителей четвертого и «4+» поколений, а также довольно высокий уровень подготовки летного состава. Слабым местом ВВС НОАК является недостаточное количество самолетов специального назначения: тактических и стратегических разведчиков (фоторазведчиков, самолетов радиотехнической и опто-электронной разведки, ретрансляторов, воздушных командных пунктов, самолетов дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОиУ)). Существенное отставание от США и России ВВС НОАК имеет и в качестве бомбардировочной авиации.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе КНР будет ограничивать парк своих ВВС оптимальной для крупной индустриально развитой державы общей численностью в 1000 боевых самолетов. При этом основное внимание будет уделяться повышению в их составе доли авиационных комплексов «4+», «4++» и пятого поколений до 70–80%.

С учетом наличия обширной аэродромной сети, обеспечивающей возможность маневра силами и средствами авиации, Китай уже с настоящее время может достичь более чем двукратного численного превосходства в авиации над любым потенциальным противником и на любом стратегическом направлении вдоль периметра своих национальных границ.

1. Cordesman A.H., Yarosh N.S. Chinese Military Modernization. // Revised. 30 July. 2012. P. 135–136. URL: <http://ru.scribd.com/doc/176503874/Chinese-Military-Modernization-and-Force-Development-A-Western-Perspective>.
2. Независимая газ. 2013. 21 марта.
3. Там же.
4. Там же.
5. IISS Military Balance, 2013. P. 291. Ch. 6.: Asia. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/04597222.2013.757002>.
6. Авиация и космонавтика. 2013. № 11. С. 28.
7. Там же.

«Белая книга по обороне» и оборонные программы Японии в 2013 году

© 2014

М. Евтодьева

В статье анализируется процесс пересмотра оборонных программ Японии и ряда ключевых документов в этой области, инициированный в 2013 г. правительством либерал-демократов. Особое внимание уделено ключевым положениям «Белой книги» по обороне Японии 2013 г., а также состоянию и перспективам американо-японского военного сотрудничества.

Ключевые слова: Япония, оборонные программы, Белая книга по обороне, американо-японское сотрудничество, передислокация баз.

В Японии в 2013 г. при новом правительстве от Либерально-демократической партии (ЛДП), возглавляемом премьер-министром Синдзо Абэ, был инициирован процесс пересмотра ключевых документов в области дальнейшего развития оборонного комплекса — «Основных направлений национальной оборонной программы» 2010 г. (National Defense Program Guidelines) и Среднесрочной оборонной программы на 2011–2015 гг. (Mid-Term Defense Program, FY2011–2015). Об этом было заявлено в документе «Меры по развитию оборонного потенциала Японии в 2013 финансовом году» (Defense Capability Build-up in FY 2013), принятом правительством страны 25 января 2013 г. Как следует из документа, одновременно Министерство обороны (МО) Японии начало работу над новой оборонной программой. До конца 2013 г. продлится срок полномочий специальной комиссии при Министерстве обороны, которая должна будет подготовить новый обзор по Основам национальной оборонной программы и новую оборонную программу сроком действия на следующие пять лет. Тем самым будут заданы ключевые параметры развития Сил самообороны Японии (ССЯ) и оборонно-промышленного комплекса страны на ближайшую перспективу¹.

Между тем, некоторые принципы, касающиеся оценок угроз национальной безопасности, будущих оборонных программ, программ закупок вооружения и военной техники и в целом приоритетов военного строительства, были сформулированы Министерством обороны Японии в двух документах, рассчитанных на «переходный период» до принятия новой пятилетней оборонной программы. Первый из них — это подготовленный на основе заявки по оборонному бюджету на 2013 г. обзор «Оборонные программы и бюджет Японии» (Defense Program and Budget of Japan). В этом документе, опубликованном в январе 2013 г., отражены ключевые изменения, которые оборонное ведомство страны планирует осуществить в реализации оборонных программ и осуществлении оборонных закупок в текущем финансовом году². Еще одним важным концептуальным документом Министерства обороны Японии в 2013 г. стала Белая книга по обороне, одо-

Евтодьева Марианна Георгиевна, старший научный сотрудник Отдела стратегических исследований Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, кандидат политических наук.
Тел. (сот.): 8 (916) 167–89–39, (сл.) 8 (499) 120–42–62. E-mail: marianna133@mail.ru.

бренная правительством 9 июля 2013 г. (Defense of Japan 2013). В Белой книге (такого рода документы публикуются МО Японии ежегодно, начиная с 2005 г.), помимо данных по конкретным оборонным программам, приводятся общие оценки стратегической ситуации, в которой на сегодняшний день оказалась Япония, проясняются основные концептуальные моменты политики страны в военной сфере, отмечаются ключевые задачи по развитию ССЯ³.

Одной из важных особенностей Белой книги по обороне Японии 2013 г. по сравнению с предыдущими аналогичными обзорами МО Японии является то, что в ней, по мнению многих экспертов, значительно возрос негативизм в оценке угроз и вызовов, стоящих перед страной⁴. Как указывается в пояснении министра обороны Японии Ицунори Онодэры к публикации данного документа, «стратегическая обстановка, в которой находится Япония, становится все более сложной в связи с рядом вызовов и провокационных актов»⁵. В их числе указываются факты осуществления Северной Кореей ядерных испытаний и испытаний ракет средней дальности, а также «быстрая экспансия и интенсификация деятельности Китая в водах и воздушном пространстве вокруг Японии», включая «проникновение в японские территориальные воды и воздушное пространство». По обстановке на Корейском полуострове в Белой книге подчеркивается необходимость противодействия планам КНДР по созданию ядерного потенциала, развитию и размещению баллистических ракет, а также высказываются опасения в связи с возможным усилением конфронтации между КНДР и Республикой Корея. Касательно военно-политического курса Пекина в документе говорится, что КНР стремится «изменить статус-кво с помощью силы, исходя из своих собственных притязаний», и что имеют место «опасные действия» со стороны Китая, которые «могут способствовать возникновению критических ситуаций» в регионе. Такие инициативы в области военного строительства КНР, как начало боевого дежурства авианесущего крейсера «Ляонин» и наращивание подводного флота, были охарактеризованы в Белой книге как элементы стратегии, направленной на противодействие ключевым державам Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь США.

Некоторые опасения, хотя и не в таком остром ключе как в отношении КНДР и КНР, высказаны в Белой книге и в адрес Российской Федерации. Так, в документе отмечено, что в дальневосточном регионе «остаются значительные по размеру военные силы России, включая ядерные», и что «военная деятельность России в непосредственной близости от Японии становятся все более активной», в том числе в связи с выполнением задач «по повышению боеготовности различных воинских формирований». В Белой книге также выражена озабоченность в связи с решениями руководства Российской Федерации о размещении 18-й пулеметно-артиллерийской дивизии «на Северных японских территориях» — островах Курильской гряды Кунашир и Итуруп и об усилении размещенной на Курильских островах группировки «новейшими системами связи, радиоэлектронной борьбы и радиолокационными станциями».

Напротив, развитие отношений в сфере безопасности с США характеризуется японским Министерством обороны сугубо в позитивном ключе. В качестве факторов, имевших положительное значение, указываются «общая переориентация в последние годы стратегии в области безопасности США на Азиатско-Тихоокеанский регион», а также активизация усилий Вашингтона по укреплению системы альянсов с ключевыми странами-партнерами в регионе», включая Японию, Южную Корею и Австралию, и «расширению связей и сотрудничества с новыми странами-партнерами».

С учетом осложнения стратегической ситуации в области безопасности и необходимости принятия ряда новых оборонных программ, нацеленных на укрепление потенциала сил самообороны Японии (ССЯ) в области защиты населения и территории страны и противодействия новым угрозам и вызовам, правительством Японии в 2013 г. было принято решение *об увеличении оборонного бюджета*. Как отмечается в Белой

книге, общие оборонные расходы Японии впервые за последние 11 лет увеличились на 40 млрд йен (или на 0,85%) по сравнению с 2012 г. и составили в 2013 г. 4, 736 трлн йен (приблизительно 48,7 млрд долл.). Без учета оборонных расходов, связанных с выполнением мер по передислокации баз США в Японии, сумма общих оборонных расходов, указывается в документе, составляет 4,680 трлн йен.

В то же время, как указывается в документе «Оборонные программы и бюджет Японии — 2013», общая численность Сил самообороны Японии практически не изменится. В 2013 г. она будет составлять 225 тыс. 377 человек (в 2012 г. численность ССЯ составляла 225 тыс. 160 человек). Численность Сухопутных сил самообороны (GSDF) составит 140 тыс. 052 человека, Морских сил самообороны (MSDF) — 42 тыс. 033 человека, Воздушных сил самообороны (ASDF) — 43 тысячи 292 человека.

В целом в Белой книге обозначены следующие *ключевые задачи по укреплению оборонного потенциала Японии* (они же характеризуются в качестве приоритетных принципов формирования оборонного бюджета страны на 2013 г.): улучшение боевой готовности ССЯ и повышение потенциала реагирования на различные угрозы (1); укрепление американо-японского альянса (2); дальнейшая стабилизация международной обстановки в сфере безопасности (3) и повышение эффективности модернизации оборонного комплекса и совершенствования оборонных возможностей (4).

Рассмотрим эти приоритетные задачи в области военного строительства Японии более подробно.

В рамках реализации задач по повышению боевой готовности и реагирования на угрозы в качестве приоритетных правительство и Министерство обороны Японии рассматривают инициативы и программы по усилению потенциала ССЯ в области разведки, раннего предупреждения и наблюдения, развития системы противовоздушной обороны (включая ПВО островных территорий), противодействия возможным кибератакам и угрозам в связи с применением баллистических ракет, укрепления безопасности в юго-западном регионе, укреплению безопасности на море, улучшению транспортной инфраструктуры и мобильности войск (сил).

В целях укрепления системы международной безопасности, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанском регионе, указывается в Белой книге, Япония будет развивать сотрудничество со странами региона в двустороннем и многостороннем форматах в таких областях, как оказание гуманитарной помощи, преодоление последствий чрезвычайных ситуаций, противодействие терроризму и пиратству, предотвращение распространения оружия массового уничтожения и баллистических ракет, участие в миротворческих операциях под эгидой ООН. Будут предприниматься и другие усилия по укреплению системы международного сотрудничества ССЯ, в том числе в сфере проведения совместных военных учений.

Ввиду ухудшения финансовой ситуации, подчеркивается в Белой книге, Министерством обороны будет предпринят ряд мер, направленных на повышение эффективности деятельности ССЯ и модернизации оборонного комплекса. Они будут сконцентрированы в первую очередь на повышении эффективности системы закупок вооружений и военной техники и более эффективном применении кадровых ресурсов, в том числе за счет ряда изменений в кадровой политике и системе продвижения по службе.

Достаточно большое значение в Белой книге придается и рассмотрению вопроса об укреплении американо-японского альянса. В рамках этой общей задачи, указывается в документе, сотрудничество между США и Японией в оборонной сфере и сфере безопасности успешно развивается на сегодняшний день сразу по нескольким значимым направлениям и форматам. Они включают в себя, в частности, расширение масштабов проведения совместных военных учений, активное сотрудничество в сфере ПВО/ПРО и проведении совместных НИОКР (ключевые примеры — совместная разработка нового перехватчика системы ПРО SM-3 Block IIА и размещение в Японии американской мобильной

РЛС передового базирования AN/TRV-2), расширение взаимодействия в области разведки, раннего предупреждения и наблюдения, развитие двустороннего стратегического диалога по вопросам космической и кибербезопасности. Согласно совместному заявлению, принятому по итогам заседания двустороннего консультативного комитета по безопасности 21 июля 2011 г. (так называемые встречи в формате «2+2»), в числе целей совместного сотрудничества Японии и США в сфере обороны и безопасности можно отметить следующие: сдерживание провокационных действий Северной Кореи; поощрение более конструктивной позиции КНР, в том числе в вопросах модернизации и строительства ее вооруженных сил страны; укрепление сотрудничества в области обороны и безопасности с Австралией и Южной Кореей; противодействие наращиванию странами региона военных потенциалов, которые могут дестабилизировать ситуацию в АТР; укрепление безопасности на море.

Особо следует выделить в большом спектре проблем американо-японского сотрудничества такой вопрос, как передислокация находящихся в Японии американских вооруженных сил. Он являлся до недавнего времени камнем преткновения между официальным Вашингтоном и Токио, а также между правительством Японии и властями и населением префектуры Окинава, и в том числе стал одной из главных причин отставки Юкио Хатоямы с поста лидера Демократической партии Японии и главы правительства в 2010 году⁶. Новое правительство Японии от Либерально-Демократической партии, сформированное в декабре 2012 г., объявило заключение и реализацию договоренностей с США по передислокации американских вооруженных сил, включая базу морской пехоты в Футенме, одним из главных приоритетов своей работы.

Ключевые элементы такого рода договоренностей были одобрены по итогам японо-американских переговоров в формате «2+2» в совместном заявлении консультативного комитета по безопасности от 27 апреля 2012 г. Как указывается в Белой книге, в основу принятых решений по передислокации американских баз в Японии легли два принципа: с одной стороны, «сокращения нагрузки в связи с деятельностью военных баз США в Японии для местного населения и властей», а с другой — «содействия укреплению сдерживающего потенциала сил США в Японии и расширению американо-японского альянса». В конечном счете, достигнутые договоренности включали в себя: передислокацию военно-воздушной базы корпуса морской пехоты США в Футенме; передислокацию 9 тыс. американских пехотинцев с Окинавы на базы за пределами Японии (из них 5 тыс. человек — на базу на о. Гуам); частичное финансирование Японией расходов правительства США по передислокации подразделений морской пехоты на о. Гуам (в сумме приблизительно в 1/4 от общих расходов); поддержку процесса возвращения земель (земельных участков), на которых находились базы США, местным властям.

На выполнение указанных задач в области укрепления оборонного потенциала ориентированы фактически все ключевые оборонные программы, продолжающиеся с прошлого года или инициированные Министерством обороны Японии в 2013 г. Общие сведения по этим программам содержатся в Белой книге по обороне, а более подробная информация — в заявке по оборонному бюджету на 2013 г. В числе ключевых оборонных программ 2013 года, намеченных к реализации, можно выделить следующие.

В целях усиления возможностей в сфере разведки, раннего предупреждения и наблюдения, и укрепления потенциала сдерживания на море, в обзоре по оборонным программам Японии 2013 г. предусматриваются следующий комплекс мер:

– строительство одного эсминца нового класса с перспективным комплексом по обнаружению целей (водоизмещением 5000 т и модернизированной энергетической установкой, совмещающей возможности электрического и газотурбинного двигателя) (стоимость программы — 70,1 млрд йен);

– строительство новой подводной лодки класса Soryu водоизмещением 2900 т. По данным Обзора по оборонным программам, она станет девятой по счету подлодкой этого класса в подводных силах Японии (стоимость программы — 53,1 млрд йен);

– закупка двух противолодочных патрульных самолетов Kawasaki P-1 с улучшенными летными характеристиками, аппаратурой слежения и вооружением. По имеющейся информации, они заменят существующие противолодочные патрульные самолеты P-3C, у которых истекает срок эксплуатации (стоимость программы — 40,9 млрд йен);

– продление сроков эксплуатации двух эсминцев и закупка оборудования и агрегатов для ремонта еще 12 эсминцев (полная стоимость программы — 9,4 млрд. йен). Программа касается имеющихся на вооружении Морских сил самообороны Японии 3 эсминцев класса Hatsuyuki, 6 эсминцев класса Asagiri, 4 эсминцев класса Abukuma и 1 эсминца класса Hatakaze.

– продление сроков эксплуатации двух подводных лодок и закупка оборудования и агрегатов для одной подводной лодки класса Oyashio и Uzushio (стоимость программы — 2,6 млрд йен);

– разработка новых ракет класса «земля-земля» с улучшенной системой целеуказания и большей дальностью (стоимость проекта — 1,3 млрд йен).

Помимо этого, в рамках решения задачи по *укреплению безопасности морских путей* в оборонной программе на 2013 г. запланировано:

– строительство океанского минного тральщика водоизмещением 690 т с новым типом корпуса из фибропластика и более совершенной аппаратурой по обнаружению глубоководных мин (стоимость — 18,3 млрд йен). Как сообщается, минный тральщик нового типа должен прийти на смену имеющимся минным тральщикам класса Yaeyama;

– закупка одного поискового самолета-амфибии US-2 (12, 3 млрд йен);

– продление срока эксплуатации патрульных вертолетов SH-60J (стоимость программы — 0,9 млрд йен).

В обзор 2013 г. не вошли расходы по строительству нового японского вертолетоносца типа Нууга (серийный номер DDH-183), что позволяет судить о том, что финансирование этого проекта из средств Министерства обороны фактически завершилось. Проект, финансировавшийся в течение ряда предыдущих лет, обошелся правительству Японии приблизительно в 120 млрд иен (1,22 млрд долл.). Новый вертолетоносец, получивший название «Идзумо» был презентован в начале августа 2013 г. на японской верфи в Исого (Йокогама). Он имеет длину 248 метров и водоизмещение 24 тыс. т. Многие эксперты в соответствии с рядом параметров этого корабля, включая большой размер взлетной полосы, причисляют «Идзумо» к легким авианосцам (и в том числе указывают, что он легко может быть переоборудован в полноценный авианосец), однако по официальной классификации он относится к классу эскадренных миноносцев-вертолетоносцев (ЭМВН). На вооружение ЭМВН «Идзумо» будет принят в марте 2015 г. и станет самым крупным боевым кораблем в составе Морских сил самообороны Японии⁷. Как сообщается, на нем будет базироваться авиакрыло в составе 9 вертолетов: семи противолодочных вертолетов SH-60K «Сихоук» и двух вертолетов для ведения противоминных операций типа MCH-101⁸.

Согласно обзору оборонных программ Японии, в течение 2013 г. планируется также реализовать ряд мер *в сфере противовоздушной обороны и в области укрепления возможностей Японии в области раннего предупреждения и наблюдения в воздушном пространстве*, в том числе в зоне островов. Они включают в себя:

– закупку двух истребителей пятого поколения F-35A (стоимость программы — 29,9 млрд. йен). Предусмотрено, что в реализации программы, в том числе в процессе производства F-35, примут участие японские компании-производители;

– модернизацию шести имеющихся на вооружении истребителей F-15 и наращиванию боевых возможностей истребителей F-2 (общая стоимость программы — 12,2 млрд йен);

– модернизацию РЛС и других систем самолетов дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО) — и управления авиацией Boeing E-767 (стоимость программы — 10,1 млрд. йен);

– замену двух РЛС системы ПВО Японии в Миякодзуме (префектура Окинава) и Такахатаяме (префектура Миядзаки) наземными РЛС AN/FPS-7 (стоимость программы — 8,9 млрд йен).

В свою очередь, отмечен в обзоре по оборонным программам и ряд инициатив в области усиления возможностей противоракетной обороны. Они включают, в частности, оснащение двух эсминцев класса Atago системами Aegis (программа реализуется с 2012 г., ее стоимость — 2,2 млрд йен), и проведение совместных с США разработок по перехватчику системы ПРО SM-3 Block IIА (на это в бюджете Японии выделено 1,1 млрд. йен).

Отдельные меры предусмотрены в рамках Белой книги и обзора по оборонным программам в целях укрепления оперативных возможностей Воздушных и Сухопутных сил самообороны Японии в зоне Юго-западных островов, или островов Нансей (Рюкю)⁹. В этом плане предусмотрено: подготовить материально-техническую базу для укрупнения авиабазы Наха (до двух эскадрилей) (на это выделяется 3,4 млрд йен) и разработать меры по расширению оперативных возможностей Воздушных сил самообороны и Сухопутных сил самообороны в этой зоне (100 млн йен). Значительные средства, как указывается в документе по оборонным программам, будут также направлены на проведение НИОКР по технологиям, связанным с развитием системы ПВО Японии и РЛС системы раннего предупреждения и наблюдения.

Для повышения оперативной мобильности военной техники и вооружения в Японии намечена реализация программ, направленных:

– на расширение оперативных возможностей и возможностей применения эсминцев и вертолетов патрулирования SH-60J/K за счет увеличения средств, выделяемых на их ремонт и эксплуатацию (стоимость программы — 9,7 млрд йен);

– расширение оперативных возможностей самолетов дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО) E-767 и самолетов ДРЛО E-2C (13,5 млрд йен);

– внедрение новой системы эксплуатационно-ориентированной логистики¹⁰, нацеленной на повышение операционной мобильности военной техники и вооружения (4,6 млрд йен).

В целях укрепления боеготовности Сухопутных сил самообороны Японии, и в том числе повышения их мобильности, в 2013 г., согласно обзору по оборонным программам Японии, будут закуплены 11 бронетранспортеров Туре-96, 44 легких бронированных машины, 14 танков Туре-10, 4 зенитно-ракетных комплекса с ракетами «земля-море» Туре-12, один многофункциональный вертолет УН-60JA «Black Hawk» и один ударный вертолет АН-64D «Араче», а также, в качестве «образца для дальнейшего изучения», 4 десантно-транспортных машины-амфибии (всего на эти 7 программ планируется выделить 36,7 млрд. йен). Как отмечается в документе, возможности по применению машин-амфибий будут изучаться «для предотвращения нелегальных действий и проникновений на японские острова», а также в рамках оказания помощи в чрезвычайных ситуациях. Отдельно намечается проведение НИОКР в области повышения мобильности развертывания формирований ССЯ.

На меры по перегруппировке сил США в Японии в совокупности в обзоре по оборонному бюджету Японии за 2013 г. предусмотрено 89,2 млрд йен. Из этих средств 4,1 млрд йен будет выделено в 2013 г. на передислокацию военно-воздушной базы корпуса морской пехоты США в Футенма, 5,4 млрд йен — на возвращение земельных участ-

ков южнее авиабазы в Кадене и части земельных участков около базового склада США в Сагами¹¹, 65,4 млрд йен — на передислокацию авианосных авиаподразделений с базы Атсуги на военно-воздушную базу морской пехоты Ивакуни, 4,2 млрд йен — на перемещение учебных подразделений (групп) американских летчиков с авиабазы в Кадене на другие базы в Японии и на базу на о. Гуам, 9,4 млрд йен — на меры по развитию территории, включая оплату грантов по перемещению американских сил.

В целом в Белой книге по обороне подчеркивается, что американские силы, находящиеся в Японии, имеют важное значение для безопасности Японии и укрепления сдерживания. В этой связи отмечается, что Япония в 2012 г. одобрила решение о размещении на базе в Футенме транспортно-десантных самолетов (конвертопланов) США MV-22 Osprey с вертикальным взлетом и посадкой).

1. Подробнее о пересмотре основ оборонной программы в Японии см.: Defense of Japan 2013. Annual White Paper. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/2013.html.
2. Defense Programs and Budget of Japan. Overview of FY2013 Budget. Published January 2013 by the Ministry of Defense of Japan. URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/pdf/250516.pdf.
3. Defense of Japan 2013. Annual White Paper. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/2013.html.
4. См., например: *Kallender-Umezu P.* Japan's Blunt Stance Riles China, S. Korea // Defense News. 2013. 15 July.
5. On the Publication of Defense of Japan 2013. Remarks by the Minister of Defense of Japan Itsunori Onodera. URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2013/01_Foreword.pdf.
6. *Стрельцов В.* Новая смена власти в Японии // Пробл. Дальнего Востока. 2013. № 2.
7. До «Идзумо» крупнейшими боевыми кораблями Японии считались вертолетоносцы «Хюга» (Hyuga) DDH-181 и «Исэ» (Ise) DDH-182, каждый из которых имеет водоизмещение 18 290 т и длину 197 м.
8. Япония завершает строительство вертолетоносца. URL: <http://vpk-news.ru/news/17026>.
9. Острова Нансей (другое название — Рюкю) — архипелаг островов в Тихом океане, отделяющий Восточно-Китайское море и Филиппинское море. В совокупности насчитывает 98 островов, основные острова — Окинава и Амами.
10. Эксплуатационно-ориентированная система логистики — это форма контракта с корпорациями, в рамках которой платежи осуществляются не только за количество осуществляемых работ, но и за характеристики работ с техникой, такие как ее операциональная доступность, безопасность эксплуатации, уменьшение времени на ремонт, постоянное наблюдение и оценка состояния техники и оборудования.
11. В районе базового склада США в Сагами (Sagami General Depot), расположенном в 40 км к юго-западу от Токио, базируется 35-й американский батальон поддержки и обслуживания. Там же располагаются Научно-технологический центр армии США на Дальнем Востоке, Центр оборонного маркетинга американских сил в Японии и ряд других организаций армии США. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Sagami_General_Depot.

Российский Дальний Восток

Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока РФ и Северо-Восточного Китая в добывающем секторе экономики

© 2014

Н. Кашина

Программы возрождения экономики Северо-Востока Китая и экономического развития Дальнего Востока России открывают новые перспективы приграничным регионам двух стран. Важную роль в развитии их регионального инвестиционного сотрудничества будут играть новые механизмы создания льготных условий для иностранных инвесторов.

Ключевые слова: Дальний Восток, инвестиционное сотрудничество, программы возрождения Дальнего Востока РФ и Северо-Востока КНР, преференции инвестору.

Для экономики Дальнего Востока, в которой доминируют добыча и экспорт полезных ископаемых, большое значение имеет привлечение и эффективное использование иностранных инвестиций. Вносимые в добывающий сектор, они призваны способствовать обновлению основных фондов и привлечению новых технологий.

Особую роль играют приграничные территории: будучи удалены от центральных районов России, они приближены к ресурсам и капиталам ряда восточноазиатских стран, среди которых особую роль играет Китай.

Цель данного исследования — выявление основных особенностей инвестиционного сотрудничества Дальнего Востока РФ с Китаем в добывающем секторе экономики, формирующем более 20% ВРП региона. Инвестиционное сотрудничество краев и областей Дальнего Востока наиболее интенсивно развивается с северо-восточными провинциями Китая, шаг за шагом захватывая внутренние провинции Китая и края, области Дальнего Востока. Общая граница протяженностью более 4 тыс. км и совпадение интересов создают прочную базу для двустороннего регионализма, подкрепленную в 2008–2009 гг. серией стратегических документов.

К ним относятся:

– план действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем на 2009–2012 годы (2008 г.);

– новая концепция внешней политики России, которая расценена в КНР как свидетельство о повышении места Азии в целом и Китая в частности в международной деятельности Российской Федерации (2008 г.)²;

– программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востоком КНР на 2009–2018 гг. (2009 г.).

Благоприятствует инвестиционному сотрудничеству и политика Китая с учетом его курса «выхода вовне», принятого пленумом ЦК КПК в 2002 г. Его действенность подкреплена ростом объема китайских ПИИ (с 1999 по 2010 гг. — 60-кратное увеличение).

Текущее состояние инвестиционного сотрудничества

По прогнозам Государственного управления КНР по валютному контролю, в 2013 г. отток ПИИ из КНР должен был превысить 100 млрд долл. США³.

Китайское правительство поддерживает намерения своих бизнесменов вкладывать инвестиции в российскую экономику, ибо Дальний Восток — выгодный партнер. Здесь есть все то, чего не хватает в Китае — энергоресурсы, лес, металлическая руда⁴. Согласно заявленному намерению КНР, предусмотрено довести объем инвестиций в Российскую экономику до 12 млрд долл. до 2020 г.⁵

Следует отметить, что выведению российско-китайских отношений на новый уровень способствовали визит В.В. Путина в Китай и участие председателя КНР в Саммите АТЭС во Владивостоке.

Таблица 1

Инвестиции из КНР в Дальневосточный федеральный округ

	Поступило инвестиций из КНР, тыс. долл.							Ранг
	2000	2005	2006	2008	2009	2010	2011	
Дальневост. фед. округ	1914	20227	21541	27060	45157	45938	69901	
Респ. Саха (Якутия)	—						51	8
Прим. край	1857	1843	4433	6332	14689	16631	33713	1
Хабар. край	—	13623	8352	6751	5984	518	1536	5
Амурс. обл.	59	1531	2089	4732	7277	10150	20199	2
Камч. край	—	137	21	2	1754	1637	1063	6
Магад. обл.	—	—	4100	4680	4792	—	187	7
Сахал. обл.	—	1230	1760	3149	993	13169	8425	3
Еврейск. АО	—	1863	786	1414	725	3833	4727	4
	Доля в общем объеме иностранных инвестиций, %							Ранг
	2000	2005	2006	2008	2009	2010	2011	
Дальневост. фед. округ	0,35	0,34	0,32	0,31	0,56	0,62	0,70	
Респ. Саха (Якутия)	—	—	—	—	—	—	—	8
Прим. край	2,40	6,10	19,30	0,80	18,10	14,50	41,70	1
Хабар. край	—	5,50	3,80	2,80	2,20	0,10	2,20	5
Амурс. обл.	0,04	1,60	1,90	3,50	3,40	2,60	4,10	3
Камч. край	—	0,50	0,04	—	3,20	4,90	3,10	4
Магад. обл.	—	—	55,7	93,30	100	—	—	7
Сахал. обл.	—	0,02	0,03	0,06	0,17	0,26	0,10	6
Еврейск. АО	—	100	100	12,90	24,60	23,70	4,60	2

Источник: Амуроблстат. Внешнеэкономическая деятельность 2005–2011 г.

В последнее десятилетие развитие экономики Дальнего Востока сопровождается усилением роли китайского капитала, который увеличился с 2000 по 2011 гг. в 35 раз. В

целом по Дальнему Востоку объем инвестиций из Китая в 2011 г. составил \$ 69,9 млн. При этом общий объем китайских инвестиций в России к началу 2012 г. составлял \$24 792 млн. За 2012 г. поступило инвестиций из Китая \$ 575 млн (за 9 месяцев), из них приблизительно 12% пришлось на долю Дальнего Востока.

Первенствует по объему инвестиций из Китая Приморский край (48,2% в общем объеме иностранных инвестиций, поступивших на Дальний Восток из-за рубежа). Вторую позицию занимает Амурская область, на долю которой приходится 28,9% инвестиций, на третьем месте — Сахалинская область — 12% (по данным за 2011 г.).

Наиболее притягательна для иностранных инвесторов — добыча полезных ископаемых, на долю которой приходится до 90% от общего объема иностранных инвестиций (в 2011 г. \$9,3 млрд из \$9,9 поступили в ресурсный сектор⁶).

В последние годы налицо тенденция перехода от мелких частных инвестиций к солидным инвестиционным проектам. При этом власти наших регионов особо заинтересованы в средствах, предназначенных для глубокой переработки сырья.

На территории Еврейской автономной области китайской компанией «Хэмэнт—Дальний Восток» разрабатывается Южно-Хинганское марганцеворудное месторождение. Там же строится Кимкано-Сутарский горно-обогатительный комбинат по производству 3,2 млн т железорудного концентрата, что является частью масштабного межрегионального проекта по созданию горно-металлургического кластера в Приамурье. Строительство данного комбината «под ключ» осуществляет китайская корпорация. Ввод в эксплуатацию планируется на 2014 г.

Более того, в рамках кластера уже разработан проект строительства моста через реку Амур в ЕАО, который будет первым инфраструктурным проектом с участием капитала двух стран⁷. Объем китайских инвестиций в Еврейскую автономную область составил \$4,7 млн, хотя еще в 2000 г. она была вне зоны интересов китайских инвесторов.

В Магаданской области инвестиции из Китая поступают нестабильно. О присутствии китайского капитала свидетельствует получение китайской компанией ООО «Горнопромышленная Южная» лицензии на геологическое изучение, разведку, добычу рудного серебра, золота и сурьмы⁸, что предполагает в перспективе вложения в создание новых производств.

В Амурской области инвестиции из Китая за последние 11 лет увеличилось в 20 раз. В 2011 г. из КНР в экономику области поступило \$20,2 млн инвестиций (4,1% в общем объеме иностранных ПИИ) — удвоение против 2010 г. Среди всех стран-партнеров поступление капиталовложений из Китая стабильно занимает 4-е место.

Привлекательными сферами для китайских инвестиций являются строительство, лесозаготовка, производство кирпича и черепицы, а также жилищная застройка. На территории области осуществляют деятельность 874 предприятия с инвестициями из КНР (69% в общем числе объектов с иностранными инвестициями), рост к уровню 2005 г. — в 3,6 раза.

Завершается реализация крупнейшего экспортно ориентированного инвестиционного проекта — строительство линии ВЛ-500 кВ от Зейской ГЭС к государственной границе для экспорта электроэнергии в Китай. Совместных проектов в добывающем секторе экономики здесь в настоящее время нет.

Хабаровский край, занимающий, по оценке чрезвычайного и полномочного посла Китая в России Ли Хуэя, ведущее место в китайско-российском межрегиональном сотрудничестве⁹, все еще остается для КНР малоосвоенным инвестиционным рынком. Общий объем китайских инвестиций в экономике края составил \$77 млн, или 3,7% от общего объема иностранных вложений¹⁰.

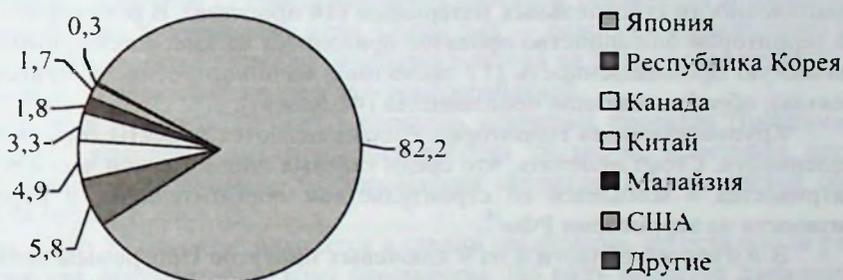
В 2011 г. поступило \$ 1,5 млн, что значительно ниже уровня 2005–2009 гг. На территории региона работает примерно 300 китайских предприятий, при этом наиболее активно развивается сотрудничество в медицинской, энергетической, строительной сферах¹¹.

В целях расширения масштабов инвестиционного сотрудничества в декабре 2012 г. губернатором Хабаровского края проведена презентация края в посольстве Китая в Москве, создается прозрачная система содействия инвестициям, определены благоприятные зоны для вложений, подготовлены конкретные проекты.

Приморский край за последние пять лет демонстрирует уверенный рост инвестиций из Китая (13-кратный), занимая по их привлечению лидирующие позиции в Дальневосточном федеральном округе. В 2011 г. их приток сюда составил \$33.7 млн, или 41,7% в общем объеме иностранных инвестиций края. Китайские инвесторы проявляют интерес к природным ресурсам. В 2012 г. обладателями лицензии по итогам аукциона на разработку оловянного месторождения «Искра» стала горнорудная компания «Хрустальная» с китайским капиталом¹².

Рис. 1

Долевое участие стран Азиатско-Тихоокеанского региона в инвестициях на территории Дальневосточного федерального округа РФ

Вместе с тем, несмотря на положительные тенденции в деле привлечения китайских инвестиций масштабы взаимодействия Китая и регионов Дальнего Востока пока что не соответствуют их экономическому потенциалу.

Китай не является лидером по вложению инвестиций в экономику Дальнего Востока. Если годовой объем инвестиций из стран АТЭС на Дальнем Востоке составил в 2011 г. \$ 1136 млн (11,5% от всех иностранных инвестиций)¹³, то на долю Китая приходится 3,3% в объеме иностранных инвестиций из стран АТЭС, в то время как на долю Японии — 82,2% (см. рис. 1.) В целом, уже сегодня сложилась потребность в более масштабном притоке китайских инвестиций в добычу и переработку полезных ископаемых на территории Дальнего Востока с использованием современных технологий мирового уровня.

Программа сотрудничества Дальнего Востока и Сибири с Северо-Восточным Китаем

Перспективам инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке российское и китайское Правительства придают большое значение. Это подтверждает официально подписанная Китаем и Россией в сентябре 2009 г. «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востоком КНР на 2009–2018 годы» (далее — Программа). Следовательно, региональное сотрудничество двух стран поднялось на государственный уровень. Программа позволяет приграничным районам Дальнего Востока РФ и провинциям КНР использовать имеющиеся возможности для повышения уровня сотрудничества и расширения масштабов инвестирования.

О важности упомянутой Программы для провинций Китая свидетельствует опубликованное в январе 2010 г. решение Народного Правительства провинции Хэйлунцзян относительно адаптации стратегии сотрудничества с Россией на основе этой Программы в части углубления инвестиционного сотрудничества, повышения качества и эффективности взаимного сотрудничества, поиска новых путей взаимодействия¹⁴.

Базой для стратегического инвестиционного сотрудничества является намерение российской и китайской сторон по реализации 57 ключевых проектов регионального сотрудничества с российской стороны и 100 с китайской стороны в рамках Программы. Отметим, что в первоначальном варианте насчитывалось 215 ключевых проектов (104 на территории Российской Федерации и 111 на территории КНР)¹⁵. Большинство инвестиционных проектов также приходится на добычу полезных ископаемых, производство стройматериалов, производство и распределение электроэнергии, обработку древесины.

По оценке экспертов, Программа асимметрична с точки зрения отраслевой структуры и технологического уровня. Большинство производственных проектов в России относится к сфере освоения минерально-сырьевых ресурсов (27 проектов), к отраслям лесопереработки (22 проекта), к легкой и пищевой промышленности (13 проектов), к промышленности строительных материалов (14 проектов). В отличие от этого, на китайской территории большинство проектов приходится на высокотехнологичные отрасли — химическую промышленность (17 проектов), машиностроение и приборостроение (18 проектов), обрабатывающие производства (41 проект).

Крупнейшими на территории России являются проекты горнодобывающей промышленности. Стоит отметить, что среди таковых лишь у малой части реализация предусматривается в комплексе со строительством обогатительных и перерабатывающих производств на территории РФ¹⁶.

В Амурской области 4 из 9 ключевых проектов Программы связаны с освоением минерально-сырьевых ресурсов. Среди них — создание горно-металлургического кластера в Приамурье. В 2010 г. завершено строительство Олекминского ГОКа на базе Куранахского месторождения титаномагнетитовых руд, являющегося первым этапом кластера, мощностью в пределах 1 млн т концентрата. В 2011 г. ГОК вышел на проектную мощность, и уже за 2011–2012 гг. в Китай экспортировано приблизительно 2 млн т концентрата.

Планами компании УК «Петропавловск» предусмотрено строительство Гаринского ГОКа на базе одноименного железорудного месторождения (мощностью 7,2 млн т промпродукта) с привлечением иностранных инвестиций. На территориях Амурской области и Еврейской автономной области данной компанией сформирован портфель железорудных проектов, который представляет интерес для китайских инвесторов.

Компании «General Nice», являющаяся одним из крупнейших в Китае импортеров железной руды, и Minmetals Cheerglory заключили соглашение с компанией IRC Лтд о вложении китайского капитала в акционерный капитал IRC Лтд для финансирования производственных мощностей и о поставках продукции. В общей сложности IRC Лтд, получит от инвесторов денежные средства в размере \$238 млн. Инвестиции будут направлены на развитие Кимкано-Сутарского проекта и позволят начать разработку Гаринского проекта, значительно увеличивая производственный и экономический потенциал портфеля горнорудных проектов¹⁷.

К перспективным проектам в рамках Программы можно отнести строительство цементного завода на базе Чагоянского месторождения известняков. Изначально планировалось, что завод будет выпускать 1,5 млн т цемента в год, но с учетом нынешних потребностей руководством компании ЗАО «Берилл дельта» было решено разбить строительство на две очереди по 750 тыс. т в год. Поскольку проект разрабатывали китайские специалисты, они же будут вносить коррективы.¹⁸

В Программу включены также строительство стекольного завода в г. Райчихинске, для реализации которого инициатором проекта с российской стороны ведется разработка проектно-сметной документации обогатительной фабрики по производству кварцевого песка в Амурской области; на следующем этапе планируется построить стекольный завод. Получаемый после обогащения песка концентрат пригоден для производства листового, лабораторного, медицинского и парфюмерного стекла, а также стекловолокна. Мощность стекольного завода — 300 тысяч т стекла в год¹⁹.

Еще одним проектом, планируемым к реализации на территории области в добывающем секторе экономики в рамках Программы, является освоение Евгеньевского месторождения апатитов. Для его реализации с российской стороны создана специализированная компания, ведется поиск потенциальных инвесторов с китайской стороны.

Помимо проектов Программы, к числу перспективных задач относится освоение Гебикано-Огоджинского угленосного района. Общие запасы месторождения оцениваются в 14,6 млрд т угля. Об этом амурский губернатор рассказал по ходу своего выступления на парламентском форуме АТР во Владивостоке в январе 2013 г.²⁰

В Программу включено 12 инвестиционных проектов, реализация которых предусмотрена на территории Хабаровского края. Среди них — освоение оловорудного месторождения «Соболиное», строительство цементного завода на базе месторождений Ниланского известняка; 7 проектов связаны с деревопереработкой.

На территории Камчатского края в перечень ключевых проектов Программы в сфере добывающего комплекса включены переработка титано-магнетитовых песков, промышленное освоение Ягодинского месторождения цеолитов; в Магаданской области — переработка бурых углей и др.

В целом, 12 из 57 проектов находятся в стадии реализации, по остальным разрабатывается проектная документация, идут переговоры. По ряду проектов движения не наблюдается.

Перечисление проектов можно было бы продолжить, для всех, однако, характерна одна и та же серьезная проблема: инвестирование.

Что касается китайской стороны, то для реализации принятой Программы предусмотрены вложения из федерального и региональных бюджетов, выполнение которых четко отслеживается. Со стороны России данная Программа не предполагает обязательств по финансированию проектов, поэтому реализация многих из них, ключевых по значимости, вызывает определенную тревогу. Об этом шла речь на прошедшем в 2011 г. заседании рабочей группы по реализации Программы, что была создана по распоряжению руководителя администрации Президента Российской Федерации для содействия осуществлению проектов на территориях субъектов РФ при участии федеральных органов исполнительной власти.

По ходу этого заседания было отмечено: «К сожалению, в настоящее время реализуются проекты, которые связаны с разработкой и использованием ресурсной базы дальневосточных регионов, тогда как проекты, предусматривающие производство продукции с высокой степенью добавленной стоимости, пока что не реализуются»²¹. Поэтому своевременным и актуальным является предложение В. Ишаева о необходимости изменить статус этих проектов: они должны стать частью программы экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья, будучи подкреплены финансовыми обязательствами.

Было бы целесообразным выделить проекты Программы в отдельную «приграничную» подпрограмму с четким механизмом поэтапного ее финансирования и контроля. В этой части возможно участие государства с использованием механизма государственно-частного партнерства.

В сочетании с системой льгот и преференций со стороны государства для реализации инвестиционных проектов такое партнерство может стимулировать создание про-

изводства с высокой долей добавленной стоимости, обеспечивая тем самым переход от добычи ресурсов к их глубокой переработке (с сопутствующим этому процессом изменения структуры экономики).

Китайский опыт стимулирования инвесторов

Вместе с тем, следует признать, что нынешняя обстановка в России в части поощрения притока иностранных инвесторов кардинально отличается от инвестиционной политики Китая. Дело в том, что на китайской стороне сложились условия, пока что более благоприятные для иностранных инвесторов, нежели на территории российского Дальнего Востока.

Ознакомление с инвестиционным законодательством Китая позволяет сформулировать главную его особенность: предоставление инвесторам льготного режима налогообложения. Применяя меры государственного регулирования, Китаю удается обеспечить направление инвестиций в приоритетные сектора экономики и в менее развитые территории, а также за рубеж.

Так, в отличие от России, в Китае функционирует режим разграничения отраслевых проектов с иностранными инвестициями на 4 категории: поощряемые, разрешаемые, ограничиваемые, запрещенные. Для поддержки предприятий, реализующих проекты из категории поощряемых, установлены значительные льготы по налогообложению, что позволяет направлять потоки инвестиций в приоритетные сектора экономики.

Кроме того, весьма интересна китайская практика «территориальной открытости» — выборочного поощрения иностранных инвестиций на отдельных территориях. Речь идет о поощрении иностранных инвестиций в менее развитых провинциях путем введения особого преференциального режима через создание различных видов специальных экономических зон с особыми режимами управления. Так, в провинции Хэйлунцзян действует особый льготный режим для предприятий, разместивших производства на территории таких зон²².

В области государственного управления, связанного со смещением приоритетов в экономике на ускорение развития провинций Северо-Востока Китая, в рамках программы развития его «старых промышленных баз» принято решение о стимулировании их развития.

Внимание инвесторов из разных стран привлекают такие преференции, как освобождение от уплаты подоходного налога в течение первых двух лет и снижение ставки налога в последующие три года в размере 50% для предприятий с иностранными инвестициями (при создании производственных объектов со сроком функционирования более 10 лет). При этом в первые три года предприятию возвращается местный НДС от полученного дохода в полном объеме, в последующие два года возвращается 50% НДС. Есть и другие преференции.

Китайское правительство поддерживает намерения своих бизнесменов вкладывать инвестиции в экономику за рубежом, включая вывоз китайского капитала в соответствии с условиями и приоритетами экономического развития страны. При этом корпорации получают по льготной ставке средства для инвестирования за рубежом по трем главным направлениям (включая добычу и переработку сырья, создание предприятий с последующей продажей их продукции и инвестиций)²³.

Ситуация, когда по разные стороны границы функционируют законы в инвестиционной сфере, неравноценно стимулирующие вложение инвестиций, ставит дальневосточные регионы России в неравное с Китаем положение.

Одна из важнейших задач — улучшение инвестиционного климата на Дальнем Востоке посредством введения особых условий для региона. Об этом шла речь в ноябре 2012 г. на заседании президиума Государственного Совета РФ по повышению уровня со-

циально-экономического и демографического развития Дальнего Востока и Забайкалья, по итогам которого Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был дан ряд конкретных поручений, реализация которых прорабатывается.

Для создания особых условий хозяйственной деятельности на территории Дальнего Востока планируется формирование новой системы налоговых льгот для инвесторов, что даст возможность компаниям сократить сроки окупаемости проектов, позволит сделать бизнес более работоспособным.

В ноябре 2012 г. был образован Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона для финансирования приоритетных инвестиционных проектов комплексного развития.

Завершается разработка Государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года», которая предполагает бюджетные средства на инфраструктуру, а также средства частного бизнеса.

В целом можно отметить, что в настоящее время идет процесс формирования нового алгоритма политики России в ее дальневосточном регионе. Вместе с тем, в ходе назревшей необходимости подкорректировать политику привлечения иностранного капитала в экономику дальневосточных регионов (на общефедеральном и на региональном уровнях) есть смысл проанализировать и по возможности использовать в собственной практике позитивные наработки китайского опыта. Это может стать существенным условием улучшения инвестиционной привлекательности региона.

Выводы

1. Инвестиционное сотрудничество является важным аспектом российско-китайских отношений, без сотрудничества с Китаем России будет трудно улучшить экономическую ситуацию на Дальнем Востоке.

2. Усиление китайского присутствия в инвестиционных проектах на Дальнем Востоке будет продолжаться, и в будущем возможно привлечение всех видов (прямых, портфельных, кредитных) китайских инвестиций в проекты минерально-сырьевого комплекса, однако участие в сырьевых проектах целесообразно увязывать с пакетами инвестиционных проектов в глубокую переработку сырья на территории Дальнего Востока.

3. Ключевые проекты Программы должны быть скоординированы с программами развития Дальнего Востока, а также с региональными программами. Необходимо все проекты, планируемые к реализации в рамках Программы, сгруппировать по значимости, выделив стратегические, первоочередные и второстепенные с определенным механизмом реализации, источников финансирования, участия в нем государства.

4. Факторами роста китайских инвестиций в экономику Дальнего Востока может стать использование наиболее удачных составляющих китайского опыта по созданию преференций инвесторам, готовность идти на определенные стимулы, включая расширение практики создания специальных экономических зон с преференциальным налоговым режимом, особенно в приграничных территориях. Усиление этого фактора необходимо ввиду его слабости в настоящее время. Как показывает практика, для китайских инвесторов важна льготная политика, которая учитывается инвесторами еще в процессе принятия решения об ассигновании своих средств.

5. Проведенный анализ основных тенденций инвестиционного сотрудничества регионов Дальнего Востока и провинций Китая выявил существенные различия по способам привлечения иностранных инвесторов и инвестиционному законодательству. При этом для обеих территорий характерна заинтересованность в развитии инвестиционного сотрудничества и поиск новых направлений и форм интеграции.

Таким образом, важной стратегической задачей, позволяющей эффективно реализовать программы и проекты долговременного инвестиционного сотрудничества,

является формирование на Дальнем Востоке инвестиционного климата и особых условий хозяйствования, адаптированных к интеграционным процессам в Китайской Народной Республике.

1. Амуроблстат. Внешнеэкономическая деятельность, 2005–2011 г.
2. *Портяков В.* Российско-китайские отношения в 2008 году // Пробл. Дальнего Востока. 2009. № 1. 2009. С
3. *Селихов Д.* Роль транснациональных корпораций КНР в развитии национальной инновационной системы // Пробл. Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 28–42.
4. Генеральное Консульство Китайской Народной Республики в г. Хабаровске. Российско-китайское сотрудничество на Дальнем Востоке. URL: <http://www.chinaconsulate.khb.ru>
5. Новости. Объем китайских инвестиций в экономику России возрастет до 12 млрд долларов. URL: <http://www.kzab.ru/index.php?news=21420>
6. *Итаров Е.* Развитие — в модернизации экономики // Дальневосточный капитал. 2012. № 8. С. 28–29.
7. *Бабаян Д.* Демографический компонент российско-китайских отношений: вызовы и выводы // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 6. С. 118–125.
8. *Итаров Е.* Самый значимый партнер // Дальневосточный капитал. 2012. № 8. С. 18–21.
9. Новости. Губернатор Хабаровского края распахнул инвестиционные объятия Китаю. URL: <http://www.amurmedia.ru/news/khabkai/17.12.2012/246070/gubernator-habarovskogo-kraja>.
10. Новости. Хабаровский край ждет китайских инвестиций. URL: http://khabarovskonline.com/economy/habarovskiy_kray_zhdet_kitajskih_investiciy/
11. Новости. Губернатор Хабаровского края распахнул инвестиционные объятия Китаю. URL: <http://www.amurmedia.ru/news/khabkai/17.12.2012/246070/gubernator-habarovskogo-kraja>.
12. *Воронцова Н.* Дальневосточный капитал. 2012. ноябрь. URL: http://www.zrpress.ru/business/dalnij-vostok_29.11.2012_58018_kitajskie-investory-podbirajut-dalnevostochnoe-olovo.html.
13. *Итаров Е.* Самый значимый партнер // Дальневосточный капитал. 2012. №8. С. 16–21.
14. *Цзоу Сиутин.* Анализ торгово-экономического сотрудничества провинции Хэйлуцзян КНР и Дальнего Востока РФ: Материалы междунаrod. научно-практ. конф. «Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами. Благовещенск: АмГУ, 2011. 400 с.
15. *Шлык Н.Л.* Региональное сотрудничество Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая в свете стратегического партнерства двух стран. Материалы междунаrod. научно-практ. конф. «Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами. Благовещенск: АмГУ, 2011. 400 с.
16. URL: http://ariox.biz/news/rossijsko_kitajskoe_sotrudnichestvo_perspektivnye_napravlenija_i_podvodnye_kamni/2010-05-19-58
17. Новости. IRC привлек новых инвесторов. Руда и металлы: Издательский дом. 17.01.2013. URL: <http://www.rudmet.ru/news/1439/>
18. *Гвоздовская Е.* Теория большого взрыва // Амур. правда. 2012. 16 авг. URL: <http://www.ampravda.ru/2012/08/16/035779.html>
19. Новости. В Амурской области сформируют пул инвестиционных проектов. 07.06. 2011. URL: <http://portamur.ru/>
20. *Астафьева Е.* Приамурье начнет освоение нового угольного месторождения // Амур. правда. 2013. 31 янв.
21. Новости. Полпред Ишаев отдал должное китайцам. Дебри. ДВ. URL: <http://www.dcbri-dv.ru/article/4305>.
22. Регионы Китая. Хэйлуцзян. Политика льгот для привлечения зарубежного капитала. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/79238.htm>
23. *Селихов Д.* Роль транснациональных корпораций КНР в развитии национальной инновационной системы // Пробл. Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 28–42.

Дальний Восток в контексте модернизации России*

© 2014

М. Ласточкина

На базе методики, разработанной китайскими экономистами, рассмотрен процесс модернизационного развития в регионах Дальневосточного федерального округа, выделены препятствия и ограничения на его пути. Сделан вывод, что модернизация в регионах страны осуществляется крайне неравномерно и асинхронно, а межрегиональные разрывы весьма велики даже между соседними территориями.

Ключевые слова: модернизация регионов, социально-экономическое развитие, уровни модернизации, китайская система индексов модернизации.

В настоящее время происходят глубокие изменения в системе мирохозяйственных связей: мировые лидеры (США, Япония, Евросоюз) стремятся любой ценой сохранить доминирование, а претендующие на их место Китай и «азиатские тигры» все больше расширяют сферы воздействия отдельных акций и процессов интернационального уровня.

Вполне очевидно, что определяющее значение в этой гонке будет иметь опережающее производство нового (шестого) технологического уклада. Россия без целенаправленных усилий по координации социально-экономических программ, концентрации ресурсов для решения актуальных проблем, прежде всего научно-технического и экономического прогресса может оказаться в этой схватке второстепенной державой. Современная социально-экономическая ситуация в стране такова, что эффективное решение множества социально-экономических проблем возможно только при консолидации усилий власти, бизнеса и общества.

Однако, как отмечают ведущие политологи и экономисты¹, в России за время многолетних реформ так и не сложилось взаимной ответственности между властью и бизнесом: из-за коррумпированности, повышенных тарифов, низкой доступности кредитов — с одной стороны, и недобросовестной конкуренции, оффшорных схем ведения бизнеса, серого импорта — с другой стороны. При существующих тенденциях экономического развития «Россию ждет необратимая колонизация с закреплением на сырьевой периферии мирового хозяйства»².

Единственно правильный выход — это соглашение между государством и крупным бизнесом на условиях прозрачного частно-государственного партнерства, основывающегося на корпоративной социальной ответственности. Только выстраивая взаимодействие на таких прозрачных принципах и оправдывая ожидания друг друга, будет возможно обеспечить стабильное, поступательное развитие страны и каждого региона в нынешних условиях модернизации и конкуренции стран за мировое лидерство.

Ласточкина Мария Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН. E-mail: mashkop@mail.ru.

* Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ 13-06-00898.

О возможности успешной переориентации общественных связей свидетельствует мировой опыт, восходящий к 1960–1970-м гг., когда в США, Англии, Японии, ФРГ стала формироваться концепция социально ответственного бизнеса, ориентирующая предпринимателей не только на добросовестную уплату налогов, но и мотивирующая его на снижение экономического неравенства, решение экологических проблем, ответственность перед обществом.

Весьма успешные попытки подъема экономики и престижа страны в последние годы демонстрирует Китай, который любой ценой пытается выйти на ведущие мировые рынки, перейти от аграрно-индустриального общества к информационному, основанному на знаниях. В связи с этим китайскими учеными проведено немало аналитических и прогнозных работ (Лю Гогуаном, Чжоу Шулянем — в 1980-е гг., Ли Цзинвэн — в 1990-е гг.³

В начале XXI в. особое внимание Академии наук Китая (АНК) было уделено вопросам модернизации в мире и Китае⁴. Ученые Центра исследования модернизации АНК во главе с Хэ Чуанци предложили комплексный набор количественных ориентиров развития, отвечающих мировому уровню модернизации экономики в наиболее развитых странах мира. Проанализировав ситуацию в 131 стране мира и определив стадии их модернизованности, китайские ученые разделили на основе своего анализа все государства на группы с низким, предварительным, средним и высоким уровнем модернизованности. Согласно китайской методике, развивающей положения классической теории модернизации, постмодерна и исторических эпох человеческой цивилизации, выделены: первичная модернизация (ПМ) — переход от традиционного общества к индустриальному; вторичная модернизация (ВМ) — переход к информационному обществу, основанному на знаниях; а также интегрированная модернизация (ИМ), измеряющая совокупный уровень обеих стадий⁵.

Разработанная ими система индексов дает возможность анализировать процесс модернизации конкретной страны, определив признаки каждой стадии модернизации, а также факторы, сдерживающие и стимулирующие эти процессы. Проведенные китайскими учеными исследования демонстрируют, что в 2006 г. 12 стран (из упомянутых 131, подвергнутых анализу) еще не начали модернизацию, оставаясь на уровне традиционного аграрного общества, 90 стран пребывают на стадии первичной модернизации, а 29 — вступили в стадию вторичной модернизации. Россия, согласно предложенной методике, занимала 41-е место в рейтинге первичной модернизации (индекс ПМ 97%), 31-е место — во вторичной (индекс ВМ 66%) и 37-е место — в интегрированной (индекс ИМ 59%).

За следующие четыре года положение нашей страны в мировом рейтинге изменилось незначительно: ПМ — 43 место, ВМ — 29 место, ИМ — 36 место (табл. 1).

Таким образом, на протяжении, по крайней мере, следующих 10 лет Россия будет находиться в первой части списка среднеразвитых стран, где также расположены Испания, Италия, Греция, Португалия.

Таблица 1

Национальная модернизация: уровни России (среди 131 страны, в %)

Показатель	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Индекс первичной модернизации	92 (52)	96 (45)	99,7 (40)	99,9 (41)	99,9 (43)
Индекс вторичной модернизации	62 (29)	66 (29)	70 (30)	70 (30)	72 (29)
Интегрирован. индекс модернизации	54 (37)	58 (39)	63 (36)	65 (38)	66 (36)

Источник: *Research Group for China Modernization Strategies, et al. 2008; China Modernization Report 2008: International Modernization. Beijing: Peking University Press; World Bank, 2008. World development Indicators 2008. Washington DC: World Bank.*

Однако благополучное на первый взгляд положение РФ не совсем согласуется с рейтингом инвестиционной привлекательности страны, состоянием индустриальной и социальной среды и, тем более, с экономическим положением отдельных субъектов федерации.

Таблица 2

Набор индикаторов, используемых при расчете индексов ПМ, ВМ и ИМ

№ п/п	Индикаторы	Стандарты 2010 г. индексов и субиндексов							
		ПМ	ВМ			ИМ			
		FMI	KI	KT	LQ	EQ	EI	SI	KI
1.	Валовый регион. продукт на душу населения в д.	8000				38811	38811		
2.	Доля лиц, занятых в с/х, к числу занятых, % *	30							
3.	Доля добавл. стоимости в с/х относительно ВРП, % *	15							
4.	Доля добавл. стоим. в сфере услуг относительно ВРП, %	45					74,5		
5.	Доля горожан во всем населении, %	50			80.0			80.2	
6.	Число врачей на 1000 человек	1			2.8			2.8	
7.	Дет. смертность (в возрасте до 1 г.) на 1000 родившихся*	30			5,1				
8.	Ожидаемая продолжительность жизни, кол-во лет	70			79,8			79,8	
9.	Уровень грамотности среди взрослых, в %	80							
10.	Доля учащихся вузов среди насел. от 18 до 22-х лет, %	15		72,1					72,1
11.	Доля затрат на НИОКР в ВРП (ВВП), %		2,4						2,4
12.	Число ученых и инженеров на 10 тыс. человек		39,8						
13.	Число лиц, подавших патентные заявки на 1 млн человек		745						745
14.	Доля учащихся в средн. учеб. заведениях среди населения 12–17 л			100					
15.	Число телевизоров на 100 домохозяйств			160					
16.	Число персон. компьютеров на 100 домохозяйств			117					117
17.	Энергетич. эффект-сть: ВРП/стоимость подушевого потребления энергии				4999,2				
18.	Валовый регион. продукт на душу населения по ППС, в д.					37322	37322		
19.	Доля добавл. стоим-ти материальн. сферы (с/х и промышл.) в ВРП, %*					25,5			
20.	Доля занятых в материальн. сфере в общей занят-ти, %*					25,9			
21.	Доля занятости в сфере услуг в общей занятости, %						74,1		
22.	Эколог. эффективность: ВРП на душу / расх. энергии на душу (в д.)							7,7	

Субиндексы ВМ и ИМ: KI — инновации в знаниях, KT — трансляции знаний, LQ — качества жизни,

EQ — качества экономики, EI — экономический индекс, SI — социальный индекс, KI — индекс знаний

Источник: Таблица разработана автором на основе источников: Чуанци Х. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М.: Весь Мир, 2011; Латин Н.И. Об опыте стадийного анализа модернизации // Опыт зарубеж. модернизации. Обществ. науки и современность. 2012. № 2. С. 53–57.

Трудность решения проблем модернизации в нашей стране заключается в многочисленности ее регионов, различиях в уровне их социально-экономического развития, человеческого потенциала и социокультурных составляющих.

Бесспорно, что модернизация страны складывается из модернизации ее регионов, представляя собой некую «усредненную» характеристику по совокупности территорий, скрывающую контрастные (как негативные, так и позитивные) параметры регионального развития. В связи с этим определение уровней региональной модернизованности есть чрезвычайно важная задача по ходу управления модернизацией России.

При работе над данной статьей были собраны статистические данные по всем 83 субъектам РФ, 8 федеральным округам и по России в целом. Для определения индексов и уровней модернизации использовались 22 статистических показателя за 2000, 2005, 2008, 2009, 2010 гг. Это позволило выявлять и анализировать среднесрочные и краткосрочные тренды параметров модернизации, в том числе их изменения в условиях мирового кризиса⁹.

Китайская методика исследования модернизации не претендует на фундаментальность, однако вполне оправдано может быть использована как один из возможных способов рейтингования территорий России, сопоставления их с мировыми стандартами и выявления тенденций развития. В качестве стандарта применены усредненные новейшие значения индикаторов 20-ти развитых стран, которые получены из ЦИМ КАН; они рассчитаны на основе международной статистики и принимаются как международно-критериальные при определении индексов модернизации стран мира (табл. 2).

Таблица 3

Индексы первичной модернизации федеральных округов РФ

Федеральный округ	Год					Прирост	
	2000	2005	2008	2009	2010	2000-2005	2005-2010
Центральный	<i>Выше среднего</i>					5,2	2,1
	92,6	97,8	99,8	99,9	99,9		
Россия	91,9	95,5	99,7	99,9	99,9	3,6	4,4
Северо-Западный	91,5	95,7	99,6	99,7	99,7	4,2	4
Дальневосточный	91,9	95,1	99,3	99,4	99,4	3,2	4,3
Уральский	91,8	97,3	97,7	98,8	98,8	5,5	1,5
Приволжский	<i>Средний</i> 89,1	93,4	99	97,3	97,5	4,3	4,1
Сибирский	89,8	93,9	98,9	97,6	96,8	4,1	2,9
Южный	89,0	92,9	97,6	96,5	96,2	3,9	3,3
Северо-Кавказский	86,3	<i>Средний</i> 89,8	94,2	94	93,6	3,5	3,8

Данные ранжированы по 2010 г.

ПМ-уровни: Высокий 100; Выше среднего 91–99,9; Средний 81–90; Ниже среднего 69–80; Низкий 68 и меньше.

Таблицы подготовлены Институтом социального и экономического развития территорий (ИСЭРТ) с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент № 2012661285, 2012 г.), в соответствии с разработками ЦИСИ Института философии РАН

Оценка индексов первичной модернизации показывает положительную динамику роста на протяжении всего анализируемого периода (2000–2010 гг.).

Оценка индексов первичной модернизации показывает положительную динамику роста на протяжении всего анализируемого периода (2000–2010 гг.) в четырех федеральных округах РФ: Центральном, Северо-Западном, Дальневосточном и Уральском (табл. 3).

Для Приволжского, Сибирского, Южного, Северо-Кавказского федеральных округов 2009–2010 гг. оказались временем незначительного снижения ПМ-индекса (от 0,2 до 1,7), причиной очевидно послужил финансово-экономический кризис, который характеризовался спадом социально-экономических показателей. На протяжении десяти лет разрывы в уровнях первичной модернизации между округами стабильно остаются на уровне 6%, а превышение общероссийского уровня налицо лишь в Центральном ФО. К 2008 г. все рассматриваемые территории стали занимать уровень первичной модернизации выше среднего (индекс в интервале от 91 до 99,9). Таким образом, до полной реализации ПМ федеральным округам недостает от 6,4 до 0,1%.

Из результатов проведенного анализа явствует, что осуществлению первичной модернизации в большинстве федеральных округов препятствует низкая продолжительность жизни населения, которая по стандартам ПМ должна быть не менее 70 лет (см. табл. 2).

Различия между уровнями индексов вторичной модернизации были приняты как основание для выделения четырех групп по уровню их развития: высокоразвитые — индекс 81 и более; среднеразвитые — 52–80 (разбит еще на три интервала: верхняя треть 72–80; срединная треть 62–71; нижняя треть 52–61); предварительно развитые — 31–51; отстающие — 30 и менее.

В 2000 г. три федеральных округа (Дальневосточный, Южный, Северо-Кавказский) имели самые низкие показатели и находились на предварительном ВМ-уровне (табл. 4), однако за 5–8 лет они смогли достичь уровня среднеразвитых.

Таблица 4

Индексы вторичной модернизации федеральных округов РФ

Федеральный округ	Год					Прирост	
	2000	2005	2008	2009	2010	2000-2005	2005-2010
Центральный	<i>Среднеразвитые</i>		<i>Высокоразвитые</i>			7,8	7,4
	68,9	76,7			84,1		
Северо-Западный	66,7	72,6	<i>Среднеразвитые</i>			5,9	6,4
			77,4				
Россия	61,6	66,2	69,8	70,4	72	4,6	5,8
Уральский	56,2	63,1	67,4	66,6	66,1	6,9	3
Приволжский	55	61	63,4	63,4	64,4	6	3,4
Сибирский	52,6	59,2	62,8	63,2	63,2	6,6	4
Дальневосточный	<i>Предв. разв.</i>	58,6	62,4	62,1	62,1	7,2	3,5
	51,4						
Южный	50,3	55,6	58,3	59,5	59,1	5,3	3,5
Северо-Кавказский	44,2	<i>Предв. разв.</i>	51,7	52,7	53,6	5,4	4
		49,6					

Данные ранжированы по 2010 г. ВМ-уровни: высокоразвитые 81 и более; среднеразвитые 52–80 (верхняя треть 72–80; срединная треть 62–71; нижняя треть 52–61); Предварительно развитые 31–51

Таблицы подготовлены Институтом социального и экономического развития территорий (ИСЭРТ) с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент № 2012661285, 2012 г.) в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

Согласно проведенным расчетам, общероссийский уровень вторичной модернизации опережают два федеральных округа: Центральный и Северо-Западный. Кроме того, Центральный ФО последние три года имеет уровень вторичной модернизации, соответствующий высокоразвитым странам.

В них также налицо наибольший по сравнению с другими территориями прирост индексного показателя в рассматриваемом периоде (2000–2005 гг. — 7,8%; 2005–2010 гг. — 7,4%). До полной реализации ВМ остается еще 16%, при существующих темпах развития это было бы достижимо не раньше 2022–2025 гг., однако последний год продемонстрировал стагнацию в росте индекса. Т.е. этот процесс может отсрочиться еще на несколько лет.

Таблица 5

Интегрированные индексы модернизации федеральных округов РФ

Федеральный округ	Год					Прирост	
	2000	2005	2008	2009	2010	2000–2005	2005–2010
Центральный	<i>Ниже средн.</i>	<i>Средний</i>				8,1	7,4
	57,7	65,8	72,4	73,7	73,2		
Северо-Западный	53,9	<i>Ниже средн.</i>	66,2	67,3	68,4	7	7,5
		60,9					
Россия	51,1	57,9	<i>Ниже средн.</i>	63,5	65,4	6,8	7,5
			62,5				
Уральский	49,3	57,3	62,6	<i>Ниже среднего</i>		8	4,4
				61,6	61,7		
Дальневосточный	47,8	55,6	60,1	60,4	59,9	7,8	4,3
Приволжский	<i>Низкий</i>	55,3	58,6	58,9	59,9	7,6	4,6
	47,7						
Сибирский	46,4	54,2	59,2	59,7	59,6	7,8	5,4
Южный	44,8	52	55,5	56,5	56	7,2	4
Северо-Кавказский	41,1	<i>Низкий</i>	50,2	51,1	51,6	6,2	4,3
		47,3					

Данные ранжированы по 2010 г. Интервалы индексов: высокий 88 и более; выше среднего 78–87; средний 64–77; ниже среднего 48–63; низкий 33–47; очень низкий 32 и меньше. Таблицы подготовлены Институтом социального и экономического развития территорий (ИСЭРТ) с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент № 2012661285, 2012 г.) в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

По стране в целом «не достает» 28%, а в шести округах (Уральском, Приволжском, Сибирском, Дальневосточном, Южном, Северо-Кавказском) — от 34 до 46%. К тому же, их значения даже в 2010 г. не смогли превысить уровень, который имели Центральный и Северо-Западный ФО в 2000 г.

Следовательно, достаточно высокий общероссийский уровень реализации ВМ достигается за счет двух федеральных округов.

Поскольку интегрированная модернизация представляет собой координированное взаимодействие обеих стадий, то рейтингование рассматриваемых территорий во многом соответствует их распределению в двух предыдущих случаях. В лидеры снова вышли Центральный и Северо-Западный федеральные округа, достигнув среднего уровня к 2005 и 2008 гг., соответственно (табл. 5).

Начиная с 2009 г. данному стандарту стала отвечать Россия, остальные 6 федеральных округов (Уральский, Дальневосточный, Приволжский, Сибирский, Южный, Северо-Кавказский) — уровню ниже среднего.

Более подробно обратимся к динамике регионов Дальневосточного федерального округа (ДФО). Он составляет 36% территории Российской Федерации и включает в себя девять субъектов. Степень интегрированности экономики регионов, расположенных на территории ДФО, можно охарактеризовать как невысокую. В большей степени интегрированы его отдельные южные территории, объединенные единой транспортной и энергетической инфраструктурой.

Оценка параметров модернизации показала однородность индексов первичной модернизации субъектов ФО — не более 5% не достаёт им до полного осуществления ПМ — в основном из-за недостаточно высокой продолжительности жизни (менее 70 лет).

За рассматриваемый период повысили свой уровень ПМ все территории за исключением Чукотского автономного округа (АО), в котором в 2008 г. произошло снижение доли добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВРП региона (доля составила 41%, что меньше стандарта — 45%). Индексы вторичной и интегрированной модернизации также не превышают общероссийский уровень (табл. 6).

Основным фактором, сдерживающим рост ВМ, служит субиндекс инновации в знаниях (см. табл. 2), который в 2010 г. в Чукотском АО составлял 3%, в Еврейской автономной области — 4%, в Сахалинской области 14%. В остальных субъектах ДФО его значения также невысоки — от 16 до 37%. Лидером является Магаданская область (44%).

Субиндекс качества экономики является вторым фактором, сдерживающим ВМ: в пяти территориях (Камчатском, Приморском, Хабаровском крае, Амурской области и Еврейской автономной области) он менее 50%.

В Чукотском АО и Сахалинской области достаточно высокие значения этого показателя (73%) достигаются за счет высокого валового регионального продукта на душу населения по паритету покупательной способности (оценка составила 109% по нормам ВМ).

Значения двух других субиндексов находятся в интервале от 82 до 97%. При этом существенно снижает субиндекс качества жизни высокая младенческая смертность в возрасте до 1 года (от 7,2 до 13 в субъектах ДФО), которая по стандартам ВМ не должна превышать 5,1 на 1000 родившихся.

Очевидна позитивная динамика субъектов ДФО в рассматриваемый период: уровень интегрированной модернизации повысился во всех территориях. В итоге к 2005 г. четыре региона (Хабаровский край, Еврейская автономная область, Сахалинская и Амурская области) преодолели рубеж низкого уровня и поднялись до положения ниже среднего (табл. 6). А в 2010 г. Магаданская и Сахалинская области стали соответствовать среднему уровню, почти догнав общероссийскую планку 65,4%. Подобные положительные изменения произошли в основном за счет 12-кратного роста числа персональных компьютеров на 100 домохозяйств (с 6 — в 2000 г. до 73 — в 2010 г.).

Из трех групп параметров интегрированного индекса, включающего 12 индикаторов, наиболее высокое значение имеет социальный субиндекс, его оценка в субъектах округа находится в пределах 70–90%.

Основными факторами, сдерживающими модернизацию в субъектах ДФО:

- недостаточное число жителей, подавших патентные заявки на 1 млн человек (от 0 — в Чукотском АО, до 168 — в Амурской области, при стандарте ИМ равном 745);
- низкая доля затрат на НИОКР (от 0,07 — в Чукотском АО, до 1,52 — в Магаданской области, при стандарте ИМ равном 2,4);
- низкая экологическая эффективность, которая в 4 раза ниже стандарта.

Для большинства территорий характерна также маленькая доля валового регионального продукта на душу населения, составляющая 12–30% от стандартного значения (лишь в Чукотском АО и Сахалинской области она достаточно высока: 80 и 66% соответственно).

Таким образом, налицо асимметрия структуры региональной модернизации России: ее первичная, индустриальная составляющая почти вдвое превышает вторичную (т.е., информационную).

Основные сложности в большинстве регионах России связаны с вторичной и интегрированной модернизацией. В этих видах модернизации слабые зоны — это процессы экономической модернизации и культурно-когнитивной модернизации.

Таблица 6

Динамика уровней первичной, вторичной и интегрированной модернизации регионов Дальневосточного федерального округа (2000–2010)

Регион	Индекс первичной модернизации			Индекс вторичной модернизации			Индекс интегрированной модернизации		
	2000	2005	2010	2000	2005	2010	2000	2005	2010
Магаданская обл.	93	97	99	54	65	69	49	59	65
Сахалинская обл.	90	96	95	50	57	68	47	55	65
Камчатский край	92	91	95	60	63	66	54	58	62
Респ. Саха	94	99	99	55	61	65	49	56	61
Приморский край	91	94	97	55	63	64	51	59	62
Хабаровский край	91	95	98	49	57	63	46	55	61
Чукот. авт. округ	93	98	95	49	56	63	48	56	62
Амурская обл.	90	93	97	47	56	58	45	53	57
Еврейская авт. обл.	90	91	95	47	51	54	45	50	55

Отсортировано по индексу вторичной модернизации 2010 г.

Таблицы подготовлены Институтом социального и экономического развития территорий (ИСЭРТ) с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент № 2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

В экономической модернизации ключевыми проблемами являются невысокий и сильно дифференцированный уровень жизни населения. В культурно-образовательной модернизации основные противоречия проявляются в финансовых ограничениях по ходу развития института генерации инноваций — науки, а также в низком уровне информационной, инновационной культуры населения.

Проблемной зоной являются экологические последствия модернизации, которые сказываются на продолжительности жизни населения. Несмотря на высокую обеспеченность врачами, ухудшение здоровья населения сдерживает показатели модернизации.

Необходимо нацеливать управленцев в регионах на координированный рост параметров первичной и вторичной модернизации, чтобы он обеспечивал повышение качества и условия жизни населения.

Нельзя не отметить, что регионам не хватает динамичности развития. Осмысление данного факта нацеливает на необходимость глубоко продуманного, научно-обоснованного выявления приоритетных задач развития каждой территории и направлений их решения, а также концентрации имеющихся ресурсов на разрешении ключевых проблем, уточнения важнейших стратегических ориентиров для дальнейшего осуществления модернизации с постепенным развитием.

Чтобы не остаться на пути модернизации в числе отстающих, надо ориентироваться на перспективные показатели мировых лидеров научно-технического прогресса.

В последнее десятилетие правительство Российской Федерации стало уделять больше внимания развитию Дальнего Востока, по сравнению с 1990-ми годами. Начиная с 2010 г. реализуется Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (утвержден распоряжением Правительства РФ

от 28 декабря 2009 г.). Весьма значимы стали строительство и введение в эксплуатацию автодорог «Амур», «Усури», «Колыма» и «Лена», Бурейской гидроэлектростанции, газопровода «Сахалин — Хабаровск — Владивосток», нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан», нефтяных портов Козьмино и Де-Кастри. Однако в обстановке экстремальных природно-климатических условий, высоких транспортных затрат, низкой эффективности энергоисточников необходимо дальнейшее поступательное увеличение хозяйственного потенциала Дальнего Востока.

Недостаточное освоение новых видов производства, слабое расширение ассортимента выпускаемой продукции, невысокая степень инновационности региональной экономики (при ее сырьевой направленности, сочетаемой с низким уровнем переработки природных ресурсов) — вот ключевые факторы, сдерживающие развитие Дальнего Востока.

Проблемы Дальневосточного федерального округа надлежит рассматривать с точки зрения будущего развития, т.е. как долгосрочную комплексную программу, нацеленную на рост экономического потенциала региона, на оптимизацию территориального развития, успешное функционирование всего хозяйственного комплекса.

Естественно, что максимальная отдача вложенных средств будет достигнута только при создании целостной цепочки взаимосвязанных производств. Следовательно, экономическую эффективность развития предприятий и отраслей на Дальнем Востоке можно будет ожидать не ранее чем через 10–15 лет.

1. Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1. С. 14–38; Ильин В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на национальное и региональное развитие // Экономич. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. Т. 15, № 3. С. 14–38; Львов Д.С. Перспективы долгосрочного социально-экономического развития России // Вест. РАН. 2003. Т. 73. № 8. С. 675–697.
2. Глазьев С.Ю. Жребий брошен // Эксперт. 2013. № 17–18 (849). URL: <http://expert.ru/expert/2013/18/zhrebij-broshen/>
3. Портяков В.Я. О перспективах развития Китая // Пробл. Дальнего Востока. 2005. № 5. С. 44–61.
4. Чуанци Х. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ., под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Весь Мир, 2011.
5. Там же.
6. Латин Н.И. Об опыте стадийного анализа модернизации // Опыт зарубежной модернизации. Обществ. науки и современность. 2012. № 2. С. 53–57.

Судьбы дальневосточных казаков: штрихи к коллективному портрету

© 2014

А. Коваленко, В. Токмаков

На основании архивных документов, воспоминаний, исторических исследований предпринята попытка проследить судьбы Приамурского казачества на родине и в эмиграции, в Китае. Внимание уделяется не только широко известным лидерам казаков, но и рядовым офицерам.

Ключевые слова: казаки, личные характеристики, эмиграция, исторические судьбы.

Дальневосточное казачество в начале XX века представляло собой организованную и деятельную в военно-служебном и хозяйственном плане группу местного населения. За период в более чем полвека существования оформились и развились сообщества амурских и уссурийских казаков. Шел процесс формирования казачьей командной элиты в войсках, который был прерван революционными событиями, Гражданской войной и политическими мероприятиями советской власти¹.

Оказавшись в эмиграции, представители дальневосточного казачества пытались приспособить традиционный образ жизни к условиям другой культуры. Это был сложный, многогранный и противоречивый процесс, в ходе которого сталкивались интересы и ценности различных социальных групп.

Казачья эмиграция, представлявшая мощнейший пласт постреволюционной истории и культуры военного сословия, чрезвычайно актуальна для исследования в региональной историографии. Персональная история эмигрантов имеет практическую значимость для их потомков, разыскивающих своих дедов и прадедов. Общей характеристике дальневосточной эмиграции посвящен ряд работ, в которых рассмотрены различные аспекты пребывания казаков за границей².

Китай принял российских беженцев. Среди них были представители многих казачьих войск, но большинство служили в Амурском (АКВ) и Уссурийском (УКВ) казачьих войсках. Крупнейшими центрами проживания казаков стали города Сахалин, Харбин, Шанхай. Большое количество забайкальских казаков проживало в районе Трехречья.

В современной историографии выделяют следующие периоды эмиграции в Китае, в том числе и казачьей. Первый охватывает 1897–1917 гг. и связан со строительством КВЖД: за это время переселилось сюда до 30 тыс. человек, в том числе и казаков, задействованных на охране строящихся объектов³. Второй период обусловлен революциями 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войной, которые привели в изгнание наиболее активную часть российского населения, выступившую против большевистского

Коваленко Анна Ивановна, доктор исторических наук, доцент ГБОУ ВПО Амурская ГМА Минздрава РФ, г. Благовещенск. Тел.: 8 914 388 9204. E-mail: ankov-gai@mail.ru.

Токмаков Валерий Сергеевич, преподаватель ГБОУ ВПО Амурская ГМА Минздрава РФ, г. Благовещенск. Тел.: 8 914 585 60. E-mail: tokmakov@ Rambler.ru.

режима. Среди них было много казаков, имевших значительный опыт хозяйственной и служебной деятельности. Третий период приходится на 1920–1930-е годы. Среди эмигрантов этих лет было и казачество, традиционно считавшееся оплотом самодержавия. Поэтому казаки, оставшиеся на Родине, оказалось самым неблагонадежным населением в приграничье, в силу чего подвергались сильнейшим репрессиям⁴. Общая численность казачьей эмиграции в Китае в 1920-х годах превышала 25 тыс. человек⁵.

Причины эмиграции одной части казачьего населения и принятие новых порядков оставшимися в России казаками было обусловлено рядом причин, — как экономического, так и ментального, мировоззренческого характера. Уссурийское казачье войско, например, к 1917 г., в экономическом отношении фактически было разделено на две части: северные и южные округа. Первые, заселявшие северные районы, обделенные необходимым количеством удобных земель, еще до Первой мировой войны высказывались за расказачивание, за переход в крестьянское сословие. Вторые, более обеспеченные, зажиточные, дольше остальных стояли за сохранение казачьего сословия⁶.

При этом следует отметить, что переселявшиеся на правый берег Амура и левый берег Уссури казаки руководствовались, на наш взгляд, не одними социально-экономическими соображениями. В северных округах в основном проживали выходцы из пеших казаков Уссурийского батальона, поверстанных в войсковое сословие в середине XIX в. из нерчинских горнозаводских крестьян и не успевшие за полувековую историю выживания в новых условиях в полной мере ощутить себя казаками. Образовавшиеся на рубеже веков станицы и поселки, располагавшиеся вдоль строившейся Транссибирской магистрали, заселялись представителями Донского, Кубанского и Оренбургского войск, которые имели продолжительную историю и наиболее крепкие сословные традиции. Так же, как их деды и отцы, они ощущали себя защитниками Отечества, стоящими на страже устоявшихся в государстве порядков, поэтому число эмигрантов из данных селений было значительно больше.

В чужой стране эмигранты сталкивались со многими проблемами, главными из которых были иноязычное окружение, чуждая культура, отсутствие материальных средств к существованию. Были нарушены многие родственные связи.

Специфика исследования личностного фактора в истории данного сословия, опирающаяся на изучение конкретных персоналий рядового и офицерского состава — как на Родине, так и в изгнании — приводит нас к документам фонда Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), представляющим солидную источниковую базу на региональном уровне.

Ценный материал содержит также «Справочник-список руководящего и рядового состава членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», находившегося на территории Маньчжурии», изданный в Хабаровске в 1950 г.⁷, куда включено несколько тысяч кратких характеристик казаков, состоявших в обозначенной организации.

Поселяясь на новом месте, казаки использовали исторический опыт традиционной организации своих сообществ. Основу «Союза казаков на Дальнем Востоке» в районах концентрации населения составляли станичные казачьи общины. В 1923 г. была образована Сибирская казачья станица, в 1924 — Амурская и Оренбургская станицы. К 1938 г. насчитывалось 24 станицы на территории Маньчжурии, из них 9 было в Харбине⁸. Они представляли собой как места компактного проживания казаков, например, в Трехречье, так и общественные организации в городах. Однако эмигрантские станицы далеко не всегда копировали дореволюционные, поскольку сельскохозяйственный уклад жизни, привычный для казаков, невозможно было воссоздать в городских условиях, среди чуждой культуры.

Изучив и проанализировав различные материалы БРЭМ, личные дела казаков, справочную литературу, опираясь на исследования предшественников, мы выделили наиболее типичные группы в среде казачьей эмиграции.

1. Казачьи лидеры, генералитет, возглавлявший движение (Г.М. Семенов, А.П. Бакшеев, Е.Г. Сычев, Р.А. Вертопрахов и др.), выходцы из казачьих семей, получившие военное образование, командовавшие казачьими подразделениями на полях сражений Первой мировой войны. Были руководителями белоказачьего движения во время гражданской войны, в эмиграции обладали высочайшим общественным статусом, консолидировали антисоветские силы, возглавляли казачьи союзы. К сожалению, личные амбиции многих представителей высшего командного состава, подкрепленные боевым опытом, породили претензии на исключительность, стремление к установлению единовластия на подконтрольных территориях и в конечном итоге — к расколу казачьего движения.

Григорий Михайлович Семенов, отличившийся в сражениях Первой мировой войны, за личный подвиг был удостоен ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия. Будучи авторитарным командиром, Семенов считал ошибкой отмену принципа единоначалия в армии и предложил Главному штабу армии свой проект реформирования войск, который заинтересовал генерала от кавалерии А.А. Брусилова. В период Гражданской войны для борьбы с большевиками сформировал Особый маньчжурский отряд, стал походным атаманом Дальневосточных казачьих войск, правопреемником адмирала А.В. Колчака. В Маньчжурии возглавил антисоветскую военную и казачью эмиграцию, в борьбе против Советской России занял прояпонскую позицию. Его верным соратником был георгиевский кавалер, бывший командир 2-го Верхнеудинского казачьего полка А.П. Бакшеев, возглавлявший Бюро по делам российских эмигрантов в Харбине и Союз казаков на Дальнем Востоке, действовавших в интересах японских оккупантов. В руководство данных организаций входил и генерал Л.Ф. Власьевский⁹.

Однако им противостояла мощная оппозиция в лице генералов Е.Г. Сычева, И.Ф. Шильникова, Р.А. Вертопрахова, И.М. Токмакова и других, возглавлявших «Восточный казачий союз», преобразованный в 1933 г. в Совет казачьих войск. Они настраивали эмигрантские круги против японского диктатора¹⁰, будучи при этом убежденными антисоветчиками.

Ефим Георгиевич Сычев, уроженец станицы Игнашинской АКВ — один из немногих амурских казаков, получивших профессиональное военное образование: окончил Иркутское юнкерское училище по первому разряду. Прошел большой боевой путь: участвовал в русско-китайском конфликте 1900–1901 гг., Русско-японской и Первой мировой войнах. За боевые заслуги есаул лейб-гвардии Сводного казачьего полка Е.Г. Сычев в 1915 г. был произведен в полковники. В следующем году за мужество, проявленное в битвах за Карпаты, был удостоен Георгиевского оружия. В годы Гражданской войны — активный участник Белого движения на территории Иркутской области и Забайкалья. Летом 1920 г. Е.Г. Сычев выступил в роли основателя и руководителя «Амурской военной организации», ведущей антисоветскую борьбу в Приамурье, с территории Маньчжурии. Членами этой организации осуществлялись вооруженные вылазки в населенные пункты Амурской области (вооруженные столкновения у станций Архара и Завитая, Москвитинское восстание 1922 г.) и другие акции. Сычев проявил себя как бескомпромиссный, жесткий, даже жестокий командир, в гражданской смуте был беспощадным к своим врагам. Вместе с тем, являясь командиром полка, он испытал определенное влияние революционно-демократических веяний среди казаков¹¹. В эмиграции генерал Е.Г. Сычев резко выступал против прояпонской позиции, за что был выслан из Маньчжурии. Поселившись в Шанхае, Сычев продолжал вести антияпонскую пропаганду.

Представляет интерес повседневная личная жизнь Е.Г. Сычева. В Китае он работал как профессиональный художник, служил в японской торговой фирме и французской концессии. Хороший семьянин, воспитал сына и двух дочерей, сын учился в Харбинском политехническом институте¹².

Взгляды Е.Г. Сычева в эмиграции разделял коренной амурец *Роман Андреевич Вертопрахов*, родившийся в семье школьного учителя станицы Михайло-Семеновская

АКВ. Доблестно участвовал во всех военных событиях начала XX в., отличился в Китайском походе 1900 г., став первым георгиевским кавалером среди амурского казачьего офицерства. Учитывая знания, эрудицию и боевой опыт Вертопрахова войсковое правление АКВ поручило ему составить краткую историю войска. В 1909 г. была издана «Памятка амурского казака», в которой в очерковой форме найдла отражение история землепроходчества на Амуре в XVII в., героика амурского казачества (1858–1905), основанная на документальном материале. К очерку прилагались списки погибших и раненых в российско-китайском конфликте 1900–1901 гг. и в Русско-японской войне 1904–1905 гг., а также поименные списки всех казаков и их командиров, удостоившихся Георгиевского креста¹³.

После возвращения с фронта в 1918 г., Р.А. Вертопрахов активно включился в борьбу с большевизмом, был военным руководителем Гамовского мятежа в Благовещенске. В эмиграции продолжал борьбу против Советов на Дальнем Востоке России, в составе Амурской военной организации и Восточного казачьего союза¹⁴.

Военная карьера Р.А. Вертопрахова — это путь честного служения России, основанного на чувстве долга и убежденности в правоте своей позиции. Верность долгу, способность брать на себя большую ответственность проявились и в мирной жизни в семье воспитывались двое приемных детей¹⁵.

2. Достаточно многочисленная группа, представленная офицерами, имевшими значительный боевой и административный опыт службы. Их взгляды корректировались под влиянием революционных событий. Убежденные противники советской власти, эмигрировав, участвовали в антибольшевистской деятельности за рубежом, выражавшейся в различных формах: от общественно-политической пропаганды среди соотечественников до самовольного перехода границы для организации противоправных акций на территории Советского Дальнего Востока и Забайкалья.

Одним из предводителей калмыковских казачьих отрядов был есаул Валериан Бочкарев (Озеров). Его людям приписывается расправа над видными красными командирами: С. Лазо, А. Луцким, В. Сибирцевым. 19 июля 1920 г. бочкаревец, сотник *Д.Т. Корнев* застрелил в Имане особоуполномоченного Приморского правительств П.В. Уткина, его секретаря Граженского и милиционера Кагоду¹⁶. Корнев был арестован, но долго сидеть во время пребывания у власти в Приморье буржуазно-демократического правительства Меркуловых ему не пришлось¹⁷. Будучи в эмиграции, Д. Т. Корнев был председателем Объединения российской молодежи отделения Бюро в Цицикаре¹⁸.

Участие в карательных акциях против соотечественников, поражение в Гражданской войне, эмиграция необходимость приспособляться к новым условиям приводили к ожесточению. Стоит также отметить, что традиционные качества «служаки», особенно характерные для потомственных казаков, сочетались с политической ангажированностью. Судя по характеристикам, бывшие офицеры не всегда пользовались уважением в эмигрантской среде. Например, родственник умершего в Шанхае генерала Р.А. Вертопрахова *Илья Григорьевич Вертопрахов* сумел приспособиться к жизни на чужбине: некоторое время работал в Харбине шофером, затем служил билетером в театре «Капитол», а после — заведующим кинотеатром «Азия». Из характеристики в персональном деле следует: «ко всем иначе мыслящим относится отрицательно. В политическом отношении неблагоприятных сведений о нем не имеется. Как человек, весьма плохой. Невероятно груб и хамоват по отношению к служащим, и наоборот, чрезвычайно угодлив и лъстив перед начальством. Упрямый и умственно не особо развит»¹⁹. Служащие отзывались о нем, как о требовательном и грубом начальнике²⁰.

Следствием конкуренции в эмигрантских сообществах казаков были интриги, соперничество в самых различных формах. Доказательством могут служить кардинально противоположные характеристики офицеров. Например, сохранилась характеристика *Николаева Михаила Николаевича*, 1888 г.р., с 1918 г. служившего в частях Благовещенского гарнизона. В Маньчжурин с 1922 г., служил в железнодорожной полиции²¹. «Пло-

хого о нем сказать не могу, т.к. близко его не знаю. Известно, что перед японцами не заискивал, держался независимо. Где возможно, отстаивал русские интересы. Как работник, опытный, но особыми талантами и способностями не блещет. Обычно его ругают те, кто хотел бы сам быть на его месте», — утверждает один из его соотечественников²².

Другая характеристика Николаева гласит совершенно обратное. «Ничего хорошего о нем сказать не могу. Большой интриган. По своей натуре человек беспринципный. Ради достижения своих целей готов ни с чем не считаться. Перед японцами русских интересов не отстаивал искренне никогда, а если и делал это, то с задней мыслью. В моральном отношении считаю его человеком абсолютно отрицательным, способным на интриги, пакости и подлости», — заключает о нем человек, по всей видимости, находившийся с ним в контротношениях²³. При этом М.Н. Николаев достиг значительных успехов в общественной деятельности — 9 марта 1944 г. был назначен станичным атаманом строящейся станицы Ново-Покровская в Тоогэнском переселенческом районе²⁴.

Как правило, казачье офицерство из среды активных борцов против новых порядков на Родине вступало в различные политические организации на чужбине. Воспитанные на идеологической триаде «За Бога, Царя, Отечество», многие разделяли монархические убеждения. Из нескольких сотен изученных нами личных характеристик больше двух третей идентифицировали себя как «монархисты». Среди них: Егоров Е.И., Лалетин С.И., Глотов С.Т., Коренев Т.Ф., Верхотуров М.И. и многие другие.

В ходе первой русской революции и последующих военно-политических событий происходила либерализация взглядов дальневосточных казаков. В частности об этом свидетельствовало участие казачества в работе руководящего органа революционного движения в 1905 г. под названием «Читинская пробка», выдвигавшего политические требования правящему режиму. Делегаты Первого войскового круга АКВ, проходившего в декабре 1905 — январе 1906 г., требовали предоставления права казакам быть избранными в Государственную Думу²⁵.

Судя по характеристикам представителей казачьей эмиграции, среди офицерства сохранялись приверженцы либеральных позиций. Например, С.И. Костров был некоторое время сторонником партии кадетов²⁶, а ярый антибольшевик Е.Г. Сычев публиковал в кадетской газете патриотические обзоры об успешных операциях советских войск²⁷.

К 1936 г. достигает пика своей деятельности Русская фашистская партия, лидером которой был К.В. Родзаевский, уроженец г. Благовещенска. К тому времени она стала, по сути, филиалом Японской военной миссии. Основная масса эмигрантов по праву считала ее не политической организацией, а скорее полукриминальной структурой, объединяющей отбросы общества, по-преимуществу — молодежи. Фашистская идеология, хоть и не находила широкого сочувствия, но привлекала к себе некоторое число убежденных противников большевиков из казачьей среды²⁸. К приверженцам фашистской идеологии из числа амурских казаков относили себя: Д.Т. Коренев, И.Г. Вертопрахов, И.П. Пакулов²⁹ и др.

Приверженность упомянутой фашистской доктрине, по нашему мнению, возникла не в силу привлекательности идеологических установок фашистов, а вследствие наличия общего противника в лице коммунистов. Идеологическую платформу казачества лидер забайкальских казаков атаман Г.М. Семенов сформулировал одним словом — «РОССизм». Он утверждал, что формы собственного национального единения в России, где представлены народы славянской и монгольской рас, не могут быть отождествлены ни с фашизмом Италии, ни с расизмом в Германии³⁰.

Среди амурского офицерства были и такие, для кого военная карьера закончилась с исходом из России. Главной целью для них стала необходимость приспособиться и выжить. Это были не амбициозные, но честные и трудолюбивые люди. Приведем характеристику одного из них: *Евгений Иннокентьевич Егоров*, уроженец г. Благовещенска, 1886 г. р. «Офицер, мой бывший командир, очень приличный человек», — пишет о нем Н.М. Шалыгин, который являлся атаманом станицы Амурская. «По характеру выдержан-

ный и приветливый, по своей натуре человек общительный и открытый. В моральном отношении надежный, ни на какие предосудительные поступки не пойдет. Работоспособный и исполнительный. Человек он интеллигентный и развитый. Могу сказать о нем од- но лишь хорошее»³¹ — завершает характеристику офицера его бывший подчиненный.

3. К этой группе можно отнести высокообразованных представителей казачьей интеллигенции. В эмиграции был востребован их профессионализм, поэтому они трудились по специальности. Но нужно отметить, что успешных специалистов из числа амурских казаков было крайне мало, потому что казачьи дети, практически, не могли получить достойного образования. Один из лидеров амурского казачества в Гражданскую войну, выборный атаман АКВ в 1917–1919 гг., *Иван Михайлович Гамов*, до революции работавший учителем в станичных школах, избиравшийся депутатом IV Государственной думы в 1912 г., не забыл своего ремесла и на чужбине. До 1945 г. он осуществлял педагогическую деятельность в школах Харбина, приняв советское гражданство, но так и не вернувшись на Родину³².

Успешно сложилась судьба *Тимофея Филипповича Коренева*, 1887 г.р. В 1918 г. он закончил Томский университет, получив специальность врача. В эмиграции работал по специальности, — участковым врачом, пользовался большим авторитетом в станице³³. Врачом также был *Константин Симонович Коренев*, окончивший медицинский факультет Киевского университета св. Владимира. Во время Первой мировой войны служил на фронте в медицинской части, в 1919 г. вернулся в Амурскую область, где был земским врачом 4-го участка АКВ. В Харбине продолжал практиковать, кроме того, читал лекции по медицине, занимался общественной работой³⁴.

Среди эмигрантов встречались и юристы, и журналисты, инженеры, хореографы и др. Яркий пример — братья *Илья*, *Константин* (упомнутый выше) и *Василий Кореневы*, дети зажиточного амурского казака, из Пояроквской станицы *Симона Тимофеевича Коренева*: все трое получили до революции хорошее профессиональное образование³⁵.

Сергей Иннокентьевич Костров, бывший офицер 2-го Амурского казачьего полка, в силу дворянского происхождения получил прекрасное образование. В Маньчжурии, что особенно интересно, работал учителем танцев, был даже владельцем танцевальной школы³⁶.

И.С. Коренев имел профессию горного инженера, в 1921 г. работал главным управляющим предприятиями Л.С. Скидельского в Приморье. В Китае устроился служащим главной конторы Мулинского углепромышленного товарищества, здесь же трудились его сын и младший брат. *В.С. Коренев* получил образование в Московском землемерном училище и Оренбургском военном училище. В 1917 г. находился в частях Дутова, участвовал в походе на Бузулук, а в 1918–1920 гг. воевал в Приамурье, занимался литературным трудом, был автором многих очерков и рассказов, в которых увековечивал «прекрасное» прошлое дореволюционной России³⁷.

4. Группа представлена рядовыми станичниками, втянутыми в гражданское противостояние под влиянием атаманской верхушки. Перспектива политического преследования, а также экономического разорения, боязнь за судьбу жен и детей, да и многое другое способствовало массовому исходу семей. Жизнь в эмиграции рядовых казаков сводилась, главным образом, к выживанию в инокультурной среде, налаживанию сносного быта.

Так, казак Амурского казачьего войска Екатеринбургского станичного округа *Семен Тихонович Глотов* в автобиографии отображает этапы своей жизни. Родился 21 июля 1892 г. в станице Екатеринбург, жил с родителями, которые занимались хлебопашеством. Учился в станичной школе. В 1914 г. был призван в ряды войск г. Благовещенска, служил во 2-м Амурском казачьем полку, был на фронте Первой мировой войны. В 1917 г. при демобилизации армии прибыл в город Благовещенск. В 1918 г., 18 февраля отступил из г. Благовещенска в гор. Сахалин. До 1929 г. проживал в Сахалине до начала советско-китайского конфликта на КВЖД, после чего прибыл в Харбин. В 1930 г. поступил в г. Хар-

бине в автошколу, где и служил до 1 марта 1937 г. в качестве шофера и сторожа автогаража. был уволен по ликвидации гаража³⁸.

Участие в Гражданской войне стало причиной эмиграции *Иннокентия Максимовича Бирюкова*, который родился в 1896 г. в станице Платоно-Александровской АКВ, до 1917 г. служил в Уссурийском казачьем полку рядовым в пулеметной команде, был на фронтах Первой мировой. После революции находился в полку атамана Калмыкова³⁹. В особом отряде Атамана Калмыкова, в Гродековской группе⁴⁰, служил также в 1918–1920 гг. *Леонид Николаевич Властопуло*, уроженец г. Николаевска-на-Амуре, 1898 г.р.

Примером типичной для казака неофицерского звания судьбы может служить биография *Лазетина Семена Иннокентьевича*, родившегося в 1884 г. в Екатерино-Никольской станице АКВ, жившего в станице Пузино. С 1906 г. он находился на службе в Амурском казачьем полку, дослужился до старшего урядника, в селе Нагибово Амурской области занимался хлебопашеством вплоть до 1927 г. Испугавшись грядущих репрессий, спасая свою жизнь, он покинул Родину. В Маньчжурии работал сторожем⁴¹.

Ассимиляции казачьего населения в немалой степени способствовали межэтнические браки, часто не имевшие альтернатив. В контексте последнего тезиса интересна судьба *Верхотурова Михаила Ивановича*, 1886 г.р., уроженца хутора Аносова Кумарского станичного округа АКВ. До 1917 г. Верхотуров командовал 1-й особой конной сотней АКВ в Джалинде, до 1920 г. — служил выборным атаманом в Джалинде-Рейново. По отзывам казаков-амурцев, в моральном отношении был человеком порядочным. В эмиграции все время проживал в Мохо, занимаясь охотой и сельским хозяйством. Всех своих дочерей Верхотуров выдал замуж за маньчжур. «По натуре своей человек он «тяжелый» и хозяйственный. В политическом отношении был вполне благонадежным»⁴², — отмечено в личном деле.

В условиях выживания, а затем и приспособления к новым условиям жизни представители казачьего сословия, как офицеры, так и рядовые, проявили лучшие личные и трудовые качества. Проживая на юге Дальнего Востока России до периода революций и гражданского противостояния, по принципу самообеспечивающихся общин сельских тружеников, приобрели большой опыт занятия различными промыслами. Являясь в первую очередь земледельцами, скотоводами, они также занимались извозом, лесодобычей, рыбной ловлей, были успешны в торговле и предпринимательстве.

Выполнение кузнечных, плотницких, шорнических, конторских и других работ уже в эмиграции позволяло бывшим сельским жителям успешно адаптироваться к городской жизни. Занятые не только на физических работах, но и на многих других должностях, казаки имели достойный уровень грамотности и общего интеллектуального развития.

Но в долгосрочной перспективе сохранение казачьих сообществ за рубежом было маловыполнимой задачей. Главной причиной была утрата возможности массового несения воинской службы. Лишившись привычных мест обитания и своего дела, казаки-эмигранты не имели возможности сохранить традиционный уклад жизни в ином государстве.

1. Коваленко А.И. Харизматический компонент в ментальности казачества восточных окраин России//Казачество Дальнего Востока в XVII — XIX вв. Хабаровск, 2006. Вып. 1. С. 9–20.
2. См.: Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950). Хабаровск, 2008–268 С.; Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: библиографический словарь. Владивосток, 2001; Сергеев О.И. Из истории политической жизни российской эмиграции в Китае: фашизм и казачество // Вопросы гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994. С. 141–150; Егоров же. Жизнь казачества в условиях зарубежья (Китай): опыт сохранения традиций // Казачество Дальнего Востока России в XVII — XIX вв. Хабаровск, 2006. Вып. 1. С. 150–160; Шульгина Н.В. Политическая обстановка в среде восточной ветви русской эмиграции: исторический аспект // Россия и АТР. 2013. № 2. С. 43–56; Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь «русского»

- Китай. М., 2006; *Пушкарёв В.А.* Амурские казаки в Китае: опыт сохранения традиций (1918–1945) // Россия и АТР. 2013. № 3. С. 17–29.
3. *Сергеев О.И.* КВЖД и российское казачество // Из истории российско-китайских отношений: Сб. статей. Благовещенск, 1999. С. 58.
 4. *Сергеев О.И.* Жизнь казачества в условиях зарубежья... // Казачество Дальнего Востока России в XVII — XIX вв. — Хабаровск, 2006. Вып. 1. С. 151.
 5. *Сергеев О.И.* КВЖД и российское казачество // Из истории российско-китайских отношений... С. 59.
 6. *Савченко С.Н.* Уссурийское казачество в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922). Хабаровск, 2002. С. 276.
 7. Справочник-список руководящего и рядового состава членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», находившегося на территории Маньчжурии. Хабаровск. 1950.
 8. *Абеленцев В.Н.* Амурское казачество XIX — XX вв.: Сб. ст. и публ. 2-е изд. Благовещенск, 2005. С. 176.
 9. ГАХК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 14. Л. 17.
 10. *Абеленцев В.Н.* Е.Г. Сычев: страницы биографии // Казачество Дальнего Востока России в XVII — XXI вв. Хабаровск, 2006. Вып. 1. С. 133–134.
 11. Там же. С. 128–133.
 12. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 1197. ЛЛ. 4, 15.
 13. *Вертопрахов Р.А.* Памятка амурского казака//Амурские казаки в 2 т. Т. 1. Благовещенск, 2008. С. 177–230.
 14. ГАХК. НСБ. Россия и казачество. Харбин, 1933.
 15. ГААО. НСБ. Приказы по АКВ 1914–1919 гг.
 16. История Дальнего Востока России. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. Т. 3. Кн. 1. С. 517.
 17. Там же. С. 518.
 18. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 22619 Л. 14.
 19. Там же. Д. 7571. Л. 21.
 20. Там же. Л. 28.
 21. Там же. Д. 33534. Л. 1 об. 2.
 22. Там же. Л. 14.
 23. Там же. Л. 14 об.
 24. Там же. Л. 15.
 25. ГААО Ф. 10-н. Оп. 1. Д. 56. Л. 7. Д. 57. ЛЛ. 1–3.
 26. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 23265. Л. 1 об.
 27. *Абеленцев В.Н.* Е.Г. Сычев... С. 136.
 28. *Абеленцев В.Н.* Амурское казачество... С. 183.
 29. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 35384. Л. 1.
 30. *Коваленко А.И.* Общественная жизнь казачьей эмиграции в Китае // Из истории российско-китайских отношений: Сб. статей. Благовещенск, 1999. С. 175.
 31. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 14252. Л. 20.
 32. *Абеленцев В.Н.* Амурская казачья эмиграция в Маньчжурии // Из истории российско-китайских отношений: Сб. статей. Благовещенск, 1999. С. 83.
 33. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. ЛЛ. 1, 6 об. 22648.
 34. См.: *Пушкарёв В.А.* Амурские казаки в Китае...
 35. Там же. С. 21.
 36. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 23265. ЛЛ. 1, 3 об., 10.
 37. *Пушкарёв В.А.* Указ. соч. С. 22: Деловой мир Приамурья в 2 т. Благовещенск, 2013 Т. 2. С. 78–80.
 38. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 10096. Л. 8.
 39. Там же. Д. 4462. ЛЛ. 1, 3 об.
 40. Там же. Д. 8157. ЛЛ. 1, 2.
 41. Там же. Д. 26099. ЛЛ. 1, 1 об.
 42. Там же. Д. 7588. Л. 19.

Русско-японская война 1904–1905 гг. в японской историографии

© 2014

В. Кузьминков

В статье рассматривается проблема толкования в японской историографии характера и итогов Русско-японской войны 1904–1905 гг. На основе комплексного анализа широкого круга документов автор излагает свою точку зрения на результаты этой войны и дает оценку аргументации представителей академического сообщества Японии.

Ключевые слова: российско-японские отношения, территориальный вопрос, мирный договор, историография, Русско-японская война, Курильские острова, Южный Сахалин.

8 февраля 2014 г. исполнилось 110 лет со дня начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. Война закончилась подписанием в 1905 г. Портсмутского мирного договора. По условиям договора Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила Японии южную часть острова Сахалин и права на Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний.

Портсмутский мирный договор имеет принципиальное значение в свете рассмотрения японских территориальных претензий к России. С подписанием Портсмутского договора рухнула вся договорная основа русско-японских отношений второй половины XIX в.

Однако фактом является то, что в течение всего послевоенного периода в лице своих политических деятелей и представителей академического сообщества Японии, ссылаясь на мирный характер Портсмутского договора, пытается оспорить права России на южные Курильские острова, а именно острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группу Хабомаи, и придать собственную трактовку смыслу и значению Портсмутского мирного договора.

* * *

До начала Русско-японской войны Россия и Япония строили двусторонние отношения преимущественно мирным путем. Так, 7 февраля 1855 г. вице-адмирал Е.В. Путятин подписал в японском городе Симода первый русско-японский договор —

«Трактат о торговле и границах, заключенный между Россией и Японией» (Симодский трактат 1855 г.)

Симодский трактат 1855 г. состоял из девяти статей. Главной идеей договора было установление «постоянного мира и искренней дружбы между Россией и Японией». Для русских в Японии вводилась, по существу, консульская юрисдикция. Курильские о-ва к северу от о. Итуруп объявлялись владениями России, а о. Сахалин продолжал оставаться в совместном, нераздельном владении двух стран¹.

Тем не менее, после заключения Симодского трактата Япония продолжала предъявлять претензии на южную часть острова Сахалин по 47 параллели. В свою очередь, русское правительство настаивало на том, что весь остров должен принадлежать России.

В результате длительных переговоров 7 мая 1875 г. в Санкт-Петербурге был подписан новый договор — «Трактат, заключенный 25 апреля 1875 г. с Японией о промене части о. Сахалин на гряду Курильских о-ов. С.-Петербург» (Санкт-Петербургский трактат 1875 г.), согласно которому Россия уступила Японии все Курильские о-ва, а Япония признала российский суверенитет над всем о. Сахалин². В связи с этим в японской историографии Санкт-Петербургский трактат 1875 г. часто упоминается как «договор об обмене острова Карафуто (Сахалин) на Курильские острова».

Санкт-Петербургский трактат 1875 г. изменил положения Симодского трактата 1855 г., согласно которому Сахалин находился в совместном владении двух стран. Трактат 1875 г., по существу, отменял территориальную статью Симодского трактата 1855 г. Однако в полном объеме Симодский трактат 1855 г. был отменен XVIII статьей русско-японского «договора о торговле и мореплавании от 27 мая 1895 г.»³. Одновременно в декларации при подписании этого договора стороны подтвердили действительность Санкт-Петербургского тракта 1875 г. Оба договора сохраняли силу вплоть до 1905 г., когда по итогам Русско-японской войны был подписан Портсмутский мирный договор 1905 г.

«Линия интересов»

Противостояние между Россией и Японией началось в конце XIX в. за господство в Корее и Северо-Восточном Китае. Дело в том, что Япония уже давно вынашивала планы колонизации Корейского полуострова. Корея, ввиду ее географической близости к Японии, попадала в так называемую линию интересов. В Японии считали, что если Корейский полуостров попадет под влияние другой державы, это будет все равно, что «нож у горла» Японии⁴. Поэтому недопущение иностранного, особенно европейского, контроля над Корейским полуостровом, а желательно взятие его под свой контроль, было главной целью японской внешней политики конца XIX в.

Таким образом, с целью установления контроля над Кореей (номинально являвшейся вассальной по отношению к Китаю страной) и проникновения в Китай, 25 июля 1894 г. японский флот без объявления войны начал военные действия против Китая.

17 апреля 1895 г. в результате поражения Китая в японо-китайской войне, в японском городе Симоносеки между Японской империей и Империей Цин (1644–1912) был заключен неравноправный мирный договор. Согласно этому договору Китай признавал самостоятельность Кореи, что создавало благоприятные возможности для японской экспансии в Корее (ст. I); передавал Японии навечно остров Формоза (Тайвань), острова Пэнху и Ляодунский полуостров (ст. II)⁵.

Однако 23 апреля 1895 г., спустя всего неделю после заключения Симоносекского договора, Россия и присоединившиеся к ней Германия и Франция обратились к японскому правительству с требованием отказа от аннексии Ляодунского полуострова, которая могла бы привести к установлению японского контроля над Порт-Артуром, в то вре-

ма как Николай II, поддерживаемый западными союзниками, имел собственные виды на Порт-Артур как незамерзающий порт для России.

Как только Ляодунский полуостров был возвращен Китаю, между Россией и Китаем была подписана конвенция, согласно которой России предоставлялись в аренду порты Ляодунского полуострова Порт-Артур и Дальний и разрешалась прокладка к этим портам железной дороги от одного из пунктов Китайско-Восточной железной дороги.

Тройственная интервенция, организованная Россией, привела к взрыву недовольства в Японии. 13 ноября 1895 г. в Токио было принято воззвание к императору с требованием объявить России войну⁶. «Российская угроза» уже давно рассматривалась в Японии как основная преграда на пути к реализации экспансионистских планов⁷. Осознание того, что Россия фактически отобрала у Японии захваченный в ходе войны Ляодунский полуостров, привело к новой волне милитаризации Японии, на этот раз направленной против России, под лозунгом «Гасин-сэтан» (преодоление трудностей ради великой будущей цели)⁸, призывавшего нацию стойко перенести рост налогообложения ради военного реванша в будущем.

В октябре 1900 г. русские войска, в рамках подавления «Боксерского восстания» в Китае войсками альянса восьми держав, оккупировали Маньчжурию. Больше всего японское правительство опасалось, что Россия распространит свое влияние на Корею, поэтому факт оккупации был воспринят в Японии очень остро⁹. Предложение Японии обсудить соглашение о разделении сфер влияния в Корее и Маньчжурии не нашло понимания в Санкт-Петербурге¹⁰, в результате чего японским правительством был сделан выбор в пользу заключения альтернативного соглашения с Великобританией.

30 января 1902 г. был подписан англо-японский договор, III статья которого в случае войны одного из союзников с двумя и более державами обязывала другую сторону оказать военную помощь¹¹. Договор давал Японии возможность начать борьбу с Россией, обладая уверенностью, что ни одна держава (например, Франция, с которой Россия с 1891 г. состояла в союзе) не окажет России вооруженной поддержки из опасения войны уже не с одной Японией, но и с Англией.

Решение о начале войны против России было принято в Японии на совместном заседании членов тайного совета и всех министров 4 февраля 1904 г., а в ночь на 5 февраля отдано распоряжение о высадке в Корее и об атаке русской эскадры в Порт-Артуре. Вслед за этим 6 февраля 1904 г. Япония официально объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией.

В ночь с 8 на 9 февраля 1904 г. японский флот без объявления войны напал на русскую крепость Порт-Артур. Официально Япония объявила войну России только 10 февраля 1904 г.¹²

В этой войне царская Россия потерпела поражение и 5 сентября 1905 г. подписала мирный договор в Портсмуте (штат Нью-Гемпшир, США). По условиям Портсмутского мирного договора Россия признала Корею сферой влияния Японии (ст. II), уступила Японии арендные права на Ляодунский полуостров с городами Порт-Артуром и Дальним (ст. V). Согласно ст. VI, Россия уступила Японии Южно-Маньчжурскую железную дорогу от Чаньчуня до Порт-Артура. Тем самым Южная Маньчжурия фактически оказалась сферой влияния Японии. Кроме того, Россия уступила Японии Южный Сахалин по 50 градусу северной широты (ст. IX)¹³.

Прежде всего коснемся характера русско-японской войны. В работах японских историков и специалистов по Русско-японской войне отсутствует четкая констатация того факта первостепенного значения, что Русско-японская война была вероломной агрессией по отношению к России. В работах японских историков Русско-японская война оценивается как необходимая ступень в процессе модернизации Японии, становлении ее как «единственной азиатской империи», которой уже невозможно навязать «неравноправные договоры»¹⁴.

Некоторые японские историки пытаются оправдать японскую агрессию. Так, авторы исследования «Ответные замечания российской стороне» утверждают, что Россия угрожала «жизненно важным» интересам Японии, и «Япония решила разорвать дипломатические отношения, когда уже не осталось никаких шансов на решение проблемы путем переговоров»¹⁵.

Похожего мнения придерживается японский историк Тадаси Отиай, утверждая, что «Россия угрожала Японии и стремилась подчинить ее», поэтому «правительство Мэйдзи в рамках самообороны вынуждено было прибегнуть к войне»¹⁶. Далее Т. Отиай задается вопросом, «можно ли рассматривать превентивную атаку Японии вероломной агрессией?» И сам же на него отвечает: «Рано или поздно Россия сама бы напала на Японию»¹⁷.

Авторы другого японского исследования — «Меняющиеся японо-русские отношения. 88 вопросов от граждан России», которое было переведено на русский язык и издано под названием «Вехи на пути к заключению мирного договора между Японией и Россией» утверждают, что, «разорвав дипломатические отношения и отозвав дипломатические представительства из России», Япония «молчаливо выразила свою волю в отношении войны»¹⁸. Кроме того, утверждается, что Япония не была обязана объявлять о начале войны, поскольку соответствующие международные нормы были кодифицированы лишь в 1907 г. в результате заключения «Договора о правилах начала военных действий»¹⁹.

Некоторые японские исследователи радикального толка, отмечая важность Русско-японской войны для становления советского строя, указывают на «фальсификацию истории» в сталинское время и призывают россиян отказаться от «злodeяний сталинизма». К «злodeяниям сталинизма», по мнению этих исследователей, относятся не только «фальсификация истории», но и «незаконная оккупация японских территорий». Так, например, в своей работе «Истоки территориального спора между Японией и Россией» Такаси Нагасэ, цитируя статью В.И. Ленина «Падение Порт-Артура», утверждает, что большевики, включая И. Сталина, «приветствовали поражение России в Русско-японской войне». Следовательно, послевоенное послание Сталина от 2 сентября 1945 г., в котором он говорит о восстановлении исторической справедливости, есть не что иное, как «фальсификация истории». Что же касается южной части о. Сахалин, то Япония ничего не отбирала у России, она лишь «вернула то, что ей принадлежало», поскольку именно Япония первой начала освоение этой части острова²⁰.

Несмотря на откровенно пропагандистский характер вышеуказанных публикаций, в их составлении принимали участие такие известные японские русисты, специалисты по российско-японским отношениям, как Хироси Кимура, Масаси Нисихара, Мотохидэ Сайто, Итиро Суэцугу, Сигэки Хакамада, Тадамаса Фукигура, Кодзи Хитати, Сусуму Ёсида.

Допустим, Япония не была обязана объявлять войну России, поскольку к тому времени еще не вступило в силу соответствующее международное соглашение. Но и впоследствии, уже после вступления в силу этого международного правила Япония не утруждала себя придерживаться его. Подобным образом 7 декабря 1941 г. японские военно-морские силы атаковали американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор. Следовательно, апелляция к отсутствию соответствующих международных норм не является убедительным аргументом. Очевидно, что Япония стремилась нанести внезапный удар, чтобы застать врасплох русские пограничные гарнизоны и иметь военное преимущество.

Усиление влияния России в Корее и Северо-Восточном Китае никак не укладывалось в планы японской экспансии на материк. Следовательно и Япония развязала войну с Россией не из-за угрозы своей территориальной целостности со стороны России или независимости соседней Кореи, а ради колонизации последней. Известно, что, развязав войну, Япония не только получила контроль над Кореей, но и захватила южную часть о. Сахалин. В связи с этим, ссылаясь на мирный характер Портсмутского договора, некото-

рые японские исследователи утверждают, что Япония получила южную часть о. Сахалин «мирным путем»²¹.

Развязав Русско-японскую войну и отторгнув от России южную часть острова Сахалин, которую Россия получила мирным путем в обмен на Курильские острова по Санкт-Петербургскому договору 1875 г., Япония грубо нарушила положения Симодского трактата 1855 г., в котором провозглашались «постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией»²². Япония создала прецедент военного захвата чужой территории с целью расширения собственной. До войны проблема территориального размежевания между Россией и Японией решалась мирно, путем переговоров.

Отторжение южной части о. Сахалин, безусловно, было осуществлено вероломно в результате агрессивной захватнической войны. Причем «Япония отторгла южную часть Сахалина не по 47 градусу северной широты, как этого добивалось японское правительство до подписания Санкт-Петербургского трактата 1875 г., а по 50 градусу, то есть территорию, на которой в прошлом японцы никогда не бывали»²³.

На самом деле амбиции японцев не ограничивались претензиями на остров Сахалин.

30 марта 1905 г. на военном совете был принят «стратегический план императорских сухопутных войск». Третий пункт плана гласил: «Необходимо как можно скорее оккупировать о. Сахалин. И, при удобном случае, частями войск, оккупирующих Сахалин, захватить полуостров Камчатку»²⁴. При этом захват Сахалина обосновывался «исторической связью с Японией», а также необходимостью «контролировать Японское море». Захват Камчатки обосновывался «богатством рыбного промысла»²⁵.

В последний момент тогдашний начальник Генерального штаба японских войск Аритомо Ямагата принял решение «не расплывать силы» на Сахалине и отменил оккупацию Камчатки. Впоследствии его заместитель генерал Гайси Нагаока в своих дневниках очень сожалел, что не захватили Камчатку, ведь тогда в Портсмуте можно было бы использовать ее как предмет торга, а весь Сахалин стал бы японским²⁶.

21 июля 1905 г. японские войска вышли из Отару и в тот же день высадились на о. Сахалин, 25 июля взяли Александровский пост, а 31 июля пограничные войска острова капитулировали и японцы оккупировали весь о. Сахалин²⁷. Следовательно, физически японцы уже не успевали оккупировать Камчатку, поскольку 1 августа 1905 г. начинались мирные переговоры в Портсмуте.

Тем не менее, японцы торопились оккупировать о. Сахалин, чтобы иметь преимущество на переговорах, поскольку условие об аннексии острова было включено в проект мирного договора еще на стадии его разработки японской стороной²⁸. Оккупация о. Сахалин была осуществлена с единственной целью — получить дипломатическое преимущество на мирной конференции и на этом основании добиться от России юридического оформления уступки острова.

Интересно, что передачу Японии южной части Сахалина, оформленную в Портсмутском договоре 1905 г., который стал результатом кровопролитной Русско-японской войны, японская историография оценивает как «мирное приобретение», а передачу России о. Сахалин в обмен на Курильские острова, оформленную в Санкт-Петербургском договоре 1875 г. в результате долгих, но мирных переговоров, японские историки считают «агрессией со стороны России».

На переговорах в Портсмуте глава японской делегации, министр иностранных дел Дзютаро Комура (1901–1906 гг.) прямо заявил главе российской делегации председателю Комитета министров Сергею Витте (1905–1906 гг.), что «Санкт-Петербургский договор 1875 г. об обмене Курильских островов на остров Сахалин был подписан под давлением России, и японский народ считает его агрессией со стороны России»²⁹. Получается, что в японском понимании «агрессией» может быть признано все то, что не отвечает

интересам Японии, а то, что отвечает ее интересам, пусть это даже кровопролитная война, «агрессией» не считается.

И, наконец, утверждение о том, что большевики приветствовали поражение России в Русско-японской войне, не соответствует действительности. Большевики приветствовали поражение царизма, поскольку это демонстрировало его слабость и неспособность к управлению государством.

Американское посредничество в Портсмуте

В своих претензиях на русские земли Япония нашла сторонников в лице США и Англии, которые стремились разрушить дружественные русско-японские отношения и упрочить свои позиции на Дальнем Востоке за счет России и Японии.

Когда Япония ни финансово, ни физически уже не могла продолжать войну, последней ее надеждой скорейшего заключения мирного договора с Россией стало посредничество президента США Теодора Рузвельта (1901–1909 гг.). С целью добиться посредничества Рузвельта в переговорах с Россией в марте 1905 г. в Америку был послан граф Кэнтаро Канэко³⁰.

31 мая 1905 г. Т. Рузвельт официально согласился стать посредником в мирных переговорах между Россией и Японией. Роль посредника нужна была Соединенным Штатам, чтобы не допустить сближения между двумя соседями и изолировать Россию от Тихого океана.

Известно, что идею оккупации о. Сахалин еще до начала переговоров в Портсмуте с целью склонить Россию к уступке острова японцам подал именно Т. Рузвельт³¹. В своих мемуарах граф К. Канэко вспоминал, что 8 июня 1905 г. в разговоре с ним Т. Рузвельт заявил: «Скоро начнутся мирные переговоры. поэтому у меня есть к тебе один совет. Россия неоднократно отказывалась от мирных переговоров, мотивируя это тем, что японские войска не захватили русских земель. Поэтому возьмите две бригады и две канонерские лодки и захватите Сахалин. Быстрее захватите Его (Николая II. — *Прим. автора*) земли, двумя бригадами выгнав с острова русские войска, установите обход острова канонерскими лодками. Передай своему правительству, что захватить остров Сахалин необходимо до начала мирных переговоров»³². В тот же день К. Канэко передал в Токио предложение Т. Рузвельта, и у японских военачальников не осталось никаких колебаний в отношении захвата Сахалина.

США знали, что аннексия южной части о. Сахалин надолго отдалит две соседние державы и положит начало бесконечным территориальным спорам. Более того, по свидетельству высокопоставленных чиновников администрации США, Русско-японская война стала возможна во многом благодаря американской поддержке Японии³³. Эту линию на ослабление России и на вбивание клина между Россией и Японией, на передачу Сахалина Японии США проводили со второй половины XIX в. К подобного рода тактике США будут прибегать и в дальнейшем, внося зерно раздора в отношения между Россией/СССР и Японией.

На протяжении всей конференции Т. Рузвельт оказывал бесцеремонное давление на Петербург и российскую делегацию в США, постоянно вмешиваясь в переговоры в пользу Японии и пытаясь склонить Россию к уступке Сахалина. Американский историк Говард Били писал о Т. Рузвельте: «...хотя и было известно, что он настроен прояпонски, но никто не догадывался о масштабах его секретного сотрудничества с японцами»³⁴. Известно, что Т. Рузвельт был японофилом, увлекался японской культурой и обычаями, интересовался «бусидо», а в студенческие годы занимался дзюдо³⁵. Впоследствии за свое посредничество в русско-японских переговорах Т. Рузвельт получил Нобелевскую премию.

Ради скорейшего заключения мирного договора с Японией глава российской делегации на переговорах в Портсмуте С. Витте был склонен пожертвовать Сахалином. Он ис-

ходил из того, что уступка Сахалина Японии позволит избежать выплаты контрибуции. Российская казна была опустошена бесконечными войнами. Кроме того, С. Витте боялся разразившейся в России революции больше, чем войны с Японией, и считал, что ее продолжение приведет к свержению монархии. Несмотря на настойчивые уговоры С. Витте пойти на уступку Сахалина, царь Николай II (1894–1917 гг.) долгое время отрицательно относился к этому, предупреждая, что «об уступке Сахалина не может быть и речи. Русский народ не простил бы мне уступки пяди земли неприятелю, да и совесть моя также»³⁶.

10 августа 1905 г. Т. Рузвельт направил царю послание, в котором настаивал на передаче Японии южной части о. Сахалин и на выплате за эвакуацию с северной части Сахалина крупной суммы. Он угрожал, что если война продолжится, то Россия лишится «восточносибирских областей, которые были завоеваны для нее героизмом ее сынов в течение последних трех лет»³⁷. В итоге Т. Рузвельту удалось склонить царя на уступку южной части о. Сахалин.

На следующий день, 11 августа 1905 г. министр иностранных дел России Владимир Ламздорф (1900–1906 гг.) известил С. Витте о решении царя уступить южную часть о. Сахалин без выплаты контрибуции. При этом он подчеркнул, что Япония «должна гарантировать свободу плавания по Лаперузову проливу и дать обязательство не строить укреплений и не держать войск на пространстве занятой ею части острова»³⁸.

Между тем в Токио не очень надеялись на то, что Т. Рузвельту удастся уговорить Николая II, и уже были готовы согласиться на мир без Сахалина. 28 августа 1905 г., получив телеграмму от Д. Комура о возможном провале переговоров, и ввиду того, что «такие цели войны, как проблема господства в Корее и Маньчжурии, были достигнуты» японское правительство приняло решение согласиться на мир без контрибуции и Сахалина³⁹. Однако, спустя несколько часов, получив от английского посла в Токио информацию о том, что Россия, возможно, согласится на уступку южной части о. Сахалин, Д. Комура была выслана новая депеша с приказом настаивать на передаче южной части острова⁴⁰.

29 августа на 10-м заседании С. Витте передал Д. Комура ответ российской стороны, суть которого состояла в том, что Россия отказывается от выплаты компенсации и уступки о. Сахалин, однако «Россия готова уступить Японии южную часть острова при условии, что Япония гарантирует свободный проход российских судов через пролив Лаперуза и не будет строить на острове военных укреплений»⁴¹.

Портсмутский мирный договор имеет принципиальное значение в свете рассмотрения японских территориальных претензий к России. Дело в том, что согласно XII статье Портсмутского мирного договора «действие договора о торговле и мореплавании (Санкт-Петербургский трактат 1895 г.) между Россией и Японией упразднено было войной»⁴². Иначе говоря, договор потерял юридическую силу. Для подтверждения действительности утратившего силу договора или его части необходимые условия следовало включить в условия Портсмутского договора или заключить новый договор. Необходимые условия, которые обе стороны пожелали включить в Портсмутский мирный договор, содержатся в той же XII статье. Они подразумевают «систему взаимности на началах наибольшего благоприятствования, включая сюда тарифы по ввозу и вывозу, таможенные обрядности, транзитные и тоннажные сборы, а также условия допущения и пребывания агентов, подданных и судов одного государства в пределах другого»⁴³. Таким образом, были подтверждены условия исключительно коммерческого характера. Вопрос о границе в районе Курильских о-ов остался без подтверждения.

Аннулирование предшествующих договоров между Россией и Японией подтверждается Приложением № 10 к Портсмутскому мирному договору, в котором сказано, что все предшествующие русско-японские договоры и соглашения были объявлены «аннулированными в результате войны»⁴⁴. Тем самым теряли силу Санкт-Петербургский трактат об обмене Сахалина на Курильские о-ва 1875 г. и Санкт-Петербургский трактат о торговле и мореплавании 1895 г. Этот факт подтверждает высказывание Д. Комура, который заявил,

что «война аннулирует все предшествующие ей договоры, а не просто приостанавливает их действие. Решение проблемы возможно двумя способами: либо включение в мирный договор статьи, восстанавливающей договоры, действовавшие до войны, либо заключение новых договоров»⁴⁵. Ни того ни другого сделано не было, и это позволило СССР поставить вопрос об изменении границы с Японией в районе Курильских о-ов как на советско-японских переговорах в 1940–1941 гг., так и на встречах с союзниками в 1944–1945 гг. с учетом ответственности Японии за развязывание Второй мировой войны⁴⁶.

Поэтому не выдерживает критики утверждение японской историографии о том, что в отношении Сахалина якобы можно говорить об изменении государственной границы в связи с подписанием каждого последующего договора начиная с Симодского трактата 1855 г. и до Портсмутского договора 1905 г. Однако в отношении границы в районе Курильских островов «оба договора (Симодский и Петербургский) по-прежнему имеют силу»⁴⁷.

Поскольку в тексте Портсмутского договора речь шла о замене одного договора другим, ни о какой частичной замене, как уже отмечалось, речи не шло. К тому же, в тексте Портсмутского договора не было сделано никакого указания на то, что в районе Курильских о-ов граница остается неизменной на основе заключенных ранее договоров. Отказавшись восстановить границу между северными Курилами и Камчаткой, японское правительство, очевидно, стремилось присоединить последнюю к Японии. Поэтому подобные указания могли ущемить «жизненно важные» интересы Японии.

Таким образом, японская историография, необоснованно настаивая на сохранении действительности утративших силу Симодского трактата 1855 г., Санкт-Петербургского трактата 1875 г. и Санкт-Петербургского трактата 1895 г., в соответствии с которыми формировалась и закреплялась первоначальная граница между Россией и Японией, умышленно дает искаженное толкование агрессивного характера русско-японской войны и результатов Портсмутского договора 1905 г., в соответствии с которым рухнула вся договорная основа русско-японских отношений второй половины XIX в.

Сегодняшние ссылки японской стороны на первые русско-японские трактаты 1855 и 1875 гг., как на документы, фиксировавшие государственную границу между Россией и Японией, являются юридически неправомерными. С момента подписания сторонами Портсмутского договора 1905 г. была установлена новая государственная граница между Россией и Японией. Граница разделила о. Сахалин по 50 градусу северной широты на северную — российскую и южную — японскую части. Что же касается Курильских о-ов, поскольку граница в этом районе не была оформлена надлежащим образом, то есть путем заключения двустороннего соглашения, они *оставались японскими лишь де-факто*.

1. Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами, касающихся различных вопросов частного международного права. Т. I. СПб, 1889. С. 369.
2. Там же. С. 393–394.
3. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. СПб, 1906. С. 42–43.
4. *Нокибэ Макото*. Сэйдзиси II нихон сэйдзи гайкоси: [История политики 2. История дипломатической политики Японии]. Токио, 1985. С. 59.
5. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока... С. 2–3.
6. *Ямамура Синъити*. Нитиро сэно но сэйки: [Эпоха японо-русской войны]. Токио, 2005. С. 80–81.
7. *Фуруя Тэцую*. Нитиро сэно: [Японо-русская война]. Токио, 1966. С. 7; *Ямада Акيرا*. Корэ дакэ ситтэ окитай нитиро сэно но синдзицу: нихон рикуйкайгун но сэйко то сипай: [Правда о японо-русской войне, которую надо знать: успехи и неудачи японских военно-морских сил]. Токио, 2010. С. 19; *Нагаяма Ясую*. Нитиро сэно: мо хитоцу но моногатари: [Японо-русская война — еще одна повесть]. Токио, 2004. С. 23.

8. Китайское выражение: *дост*. «лежа на хворосте, лизать желчь», взято из притчи о юэском князе Гоу Цзяне, который спал на хворосте и лизал повешенный у двери желчный пузырь, чтобы никогда не забывать о необходимости свергнуть иго победившего его княжества У.
9. *Фурия Тэцуо*. Указ. соч. С. 27.
10. *Ольденбург* С. С. Царствование императора Николая II / предисловие Ю. К. Мейера. СПб, 1991. С. 213–214.
11. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока... С. 528–529.
12. *Тани Тосио*. Кимицу нитиро сэнси: [Секретная история японо-русской войны]. Токио, 1966. С. 113–114.
13. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока... С. 742–746.
14. *Нокибэ Макото*. Указ. соч. С. 65; *Ватасэ Сюкити*. Ниссо коккё косёси: [История переговоров о государственной границе между Японией и СССР]. Токио, 1972. С. 112–113.
15. Росиа э но ханрон: [Ответные замечания российской стороне]. Нихондзин, роснадзин га сиритай! Сирубэки Q & A 100. Токио, 2007. С. 66–67.
16. *Отитай Тадаси*. Хоппорёдо мондай — соно рэкиситэки дзидзинцу, хори, сэйдзитэки хайкэй: [Проблема северных территорий: исторические факты, законность, политический фон]. Токио, 1992. С. 50.
17. Там же. С. 116.
18. Андзэн хосё мондай кэнкюкай хэн. Кавару нитиро канкэй. Росиадзин кара но 88 но сицумон: [Меняющиеся японо-российские отношения. 88 вопросов от граждан России] / Научно-исследовательский Совет по вопросам национальной безопасности Японии. Токио, 1999. С. 54; См. также: Росиа э но ханрон. С. 55; *Нагаяма Ясуо*. Указ. соч. С. 46–47.
19. *Сато Кадзю*. Кэмпо кюдзё, синряку сэнсо, токио сайбан: [Девятая статья конституции, агрессивная война, Токийский трибунал]. Токио, 1985. С. 77; *Нагасэ Такаси*. Нитиро рёдо фунсо но конгэн: [Истоки территориального спора между Японией и Россией]. Токио, 2003. С. 106.
20. *Нагасэ Такаси*. Указ. соч. С. 109–111.
21. *Сэрита Кэнтаро*. Нихон но рёдо: [Японские территории]. Токио, 2002. С. 42; *Кимура Хироси*. Нитиро коккё косёси: рёдо мондай ни икании торикуму ка: [История переговоров о государственной границе между Японией и Россией — как надо заниматься территориальной проблемой?]. Токио, 1993. С. 72; *Хосака Масаясу*. Рэкиси дэ тадору рёдо мондай но синдзинцу. Тюканро ни доко мадо изру но ка: [Истина территориальных споров сквозь призму истории: что можно ответить Китаю, Южной Корее и России?]. Токио, 2011. С. 133.
22. Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений... С. 369.
23. *Кошкин А.А.* Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010. С. 119.
24. *Тани Тосио*. Указ. соч. С. 313.
25. Там же.
26. Там же. С. 327–328.
27. Там же.
28. Кагосима хэйва кэнкюдзёхэн. Кадзима Мориносукэ. Нихон гайкоси 7 Нитиро сэнсо: [Кагосимский исследовательский институт мира]. *Кадзима Мориносукэ*. История японской дипломатии — Японо-русская война. Т. 7. Токио, 1970. С. 299–300; *Вада Харуки*. Хоппорёдо мондай — рэкиси то мирай: [Проблема северных территорий: история и будущее]. Токио, 1999. С. 116; См. также: *Фуруя Тэцуо*. Указ. соч. С. 186–187.
29. Кагосима хэйва кэнкюдзёхэн... С. 356–357; см. также: *Ёсимура Акира*. Поцумасу но хата. Гайсё комура дзютаро: [Знамя Портсмута. Министр иностранных дел Комура Дзютаро]. Токио, 1979. С. 174, 176.
30. Там же. С. 59–61.
31. *Мацумура Масаяси*. Нитиро сэнсо хякунэн — атарасий хаккэн о мотомэтэ: [100 лет японо-русской войне — в поисках новых открытий]. Токио, 2003. С. 147; *Сенченко И.В.* Сахалин и Курилы — история освоения и развития. М., 2006. С. 349.
32. *Канэко Кэнтаро*. Кайкороку: нитиро сэнсо — нитибэй гайко хироку: [Воспоминания Канэко Кэнтаро: японо-русская война и секретные документы японо-американских дипломатических отношений] / под ред. Исидзука Масахидэ. Нагарэяма, Токио, 1986. С. 178–179.
33. *Howe M. DeWolfe*. George von Lengerke Meyer. His life and public services. New York, 1919. P. 254. (Письмо Мейера своей дочери из Петербурга от 31 января (12 февраля) 1906 г.)
34. *Beale. H.* Theodore Roosevelt and the rise of America to world power. Baltimore. 1956. P. 309.

35. Ёсимура Акира. Указ. соч. С. 65.
36. АВПРИ. Ф. «Японский стол», 1905 г. Д. 625. Л. 56. Телеграмма Ламздорфа Витте от 3 августа; см. также: Ёсимура Акира. Указ. соч. С. 135.
37. АВПРИ. Ф. «Секретный архив». Д. 698. Л. 144: Отчет Плансона; послание Рузвельта царю от 9 (22) августа.
38. АВПРИ, Ф. «Канцелярия», 1905 г. Д. 96. Л. 43 об.: Телеграмма Ламздорфа от 11 августа.
39. Кагосима хэйва кэнкюдзёхэн... С. 431–432; Вада Харуки. Указ. соч. С. 123.
40. Отаи Тадаси. Указ. соч. С. 53.
41. Там же. С. 434–435; Вада Харуки. Указ. соч. С. 124.
42. Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока... С. 747.
43. Там же. С. 748.
44. Нихон гайко бунсё: [Документы внешней политики Японии]. Т. 8. Приложения / МИД Японии. Токио, 1960. С. 294.
45. Кагосима хэйва кэнкюдзёхэн... С. 356–357; Георгиев Ю.В. Курилы — острова в океане проблем / под ред. М.К. Горшкова. В.В. Журавлёва. М., 1998. С. 82.
46. Кузьминков В.В. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией с позиций сегодняшнего дня // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 116.
47. Камисака Фуюко. «Хоппорёдо» дзёрикуки: [Записки о высадке на «северные территории»]. Токио, 2003. С. 105–106; Эя Осану. Хоппорёдо но тисэйгаку. Нихондзин но сиранай «коккё но ронри»: [Геополитика северных территорий. «Логика государственной границы» неизвестная Японцам]. Токио. 1989. С. 132; Сугимори Кодзи. Горубатёфу но сэкай сэйсаку то ниссо канкэй: [Мировая политика Горбачёва и японо-российские отношения]. Токио, 1989. С. 233; Хасэгава Цуёси. Хоппорёдо мондай то нитиро канкэй: [Проблема северных территорий и японо-российские отношения]. Токио, 2000. С. 26.

Канадская интервенция 1918–1919 гг. в дальневосточном эпизоде Гражданской войны в России: причины, цели, итоги

© 2014

И. Соков

В статье анализируются причины, цели и итоги канадской интервенции на Дальнем Востоке в период окончания первой мировой войны и начала гражданской войны в России. Автор приводит малоизвестные факты первого международного конфликта между Канадой и Россией в XX веке и первого внешнеполитического выхода Канады в составе «концерта» великих держав по решению мировых проблем.

Ключевые слова: Первая мировая война, иностранная интервенция, Владивосток, канадский экспедиционный корпус, внешняя политика Канады.

Канадская интервенция в Россию в силу ее незначительных масштабов, а также закрытости канадских источников в течение почти столетия не привлекала исследователей¹.

Появившиеся же в последние годы отдельные работы по этой теме, как в России², так и за рубежом³, пытаются снизить влияние иностранной интервенции на ход и продолжительность гражданской войны или неоправданно ревизуют большинство прошлых советских исследований.

В то же время, изучение канадской интервенции в России не только уточняет и корректирует вопросы международных отношений России в период гражданской войны, но и существенно дополняет материал по мотивам и действиям стран Антанты и США в «русском вопросе».

Кроме того, канадская военная цензура закрыла документы по интервенции на Дальнем Востоке России на 50 лет, и этот вопрос был обделен вниманием канадских историков в течение более чем полувека в двадцатом столетии⁴.

Со времен создания государственности Канады (1867 г.), в ее конституции был записан лозунг «Мир, порядок и хорошее правительство» (Peace, order and good government), а политические лидеры и правительство старались придерживаться его и не втягиваться в военные авантюры Старого света.

Поэтому интервенция в Россию для Канады — скорее не правило, а редкое исключение среди западных государств, ставших основными участниками Первой мировой войны.

Чтобы понять причины, побудившие Канаду встать на путь интервенции, следует коротко коснуться многочисленных проблем, которые возникли перед консервативным правительством Р.Л. Бордена в 1917 г.⁵

Три года войны в Европе оторвали от мирной жизни восьмимиллионной Канады более 600 тыс. мужчин и несколько тысяч женщин, одна десятая из которых погибла⁶. Но война требовала еще больших усилий, и правительство в июле 1917 г. добилось принятия закона о всеобщей воинской обязанности (Military Service Act, 1917), который вызвал в обществе различные оценки, расколов его на сторонников и противников этого закона. Многие граждане страны и особенно франкоканадцы не понимали: почему канадские парни должны гибнуть на полях сражений европейских государств, и какие интересы на них могла отстаивать Канада в Европе? Тем более, что на тот момент в самой Канаде имелось большое количество своих внутренних проблем. Это были проблемы, связанные с ростом протеста рабочего движения, с борьбой женщин за равноправие, с предвоенной массовой иммиграцией «не англосаксонского соответствия», повлекшей за собой целый ряд социальных проблем.

Правительство Р.Л. Бордена пыталось разрешить многие внутренние проблемы через большой военный вклад Канады за рубежом, уступая не только требованиям британского военного кабинета, но и проявляя собственную инициативу в решении европейских военных вопросов. Ранее данные обещания о том, что правительство будет набирать для заграничной службы только добровольцев, были нарушены, и в соответствии с законом о военной службе в августе 1917 г. было набрано еще 500 тыс. человек призывников в возрасте от 20 до 35 лет⁷.

Экономика военного времени и значительный экспедиционный корпус обеспечили полную занятость мужского населения, но способствовали возникновению новой проблемы — проблемы конскрипции⁸, разделив канадское общество и вызывая дополнительные беспорядки и вооруженные столкновения. Так, в Квебек-сити после очередного столкновения пасхальная неделя 1918 г. завершилась смертью четырех франкоканадских граждан и ранением десятых солдат⁹.

Чтобы удержаться у власти, консервативное правительство Р. Бордена перед федеральными выборами в декабре 1917 г. приняло Избирательный закон военного времени (Military Voters Act, 1917), согласно положениям которого в голосовании могли участвовать жены воевавших солдат в Европе, но, в то же время, он лишал права голоса иммигрантов, прибывших из вражеских государств и иммигрантов, прибывших в Канаду после 1902 г.¹⁰ Введение этого закона позволило значительно увеличить электорат консервативной партии.

Получив снова власть, консерваторы Р. Бордена обратили свои взоры на решение внешних проблем, главная из которых, по их мнению, заключалась в получении большего международного признания и получения большей автономии во внешних делах от Великобритании.

Война шла к концу, и Р.Л. Борден решил, что значительный вклад канадцев в европейской войне дает основания для более активной политики на европейском направлении. Поэтому им был поставлен вопрос об участии представителя Канады в имперском военном кабинете, а ранее им был решен вопрос об участии канадцев в военных действиях только под канадским командованием¹¹.

Подписание 3 декабря 1917 г. в Брест-Литовске перемирия с Германией и выход России из войны «смешало карты» союзников по Антанте, желавших войны до победного конца. Позднее, с подписанием 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора между Россией и Германией, последняя получила не только приращение территорий за счет России, но и дополнительные военные ресурсы в виде продовольствия, топлива и возможности переброски около 50 дивизий на западный фронт, что позволило ей провести весеннее наступление, известное как «Битва Кайзера» (Kaiserschlacht)¹².

Современные оценки (особенно западные) причин иностранной интервенции в Россию, как связанные именно с заключением Брест-Литовского договора, не совсем корректны¹³.

Известно, что еще до начала российско-германских переговоров, уже 29 ноября 1917 г. на межсоюзной конференции в Париже рассматривался план, разработанный начальником французского генштаба Ф. Фошем о вторжении и оккупации Сибири, а 7 декабря на заседании британского кабинета министров рассматривался вопрос о совместной американско-японской интервенции в Сибирь¹⁴.

Посылка британских войск в Сибирь была под большим вопросом еще более полугода, в связи с тем, что в британском руководстве имелось противостояние между военными и политиками: генерал Хейг считал, что для скорейшего окончания войны все до единого солдата должны быть сосредоточены на западном фронте, в то же время премьер-министр Ллойд Джордж полагал необходимым участие в дальневосточной интервенции. Р.Л. Борден поддерживал британского премьер-министра и готов был послать канадские войска¹⁵.

Какие же причины толкали премьер-министра Канады к осуществлению дальневосточной интервенции?

Во-первых, для этого имелись внешнеполитические причины. Требования Великобритании отправки все большего числа новобранцев на западный фронт были непопулярны в канадском обществе. Поэтому создание сибирского экспедиционного корпуса понималось Р. Борденом как сохранение канадских жизней. Кроме того, проведение крупной и самостоятельной военной экспедиции, по его мнению, могло быть учтено союзниками как крупный дополнительный канадский вклад в окончание Первой мировой войны. Более того, такие действия в последнем акте мировой драмы могли стать существенным фактором в установлении большей автономии Канады от метрополии в международных делах.

Во-вторых, имелись и экономические причины. В ходе войны российское правительство взяло у Великобритании два кредита (150 и 300 млн фунтов стерлингов) для закупки военного снаряжения, возврат которых большевики не собирались осуществлять¹⁶, тем более, что это имущество в основном попало в распоряжение белых армий¹⁷. Поэтому основной экономической целью канадского корпуса было обеспечение работы британской миссии в Сибири по возврату долга Российской империи, через ее правопреемника колчаковского правительства, владевшего на тот период золотым запасом России¹⁸.

Другой экономической целью было желание канадского бизнеса овладеть торговой сетью в Сибири немецкой компании — Kunst & Albers Company. Дело в том, что торговый дом «Кунст и Альберс» был не только крупной компанией с торговой сетью от Владивостока до Хабаровска, продававшей товары первой необходимости (инструменты, сахар, чай, спички, свечи, ткани, оружие и водку), но и солидным банковским учреждением, принимавшим вклады под проценты. Несмотря на военный хаос немецкий торговый дом в 1918 г. продал товаров на 40 млн руб.¹⁹ Одним словом, немецкая компания была лакомым кусочком для канадцев. Обеспечение приобретения канадских торговых интересов у компании Kunst & Albers было возложено на канадского майора Дж. Маккинтош-Белла (J. Mackintosh-Bell), который был приписан к британской разведмиссии в России²⁰.

Но были и более серьезные экономические проекты, чем получить бизнес крупной немецкой компании. С 1915 г. в России находился канадский торговый представитель Дана Уилгресс (будущий первый посол в СССР)²¹. До мая 1918 г. он серьезно изучал торговый и сырьевой потенциал Сибири, побывав почти во всех крупных сибирских городах от Челябинска до Владивостока. Он регулярно отправлял правительству Канады свои наблюдения, исследования и выводы о том, что в связи с войной на «местном рынке образовался вакуум»²². Уже в июне 1918 г. Дана Л. Уилгресс как руководитель канадской торгово-экономической миссии прибыл во Владивосток²³.

Лояльность к Великобритании и принадлежность к Британскому содружеству наций породили в действиях канадского правительства еще одну цель — геополитичес-

кую. Однако следует признать, что Канада скорее выполняла в этом случае заказ метрополии, а не проводила самостоятельную политику.

В мае 1918 г. на секретном заседании британского правительства было принято решение о том, что даже в случае отказа американцев от участия в дальневосточной интервенции, канадские войска должны быть направлены во Владивосток. Обращение генерал-майора сэра Перси де Б. Рэдклиффа (Percy de B. Radcliffe,) директора военных операций военного министерства (Director of Military Operations of War Office) о посылке канадского контингента в Сибирь было отправлено в Канаду 9 июля 1918 г., до получения формального согласия США (10 июля 1918 г.)²⁴ о совместной интервенции на Дальнем Востоке²⁵.

Следует заметить, что канадский премьер-министр горячо поддерживал идею канадской интервенции в Сибирь. В своих мемуарах Р. Борден отмечает, что 24 июня 1918 г. на заседании Имперского военного кабинета обсуждалась беседа Ллойд Джорджа с экс-главой российского правительства А.Ф. Керенским, который заявил, что Россия снова готова поднять оружие против Германии, а также принять интервенцию союзников²⁶. А два дня спустя, при обсуждении условий японской интервенции, Р. Борден высказался о том, что только британское вмешательство, а не японское могло воодушевить анти-немецкие элементы в России подняться на борьбу с Германией²⁷.

В России в это время в начале июня 1918 г. Чехословацкий корпус при поддержке японских интервентов захватил Транссибирскую железную дорогу от Уральских гор до Красноярска.

Уже 10 июля 1918 г. на заседании имперского военного кабинета Р. Борден и другие лидеры доминионов пообещали воинские контингенты для Сибири²⁸. Заметим, что Великобритания не спрашивала согласия у доминионов на посылку войск в Мурманск, Архангельск и на Кавказ. На этом же заседании шло обсуждение по вопросу практического развертывания войск во Владивостоке. Начальник Имперского генерального штаба, сэр Генри Вильсон доложил о том, что только два британских батальона²⁹, расположенные в Гонконге и Бомбее (Индия) могут быть незамедлительно направлены во Владивосток. Было принято решение, по которому впервые в истории британские воинские подразделения поступали в канадское распоряжение — подчинение бригадного генерала Джеймса Х. Элмсли (Brigadier-General James H. Elmsley), командующего канадскими экспедиционными силами в Сибири (Canadian Expeditionary Force Siberia — CEFS)³⁰. 12 августа 1918 г., канадский Тайный совет одобрил формирование CEFS в количестве 4000 чел.

В состав Канадских экспедиционных сил в Сибири (CSEF) вошли: штаб 16-й пехотной бригады (он же штаб CSEF), 259-й батальон канадских стрелков под командованием подполковника Альберта Свифта, 260-й батальон канадских стрелков под командованием полковника Фреда Джемсона, 85-я батарея полевой артиллерии, 20-я пулеметная рота, 16-я полевая инженерная рота, 6-я рота связи, эскадрон Б Королевской Северо-Западной конной полиции (B Squadron, Royal Northwest Mounted Police), 1-я рота дивизионного обоза, 16-й полевой лазарет, 11-й стационарный госпиталь и 9-й отряд артиллерийско-технического снабжения — всего 4197 человек³¹.

В состав CSEF записались 135 солдат и офицеров бывшего Русского экспедиционного корпуса во Франции. Создать отдельные русские подразделения не разрешили, русские были равномерно распределены по подразделениям 259-го и 260-го батальонов с возложением на них обязанностей переводчиков³².

7 августа 1918 г. Р. Борден телеграфировал из Лондона в Оттаву о том, чтобы войска были отправлены в Сибирь как можно скорее³³. Но только в октябре 1918 г. в лагере Уиллоус Кэмп (Willows Camp) в Виктории, Британская Колумбия был сформирован канадский экспедиционный корпус.

Первая партия, состоящая из 667 канадских военнослужащих 260-го батальона под командованием генерал-майора Дж.Х. Элмсли 27 октября 1918 г. на пароходе «Импе-

патрица Японии» (Empress of Japan) прибыла в порт Владивосток³⁴. Высадка, разгрузка и размещение шли на протяжении 42 дней, а с 8 декабря 1918 г. канадцы приступили к несению гарнизонной службы. Штаб был размещен в Пушкинском театре и находился там с 27 октября 1918 г. по 5 июня 1919 г., несмотря на возмущение выселенного из него владельца — Владивостокского культурно-просветительского общества — и протестов местных бизнесменов. Канадцы отказались освободить помещение³⁵.

Следует подчеркнуть, что как раз во время пребывания канадцев во Владивостоке, 11 ноября 1918 г. в Европе состоялось подписание Компьенского перемирия. Поэтому необходимость присутствия канадской экспедиционной силы отпадала сама собой. Тем более, что контакты о ведении мирных переговоров были начаты до отправки канадских войск в Сибирь. 5 октября 1918 года Германия³⁶ попросила президента США Вильсона начать переговоры об условиях перемирия³⁷.

Таким образом, канадская интервенция никак не могла быть обусловлена целью поддержки белых армий в организации воссоздания Восточного фронта по борьбе с Германией и ее союзниками.

Вот почему необходимо рассмотреть военно-политические и геополитические цели Великобритании по отношению к России, практическим исполнителем которых стала в тот момент Канада.

Напомним, что начавшиеся 3 декабря 1917 г. переговоры о перемирии и закончившиеся подписанием 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора между Россией и Германией³⁸ (а не 2 декабря 1917 г., как утверждают современные зарубежные исследователи³⁹) поставили перед Великобританией дипломатическую задачу оказания давления на советское правительство в вопросе продолжения военных действий на Восточном фронте.

Для прекращения дальнейших инсинуаций по поводу даты договора сошлемся на официальное заявление МИД РФ: «Заключение Брестского мира положило конец войне между Советской Россией, с одной стороны, и Германией и ее союзниками, — с другой. 15 марта 1918 г. IV Чрезвычайный Съезд Советов, созванный с 14 по 16 марта 1918 г., ратифицировал Брест-Литовский договор. 17 марта он был одобрен Германским союзным советом, а 22 марта — германским рейхстагом. 26 марта кайзер Вильгельм II ратифицировал мирный договор. Таким образом, согласно Ст. 10 Брест-Литовского договора, он вступил в силу. В конце марта состоялся обмен ратификационными грамотами»⁴⁰.

В Лондоне усилиями премьер-министра Ллойд Джорджа и министра иностранных дел Артура Бальфура в феврале 1918 г. (т.е. в период ведения переговоров России и Германии. — *И.С.*) был разработан проект для России — «интервенции по приглашению». Проект основывался на использовании напряженности в советско-германских отношениях и возможности получения согласия Советского правительства на ввод в Россию союзнических войск под предлогом оказания ей помощи в отражении германской агрессии. Ставка делалась также на существующие разногласия в советском правительстве. Когда же проект не был поддержан большевиками, Ллойд Джордж заявил в британском парламенте, что в России нет «устойчивой власти», с которой Англия могла бы иметь дело и ставка была сделана на вооруженную интервенцию⁴¹.

Поэтому вскоре появился другой проект, ограничивающий власть Советов европейской частью России, с поддержкой от Казани до Владивостока белых армий и чехословацкого корпуса с помощью японской континентальной интервенции. Япония не собиралась участвовать в организации «антигерманского фронта» на берегах Волги и западных предгорий Урала. США также не поддержали этот проект, понимая, что при его реализации несравнимо усиливается положение Японии. Президента В. Вильсона больше устраивала идея «экономической интервенции» в Сибирь, основанная на промышленном и торговом превосходстве США. Уже в начале июня 1918 г. в США было принято

решение о создании «комиссии экономической помощи» и направления ее в Сибирь. Для защиты деятельности комиссии направлялись 5000 военнослужащих, число которых позднее было увеличено до 7000 чел. Непринятие американцами британского проекта вынудило их прийти к решению о создании и направлении канадского экспедиционного корпуса, усиления его двумя британскими батальонами, придания ему и британской миссии в Сибири большего экономического содержания. Канадское правительство решением от 21 октября 1918 г.⁴² создало Сибирскую экономическую комиссию во главе с Даной Л. Уилгрессом, а Королевский Банк Канады открыл банковское отделение во Владивостоке, состоящее из трех служащих. 28 ноября 1918 г. из Ванкувера во Владивосток были отправлены конструкции 57-тонного готового здания банка, но оно так и не использовалось, хотя банк вел свою деятельность до октября 1919 г.⁴³

Когда стало ясно, что генерал Колчак неспособен возродить прежнюю Россию, в британской дипломатии появился третий проект, который позволял ее расчленить.

30 декабря 1918 г. на заседании имперского кабинета премьер-министр Канады Р.Л. Борден высказал мысль о примирении белых и красных на международной конференции с участием западных союзников, но поддержку не получил. Однако, на следующий день Ллойд Джордж отправил телеграмму президенту США В. Вильсону с предложением организовать такую конференцию на Принцевых островах в Мраморном море⁴⁴. США согласились с предложением Великобритании и Р. Борден был назначен главой британской делегации на предстоящей конференции⁴⁵.

Лидеры Держав согласия считали приемлемой такую встречу для всех представителей от различных властных структур России, обладающих реальной властью на определенной российской территории. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин ответил согласием на предложение союзников нотой от 4 февраля 1919 г., но Российское правительство адмирала А.В. Колчака 2 февраля 1919 г. направило в Париж телеграмму, в которой отказывалось сесть за стол переговоров с большевиками, считая себя единственно законным правительством единой и неделимой России.

Таким образом, проект о расчленении России оказался неосуществимым. Генерал А.И. Деникин в своих воспоминаниях приводит замыслы англичан, почерпнутые из отчетов о заседании Британского парламента 8 и 17 ноября 1918 г.: «Целесообразность содействия адм. Колчаку и ген. Деникину является тем более вопросом спорным, что они «борются за Единую Россию»... Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании... Один из наших великих людей, лорд Биконсфильд, видел в огромной, могучей и великой России, катящейся подобно глетчеру по направлению к Персии, Афганистану и Индии, самую грозную опасность для Великобританской империи...»⁴⁶.

Из вышеизложенного понятно, что канадский премьер-министр не был свободен в своих действиях после подписания 11 ноября 1918 г. Компьенского перемирия, которое, по сути, означало, что необходимо если не вернуть, то хотя бы приостановить отправку канадских воинских частей из Ванкувера во Владивосток.

Характерна переписка по этому вопросу между Р. Борденом и исполнявшим обязанности премьер-министра во время его отсутствия Томасом Уайтом (Thomas White): «Все наши коллеги имеют мнение, что общественное мнение здесь не будет поддерживать нас в предложении еще послать солдат, многие из которых являются призывниками согласно закону о Военной службе и Королевскому указу, теперь, когда война закончена. Мы все имеем мнение, что никакие дополнительные войска нельзя посылать и что канадские силы в Сибири, как только ситуация разрешится, должны быть возвращены в Канаду. Рассмотрите вопрос самым серьезным образом»⁴⁷.

В своем ответе Р. Борден настаивал на посылке канадских войск, потому что иное решение могло бы ослабить престиж Канады и изменить ее тогдашнее положение на международной арене, добавляя, что канадские войска не были призваны активно участвовать в боевых действиях, а только должны были способствовать подавлению не-

которых местных беспорядков. В ответ Т. Уайт напомнил премьер-министру о том, что если у Великобритании и Франции есть свои интересы по возврату задолженности с России, то канадских интересов в Сибири нет⁴⁸.

Запланированная на 22 ноября 1918 г. отправка остального воинского контингента была по распоряжению министра ополчения и обороны С.Ч. Мьюберна (Sydney Chilton Mewburn) отложена на неопределенный срок. В это время, события, которые развернулись в Сибири, вновь поставили вопрос по посылке канадских войск во Владивосток.

По замыслу британских стратегов было предложено адмиралу Колчаку осуществить зимнее наступление через Пермь и Котлас для соединения с белыми войсками на севере России⁴⁹.

29 ноября 1918 г. 200-тысячная армия Колчака начала контрнаступление и к началу января захватила Пермь и продвинулась к Вятке⁵⁰.

Эти события в России и давление из Лондона премьер-министра Р. Бордена способствовали тому, что канадским правительственным кабинетом было принято решение о посылке войск во Владивосток, но с оговоркой о том, что любой солдат сможет возвратиться в Канаду через год после подписания перемирия. Отправка была назначена на 21 декабря 1918 г. При этом в решении было подчеркнуто, что находящийся во Владивостоке канадский контингент не должен использоваться для проведения военных операций внутри Сибири, командующий Дж.Х. Элмсли не должен покидать Владивостокскую базу, а канадский корпус должен быть возвращен на родину весной 1919 г.⁵¹

В день отправки, 21 декабря 1918 г. второй части экспедиционного корпуса в Сибирь под командованием полковника Свифта часть солдат 259 батальона и 20-й пулеметной роты отказались грузиться на военный транспорт «Тиста» (Teesta). Чтобы подавить мятеж, 12 чел. главарей арестовали и посадили в трюме в клетки, а двоих самых буйных скрепили вместе наручниками⁵².

Основной причиной мятежа, явилось непонимание того, почему призывники должны отправляться на войну, когда она закончилась. К этому следует добавить, что еще в ноябре были предпосылки к появлению такого рода выступления. Из-за ненадежности 87 российских солдат 259-го батальона были отчислены с призывного лагеря Уиллоус кемп (Willows Camp) и переведены в рабочий лагерь под Ванкувером. С 20-й пулеметной роты сбежали семеро солдат, которых после поймали и объявили дезертирами. К тому же постоянная угроза заражения испанским гриппом и плохое питание создавали недовольство в солдатской среде. Бригадный генерал Бикфорд в отчете военному министерству признавал, что только 40% отправленного личного состава согласились добровольно на отправку во Владивосток⁵³.

12 января 1919 г. судно «Тиста» (Teesta) с 899-ю канадцами на борту прибыло во Владивосток, тремя днями позже — «Протеслос» (Protesilaus) с 1808 человек. Остаток экспедиционного корпуса численностью 377 человек прибыл 27 февраля 1919 г. на пароходе «Императрица Японии» (Empress of Japan)⁵⁴.

Канадские подразделения разместили в пригороде Владивостока в трех пунктах: в Восточных бараках залива Горностай, на Второй речке и в бухте Золотой Рог, где была организована школа для белогвардейских офицеров.

Так как местное население поддерживало большевиков и постоянно находилось в конфликте с иностранными оккупантами, канадцы чувствовали себя на осадном положении. В город выходили только группами, с заряженным оружием и примкнутыми штыками к винтовкам, при патрулировании не покидали главных улиц. Кроме того, в связи с распространившимся во Владивостоке сыпным тифом, канадцам запрещалось посещение кафе, кинотеатров и проезд в трамваях.

Лейтенант Э.Г.У. Элкингтон (Eric Henry William Elkington) со 112-ю солдатами пытался добраться до британской миссии в Омске, чтобы там организовать защиту шта-

ба адмирала А.В. Колчака, но в связи с забастовкой железнодорожных машинистов он и его солдаты так и не доехали до пункта назначения⁵⁵.

Уже 13 февраля 1919 г., т.е. через месяц после прибытия основной численности канадского экспедиционного корпуса. Р.Л. Борден, находясь в Париже в составе британской делегации по заключению мирного договора, уведомил Ллойд Джорджа о том, что канадские войска будут отозваны в начале весны⁵⁶.

За время нахождения во Владивостоке канадские войска лишь один раз могли поучаствовать в боевых действиях с партизанами, но и этого не произошло. События разворачивались следующим образом. В начале апреля 1919 г. партизаны под командованием Гаврило Матвеевича Шевченко захватили село Шкотово, тем самым перекрыв поставки угля в город и для паровозов на транссибирскую магистраль. 15 апреля для отпора партизанам были направлены 1000 солдат и среди них 200 канадцев из четырех союзнических подразделений: канадских, чехословацких, французских и итальянских⁵⁷.

Когда союзники подошли к селу, партизан там уже не было — они отступили в горы, но оставили интервентам декларацию, в которой говорилось: «Мы требуем, чтобы вы увели свои войска с нашей территории туда, откуда они пришли... Точно так же как войска интервентов покинули Одессу и Архангельск, так и вы будете вынуждены покинуть Владивосток. До того момента мы не сложим наше оружие»⁵⁸. Совершив 20-ти километровый марш-бросок в соседнюю деревню Новороссия, «многонациональные силы» не смогли обнаружить там партизан и вернулись во Владивосток. Участникам операции японский командующий Кикучи Отани выделил 96 бутылок вина, 18 бутылок виски и 3 бочки саку⁵⁹.

21 апреля 1919 г. 1076 солдат были погружены на судно «Монтигл» (Monteagle), а уже к июню последние из канадского экспедиционного корпуса оставили Владивосток⁶⁰.

Первое, что увидели солдаты, прибыв в Ванкувер 22 июня, это выстроенные баррикады из камней и кирпичей, за которыми расположились сердитые портовые грузчики⁶¹. Как известно, днем ранее в Канаде была жестоко подавлена Виннипегская рабочая забастовка.

В период погрузки и отправки канадцев из Владивостока на родину, британские политики пробовали воздействовать на канадское руководство по продолжению интервенции. В связи с весенним наступлением армии Колчака, 1-го мая 1919 г. военный министр Великобритании Уинстон Черчилль обратился к Р.Л. Бордену с просьбой оставить из числа добровольцев ограниченный контингент канадских сил в Сибири для оказания помощи белой армии. Он писал: «Может так случиться, что наши будущие дружественные отношения с Россией, с ее необъятными торговыми и военными возможностями, будут зависеть от предпринимаемых сейчас действий»⁶².

Связанный внутренними канадскими обстоятельствами Р. Борден распорядился оставить в России только 66 человек с июня по август 1919 г. из них: 23 — были переданы британской военной миссии, 33 — вернулись 29 августа в Ванкувер⁶³, шестеро дезертировали⁶⁴.

Таким образом, канадские войска пробыли на Дальнем Востоке России несколько месяцев и практически ни разу не приняли участия в серьезных сражениях на фронте. Отдельные стычки с партизанами на железной дороге и под деревней Шкотово сложно назвать боевыми операциями. Фактическое участие подразделений CSEF в Сибири свелось к охране складских грузов во Владивостоке и эшелонов с союзническими грузами, направлявшимися с Дальнего Востока в Сибирь.

Когда некоторые исследователи утверждают, что канадские экспедиционные силы во время нахождения во Владивостоке вообще ничего не сделали для вклада Канады, как в окончание Первой мировой войны, так и в интервенцию союзных государств, то нам кажется, они все же ошибаются. Нахождение CSEF во Владивостоке в течение зимы 1918–1919 гг. способствовало более активной дипломатической деятельности, как британского Форин-офиса среди своих союзников, так и канадской делегации во главе с пре-

мьер-министром Р.Л. Борденом на Парижской мирной конференции. В свою очередь эта деятельность позволила добиться отдельного от Великобритании представительства при заключении Версальского мирного договора, встав в один ряд со странами победительницами⁶⁵, принять участие в разработке Устава Лиги Наций и стать ее учредителем, а также членом Международной организации труда. Можно утверждать, что первая канадская интервенция сделала Канаду автономной от Великобритании в решении внешнеполитических задач и обозначила путь к дальнейшей суверенизации. С другой стороны, не нашедшая понимания в широких кругах канадской общественности интервенция в Сибирь явилась одним из факторов роста недовольства политикой консервативного правительства Р.Л. Бордена, способствовала росту рабочих выступлений во многих городах Канады, апофеозом которых стала всеобщая Виннипегская забастовка в мае-июне 1919 г.

По словам же самого канадского премьер-министра Р.Л. Бордена: «Канада ничего не приобрела от войны, кроме признания»⁶⁶.

1. До 60-х годов XX в. данные по канадской интервенции в Сибирь были закрыты военной цензурой Канады.
2. *Ладыгин И.В.* Канадские экспедиционные силы в Сибири, 1918–1919 гг. // Старый Цейхгауз. 2011. № 2–3.
3. *Aйсмит Б.* Канада и Русская Революция: Сибирь, 1918–1919. URL: <http://siberianexpedition.blogspot.ru/2009/10/1918-1919.html> (дата обращения 14 марта 2013 г.)
4. See: *Finkel A., Conrad M., Strong-Boag V.* History of the Canadian peoples Toronto: Longman Company Copp. Clark Pitman Ltd., 1999. Vol. 2; *Francis R.D.* Destinies: Canadian history since Confederation. 4th ed. 2000; *Stacey C.P.* Canada and the Age of Conflict. A History of Canadian External Policies. Vol. 1: 1867–1921. Toronto: Buffalo; London: Univ. of Toronto Press, 1984; *Creighton D.G.* A History of Canada: Dominion of the North Cambridge: The Riverside Press, 1958; *Granatstein J.L., et al.* Twentieth Century Canada. 2nd ed. Toronto: McGraw-Hill Ryerson, 1986.
5. См.: *Соков И.А.* У.Л.М. Кинг и эволюция канадского либерализма в первой половине XX века. М.: РИОР, 2011.
6. *Соков И.А.* Канада в системе международных отношений в период либерального правительства // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. 2007. Сер. 4. Вып. 12. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та. С. 90–91.
7. *Francis R.D.* Destinies. Op. cit. P. 237.
8. Conscription — всеобщая воинская повинность.
9. Канада, 1918–1945: Историч. очерк / Отв. ред. Л.В. Поздеева. М., 1976. С. 447–448.
10. См.: *Жуковская Н.Ю.* Канада в системе международных отношений, 1914–1919 гг.: Дис. 07.00.03. Тамбов, 2006. 191 с.
11. Там же.
12. *Randal G.* Kaiserschlacht, 1918: The Final German Offensive, Osprey Campaign Series 11, London: Osprey. 1991.
13. *Isitt B.* Mutiny from Victoria to Vladivostok, December. URL: <http://www.ubcpres.ca/books/pdf/chapters/2010/FromVictoriaToVladivostok.pdf> (accessed Mach 14, 2013).
14. *Светачев М.И.* Указ. соч. URL: <http://dvforpost.su/?p=347> (дата обращения 14 марта 2013 г.)
15. Document on Canadian Foreign Policy, 1917–1939 / Selected and ed. by W.A. Riddell. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1962. P. 7.
16. К декабрю 1917 г. странами Антанты было поставлено и находилось в порту Владивостока для нужд Восточного фронта 648 000 тонн боеприпасов и военного снаряжения, которое по понятным причинам не могло быть востребовано большевистским правительством (И.С.)
17. *Isitt B.* Op. cit. URL: <http://www.ubcpres.ca/books/pdf/chapters/2010/FromVictoriaToVladivostok.pdf>
18. В обеспечение выделенного кредита еще в 1914 г. Лондон от России получил 75 млн руб. золотом (8 млн фунтов стерлингов), а в 1915–1916 гг. 375 млн руб. золотом (40 млн фунтов стерлингов) было отправлено по железной дороге во Владивосток, а затем на японских военных кораблях перевезено в Канаду и депонировано в хранилище Банка Англии в Оттаве. В феврале

- 1917 г. тем же путем через Владивосток было отправлено еще 187 млн руб. золотом (20 млн фунтов стерлингов).
19. С середины 1918-го по май 1919 г. покупатели «Кунста и Альберса» могли рассчитаться и получить сдачу обязательствами фирмы с номиналами в 50 копеек, 1, 3, 5 и 10 руб. В центре этой «денежки» красовалась аллегорическая женская фигура с фирменным флагом торгового дома в поднятой руке. Там же.
 20. *Isitt B.* Op. cit. URL: <http://www.ubcpres.ca/books/pdf/chapters/2010/FromVictoriaToVladivostok.pdf>.
 21. See: *Wilgress D.L.* Memoirs Toronto: The Ryerson press, 1967.
 22. *Murby R.N.* Canadian Economic Commission to Siberia, 1918–1919 // Canadian Slavonic Papers. 1969. № 11. P. 375.
 23. *Wilgress D.L.* Op. cit. P. 49.
 24. Министр иностранных дел Великобритании Артур Бальфур 10 июля 1918 г. телеграфировал английскому послу в Вашингтоне лорду Ридингу письмо с инструкциями, в котором разъяснялось решение британского правительства по осуществлению Дальневосточной интервенции. URL: <http://www.journal.forces.gc.ca/vo8/no3/doc/moffat-eng.pdf> (accessed Mach 14, 2013).
 25. Ibid.
 26. *Borden R.L.* Memoirs. Toronto, 1938. Vol. 2. P. 87.
 27. Ibid.
 28. *Moffat I.C.D.* Forgotten Battlefields — Canadians in Siberia, 1918–1919. URL: <http://www.journal.forces.gc.ca/vo8/no3/doc/moffat-eng.pdf> (accessed Mach 14, 2013).
 29. Это были 25 —й батальон Миддлсекского полка из Гонконга и 1/9 велосипедный батальон Хэмпширского полка, который находился в Индии // The Long. Long Trail: The British Army in the Great War of 1914–1918. URL: <http://www.1914-1918.net/hants.htm> (accessed Mach 14, 2013).
 30. *Moffat I.C.D.* Op. cit. URL: <http://www.journal.forces.gc.ca/vo8/no3/doc/moffat-eng.pdf>.
 31. Documents on Canadian External Relations, 1909–1918 Ottawa: Queen's Printer. 1967. Vol. 1. P. 207–209.
 32. *Moffat I.C.D.* Op. cit. URL: <http://www.journal.forces.gc.ca/vo8/no3/doc/moffat-eng.pdf>.
 33. *Lackenbauer P.W.* Canadian Foreign policy and Siberian Intervention, 1918–19 University of Waterloo, 1998. P. 2. URL: http://www.rootsweb.ancestry.com/~canmil/siberia/siberia1.htm?cj=1&netid=cj&o_xid=0001091115&o_lid=0001091115&o_sch=Affiliate+External (accessed Mach 14, 2013).
 34. *Smith G.* Canada and the Siberian Intervention, 1918–1919 // American Historical Review. 1959. V. 64 (July). P. 872.
 35. Life in Vladivostok. URL: http://www.siberianexpedition.ca/story/life_in_vladivostok.php (accessed Mach 14, 2013).
 36. 4 ноября 1918 г. немецкое правительство Макса Баденского разорвало советско-германские отношения, тем самым позволив Советской России освободиться от навязанного ей силой грабительского Брест-Литовского договора со всеми вытекавшими из него последствиями, включая выплату Германии контрибуции. Постановлением ВЦИК РСФСР от 13 ноября 1918 г. Брест-Литовский мирный договор и Добавочный русско-германский договор от 27 августа 1918 г. были аннулированы.
 37. См.: *Czernin F.* Versailles, 1919. New York City: Putnam, 1964.
 38. См.: К вопросу о заключении Брест-Литовского мирного договора. Официальный сайт МИД РФ. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-arch.nsf/88f23e5441b5caa43256b05004bce11/87a6e4492514258d442579a30023bb62!OpenDocument> (дата обращения 14 марта 2013 г.)
 39. *Moffat I.C.D.* Op. cit. URL: <http://www.journal.forces.gc.ca/vo8/no3/doc/moffat-eng.pdf>; *Isitt B.* Op. cit. URL: <http://www.ubcpres.ca/books/pdf/chapters/2010/FromVictoriaToVladivostok.pdf>.
 40. К вопросу о заключении Брест-Литовского мирного договора. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-arch.nsf/88f23e5441b5caa43256b05004bce11/87a6e4492514258d442579a30023bb62!OpenDocument>.
 41. *Kennan G.F.* Soviet-American Relations, 1917–1920. Princeton: Princeton University Press. Vol. 1. The Decision to Intervene. 1989. P. 3.
 42. Documents on Canadian External Relations, Vol. I. P. 209–213.
 43. *Wilgress D.L.* Op. cit. P. 49.

44. Принцевы острова — это группа из девяти островов недалеко от берега Стамбула (Турция) в Мраморном море. Административно составляют район Адалар провинции Стамбул.
45. *Borden R.L.* Memoirs. Toronto, 1938. Vol. 2. P. 90.
46. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 5. С. 569.
47. Cited in: *Isitt B.* Op. cit. URL: <http://www.ubcpress.ca/books/pdf/chapters/2010/FromVictoriaToVladivostok.pdf>.
48. White to Borden (via Sir Edward Kemp, overseas minister). 1918. 14 Nov. Vol. 103. Hi(a), Borden Papers, MG 26. LAC.
49. *Mayer A.J.* Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counter-Revolution at Versailles. 1918–1919. 1967. P. 302.
50. *Светачев М.И.* Указ. соч. URL: <http://dvforpost.su/?p=347>.
51. Report No. 83 Historical Section (GS Army Headquarters 20 Oct 59). URL: http://kilby.sac.on.ca/ActivitiesClubs/cadets/History/WW1/WW1%20Service/SEF_AHQ_Report_No83.pdf (accessed March 14, 2013).
52. *Isitt B.* Op. cit. URL: <http://www.ubcpress.ca/books/pdf/chapters/2010/FromVictoriaToVladivostok.pdf>.
53. *Granatstein J., Hitsman J.M.* Broken Promises: A History of Conscription in Canada. Toronto: Oxford Univ. Press. 1977. P. 24–29.
54. *Isitt B.* Op. cit. URL: <http://www.ubcpress.ca/books/pdf/chapters/2010/FromVictoriaToVladivostok.pdf>.
55. E.H.W. Elkington Family Collection, Ladysmith, BC.
56. *Borden R.L.* Memoirs. Toronto, 1938. Vol. 2, P. 91.
57. Shkotovo and the Partisan Movement. URL: <http://www.siberianexpedition.ca/story/shkotovo.php> (accessed March 14, 2013).
58. Шкотово и партизанское движение. URL: <http://shkotovo.narod.ru/scotovo.files/history/canadian.htm> (дата обращения 14 марта 2013 г.)
59. Там же.
60. *Isitt B.* Op. cit.
61. Ibid.
62. Черчилль — Бордену, 1 May. 1919. Documents on Canadian External Relations, Vol. 3. P. 66–67.
63. По прибытии в Ванкувер на судне были обнаружены восемь большевистских агитаторов, которые прокатились «зайцами». (*Isitt B.* Op. cit.).
64. Ibid.
65. Для точности следует отметить, что Канада и другие доминионы так и не получили возможность ратифицировать Парижский мирный договор, который за них ратифицировала Великобритания. См.: *Соков И.А.* Канада в системе международных отношений в период либерального правительства М. Кинга...
66. *Cook T.* Sir Robert Borden during the Great War // *Journal of Military and Strategic Studies*. 2011. Vol. 13, issue 3. Spring. P. 20–21.

Культура

«Корейская волна» как проявление «мягкой силы»

© 2014

Е. Лачина

За последнее десятилетие южнокорейская поп-культура буквально «заразила» планету. Для описания этого явления обычно используют понятие «корейская волна» (или *халлю*). Глобальное распространение южнокорейской поп-культуры способствовало развитию национальной экономики и улучшению имиджа страны. На основе материалов Министерства культуры, спорта и туризма и МИД РК в статье дается характеристика основных этапов «корейской волны», выявляются основные причины ее популярности в мире.

Ключевые слова: «Корейская волна» (*халлю*); «мягкая сила» Республики Корея (РК); этапы *халлю*; культурная экспансия РК.

За последнее десятилетие южнокорейская поп-культура буквально «заразила» планету. Для описания этого явления обычно используется понятие «корейская волна» (или *халлю*), так как она освещается СМИ по всему миру, создавая эффект волны. Глобальное распространение южнокорейской поп-культуры способствовало развитию национальной экономики и улучшению имиджа страны, что наглядно демонстрирует эффективность «мягкой силы» в современном мире. В настоящей статье на основе материалов Министерства культуры, спорта и туризма и МИДа РК дается характеристика основных этапов «корейской волны», пройденных на данный момент, а также выявляются основные причины ее популярности.

Основоположником концепции «мягкой силы» применительно к политике является Джозеф С. Най-младший. «Мягкую силу» он определяет как «умение получать желаемое за счет привлекательности, а не принуждения или вознаграждения»¹. Най утверждает, что «мягкая сила» государства в основном происходит из трех источников: его культуры, политических идеалов и внешней политики. В данной статье остановимся только на первом.

Культуру можно определить как набор ценностей (как духовных, так и материальных) и практик, имеющих значимость в том или ином обществе. Когда культура страны создает универсальные ценности, а ее внешняя политика основана на интересах, разделяемых другими, это повышает вероятность получения благоприятного для нее результата. Здесь важно заметить, что потенциал «мягкой силы» культуры этноса или нации значительно ниже, чем потенциал культуры универсальной. По мнению Найя, приме-

ром такой культуры является культура США. Популярность современной культуры РК также можно объяснить отчасти тем, что она пропагандирует универсальные ценности.

Проявлением «мягкой силы» РК, источником которой является ее культура, стала «корейская волна» или *халлю*, для которой существует несколько определений. Это связано с тем, что сам феномен достаточно разнороден, постоянно пополняется новыми элементами и разрастается территориально. Национальная организация туризма Кореи (НОТК) определяет халлю как «феномен распространения по миру корейской массовой культуры и культуры развлечений, как-то: поп-музыка, телесериалы и кинофильмы»². Профессор Национального университета Сингапура Чуа Бенг Хуат и профессор Университета Монаша (Австралия) Коичи Ивабучи в предисловии к коллективной монографии «East Asian Pop Culture: analysing the Korean Wave» под «корейской волной» понимают наполнение Восточной Азии [южно-] корейской массовой культурой — кинофильмами, поп-музыкой и особенно телесериалами³. Автором *халлю* понимается как совокупность различных аспектов южнокорейской культуры, повсеместное увлечение которыми растет как за счет их собственного потенциала, так и государственного стимулирования. Она началась с распространения сначала по Юго-Восточной Азии, а затем и по всему миру, южнокорейских сериалов и несколько позже — поп-музыки (К-поп), однако с каждым годом «корейская волна» пополняется новыми элементами и уже включает кухню, одежду, видеонгры и язык⁴.

Само слово «*халлю*» возникло в 1997 г. на Тайване, в газете «*Чжунго шибао*» («Китайские хроники»), но тогда оно было употреблено для обозначения наплыва товаров южнокорейского производства. Для обозначения популярности современной южнокорейской культуры это слово используется с 1999 г., начало чему положила статья «Временами и восточный ветер дует на восток» в газете «*Бэйцзин Циньняньбао*» «Пекинская молодежная газета», КНР)⁵.

С экономической точки зрения, *халлю* — это не что иное, как реклама и продажа культуры. Во-первых, благодаря ей появился ряд культурных брендов, приносящих неплохую прибыль. Так, по подсчетам Корейской международной торговой ассоциации (Korea International Trade Association, КИТА), в 2004 г. доходы от экспорта товаров, связанных с халлю, составили 918 млн долл. США⁶. В 2010 г. Корейский фонд международных культурных обменов (Korean Foundation for International Culture Exchange, КОФИСЕ) оценил экономический эффект от *халлю* примерно в 4,2 млрд долл. США⁷. К тому же, некоторые компании начали использовать имена и лица популярных актеров для рекламы своей продукции, что привело к увеличению спроса на нее со стороны фанатов. По результатам опроса, проведенного КИТА в 2011 г., в котором участвовало 1173 человека, посетивших РК, или же проживающих в Японии, Китае, Вьетнаме и на Тайване, выяснилось, что три четверти респондентов приобрели продукцию южнокорейского производства после знакомства с *халлю*⁸. Сам образ жизни южнокорейских актеров и исполнителей стал своего рода рекламой определенной культуры потребления, включая предпочтения в еде, одежде, макияже и даже пластической хирургии⁹.

Во-вторых, «корейская волна» способствовала развитию такого сектора экономики, как туризм. Только в 2004 г. Сеул посетило 2,44 млн японцев, что на 34,5% выше данных предыдущего года¹⁰. Многих на поездку в РК вдохновил просмотр телесериалов. Южнокорейские туроператоры быстро отреагировали на появление такого контингента туристов, предоставив специальные туры по местам киносъемок (например, «Best of Korean drama trailer deluxe tour»). Некоторые (преимущественно туристы из других азиатских стран) стали приезжать на концерты любимых исполнителей или шоу с участием известных по телесериалам актеров. В-третьих, *халлю* способствовала притоку иностранных студентов в ВУЗы РК. Например, в 2012 г. 322 иностранных студента прошли стажировку в Сеульском национальном университете, который является

ведущим ВУЗом РК; в том же году на курсах корейского языка при этом университете обучалось 2788 человек.

По словам профессора южнокорейского университета Кёнхи Ким Чжунсопа, в 1993 г. в нем обучалось всего два иностранных студента по обмену, а к 2002 г. из-за рубежа стало приезжать около 1000 таких студентов ежегодно. К 2005 г. их количество достигло примерно 2000, а к 2011 г. — 5053 человека. Причем, если в начале 2000-х гг. это были граждане Китая (в частности, Гонконга), Японии, Вьетнама, Тайваня, Индонезии и иных азиатских государств, то с середины 2000-х гг. стали приезжать студенты из таких стран Южной Америки, как Бразилия, Мексика, Аргентина и др., а также из Европы (Великобритании, Франции и др.). Количество иностранцев, желающих изучать корейский язык в международном центре образования при университете Кёнхи, в 2011 г. достигло 700 человек, что в 4 раза превзошло численность пятилетней давности.

В 1997 г., когда впервые прошел международный экзамен на знание корейского языка (ТОPIС), его пожелали пройти 2274 человека из 13 регионов четырех государств, в 2012 г. на 26-й экзамен ТОPIС было зарегистрировано 53 613 человек из 139 регионов 37 стран¹¹.

Из приведенных выше определений «корейской волны» видно, что практически с самого начала *халлю* состояла как минимум из двух элементов, и в соответствующие моменты ведущим становился какой-то один. По признаку смены ведущего элемента Министерство культуры, спорта и туризма РК выделяет следующие ее этапы:

1. *Халлю* 1.0 (Рождение «корейской волны») — конец 1990-х — середина 2000-х гг.;
2. *Халлю* 2.0 (K-Pop) — середина 2000-х — начало 2010-х гг.;
3. *Халлю* 3.0 (K-culture) — с начала 2010-х гг.¹²

1. По ряду причин предвестником «корейской волны» можно считать телесериал «Что же такое любовь» («*Саранги муогилле*»), показанный по центральному телевидению Китая (1997). Во-первых, он стал популярен в Китае, с которым тогда у РК не было такого активного культурного обмена, как с Японией, и где до этого корейская массовая культура не пользовалась особым успехом. Во-вторых, внимание китайской аудитории привлекла не отдельная программа или композиция, а сериал, ради просмотра которого 39 млн человек каждое воскресенье откладывали свои дела и собирались у телеэкранов¹³. В-третьих, после показа именно этого телесериала стали набирать популярность другие, а затем к ним добавились и эстрадные исполнители. С начала 2000-х гг. особенно популярной среди китайской молодежи стала корейская танцевальная музыка. Именно тогда термин «корейская волна» начал активно использоваться для обозначения увлечения китайской молодежью корейской массовой культурой. Одним из факторов, сыгравшим не последнюю роль в ее распространении, стали технические возможности РК: качественное кабельное телевидение, спутниковое теле- и радиовещание, высокоскоростной интернет и др. Стоит упомянуть еще одну немаловажную деталь: поначалу закупка южнокорейских телесериалов с финансовой точки зрения была крайне выгодна для соседних стран. Они были в разы дешевле, чем японские или гонконгские.

С 1997 до начала 2000-х гг. *халлю* проникла в такие страны, как Китай, Тайвань, Вьетнам и другие, а в 2003–2005 гг. начала распространяться на новые регионы, важнейшим из которых стала Япония. После показа телесериала «Великая Чжангым» «корейская волна» попала на Средний Восток, в Африку и Восточную Европу, что означало выход на новую ступень.

2. С середины 2000-х гг. по разным причинам, в том числе и из-за повторяющихся сюжетов, южнокорейские телесериалы стали хуже продаваться, в связи с чем больший интерес начали вызывать другие элементы *халлю*. Особое внимание на этом этапе привлек музыкальный жанр K-pop, где «K» обозначает Южную Корею, а «pop» — англ. «popular». Это музыкальное направление также начало свое шествие с Тайваня и Китая. С конца 90-х гг. появилось немало корейских исполнителей, работающих в этом стиле,

однако официальное название «К-рор» он получил только в июне 2011 г. после большого концерта в Париже.

Несколько подобных концертов в Париже и Нью-Йорке, состоявшихся в том же 2011 г., можно считать свидетельством того, что *халлю*, выйдя за пределы Азии, добралась до Европы и США. Немалую роль в этом сыграл интернет, в частности, сайт www.youtube.com, социальные сети www.facebook.com, www.twitter.com и др. Причем к такому каналу распространения культуры южнокорейское правительство относится с полной серьезностью — в его официальных отчетах содержатся не только упоминания о нем, но и количество «кликов» по той или иной композиции. Продолжили свое победоносное шествие по миру и сериалы — например, в 2009 г. в Иране количество зрителей телесаги «Легенда о Чумоне» достигло 85%, а в Узбекистане до 2011 г. она была показана на пять раз¹⁴.

Этот период также характеризуется повышением интереса к изучению корейского языка и современной литературе РК за рубежом. Показательным в этом плане является роман южнокорейской писательницы Син Гёнсук «Пожалуйста, позаботься о маме», вышедший в РК в 2008 г. и к настоящему моменту переведенный на несколько языков мира, в том числе и русский.

3. Началом этого этапа можно считать создание 30 января 2012 г. Общества популяризации культуры *халлю* (*Халлю мунхва чинхындан*) при Министерстве культуры, спорта и туризма РК, что означает выход государственной поддержки «корейской волны» на качественно новый уровень. Как сообщила южнокорейская газета Идэлли, Общество возглавил первый вице-министр культуры¹⁵. Оно ставит перед собой цель поднять рейтинг национального бренда РК за счет создания высококачественной культуры, для чего требуется задействовать культуру традиционную¹⁶. Бюджет Общества на 2012 г. составил 29,9 млн долл. США¹⁷.

Пока ведущим компонентом *халлю* остается К-рор, однако именно сейчас, как утверждает министр культуры, спорта и туризма РК Чхве Гвансик, на смену К-рор должна прийти К-Culture¹⁸, под которой понимаются не только телесериалы, К-рор и другие проявления масскультуры РК, как это было на втором этапе, но и традиционное искусство, музыка, литература, словом, все, чем на данный момент богата южнокорейская культура. На третьем этапе *халлю* должна выйти за рамки собственно культуры и распространиться на другие смежные области, пробудив интерес ко всему корейскому. Подтверждение этому можно найти не только на страницах правительственного отчета. Все большую популярность приобретают различные виды туризма в РК. Например, в последние годы активно развивается медицинский туризм из дальневосточного региона России. Не остается без внимания и спорт, о чем свидетельствуют успехи корейцев в тех его видах, в которых они никогда не были сильны. Так, еще в 2010 г. на зимних Олимпийских играх в Ванкувере Ким Ёна стала первой южнокорейской спортсменкой, удостоенной высшей награды в фигурном катании, а на лондонской Олимпиаде 2012 г. впервые за всю историю существования Олимпийских игр южнокорейский гимнаст Ян Хаксон завоевал золотую медаль. Подтверждением спортивной экспансии РК служит и создание нового центра тхэквондо под названием «Тхэквондовон», в котором осуществляется около 30 программ, ориентированных в первую очередь на иностранцев.

Как можно заключить из вышесказанного, на данном этапе государственная поддержка *халлю* осуществляется по двум направлениям: развитие масскультуры и популяризация всех остальных проявлений южнокорейской культуры и сопряженных с ней областей. В этих целях в ВУЗах РК создаются условия для проведения исследований, посвященных «корейской волне». Так, весной 2012 г. в аспирантуре Университета Пэчжэ открылось отделение индустрии культуры *халлю*, а осенью — отделение «корейской волны» в аспирантуре Католического университета¹⁹.

Таким образом, с конца 1990-х до середины 2000-х гг. «корейская волна», в основном в виде телесериалов, распространилась по Азии и начала выходить за ее пределы. Несмотря на то, что южнокорейские музыкальные исполнители также пользовались немалым успехом, все переломные моменты «корейской волны» на первом этапе были связаны именно с сериалами.

С середины 2000-х гг. *халлю* начала укрепляться в США и Европе. Ее основным элементом на втором этапе стал музыкальный жанр К-поп, однако и другие ее составляющие (кинофильмы, телесериалы, компьютерные игры, корейский язык и современная литература) весьма успешно завоевывали позиции на международном рынке.

С 2012 г. «корейская волна» начала входить в третью стадию. Пока ведущим элементом *халлю* остается К-поп, но южнокорейское правительство взяло курс на популяризацию всего того, что может быть объединено понятиями «K-Culture» и «K-style».

К настоящему моменту она достаточно прочно укрепилась в США. Европе и набирает популярность в России, чему не в последнюю очередь способствовал всемирный успех композиции «Gangnam style» исполнителя Psy, к январю 2014 г. зафиксировавшей 1 880 218 766 просмотров на сайте www.youtube.com.

Чем же объясняется такой успех современной культуры РК за рубежом? Автор видит несколько основных причин.

1) Привлекательность. Любому проявлению культуры свойственна определенная доля привлекательности. Если какой-либо элемент культуры полностью теряет свою привлекательность для кого бы то ни было, он перестает существовать.

Современная культура РК развивается в русле общих тенденций мировой культуры, поэтому она обладает определенным набором универсальных ценностей. Многим понятны и близки темы телесериалов, молодежь привлекает стиль в музыке, одежде, прическах, макияже и т.д. популярных исполнителей и пр. Однако привлекательности самой по себе недостаточно. Необходимо показать широкой аудитории, что эта привлекательность существует, причем немалая. Для этого нужно наладить производство определенного «культурного контента» и выработать механизм его экспорта.

2) Создание предпосылок. Условно предпосылки возникновения «корейской волны» можно разделить на две группы: естественные и искусственные. К первым относится сама возможность выхода южнокорейской культуры за пределы РК, открывшаяся благодаря изменению международной обстановки и внутривосточной ситуации в самой РК. Большую роль в ознакомлении зарубежной публики с Южной Кореей сыграла сеульская Олимпиада-88, после которой у РК начали налаживаться контакты со многими странами, в том числе и социалистическими. В конце 1991 г. было официально объявлено окончание «холодной войны». В 1993 г. в РК приступило к работе первое гражданское правительство во главе с президентом Ким Ён Самом. В 2002 г., уже после начала «корейской волны», на полях РК и Японии прошел чемпионат мира по футболу, привлечший немало болельщиков из-за рубежа. Все это благоприятно сказывалось на развитии отношений РК с другими странами, в том числе и в области культурного обмена.

На первый взгляд вполне очевидно, что *халлю* появилась сама по себе без какого-либо участия южнокорейского правительства, и произошло это за счет привлекательности современной культуры РК (в частности, телесериалов и поп-музыки) для китайскоговорящей аудитории, а государственную поддержку она получила позже, когда власти осознали ее потенциал. Термин «*халлю*» также впервые появился в китайскоязычной прессе, откуда и был взят на вооружение государственными деятелями РК. Однако, если посмотреть на то, какие предпосылки для развития и распространения южнокорейской культуры были предприняты государственными структурами РК за 10 лет до официального начала *халлю*, то картина несколько меняется.

3 января 1990 г. произошли существенные структурные изменения в государственном аппарате управления культурой — Министерство культуры стало отдельным ор-

ганом. В том же году им был разработан «10-летний план развития культуры» («*Munхва пальджон 10-кэён кехвек*»), одним из шести направлений которого впервые официально стала глобализация южнокорейской культуры²⁰. За время реализации этой части плана возросло количество совместных комитетов по развитию культуры²¹: если за 20 лет с 1969 по 1989 гг. включительно было создано и функционировало 10 таких комитетов, то к 1999 г., то есть еще за 10 лет, их число достигло 24. Также к 1990 г. РК имела всего 4 культурных центра за рубежом (1 в Токио, 1 в Париже и 2 в США, причем они были открыты в 1979–1980 гг.), к 1999 г. их количество увеличилось до 28 (новые культурные центры открылись в Японии, США, России, Китае и других странах).

Начали проводиться крупномасштабные международные культурные мероприятия: например, 26 сентября 1993 г. в семи городах США прошел Фестиваль Южной Кореи; в том же году мероприятия, посвященные РК, прошли в Новой Зеландии, Австралии и Вьетнаме, в 1994 г. РК приняла участие в 50 зарубежных кинофестивалях, в 1999 г. МИД РК поддержал проведение Пусанского международного кинофестиваля.

Расширилась поддержка зарубежного корееведения и программ по изучению корейского языка, и немалую роль в этом сыграл основанный в самом конце 1991 г. при поддержке МИДа РК Корейский фонд (*Хангук кукче кёру чэдан*, англ. *Korea Foundation, KF*). С момента основания по декабрь 1993 г. 61 человек из 17 стран получили стипендию на изучение корейского языка и 68 человек из 24 стран — на исследование по корееведению. Значительно выросло количество иностранных студентов, получивших гранты от южнокорейского правительства на обучение в РК: если в начале 1993 г. их было всего 66 (представляли 11 стран), то уже в конце года подобным образом в РК обучалось 293 представителя 66 стран. К 1999 г. их число достигло 607 (представляли 76 стран)²². С 1990 г. по 2000 г. в музеях США, Англии, Германии, Канады, Мексики и других стран были открыты [южно-] корейские экспозиции, налажился выпуск знакомящей с корейской культурой литературы и пр.

Весьма интересно, что уже с 1994 г. в ежегодные отчеты Министерства иностранных дел стали входить главы и разделы, посвященные международному культурному обмену и деятельности по рекламе РК за рубежом, что свидетельствует хотя бы о том, какое место занимала подобная деятельность в общем курсе внешней политики РК. Из них известно, что под патронажем МИДа, Министерства культуры, спорта и туризма и других официальных структур РК осуществлялись разнообразные программы студенческого и молодежного обмена. Для ознакомления мировой общественности с Южной Кореей и ее культурой правительство РК приглашало иностранных журналистов; также оно поддерживало развитие туризма в РК. Так, 1994 г. был объявлен «годом визитов в Южную Корею»²³.

Очевидно, что еще до официального начала «корейской волны» южнокорейское правительство приложило немало усилий к рекламе своей страны. Оставалось только ждать, когда комплекс предпринятых мер даст желаемый результат.

3) Государственная поддержка. С 2000 г. в отчетах МИДа РК появился параграф «Культурная дипломатия». Культурная дипломатия (*cultural diplomacy*) — это «обмен идеями, информацией, искусством и другими аспектами культуры между странами и их народами с целью наладить взаимопонимание»²⁴. В 2001 г. В качестве целей культурной дипломатии РК указывалось следующее: «посредством расширения межгосударственного культурного обмена правительство РК стремится укрепить сотрудничество с иностранными государствами за счет привлечения как государственного, так и частного секторов, активизировать культурную дипломатию и расширить возможности ознакомления зарубежной публики с корейской культурой. Также с помощью проведения культурной дипломатии правительство РК стремится повысить конкурентоспособность корейской культуры на международной арене»²⁵.

В качестве средств достижения этих целей указывается заключение договоров о культурном обмене с иностранными государствами, участие в дискуссиях по сохранению культурного наследия, проводимых ЮНЕСКО, поддержка зарубежных исследований в области корееведения, активизация академического обмена с помощью выдачи правительственных стипендий на обучение в РК, развитие туризма и т.д.

Особую роль в этой деятельности играет МИД РК. При его поддержке в зарубежных музеях открываются южнокорейские экспозиции; в 2006 г. с целью познакомить с [южно-] корейской культурой такие регионы как Юго-восточная и Центральная Азия, Ближний Восток, Латинская Америка, Африка и др. МИД РК запустило Программу взаимного культурного обмена (*Ссанпахян мунхва кёрю саон*); с того же года при его поддержке осуществляется трансляция южнокорейских телесериалов за рубежом, особенно в странах Африки и Латинской Америки; с 2007 г. в разных странах мира проходят фестивали южнокорейского кинематографа.

При поддержке посольств РК проходят мероприятия, направленные на ознакомление зарубежной публики с корейской кухней, и ее распространение. Увеличению интереса к [южно-] корейской культуре также призвано способствовать проведение выставок традиционного и современного искусства, трансляция южнокорейских кинокартин и телесериалов на территории посольств и консульств РК или при их поддержке.

С 2006 г. в «Белых книгах» МИДа РК содержится раздел «Распространение халлю» (*«Халлю хваксан»*). В отчете 2013 г. указано, что в целях распространения южнокорейской культуры по миру МИД РК заключил соглашения с основными телевещательными компаниями РК: KBS, Arirang и MBC. Для повышения эффективности государственной дипломатии МИД РК стремится расширить сотрудничество с частным сектором.

4) Экономический фактор. Конечно, ни о каком развитии и экспорте культуры не приходится говорить, если у страны нет или мало финансовых ресурсов для создания этой культуры. Ко времени начала халлю РК обладала достаточным экономическим потенциалом для производства культуры, способной конкурировать, по крайней мере, с культурой соседних стран.

К началу 2000-х гг. существовала и соответствующая инфраструктура: были основаны такие звукозаписывающие и продюсерские компании, как JYP Entertainment (1997), SM Entertainment (1995), YG Entertainment (1996) и др., которые и сейчас являются ведущими области производства современной поп-культуры.

Сыграла свою роль и сравнительная с финансовой точки зрения доступность южнокорейских сериалов для соседних с РК стран на начальном этапе, что и стало одной из причин, по которой они начали их закупать.

Таким образом, на популярность современной южнокорейской культуры повлияло несколько факторов. Отчасти она достигла такого успеха за счет собственного потенциала, реализовавшегося в результате изменения международной обстановки и политической ситуации в РК, отчасти — за счет того внимания, которое ей уделялось со стороны правительственных структур. Отдельным образом следует выделить принятый в 1990 г. «10-летний план развития культуры», в соответствии с которым был взят курс на глобализацию современной южнокорейской культуры. Именно его воплощение в жизнь в конечном итоге привело к появлению «корейской волны». Иными словами, ее появление многим обязано усилиям правительственных структур РК, направленным на ознакомление мировой общественности с южнокорейской культурой. Относительно будущего халлю можно предположить, что пока взятый в 1990 г. курс на глобализацию южнокорейской культуры не изменится, а государственная поддержка будет оставаться столь же мощной, «корейская волна» будет трансформироваться и пополняться новыми элементами.

Что касается самой идеи ознакомить мир с культурой РК, то ее появление было обусловлено рядом причин. Корея на протяжении большей части своей истории была за-

висима сначала от Китая, а потом от Японии. И если зависимость от Китая для Кореи была делом привычным, и Поднебесная скорее воспринималась как государство-покровитель, то Япония — как иностранное государство-колонизатор, враг. Причем чем тяжелее ощущался гнет, тем сильнее было сопротивление, одной из форм которого стало желание развивать национальную культуру. В качестве примера можно привести Чу Сигёна (1876–1914) — отца-основателя современной корейской лингвистики — и его последователей. Они осуществляли свою деятельность в рамках движения за сохранение национальной самобытности в условиях все возрастающей политической активности Японии в Корею и затем колониального гнета, и если бы не оно, то изучение корейского языка самими корейцами могло начаться гораздо позже.

Поэтому после обретения независимости в 1945 г. наблюдался сильный всплеск националистических настроений, проявившийся в желании показать всему миру, что такое Корея и корейцы. А когда были созданы соответствующие условия, это желание, подогреваемое «комплексом маленькой страны», реализовалось в «экономическом чуде на реке Ханган». О Южной Корее заговорили как об одном из «азиатских тигров», а причины «чуда» начали искать в том числе и в национальной культуре. С другой стороны, после того, как основные сферы экономики были восстановлены, и у самих жителей РК появилось больше средств и возможностей для развития культуры. Некоторый интерес извне и собственное желание вовлеченных в развитие национальной культуры привели к тому, что отдельные южнокорейские исполнители и телесериалы стали известны в ближнем зарубежье. Первый шаг был сделан.

Далее продажа культуры начала приносить прибыль, часть которой снова шла на новые, уже более глобальные и затратные проекты. Апогеем всего этого стала серия K-POP-конкурсов и Cover dance фестивалей, проводимых по всему миру с 2011 г. Нельзя не заметить, что такой успех стал возможен благодаря не только определенному количеству потраченных на это средств, но и такой черте национального характера, как упорство, которая в традиционном корейском обществе ценилась достаточно высоко.

Культура как источник «мягкой силы» выгодна в том плане, что, с одной стороны, ее продажа приносит экономическую прибыль, а с другой способствует улучшению образа страны за рубежом. В этом смысле власти РК не прогадали, сделав ставку на естественное желание южнокорейского народа ознакомить мир со своей культурой.

В целом *халлю* способствовала повышению интереса к южнокорейской культуре и самой стране, а также стимулировала приток иностранцев в РК, тем самым оказав и продолжая оказывать положительное влияние на ее экономику. Кроме того, повысилась узнаваемость и значимость южнокорейской культуры в мире. Таким образом, применение «мягкой силы» в лице «корейской волны» продемонстрировало свою эффективность в современных условиях.

-
1. *Nye J. S. Jr. Soft power: the means to success in world politics.* 1st ed. NY, 2004. P. x.
 2. Информационный портал Korea.net. URL: <http://www.korea.net/Government/Current-Affairs/Korean-Wave>.
 3. *Chua Beng Huat, Iwabuchi Koichi. East Asian Pop Culture: analysing the Korean Wave / Ed. by Chua Beng Huat and Koichi Iwabuchi.* Hong Kong, 2008. P. 2.
 4. *Faiola A. Japanese Women Catch the «Korean Wave» // The Washington Post.* 2006. 31 Aug. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/08/30/AR2006083002985.html>; *Farrar L. «Korean Wave» of pop culture sweeps across Asia // CNN.* Turner Broadcasting System, Inc. 2010. 31 Dec. URL: <http://edition.cnn.com/2010/WORLD/asiapcf/12/31/korea.entertainment/index.html?iref=NS1>.
 5. *Cho Hae-Joang. Reading the «Korean Wave» as a Sign of Global Shift // Korea Journal.* Seoul. 2005. Vol. 45, № 4. P. 173.

6. Официальный сайт Национальной Организации Туризма Кореи. URL: http://russian.visitkorea.or.kr/rus/ET/ET_RU_9_1.jsp?cid=330263.
7. И чхон сип халлюый кёнчжечжок пхагып хёкквва. 2010 [Экономический эффект от распространения «корейской волны»]. Сеул: М-во культуры, спорта и туризма РК, 2010. URL: <http://www.mcst.go.kr/usr/kwave/library/research/researchView.jsp>.
8. Официальный сайт КИТА. URL: <http://global.kita.net/>.
9. Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. М., 2012. С. 116.
10. Официальный сайт Национальной Организации Туризма Кореи. URL: http://russian.visitkorea.or.kr/rus/ET/ET_RU_9_1.jsp?cid=330263.
11. Халлю пэксо. [Белая книга халлю]. Сеул: М-во культуры, спорта и туризма РК, 2013. С. 158–159.
12. Там же. С. 8.
13. Там же. С. 15.
14. Там же. С. 20.
15. Ким Ёнун. Чонбу халлю мунхва чинхындан сипсамиль чхульбом. [30 января при правительстве РК создано Общество популяризации культуры халлю] // Идзилли. 2012. 30 янв. URL: <http://www.edaily.co.kr/news/NewsRead.edy?SCD=J131&newsid=01961446599402968&DCD=A403&OutLnkChk=Y>.
16. Ли Донгвон. Халлю мунхва чинхындан, хёнпхансик катко консик чхульбом. [Общество популяризации культуры халлю, официальное открытие] // Минчжный сори [Голос народа]. 2012. 30. янв. URL: <http://www.vop.co.kr/A00000470719.html>.
17. Чхве Чжисён. Мунхва чхеюк квангванбу нэ Халлю мунхва чинхындан чхульбом. [При Министерстве культуры, спорта и туризма создано Общество популяризации культуры халлю] // Юнион пхыресеы [Единая пресса]. 2012. 30 янв. URL: <http://www.unionpress.co.kr/news/articleView.html?idxn=147166>.
18. Ван Чжисно. Халлю мунхва чинхындан, хёнпхансик катко консик чхульбом. [Общество популяризации культуры халлю, официальное открытие] // CNBNEWS. 2012. 30. янв. URL: <http://www.cnbnews.com/news/article.html?no=159094>.
19. Халлю пэксо. [Белая книга халлю]. Сеул: М-во культуры, спорта и туризма РК, 2013. С. 22–23.
20. Там же. С. 165. Следует заметить, что в корейском языке под глобализацией (*сегехва*) какого-либо явления понимается его распространение по миру.
21. Совместные комитеты по развитию культуры (*мунхва кондон вивонхве*) — официальные комитеты, созданные РК совместно с другими странами с целью обсуждения проектов, направленных на повышение взаимной заинтересованности и расширение обмена в области науки, культуры, масс-медиа и спорта.
22. Приводимые статистические данные взяты из «Белых книг» МИДа РК с 1994 по 2000 гг. Отчеты доступны по адресу: URL: <http://www.mofa.go.kr/trade/data/whitepaper/year/index.jsp>.
23. Diplomatic White Paper, 1995. Сеул: М-во иностр. дел РК, 1995. С. 237–248.
24. Milton C., Cummings Jr. Cultural Diplomacy and the United States Government: a Survey. Washington, D.C: Center for Arts and Culture, 2003. P. 1.
25. Цит. по: Diplomatic White Paper, 2001. Сеул: М-во иностр. дел РК, 2001. URL: http://www.mofa.go.kr/trade/data/whitepaper/year/20110906/1_24880.jsp?menu=m_30_210_40&tabmenu=t_1.

Традиции и особенности китайского позднего прозаического сказа

© 2014

Ю. Еришова

Статья посвящена проблеме возникновения позднего прозаического сказа и его формированию как отдельного жанра песенно-повествовательного народного творчества. Несмотря на большое количество работ по протонародной литературе Китая, эта тема по-прежнему остается малозученной.

Ключевые слова: Китай, устная литература, традиции сказительства, Чэнь Шихэ

Поздний прозаический сказ (*пиншу*) занимает особое место в песенно-повествовательном искусстве Китая. В прежние годы, слушая *пиншу*, люди могли ознакомиться с историей своей страны и сюжетами знаменитых романов. И по сей день в чайных домах крупных китайских городов можно увидеть выступления сказителей, услышать их по радио или посмотреть записи на специальных интернет-страничках.

Сказ *пиншу* как отдельный поджанр песенно-повествовательного искусства пользовался огромной популярностью еще в последние годы империи Цин (начало XX в.). Источников о раннем периоде развития сказа совсем мало и они достаточно скудны¹. Тем не менее, на основании отрывочных сведений известно, что первые сказы, ставшие прообразом сказа *пиншу*, исполнялись еще во времена династии Сун² (960–1279). Сказители выстраивали свои версии на основе текстов китайских эпических произведений: романов «Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на запад» и других. Они всегда подчеркивали, что исполнение прозаического сказа *пиншу* не сопровождается игрой на музыкальных инструментах и пением, но при этом допускаются ритмизованные или стихотворные вставки. Существует народное предание о зарождении позднего прозаического сказа в том виде, в котором мы можем наблюдать его сегодня. В начале эпохи Цин (1644–1911) сказитель Ван Хунсин прославился мастерским исполнением сказов под аккомпанемент большого барабана (*дагушу*). Но когда объявили всеобщий траур по причине смерти императора, проведение увеселительных мероприятий, в том числе выступление сказителей под музыку, было запрещено. Тогда Ван Хунсин стал исполнять сказы речитативом, без аккомпанеента. Впоследствии он был приглашен ко двору вдовствующей императрицы, где для создания более чинной атмосферы впервые было решено усадить сказителя за стол, а вокруг расставить скамьи для слушателей. Так, согласно преданию, сформировалась традиция позднего прозаического сказа³.

Классическое китайское определение *пиншу* таково: «“Пин” — суждение. Когда сейчас говорят о событиях, происшедших в древности, присовокупляя свои суждения — это и есть *пиншу*»⁴. Отсюда можно сделать вывод, что основой *пиншу* является именно «суждение-пин». Стоит исключить элемент «суждений», как жанр утратит свойственное ему очарование.

Пиншу исполняется сказителем в течение нескольких дней, а иногда и нескольких десятков дней. Сказитель выступает, сидя или стоя рядом со столом, на котором лежит *синму* — «брусок для побудки». Им исполнитель стучит по столу, чтобы переключить внимание слушателя на новый поворот в сюжете.

Сказительство являлось искусством со сложной цеховой организацией. В отличие от многих сказительских традиций западных стран, где, например, украинские или черноморские сказители-кобзари в большинстве своем были слепыми (момент мистического избранничества), у китайских сказителей выбор подобной профессии едва ли являлся следствием профессиональной ограниченности или инвалидности. В средней Азии (Алтай, Казахстан, Бурятия и т.п.) в воспитании нового поколения сказителей значительную роль играла семейная традиция, то есть происходила передача искусства от старших к младшим, дети обучались иногда уже с пяти лет, и обучение основывалось на процессе подражания. В Китае тоже наблюдалась передача искусства от отца к сыну, но, кроме того, часто учениками известных сказителей становились молодые люди старше двадцати лет, сознательно выбравшие эту профессию и увлеченные искусством. Из-за большой конкуренции невозможно было выстроить выступление на одном лишь подражании, поэтому молодые сказители часто самостоятельно синтезировали наиболее понравившиеся элементы выступлений (игровые, сюжетные, языковые приемы) разных мастеров и прибавляли собственные, часто обращаясь и к письменным источникам, чтобы обогатить повествование.

Существовала целая совокупность установленных сказительских традиций, сказительству обучались, проходили сложный ритуал посвящения в ученики и через несколько лет пышно праздновали начало официальной карьеры (*сяхай*). Ученику на красном блюде подносился дар от учителя, три важнейшие вещи в его ремесле: *синму*, полотенце и веер. Возжигались благовония, и коленапреклоненный ученик принимал «три дара», кланяясь учителю. Только после этого он мог начать самостоятельные выступления, а полученные *синму*, веер и полотенце должны были использоваться им в течение всей карьеры. Они выступали в качестве важнейших выразительных инструментов: стук *синму* определял начало и окончание частей повествования, с помощью веера изображались военные действия или элементы пейзажа (дома и мосты), полотенце играло роль письма или послания⁵.

У сказителей существовал обычай брать себе сценическое имя, в котором часть совпадала с именем учителя, чтобы подчеркнуть преемственность традиции. Сказители-самоучки порицались и жестоко наказывались сказительской общиной. Существовали специальные испытания, позволявшие установить, принадлежит ли новичок к сказительской общине. Например, обычай *се цзяхо*, который дословно можно перевести как «отбирать вещи», подробно описанный у известного пекинского сказителя Лянь Кожу⁶ (1903–1971), а также у исследователей сказа Цзинь Шоушэня⁷ и Б.Л. Рифтина⁸. Когда профессиональные сказители замечали новичка, они могли подойти и прервать его рассказ, накрыв полотенцем брусок-*синму* и сверху положив его же веер. Если тот не понимал, в чем дело, они могли забрать весь его реквизит и полученные за выступление деньги, потребовав, чтобы он нашел себе учителя. Если новичок прошел традиционную школу, то произносил длинную обрядовую речь, возвращая реквизит на положенные места (речь переведена на русский язык Б.Л. Рифтиным⁹). Он продолжал прерванное выступление, и помешать ему уже никто не осмеливался. Бывали случаи, когда проверяющим попался азартный человек, который после обрядовой речи мог вновь сложить *синму*, полотенце и веер и предложить пришедшим сказителям сдвинуть их. Один из них по обычаю должен был взять веер в левую руку и сказать следующее:

«Средство к жизни — брусок-*синму*, веером добываю пропитание, дом мой — вся земля между реками Чанцзян и Хуанхэ (дословно «озера-моря между Цзян и Хуан»), не убоюсь и высочайших волн».

Затем он должен был снять полотенце и отложить его влево, взять в правую руку *синму* и продолжить:

«*Синму*, что сделана людьми, не украшается и не изготавливается из цветущих деревьев. И ученые, и военные — все приходится учениками трем Чэням»¹⁰.

Далее он должен был стукнуть *синму* по столу и подхватить нить повествования с прерванного места до конца фрагмента главы (*хуэй*). Если же он не мог этого сделать, то обязан был выплатить противнику его дневной гонорар. Поэтому немногие отваживались становиться «прерывающими сказ», на профессиональном жаргоне называвшимися «Диспутирующие по канонам» (*наньдао*).

Любой сказ-*пиншу* непременно обладает так называемым сказительским либретто. Все сказы можно разделить на две группы по различиям этого либретто, а именно, по уровню творческого вмешательства сказителя в повествование. К первой будут принадлежать *пиншу*, которые передавались от учителя к ученику, декламировались вслух наизусть и таким образом заучивались. На профессиональном жаргоне они называются *даохор*, что объясняется специалистами «как метод изложения, переделанный в соответствии с принципами *пиншу* (*пиншу дао*)». Изначально подобные либретто для исполнения *пиншу*, скорее всего, представляли краткие изложения историй, описанных в литературном оригинале. Сказители поколение за поколением заново воссоздавали и перекраивали сюжет, придумывая собственных героев и сюжетные повороты. В результате *пиншу* постепенно обрastали значительными отличиями от оригинальных произведений. Хотя по традиции считается, что *даохор* соответствуют духу письменного оригинала, однако в каждом подобном либретто или в некоторых его ключевых частях присутствовали существенные изменения сюжета или фабулы.

Вторая группа носила название *мокэр* (от «мокэ» — книги, изготовленные с резким, четким тиснением), в ней сказы строились на строгом соответствии письменному оригиналу, которым могло быть непосредственно литературное произведение (например, роман «Троецарствие») или имевшие широкое хождение *хуабэнь* — народные повести. В процессе изложения сказитель следовал письменной основе, и его авторские коррективы, «суждения-пин» и прочая творческая импровизация были сокращены до минимума.

Поскольку *мокэр* представляют собой крайне негибкую, можно даже сказать, однообразную сказительскую форму (люди могли самостоятельно приобретать книги с народными повестями *хуабэнь* и не нуждались в рассказчиках), постепенно данный вид искусства становился все менее распространенным, и сейчас уже не осталось мастеров, исполняющих *мокэр*. *Даохор* же напротив, завоевывал все больше и больше поклонников. К этой ветви принадлежат и современные известные сказители: Юань Кочэн, рассказывающий «Троецарствие», Лю Лифу, исполняющий речитативом «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном», и другие.

Как можно заметить из приведенных выше примеров, китайское сказительство обладает не только строгой обрядностью, но и профессиональными терминами, так называемым «сказительским жаргоном». Многие из них носят сатирический подтекст¹¹. Рассмотрим наиболее яркие из них.

Баламут (*гуньган*) — так коллеги обращаются к сказителю, который часто ошибается в именах героев. Открывающего сказительский балаган хозяина они в шутку прозывают Расклейщик фольги (*няньбо*). Под Марателями тарелок (*хунь децзы*) подразумевались приехавшие из глубинки просторечные сказители, уступающие городским мастерам с их четким произношением и красивыми фразами. Щипальщиками (*чжай маор*) назывались взыскательные слушатели, которые делают замечания и часто поправляют сказителя.

Поскольку, как уже было отмечено, сказительство в Китае обладало четко организованной обрядной структурой, было бы интересно описать сам характер выстраивания сказительского выступления. Немногочисленные источники предоставляют нам сведения следующего характера: так, во времена династии Цин еще не существовало обык-

новения открывать специальные сказительские балаганы, и потому выступления проходили прямо на оживленных улицах и перекрестках под открытым небом. Посередине располагался большой стол со скамьями вокруг, на нем ставили ароматический сосуд-курильницу (на случай, если соберется много любителей табака) и пустую неглубокую корзиночку, в которую собирали деньги. Перед выступлением сказитель обычно внимательно оглядывал аудиторию: существовало правило, что его коллеги могли прийти слушать выступление бесплатно. В таком случае они занимали скамьи позади стола, но ни в коем случае не могли усаживаться на две передние скамьи перед самым сказительским столом, так называемые усы дракона (*лунсуй*). Итак, сказитель готовился начать выступление. Одной рукой он клал на стол полотенце, в другую брал веер и откладывал его в сторону, немного задержав в воздухе. Затем вынимал брусочек-*синму* и произносил приветственные слова. Пекинский сказитель Лянь Кожу описал один из способов произнесения приветственной речи следующим образом. Поднимая веер в левой руке, а правой постукивая *синму* по столу, сказитель говорил:

(1) Один брусочек-синму делится на 7 частей, (2) наверху доходит до правителя, внизу — до его подданных. (3) Одна часть — как государи ведают правлением и войнами, другая часть — как правление и войны затрагивают простой люд. (4) Одна часть — как совершенномудрые хранят конфуцианское учение, другая — как небесные наставники следят за злыми и добрыми духами. (5) Одна часть — как буддийские монахи твердят каноны, другая — как философы-даосы постигают сокровенное учение. (6) А одна часть попала в руки вольного сказителя, который скитается по всем странам света и вразумляет людей. (7) Да не осудят меня коллеги по искусству, не будь умений — не смог бы войти в «семью».

Часто подобную речь можно разделить на строчки, которые ритмизованны и рифмуются одна с другой, как в рассмотренном выше случае (*Рифмы выделены автором — Ю. Е.*):

- (1) И куай синму ци ся фэнь.
- (2) Шан чжи цзюньван, ся чжи чэнь.
- (3) Цзюньван и куай ся вэнь-у, вэнь-у и куай гуань ли минь.
- (4) Шэнжэн и куай цзин жуцзяо, тяньши и куай цзин гуй шэнь.
- (5) Сэнцзя и куай цюань фофа, даоцзя и куай цюань сюань мэнь.
- (6) И куай ло цзай цзянху шоулюло бафан цюань ши жэнь.
- (7) Хухай пэнью бу гун во, жу яо ю и лунь цзя мэнь.

Очевидно, данное вступление представляет собой определенную заклинательную структуру: оно формализовано, обладает четким метрическим строением и прочими признаками, делающими его очень похожим на заговор. Произнеся вступительную речь, сказитель мог начинать выступление.

Поскольку сказовая традиция чрезвычайно многообразна, не представляется возможным описать общую технику построения выступления всеми сказителями. Тем не менее, для отображения общей картины можно ограничиться подробным описанием модели сценического и речевого поведения одного из известнейших деятелей китайского песенно-повествовательного искусства Чэнь Шихэ (1887–1955), который является родоначальником отдельной сказовой школы с характерными приемами.

Чэнь Шихэ не принадлежал известной сказительской династии и в разное время прошел обучение у сразу нескольких известных мастеров своей эпохи. Видимо, поэтому он являлся своего рода новатором и отличался от коллег смелостью использования художественных средств. Впервые он увидел выступление сказителя в детстве, стал поклонником этого жанра и достаточно позднем возрасте — около 25 лет — поступил в ученики к знаменитому сказителю Чжан Чжиланю (точные годы жизни неизвестны), при этом технику исполнения Чэнь Шихэ перенял не только у своего наставника. Он также увлекался кунфу и народным театром, что оказало влияние на его манеру исполнения.

Основой сказов Чэнь Шихэ стали знаменитые «Рассказы Ляо Чжая о чудесах» Пу Сунлина¹² (1622–1715). «Рассказы Ляо Чжая...» — это сборник литературных новелл, написанных сложнейшим литературным языком *вэньянем*, с реминисценциями из классической поэзии и философских трактатов. При этом сказы по «Ляо Чжаю» являются редким, практически единственным случаем, когда литературные произведения на письменном языке *вэньянь* переделываются в сказ на разговорном языке *байхуа*. По воспоминаниям учеников Чэнь Шихэ, перечень новелл «Ляо Чжая», которые он рассказал за свою жизнь, не ограничивался только самыми общеизвестными 50 сказами. На самом деле, он попробовал рассказать большую часть произведений, представленных в «Ляо Чжае», во многих из которых было более чем по 100 частей (*дуань*), и кроме того, часть из произведений Сюань Дина «Записки у фонаря в дождливую осеннюю ночь» («Е юй цю дэн лу»¹³), тоже изобилующих сюжетами о лисах и демонах.

В последние годы жизни Чэнь Шихэ исполнял только часть новелл «Ляо Чжая», а именно, только 30 с небольшим произведений. Эти 30 произведений были выделены им путем неоднократного тщательного отбора, наблюдения за реакцией слушателей, и каждое прошло его творческую обработку. Поэтому недаром исследователи признают, что у каждого его сказа есть собственные замечательные качества. Удалось установить, что сохранились записи 14 сказов в его исполнении, сделанные в 1954 г. комитетом по культуре г. Тяньцзиня. Это «Правитель», «Даос с гор Лао», «Распичная стена», «Жуй Юнь», «Сян Гао в тигре», «Мао Дафу», «Снятся волки», «Непреклонный Си Пинфан», «Палата Каоби», «А-Бао», «Небожитель Юнь Цуй», «Пока варилась каша», «Укрощение Цуй Мэна», «Проказы Сяо Цуй»¹⁴. Кроме «Проказ Сяо Цуй», по каким-то причинам не изданным, остальные 13 сказов были сначала выпущены издательством «Тяньцзинь тунсу чубаньшэ», а затем повторно в издательстве «Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ».

Когда Чэнь Шихэ переделывал новеллы «Ляо Чжай» в сказ, он не придумывал нового сюжета, а фактически следовал первоначальной сюжетной линии, добавляя описание подробностей. Все сюжетные узлы, проходные или основные, Чэнь Шихэ подробно описывал и разъяснял. Механика подобного расширения сюжетных узлов была рассмотрена впервые Б.Л. Рифтиным: «Первое, что бросается в глаза при этом сопоставлении, это превращение небольшого «проходного» эпизода эпопеи в самостоятельное произведение эпико-драматического жанра»¹⁵. Так, в сказах Чэнь Шихэ мы можем наблюдать примеры «эпического разбухания» текста. Сюжетные повороты, бывшие у Пу Сунлина второстепенными, сказитель перерабатывал и разворачивал до положения полноправных частей повествования. Детально описывая действие, он замедлял общую сюжетную канву вставными историями, несущими ретардирующую функцию. Подобные приемы составляют значительную часть текста: на каждые двадцать подробно рассмотренных эпизодов не менее семи являются привнесенными сказителем. Выбор данных вставных историй не является случайным: все они заимствованы из знаменитых китайских романов, таких как «Троецарствие», «Речные заводи», «Цветы сливы в золотой вазе», «Сон в красном тереме» и других. Кроме того, сказитель привлекает и легендарные источники, такие как «История о Лян Шаньбо и Чжу Интай», «О мечях Ганьцзян и Мосе» и т.п. и использует в повествовании фольклорные мотивы. Несмотря на то, что это уже ослабленные и прошедшие бытовую рационализацию варианты, их, тем не менее, можно идентифицировать с помощью указателя Аарне-Томпсона. Наиболее часто в сказах Чэнь Шихэ встречаются мотивы «Говорящего имени» (AaTh 252), «Смерть родителей/герой-сирота» (AaTh 236.7), «Обучение ребенка-героя у необычного персонажа» (AaTh 340; 342.1), «Обретение чудесного оружия» (AaTh 1081.1), «Братание главных героев» (AaTh 311), «Появление волшебного помощника» (AaTh 1233.1.2) и др. Таким образом, обогащение сюжета происходит сразу на нескольких уровнях: посредством заимствований из литературных романов, народных легенд и мотивов, входящих в общежанровый фонд.

Кроме того, одной из отличительных особенностей изложения Чэнь Шихэ является использование юмористических вставок *баофу* (букв. «сверток»). Сказителями *баофу* использовались с целью снять чрезмерное напряжение сюжета, отвлечь внимание слушателей от основного действия, уменьшить скорость развития сюжета. По сути, *баофу* являются юмористическим видом композиционной кульминации сказа. Такая кульминация сначала словно «заворачивается в сверток», чтобы слушатель не догадывался, что может произойти. Неожиданное «развязывание свертка» производило комический эффект¹⁶.

Всего существует четыре способа включения *баофу* в повествование. Первый — когда в повествовании изначально присутствует комический герой, и все смешные ситуации связаны с его действием. Второй — полностью основывался на сказительской импровизации и его способности вплетать шутки в сюжетную ткань. Часто это было особенно важно для исполнителей сказов на исторические темы, где сюжетом не были предусмотрены юмористические повороты. Третий способ основывался на гиперболизации, намеренном создании ситуаций непонимания действующими лицами друг друга, случайных совпадений, игре слов. Четвертый — на специфическом изображении героев жестами и мимикой.

Обращая внимание на творческую манеру Чэнь Шихэ, следует упомянуть еще одну особенность, отличающую его сказы от исходных письменных произведений. Известно, что для китайской новеллистической литературы, в том числе новелл Пу Сунлина, не характерно изображение чувств героев, в то время как в сказах Чэнь Шихэ мы наблюдаем наличие психологизма — прорисовку душевных переживаний и характеров персонажей. То же касается и нехарактерных для новелл описаний природы и статичных картин, в изобилии представленных в сказах.

Характерным для Чэнь Шихэ является прием самоотождествления: исполняя сказ, он принимал позы героев, особым образом жестикулировал и говорил разными голосами. Специфической чертой выступлений Чэнь Шихэ, особенно любимой зрителями, являлась техника «Воинского Ляо Чжай» — описывая сцены схваток героев, сказитель выполнял элементы ушу.

При рассмотрении языка повествования позднего прозаического сказа в первую очередь обращают на себя внимание три особенности. Это манера использования красочных языковых приемов (тропов), частое употребление диалектизмов (в нашем случае, относящихся к пекинской и тяньцзиньской характерной речи) и привлечение целого арсенала разнообразных звукоподражаний и междометий для изображения эмоций героев.

Одним из характерных приемов рассказчика является «дробление жеста на атомы», впервые описанное Б.Л. Рифтиным. Если в письменном оригинале кратко резюмируется действие, поступок героя, то сказитель разделяет его на множество более мелких сюжетных движений, подробно описывая каждое. Рассмотрим историю наказания вредной соседской невестки из сказа «Цуй Мэн», соотносящуюся с мотивом «Укрощение строптивой» (АаТн 628.2.5; 900). Как уже было отмечено, сказитель превратил проходной эпизод в отдельную самостоятельную историю с объемными завязкой, кульминацией и завершением.

В письменном оригинале Пу Сунлина эпизод занимал 52 иероглифа и в русском переводе выглядит следующим образом: *«У его соседа была строптивая жена, которая каждый день оскорбляла свою свекровь. Свекровь голодала и была, что называется, на самом берегу смерти. Сын тайком кормил ее, но узнавала жена — злостная брань на все тысячи ладов так и неслась по соседским дворам. Цуй рассвирепел, перелез через стену, прошел к ней и отрезал ей все: и нос, и уши, и губы, и язык. Она тут же и умерла»*¹⁷. В обработке сказителя он превращается в историю объемом в 3600 (!) иероглифов, то есть увеличивается в 70 раз. Подобное разрастание произошло за счет приведения подробного описания предысторий каждого из действующих лиц, изображения их отношений, включения обширных диалогов. И сосед, и свекровь, и невестка становятся полноправ-

ными участниками повествования. Остановимся подробно на части описания действий главного героя, а именно, фрагменте, связанном с вторжением в соседский дом. Как уже было отмечено выше, Цуй Мэн «рассвирепел» и «перелез через стену». У Чэнь Шихэ этот «сюжетный жест» разделен на отдельные «атомы»:

Цуй как раз услышал голос из их дома, и чем больше он слушал, тем горше ему становилось... Он стал вслушиваться внимательнее, и разобрал второй голос потише... Чем больше он слышал, тем более не по себе ему становилось, а в голове вертелась мысль: «Независимо ни от чего, ты никому спуска не давал, а тут еще и пожилой человек? Кто это вымещает на ней злобу?». Подумал так и... засучил рукава, подошел к восточной стене, отступил на шаг, пригнулся и — оп! Прыгнул, слегка прикоснувшись руками к гребню стены: мгновение, и он уже наверху. Вытянулся, стоя на стене, взгляделся в соседский двор. На ловца и зверь бежит — в доме как раз были настежь открыты двери, и он сразу увидел все, происходящее внутри. И как только наш Умэн все увидел, разозлился необычайно, «хон!» — развернулся и одним прыжком перескочил к себе во двор. «Топ-топ» — подбежал к своему сарайчику за мечом. «Вззынь!» — показался чудесный клинок. Перекинул его из руки в руку, затем повесил за спину и направился обратно. Пригнулся, «бах!» и через стену перескочил на соседский двор. С мечом в руке — «топ-топ» — в несколько больших шагов вбежал в дом. (Пер. авт. — Ю. Е.)

Вместо 4-х действий — «рассвирепел», «перелез», «прошел» и «отрезал» Цуй Мэн в описании сказителя и «услышал», и «прислушивался», затем задумывался, «засучил рукава», «подошел», «отступил», «пригнулся», «прыгнул», «вытянулся», «пригляделся», «разозлился», «развернулся», «перескочил», побежал за мечом, «перекинул (его)», «повесил за спину», «вернулся», «пригнулся», опять «перескочил» и, наконец, «вбежал в дом» — 20 действий или так называемых «жестовых атомов».

Кроме этого, данный эпизод демонстрирует и характерные особенности именно авторской манеры Чэнь Шихэ: его Цуй Мэн обдумывает свои поступки в процессе действия, сомневается и переживает. Слушатели могут наблюдать процесс принятия им решения и понять, почему в итоге он поступил именно описанным образом (хотя, подобно былинному богатырю Илье Муромцу, давшему обет «не кровить меча», он обещал не вмешиваться в чужие дела, но не смог стерпеть, когда узнал, что обижают беззащитную старушку). Кроме того, обращает на себя внимание описание иллюстративное, техничное описание жестов, связанных с военной тематикой: как Цуй споро преодолевает высокую стену, привычным жестом перекидывает клинок из ладони в ладонь. Как мастер «Воинского Ляо Чжай», Чэнь Шихэ скорее всего сопровождал все эти описания выразительными позами и жестами.

При описании движений сказитель широко использует разнообразные звукоподражания, вероятно, чтобы еще больше усилить акустическое восприятие речи. В рассмотренном случае это и звуки, изображающие прыжки (*цэн* — хлопок, *соу* — свист при быстром движении, *пудуи* — «плюх»), шаги (*дэн* — топот), звук оружия (*цян* — свист клинка).

Поскольку основную массу образных выражений сказитель использует при описании внешности героев: цитирует Ли Бо, обрисовывая облик «духом святого» монаха-даоса, обращается к «Цзинь, Пин, Мэй» при описании разодетой, «как цветущая ветка», соседской невестки и так далее, в повествовании достаточно редко встречаются образные четырехсложные выражения. Возможно, приводятся они с целью архаизировать текст или ритмизовать его. В рассмотренном отрывке сказитель использовал сложное выражение «*хо гай юань не*» — получить по заслугам, возмездие за причиненное зло. Первый раз оно используется в романе неизвестного автора XVIII в. «Младшие пятеро справедливых» (глава 40). О строптивой невестке сказитель говорит, что «рот-то у нее один, а языка два» (*и чжан коу, лян чжан шэ*), вероятно, подразумевая ее болтливость.

В тексте сказа в большом количестве встречаются *чэньюи*, или выражения, построенные по образцу крылатых фраз — *чэньюев* (т.е. состоящие из 4 иероглифов). На-

пример, *чэньюй «сань чан лян дуань»* (три длинных, два коротких) — в значении «непредвиденное несчастье, неожиданная беда» — первый раз был употреблен в романе Ло Гуаньчжуна «Развеянные чары». Что примечательно, в основной массе образные выражения, построенные по образцу *чэньюев*, относятся к пекинскому или тяньцзиньскому диалектам (употребляются в основном только в Пекине или Тяньцзине): *лао ян шан шу* (досл. старый баран лезет на дерево) — трудное, невозможное дело, *сань нянь лян цзай* — через два-три года, *лан хао гуй цзю* (вой волка и вопль беса) — громкий крик. В большом количестве в сказовой речи выделяются слова, которые классифицируются как пекинские или тяньцзиньские диалектизмы. Как правило, это слова, означающие обиходные предметы, явления, характерные для быта и людей, иногда бранные слова¹⁸. Среди них присутствуют как просто видоизмененные варианты общеупотребительных слов или местоимений, о значении которых можно догадаться самостоятельно (*завтра, сегодня, эти*), так и редкие, экзотические слова (*первая ночная стража, околоточный*). Представляется интересным перечислить некоторые из них:

Цзир — сегодня, *куцзы* — страдалец, мученик, *чжур* — субъект (пренебрежительно), *чоу лэнцзы* — воспользоваться случаем, *ин юр* — причина, подописка, *ди мяр шан* — городской стражник, русским аналогом которого можно посчитать слово «околоточный», *хоу фань* — оплатить счет в харчевне, *чар* — человек-зачинщик проблем, задира (бранное), *фан цзю чу гу* — первая стража, время с 7 до 9 часов вечера, *хо тор* — погорелец (словарь особо подчеркивает, что таких «погорельцев» штрафовали чиновники за угрозу городского пожара), *лин сур* — «хлам, тряпье» — о никчемных, мелких людях, *лао банцзы* — «старая кочерыжка» — невежливое обращение к старому человеку (бранное), *ван ба жи*, — о негодном, плохом человеке (бранное — пекинский вариант *ван ба дань*).

Характерным художественным приемом Чэнь Шихэ можно назвать и особую, «подчеркнутую устность» его повествовательного языка. Для придания сказу характера разговорной речи, исполнитель не только употреблял диалектные выражения, но и привлекал разнообразные парные сочетания слов или выстраивал выражения с параллельными частями. Наиболее часто он удваивал двуслоги, используя два шаблона: последовательное и параллельное удвоение. Параллельное удвоение: *цзэм ма цзэм ма* (как же так?), *жу цы жу цы* (и так, и так), и даже парное сочетание: *жу цы жу цы цзэм ма цзэм ма* — при описании какого либо события — «и так, и так все было». Часто удваивались выражения, выступавшие как определения — *фэн куай фэн куай* (острый), *доу ло доу ло* (трепещущий) и т.п. Последовательное удвоение: *дүй дүй фу фу* (кое-как, с грехом пополам), *хуан хуан яо яо* (неустойчивый, качающийся).

Как уже было отмечено выше, образные выражения в тексте встречаются нечасто, и как правило, построены по образцу *чэньюев* — как «невестка с двумя языками» или «получить по заслугам», но есть и образные выражения метафорического характера, например, «избаловать невестку так, что она превратилась в дракона» в значении «испортить характер» (*ба сифу гуай дэ чэн лун*), аналог русского фразеологического выражения «камень с души свалился» (*синли дэ и куай шитау фан ся*), громко скрежегать зубами — дословно «скрипеть зубами со звуком гор» (*ба я яо дэ шань ся*), «не управляться с домашним хозяйством», дословно «метелка покосилась и совок кривой» (*тяо чжоу вай ла, бо цзи се ли*) — возможно, восходит к выражению «служить с совком и метелкой» или «служить с веничком и метелочкой» в значении «стать супругой».

Кроме того, в тексте сказа встречаются пословицы, выражения, построенные по форме пословиц или же синтез пословиц и выражения, придуманного автором. *Ю ли у ба, у ли сы ши* — пекинская пословица (дословно — «есть причина — восемь пять, нет причины — сорок»), означающая «беспричинно придирается к мелочам». *Хуан цзин деи цун фо коу чу* — буддийская пословица, «золото должно исходить из уст Будды»: великие начинания под силу только достойнейшим из людей. *До нянь дэ дао цзоу чэн хэ, до нянь*

дэ сифур ша чэн по — вторая часть этого выражения — распространенная пословица «невестка, промучившись много лет, сама станет свекровью». Первую часть сказитель построил параллельно этой пословице — «торная дорога станет руслом реки».

На основании рассмотренных примеров можно сделать вывод, что для сказительского языка Чэнь Шихэ характерно обширное использование разнообразных диалектизмов (пекинских и тяньцзиньских), пословиц канонического, книжного и народного происхождения и звукоподражаний. Кроме того, в языке сказа встречаются различные образные выражения и сравнения, почерпнутые из классической литературы. Таким образом, для позднего прозаического сказа характерно равноправное сочетание устной и книжной традиций, как на уровне сюжета и композиции, так и на уровне языка и даже манеры исполнения. Все эти особенности формируют модель словесного поведения Чэнь Шихэ и служат средствами, с помощью которых книжное произведение на мертвом литературном языке стало поздним прозаическим сказом, передаваемым на языке разговорном.

1. Чэнь Жүхэн. Шошу сяоши. [Краткая история сказа]. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1925. 264 с.; Чжэ Цзиншюу. Чжунго Пиншу ишулунь. [Исследование искусства прозаического сказа]. Пекин, 1997. 360 с.
2. Чэнь Жүхэн. Шошу сяоши. [Краткая история сказа]. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1925. 264 с.
3. Лянь Кожу. Цзянху цунтань. [Собрание записок о вольном человеке]. Пекин: Дандай чжунго чубаньшэ, 1995. 557 с.
4. Чжунго да байкэ цюаньшу, сицзюй цюйи цюань. [Большая китайская энциклопедия. Том «Песенно-повествовательное искусство». Чжунго байкэ цюаньшу чубаньшэ. Пекин, 1983. 1256 с.
5. Чэнь Жүхэн. Шошу шихуа [Рассказы о сказителях]. Пекин, 1958. С. 157.
6. Лянь Кожу. Цзянху цунтань. С. 332.
7. Цзинь Шоушэнь. Лао шугуань цзяньвэнь соцзи. [Записки о виденном и слышанном в балаганах-цугуань] 1959, с. 59–60.
8. Рифтин Б.Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. М.: Наука, 1970.
9. Там же, С. 264.
10. Три Чэня — имеются в виду Хэ Лянь-Чэнь, Дэн Гуан-чэнь и Ань Лян-чэнь — три родоначальника пекинского сказа.
11. Многие профессиональные термины и названия сказов уже были переведены Б.Л. Рифтиным, но представляется интересным дополнить этот список и подробно объяснить, почему сказителями были даны именно такие названия.
12. Многократно переизданы в Китае, одно из новых изданий: Лу Сунлин. Ляо Чжай Чжи И. Пекин: Бэйфан лянхэ чубаньшэ, 2012. -576 с.
13. Сборник «Е Юй Цю Дэн Лу» [Записки у фонаря в дождливую осеннюю ночь] написан Сюань Дином (1832–1880) и включает рассказы об оборотнях, лисах и удивительных случаях. Описан в справочнике «Чжунго вэньянь сяошо цзунму ти'яо» [Общий указатель библиографических статей о китайских романах на языке вэньянь]. Цзинань, 1996. С. 364.
14. Большую часть этих новелл можно прочитать на русском языке. «Даос с гор Лао», «Расписная стена», «Сян Гао в тигре», «Небожитель Юнь Цуй», «Пока варилась каша», «Укрощение Цуй Мэна», «Проказы Сяо Цуй» опубликованы в сборниках переводов В.М. Алексева. «Правитель», «Снятся волки», «Непреклонный Си Пинфан» и «А-Бао» в переводах П.М. Устина опубликованы в книге Лу Сунлин. Новеллы, М., 1961.
15. Рифтин Б.Л. Указ. соч. С. 273.
16. Подробнее о способах построения и основных принципах баофу на примере диалогов-сяншэнов см.: Спешнев Н.А. Китайская простонародная литература, М., 1986.
17. Использован фрагмент перевода В.М. Алексева из сборника «Рассказы Ляо Чжая о чудесах», М., 1973.
18. Для перевода всех рассмотренных выражений привлекался специальный словарь диалектизмов: Сюй Шисун: Бэйцин туюй цыдянь [Словарь пекинского диалекта]. 1990.

«Гений места» как фактор межкультурного взаимодействия (русская литература Харбина и китайская культура)*

© 2014

Н. Лебедева

На примере взаимодействия русской эмигрантской литературы Харбина и китайской культуры рассматривается способность маргинального пространства Маньчжурии воздействовать на развитие художественной литературы. Обращается внимание на наличие сходных сюжетов, героев, способов изображения в русской и китайской литературах.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, русская эмигрантская литература Харбина, маргинальное пространство Маньчжурии, «гений места», «харбинская нота», «харбинский текст».

Литература, созданная русскими литераторами на русском языке вне России, на земле Маньчжурии в первой половине XX в. постепенно входит в сознание российского читателя как часть великой литературы нашей страны. Она унаследовала традиции вскормившей ее русской национальной культуры, продолжила во времени и в пространстве эстетику Серебряного века. Она позволила и создателям, и их современникам-читателям, жившим на территории чужой страны в инокультурном окружении, ощутить и сохранить свою национальную идентичность, свою принадлежность к российской культуре.

Но было в этих стихах и прозе нечто такое, что отличало их как от произведений, написанных в России и позже — в Советском Союзе, так и в других местах русского рассеяния — в Европе, в Америке, в Австралии. Это «нечто» было связано с тем, что в античном мире называлось *genius loci* (гений места), который осуществлял связь интеллектуальных и духовных проявлений человека со средой его обитания. В китайской традиции также есть категория *туди шэнь* (дух земли), сопоставимая с античным гением места. Очевидно, что различные цивилизации признавали наличие связи между духовной жизнью, художественным творчеством и пространством, на котором оно расцветало.

Маньчжурия, или Северо-Восточный Китай (*Дунбэй*) обладает определенной природной спецификой, которая заключается в многообразии форм рельефа, контрастности климатических условий, разнообразии флоры и фауны. В конце XIX — первой половине XX вв. этот регион был контактной зоной, в которой осуществлялось взаимодействие различных культур — китайской, японской, русской, корейской, монгольской и других. Кроме того, особенности географического положения, а именно общая граница с Россией и Кореей, близость Японии и Монголии, позволяют характеризовать Северо-Восточный Китай как маргинальную зону. Именно маргинальные зоны несовпадающих природных, экономических, этнокультурных, информационных полей служат источни-

Лебедева Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры языков стран АТР Дальневосточного Федерального университета, г. Владивосток. E-mail: lebedeva.na54@gmail.com

* Статья подготовлена при поддержке Научного фонда ДВФУ. Проект № 12-05-04110-05*.

ком энергетических импульсов. Такая рубежная энергетика оказывает воздействие на эмоционально-чувственную сферу и может служить ресурсом духовного возрождения.

В последние десятилетия внимание к роли пространства в развитии художественной культуры связано с рецепцией философско-эстетического наследия М.М. Бахтина, с развитием представлений о семиотике пространства.

С нашей точки зрения, весьма продуктивна также и мысль о воплощении определенного пространства в художественных образах, представленная в работах российского исследователя Д.Н. Замятина¹. Автор вводит категорию «географический образ» и характеризует его как устойчивые пространственные представления, которые формируются в результате человеческой деятельности и являются компактными моделями определенного географического пространства. Замятин отмечает, что в общем смысле географические образы — совокупность ярких, характерных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих реальные пространства².

Репрезентация географического образа — это представление образа на вербальном или невербальном уровнях с помощью адекватных его содержанию сочетаний или систем ключевых символов и знаков, наиболее важными из которых являются визуальные и текстовые системы.

«Всякая цивилизация предполагает пространственное распространение своих духовных, материальных ценностей и образов. Пространственное развитие любой цивилизации сопровождается приспособлением, адаптацией к новым условиям существования. Это взаимодействие часто протекает в форме создания переходных, гибридных, смешанных культурных образцов и ценностей, эффективно работающих в контактных междоцивилизационных пространствах (зонах). Между тем, само пространство, территория такого взаимодействия может оказывать влияние на формирование новых ценностей, способствуя «притиранию» различных способов восприятия и преобразования ландшафтов во взаимодействующих цивилизациях», — пишет Д.Н. Замятин³. Северо-Восточный Китай является ярким образцом такого пространства.

Исследователь считает, что сюжетная организация произведения, авторская речь и речь основных героев, ландшафтные описания, особенности художественного языка, пространственно-временные разрывы в повествовательной ткани связаны с формированием и развитием географических образов. Некоторые из них, имеющие литературное происхождение, с течением времени начинают восприниматься как естественная часть реальных местностей и ландшафтов. Очевидно, что Маньчжурия способна создавать собственные образы, отражающие ее региональные особенности.

Проблема пространства и художественного текста неразрывно связана с работами В.Н. Топорова о «петербургском тексте» русской литературы⁴.

С точки зрения В.Н. Топорова, пространство генерирует текст, неразрывно связанный с конкретным местом, с городом Петербургом. Петербургский текст по сути своей является гетерогенным текстом, который состоит из совокупности текстов русской литературы от А.С. Пушкина (20–30 гг. XIX в.) до К. Вагинова (20–30 гг. XX в.), а также образов Петербурга в изобразительном искусстве. Сакрально Петербургский текст един и связан монолитностью вследствие единой смысловой установки — обрести путь к нравственному спасению и духовному возрождению в трудностях.

Говоря о наличии схожих описаний города в произведениях разных авторов, исследователь выделял климатические, топографические, пейзажно-ландшафтные, этнографически-бытовые, культурные характеристики пространства, определяющие возможность сходства в петербургском тексте.

Среди субстрактных элементов описания Петербурга В.Н. Топоров указывал крайнее положение города. «Для петербургского текста как раз и характерна игра на переходе от пространственной крайности к жизни на краю, на пороге смерти, в безвыходных условиях, когда «дальше идти уже некуда», — пишет ученый⁵. При этом местонахо-

ждение на краю света рассматривалось как возможность прорыва к новой духовности, разрешения неразрешимых прежде нравственных проблем, преодоления над бездной.

Несмотря на то, что В.Н. Топоров настаивал на уникальности и единичности «петербургского текста», исследователи русской литературы, используя его методiku, говорят о наличии «московского», «пермского», «усадебного», «сибирского» текстов национальной словесности⁶. В своих работах авторы стремятся к реконструкции семантических параметров того или иного исторически отмеченного территориального мира, образ которого воссоздается в произведениях русской литературы.

В качестве еще одного локального текста исследовательницы А.А. Забияко и Г.В. Эфендиева предлагают рассматривать «харбинский текст», который «обладает определенной законченностью. Он создавался в три этапа — в эпоху существования Харбина в качестве русского города (в основном, в художественной литературе и публицистике), затем — в художественной практике харбинских поэтов-эмигрантов и, наконец, в так называемую «постхарбинскую эпоху» (в мемуарах бывших харбинцев, а также в устных повествованиях тех, кто рассказывал о своем харбинском бытии)»⁷.

Подчеркивается, что важную роль в порождении «харбинского текста» сыграло особое маргинальное харбинское пространство, сначала между двух миров — китайской и российской культуры, а затем и между трех — китайской, дореволюционной российской и новой советской. Авторы пишут: «...маргинальное положение Харбина, действительно, находящегося «между двух миров» (между Европой и Азией, эмиграцией и метрополией, «столицей» и «провинцией», прошлым и настоящим), обусловило своеобразное развитие поэтики харбинских писателей»⁸.

Исследователи утверждают, что есть основания проецировать миф о Северной Пальмире на харбинскую культуру. Существовало одно из распространенных названий Харбина — «восточный Петербург». С «петербургским мифом» харбинский миф связан феноменологически — как культурная реплика «нерусского города» посреди русских болот, превратившегося в «русский город посреди маньчжурских степей». Наличие многих черт, роднящих Харбин с Петербургом (построен на болоте и существует под угрозой наводнения, спроектирован петербургскими архитекторами, многие улицы носят «петербургские» названия), позволяет авторам сделать вывод: «сам архитектурный и топонимический язык «харбинского текста» создавался под воздействием «петербургского текста»⁹.

Однако есть и различия. Если эмоциональное поле восприятия Петербурга строилось на метафоре «антигуманности», невозможности жить в этом «городе на болоте», «городе на костях», Харбин создает полярное семантическое поле — сказочно-утопического пристанища всех страждущих и нуждающихся.

«Харбинский текст», то есть весь корпус произведений русской литературы, созданной в Харбине, на китайской почве и под китайским небом, при всех петербургских и парижских моделях, которым могли следовать авторы, отличался от других произведений тем, что нес на себе определенное влияние китайской культуры. Идея об этом влиянии оформилась еще и в виде метафоры «харбинская нота», которую ввела китайская исследовательница Ли Иннань. Она пишет: «Именно китайские мотивы и образ Китая, озвученный в русских рифмах, создают неповторимую «харбинскую ноту», придают своеобразие произведениям даже второстепенных харбинских поэтов»¹⁰.

А.А. Забияко отмечает, что эта работа стала первым этапом осмысления путей художественного «проникновения» Китая в матерную стиха русских поэтов-эмигрантов, и «не обладая терминологической строгостью и завершенностью... фиксирует определенное впечатление, остающееся у читателя и исследователя после знакомства с лирикой харбинцев»¹¹.

Врастание русских литераторов в необычную инокультурную среду, сопровождаемое процессом этнокультурной самоидентификации, способствовало формированию на харбинской почве особого художественного фона, ставшего отличительной чертой «харбинской ноты». Об особом художественном фоне говорит профессор русской лите-

ратуры из университета г. Цицикар провинции Хэйлуцзян, член Союза писателей России Ли Яньлин. Он стал главным составителем и шефом-переводчиком пятитомного издания на китайском языке «Серия литературы русских эмигрантов в Китае», опубликованном в 2003 г. А в 2005 г. в Пекинском издательстве «Китайская молодежь» вышел на русском языке десяти томник «Литература русских эмигрантов в Китае», также подготовленный Ли Яньлином и коллективом китайских русистов¹². Этой работе китайский филолог посвятил 40 лет своей жизни. Он начал собирать русские книги в период «культурной революции» в 1967 г., когда это было очень опасным занятием. Профессор Ли за эту работу был удостоен российского ордена Дружбы народов.

В предисловии к изданию, характеризуя особый художественный фон, на котором создавалась русская литература в Харбине, Ли Яньлин пишет: «Не что иное, как такие фоны сделали данную литературу уникальной в мире. Она уникальна тем, что часть из ее сочинений являет пример замечательного слияния русской культуры с китайской как по темам, так и по творческому стилю. Кроме русской тематики, данная литература также имеет и китайские темы: «Великий Ван» Н. Байкова, рассказ А. Хейдока «Маньчжурская принцесса», роман В. Кочаровского «Се Вэйцан», стихи А. Несмелова...»¹³.

Понятно, что эти фоны — Китай, китайское окружение. «Именно китайская обстановка не только давала им свободную обстановку и воспитала у них любовь к Китаю, но и оказала большое влияние на их творчество своей культурой, обычаями, моралью, природой и многим другим. Немало эмигрантов назвали Китай второй Родиной или «нежной мачехой» — пишет китайский профессор¹⁴.

Ли Яньлин выдвинул идею о том, что литература русских эмигрантов в Китае является не только частью русской литературы, но одновременно и частью китайской литературы. Можно предположить, что увлеченность материалом привела к желанию еще более приблизить к себе объект исследования, сделать фактом не только своей жизни, но и достоянием своего народа. Эта точка зрения достаточно широко распространилась среди китайских специалистов, о чем свидетельствуют ставшие доступными нам материалы.

Так, профессор Цицикарского университета Мяо Хуэй приводит следующие аргументы в подтверждение выдвинутого тезиса.

1. Фоном, на котором существовало и развивалось малое сообщество российских эмигрантов, был огромный Китай, большое сообщество. «Без поддержки большого китайского сообщества малое эмигрантское сообщество не могло бы существовать столь длительное время»¹⁵. Конкретизируя сферы и формы такой поддержки, автор указывает на стабильную политическую обстановку в Северо-Восточном Китае, где могли сосуществовать «все цвета», то есть идеологический плюрализм, на использование трудовых ресурсов Китая в строительстве КВЖД и промышленном развитии Харбина, на дешевизну продовольствия для российских эмигрантов вследствие наличия хорошей сельскохозяйственной базы в провинции Хэйлуцзян. «Кроме того, поддержку малому эмигрантскому сообществу оказывала сама китайская земля: горы и сопки, реки и озера, леса и степи и вся китайская культура с ее историей в пять тысяч лет»¹⁶.

2. В тематике произведений русской литературы, созданных в Харбине, выделяются три группы:

- произведения, касающиеся исключительно эмигрантской жизни и не затрагивающие китайские реалии;
- произведения, сочетающие реалии эмигрантской и китайской жизни;
- произведения исключительно или в основном с китайским содержанием.

Произведений, в которых в той или иной степени присутствует Китай, немало, существующие в них китайская тематика и проблематика позволяют отнести их к китайской литературе.

3. Полвека российские эмигранты были местным населением Харбина, жили на его территории постоянно, рожали и растили здесь детей, работали, создавали литературные произведения. Именно в Китае, а не в России они писали эти произведения, то,

что они описали в них, было их жизнью и работой, тем, что они видели, слышали, чувствовали в Китае. Вся их деятельность была составной частью деятельности населения Китая, населения Хэйлуцзяна. «Вся литература, что была в провинции Хэйлуцзян до середины XX века, — это составная часть китайской литературы, она проявляет свойства литературы национальных меньшинств»¹⁷.

4. Некоторые авторы усваивали китайский стиль в жизни. Так, поэт В.Ф. Перелешин (1913–1992) стал китаистом, перевел на русский язык поэму Цюй Юаня «Лисао», даосский трактат «Даодэзин», стихотворения поэтов эпохи Тан. в быту носил китайский халат, стригся под буддийского монаха, прекрасно владел разговорным китайским языком. Н.А. Байков (1872–1958) несколько десятилетий прожил в Китае, много времени проводил в горах и тайге, водил дружбу с китайскими охотниками, собирателями женьшеня, лесорубами, испытывал влияние буддийских идей.

5. В творческой манере ряда российских литераторов присутствуют приемы, свойственные китайской литературе, например, передача чувств через пейзаж, недоговоренность.

В докторской диссертации Ван Яминя «Изучение литературы русской эмиграции в Китае в XX веке», защищенной в 2007 г. в университете г. Ланьчжоу (пров. Ганьсу), указывается, что под русской литературой в Китае автор понимает произведения, созданные на русском языке русскими в китайском Харбине. В целом, эта литература обладает отчетливыми признаками Серебряного века, а также несет на себе глубокий отпечаток Китая. В ней есть местный колорит, слышна ностальгическая нота, присутствует национальная специфика и особый стиль. Это важная часть мировой литературы XX в. так же как и особая составляющая часть современной китайской литературы.

Развивая идею об особой составной части китайской литературы, Ван Яминь пишет, что атмосфера относительной свободы и идеологических послаблений, существовавшая в Харбине в период создания там русской эмигрантской литературы, и была причиной того, что эта литература обрела свойства и признаки, позволяющие отнести ее и к русской, и к китайской литературам. «Китайская литература включает в себя не только литературу на китайском языке, она также может создаваться на других языках, например, на тибетском, монгольском и других. Литература русских эмигрантов в Китае, хотя и написана на русском языке, но ее творческий фон, сюжеты, объекты описания, художественный стиль — все это обладает ярким китайским колоритом, на всем этом ощущается китайское влияние, ее эмоциональное своеобразие несет в себе китайскую культуру и китайские чувства», — пишет китайский ученый¹⁸. Далее автор обращает внимание на особое положение русской литературы на грани русской и китайской культуры, что определяет ее исключительную художественную ценность. Дополнительными аргументами являются китайская тематика, использование восточной лексики, образов, имен, топонимики. Диссертант также отмечает значение русской литературы в Китае для развития китайской культуры и литературы. Это демонстрация скрытого потенциала для китайских писателей, привыкших к собственной стране и культуре, а теперь имеющих возможность увидеть это свежим взглядом благодаря произведениям русских литераторов. Это вклад русских писателей в изучение народной культуры разных районов Китая, это опосредованное распространение китайской культуры через свои произведения в России и далее — на Западе.

В доказательствах Ван Яминя о принадлежности литературы русских эмигрантов в Китае к китайской литературе выдвигается тезис о многонациональном характере китайской литературы, создаваемой на языках народов, проживающих на территории Китая.

В рамках данной статьи мы не будем спорить с некоторыми некорректно приведенными доводами, но выскажем главное возражение: национальная литература создается на национальном языке. Российские писатели в Харбине писали свои стихи, повести, романы на родном им русском языке, сберегая его как важнейшую часть своей культуры. Арсений Несмелов (1889–1945) в стихотворении «Переходя границу» писал: «Все, что нажито, оставлю вам, долги простив, — вам эти пастбища и пажити, а мне просторы и

пути, да ваш язык. Не знаю лучшего для сквернословий и молитв, он изумительный, — от Тютчева до Маяковского велик»¹⁹.

Русские, жившие в Харбине в первой половине XX в., вовсе не были китайским национальным меньшинством. Они не стремились к аккультурации в чужой среде, более того, русские вне пределов России старались воссоздать и сохранить атмосферу, стиль и жизненный уклад своей сначала оставленной, а потом и утраченной родины.

Как известно, в основе языковых структур лежат структуры социокультурные, которые определяются традициями и обычаями, бытовой культурой и повседневным поведением, «национальной картиной мира», художественной культурой²⁰. Поэтому ни интерес к китайской культуре и даже ее серьезное, профессиональное изучение, ни описание китайских реалий в произведениях, ни использование китайской символики и образности не в состоянии изменить национальную принадлежность литературы русских эмигрантов Харбина.

Использование в литературных произведениях сюжетов и реалий из китайской жизни, персонажей-китайцев, поэтических образов, фрагментов китайской речи часто в варианте «pidgin Russian» — ломаного русского языка, которым пользовались для общения русские и китайцы, отражали тот факт, что две культуры существовали на одной территории. Ли Иннань, говоря о полном наборе русских заимствований из китайского языка у поэтов русского Харбина, несколькими строками ниже отмечает создание в их произведениях некоего оторванного от реальной жизни, эстетизированного Китая. За этим книжным Китаем встает «огромная живая страна, манящая непонятым бытом, красочными традициями, незнакомой культурой»²¹. Мало для кого из русских литераторов эта terra incognita становится понятной и близкой, пожалуй, только для тех, кто выбрал путь серьезного профессионального изучения китайского языка и культуры. Обычно в качестве примера называют В. Перелешина, Я. Аракина, М. Щербаква.

Большая часть же русских литераторов при известной толерантности в отношении китайского окружения не предпринимала никаких действий к познанию чужой культуры. Исследователь русской эмиграции О.Г. Гончаренко пишет, что «живя бок о бок более полувека, русские и китайцы продолжали оставаться совершенно чужими и по большей части нелюбопытными в отношении не только культурных достижений, но и обычного жизненного и духовного уклада друг друга»²².

Е.Е. Аурилене в своей статье цитирует американского ученого О. Латтимора, который заметил, что русское население в Маньчжурии никоим образом не поддается китайскому влиянию, проявляет упрямство в незнании Китая и отсутствии интереса к Китаю²³.

С нашей точки зрения, сопровождающие изучение литературы русской эмиграции в Харбине идеи и о «харбинском тексте», и о «харбинской ноте», и об особом художественном фоне, и даже о ее принадлежности к китайской литературе свидетельствуют о наличии в русской литературе Харбина особенностей, связанных с пространством, местом ее создания. Маньчжурия через свои многообразные особенности индуцировала в русской литературе появление тех свойств, которые и придавали ей неповторимое своеобразие, при этом порождая аналогичные сюжеты, описания, эмоциональный настрой. Этим можно объяснить появление схожих описаний девственной маньчжурской тайги в романах Н.А. Байкова «Великий Ван» и «Тигрица» и романе Лян Шаньдина «Зеленая долина» («Люйезде гу»). Из этой земли появляются пронизывающие культуру края буддийские странствия в прошлых жизнях героев А.П. Хэйдока. Такое опосредованное воздействие сложного сплава культур этого региона, в котором, конечно, преобладала китайская культура, и позволяет говорить о влиянии китайской культуры на русскую литературу. Но в первую очередь речь должна идти о влиянии материальной культуры, сферы быта, поскольку в межкультурной коммуникации именно сфера быта имеет первостепенное значение по сравнению с идеологией, религией и художественной культурой. Здесь такое препятствие, как языковой барьер, не играет столь важной роли, как во взаимодействии с помощью вербальных средств.

Таким образом, единое пространство способно генерировать часто близкие друг другу тексты на разных языках, способствуя созданию особого типа литературного взаимодействия в контактной зоне Северо-Восточного Китая.

1. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006; *Замятин Д.Н.* Мета-география: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004.
2. *Замятин Д.Н.* Мета-география: пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. С. 14–15.
3. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 61–62.
4. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Петербургский текст. М.: Наука, 2009.
5. Там же. С. 665.
6. Например, см.: *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000; *Анисимов К.В.* Проблемы поэтики литературы Сибири 19 — начала 20 веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции: Автореф. дис. Томск, 2005. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/0203-50860/020350860.pdf>; Гео-панорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М.: Языки славян. Культуры, 2004; *Гудкова Е.Ф.* Хронотоп Сибири в русской классической литературе 17–19 веков. URL: <http://guuu7.nagod.ru/HS.htm>; *Каганов Г.З.* Санкт-Петербург: образы пространства. СПб.: Изд — во Ивана Лимбаха, 2004; Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. ст. М.: РГГУ, 1998; Образ Петербурга в мировой культуре. СПб.: Наука, 2003.
7. *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2009. С. 12–13.
8. Там же. С. 6.
9. Там же. С. 14.
10. *Ли Интань.* Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения: сб. науч. тр. М., 2002. С. 272.
11. *Забияко А.А.* Лирика «харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика. Дис.... д-ра филол. наук. М., 2007. С. 10, 7. (рукопись).
12. Литература русских эмигрантов в Китае. Пекин, 2005. Т. 1–10.
13. Там же. Т. 1. С. 19.
14. Там же.
15. *Мяо Хуэй.* Элосы дэ е ши чжунго дэ — лунь чжунго элосы цяоминь вэньсюэ е ши чжунго вэн сюэ [И русская, и китайская. О том, что литература русских эмигрантов в Китае также является и китайской литературой] // Элосы вэньи [Русская литература и искусство]. 2003. № 4. С. 75.
16. Там же. С. 76.
17. Там же. С. 77.
18. *Ван Яминь.* 20 шицзе чжунго элосы цяоминь вэньсюэ яньцзюэ [Изучение литературы русской эмиграции в Китае в XX веке]. Рукопись доктор. дис. Ланьчжоу, 2007. С. 142.
19. *Несмелов А.* Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006. Т. 1. С. 100.
20. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие). М.: Слово/Slovo, 2000. С. 28–29.
21. *Ли Интань.* Указ. соч. С. 273.
22. *Гончаренко О.Г.* Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 42.
23. *Аурилене Е.Е.* Судьбы русской эмигрантской культуры в Китае (1920–1940-е гг.): региональный фактор // Пробл. Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 129.

Научная жизнь

Внутренняя и внешняя политика КНР: продвижение реформ и глобального влияния. 26-й международный симпозиум Ассоциации китайских политологических исследований в Сан-Хосе

22—23 августа 2013 г. в столице Коста-Рики городе Сан-Хосе состоялся 26-й ежегодный международный симпозиум Ассоциации китайских политологических исследований (Association of Chinese Political Studies, ACPS)¹. Ассоциация была организована в 1986 г. осевшими в США китайскими политологами и международниками как площадка для взаимодействия между китаеведами Китая и Америки и как канал связи китайской академической диаспоры в США с коллегами на родине. За время своего существования Ассоциация стала крупнейшей в своем роде организацией по изучению Китая, насчитывая около 1000 ученых из Австралии, Бразилии, Франции, Китая, США, Англии и России. Вот уже 26 лет ACPS проводит свои ежегодные конференции в разных городах мира, нередко приурочивая их к каким-либо значимым политическим событиям. Так произошло и в Сан-Хосе, куда незадолго до конференции, 3 июня, приезжал для переговоров с президентом Коста-Рики Лаурой Чинчильей Си Цзиньпин, заявивший, что «отношения КНР с Коста-Рикой могут стать парадигмой дружеского сотрудничества между странами разных размеров и различных условий»².

26-й симпозиум в Сан-Хосе стал первой конференцией ACPS в Латинской Америке. Организатором выступил Университет Коста-Рики совместно с Институтом Конфуция в Коста-Рике. На открытии конференции выступили декан факультета общественных наук Университета Коста-Рики Франсиско Энрикес, ректор этого университета Хеннинг Дженсен и президент ACPS Джон Кеннеди из Канзасского университета (США). Выступающие отметили возрастающий интерес КНР к сотрудничеству со странами Латинской Америки, в частности с Коста-Рикой, и наличие ответной заинтересованности со стороны руководства страны. Говорилось о возможности открытия в Сан-Хосе международно-го центра по изучению и продвижению Китайско-латиноамериканских отношений.

Работа конференции проходила по восьми тематическим секциям, посвященным проблемам легитимности власти в КНР, потенциальной роли конфуцианства в обновлении идеологии страны, политэкономии развития Китая, латиноамериканской политики КНР, демократизации политической системы Китая, взаимодействию Китая с приграничными государствами, а также вопросам местного самоуправления и социальным реформам. Сравнительно небольшое число участников (30 человек) позволило превратить каждую секцию в дискуссионный клуб.

С первым научным докладом «Китайская политическая мудрость: необходимость в авторитарном правлении» на секции, посвященной вопросам легитимности ки-

тайской власти и роли конфуцианства в модернизации политической системы КНР, выступил профессор Го Баоган (Далтон колледж, США). Профессор Го поднял вопрос о том, какой тип демократии наиболее подходит Китаю. Докладчик выделил две основные концепции демократии: “западную либеральную модель”, подчеркивающую естественные права, индивидуальные свободы и конституционализм, и “консенсусную демократию”, подразумевающую согласованность и гармонию между различными группами.

Профессор Го полагает, что идеальный сценарий для Китая — это смешанная модель, которая примирит в себе различные стили и формы правления и объединит элементы первой модели (индивидуальные права, верховенство закона и т.д.) с элементами второй (гармония, консенсус, общность интересов). Для того, чтобы более точно определить смешанную модель, Го Баоган предлагает разбирать классические китайские учения и дешифровать содержащиеся в них идеи о правительстве, политической легитимности, этике и законе. В качестве примера приводятся концепции *вандао*, *дадао* и *бадао*, которые смогут объединить добродетель, нравственность и верховенство закона и права. Идеальная модель должна основываться на законности, но в то же время и на правлении добродетели. Докладчик утверждает, что изучение китайской политической традиции крайне актуально, поскольку оно может помочь сформулировать необходимую концепцию смешанной модели демократии.

Другой выступающий, профессор Хэ Ли (колледж Мерримак, США), в докладе “Китайский интеллектуальный дискурс о неоконфуцианстве и его влияние на современную политику Китая” раскрыл подходы различных исследователей конфуцианства к возможной политической реформе КНР. Прежде всего, было отмечено, что в настоящее время в Китае наблюдается возрождение интереса к конфуцианству как к источнику идей, необходимых для идеологической и политической модернизации. Докладчик в этой связи выделил четыре основные школы: “политическое конфуцианство” в лице исследователя Цзян Цина; “неоконфуцианство”, представленное Кан Сяогуаном; “новые левые” в лице Цань Яна и “либералы” в лице Яо Чунью. Все четыре школы признают важность конфуцианства и подчеркивают его актуальность для политической трансформации КНР. С практической точки зрения, наибольший интерес представляет “политическое конфуцианство” Цзян Цина, который утверждает, что как либеральная демократия, так и марксизм дают неприемлемый для Китая вариант политического устройства. В качестве альтернативы ученый предлагает “конфуцианскую конституцию” (или “институциональное конфуцианство”), согласно которой Китаю необходим трехпалатный парламент, гарантирующий три основных типа легитимности. Так, “палата исключительных персон” (*тунжжюань*) являлась бы источником духовной легитимности; “палата народа” (*шуминьжюань*) была бы источником общественной легитимности; “палата государства” (*готиюань*) гарантировала бы культурную легитимность. При этом представители *тунжжюаня* должны занимать должности с помощью системы рекомендаций и номинаций. Представители *шуминьжюаня* должны избираться в ходе всеобщих национальных выборов. Представители *готиюаня* должны наследовать посты или же назначаться. Любой законопроект, чтобы стать законом, должен получить поддержку как минимум двух палат. По мнению Цзян Цина, такая система гарантировала бы нужные сдержки и противовесы и в то же время имела бы больше легитимности по сравнению с либеральной демократией, где решения правительства отражают только волю народа.

Профессор Чжан Ванфа (Технологический институт штата Флорида) в докладе “Китайская мечта и новая теория политической легитимности КПК” представил интересные рассуждения о важности идеологии в обеспечении легитимности политического режима. Докладчик уверен, что для гарантии долгосрочной легитимности КПК одного лишь экономического успеха недостаточно. Необходимо новое идеологическое строительство, что становится особенно актуальным на фоне рассуждений Си Цзиньпина о “китайской мечте”. В качестве нового идеологического бренда профессор Чжан предлагает “Конфуци-

анство” — симбиоз коммунистического наследия и конфуцианской культуры. Чжан выделяет шесть основных признаков конфуцианства: политический авторитаризм, понимаемый как власть и благородство КПК; этатизм в экономике, подразумевающий контроль и регулирование экономики; общественный либерализм и морализм, т.е. наличие свободы в обществе и главенство моральных ценностей над правом; культурный национализм, выражающийся в популяризации истории Китая; военный пацифизм как отказ от применения силы во внешней политике; дипломатический нейтралитет, означающий сбалансированные отношения со всеми странами. Набор подобных, пусть даже противоречивых, установок, убежден Чжан, способен приблизить реализацию “китайской мечты”.

На секции, посвященной политэкономическим аспектам китайских реформ, Чжан Сяобо (Юго-западный университет финансов и экономики, КНР) представил доклад “Эмансипация китайской модели развития от парадигмы роста”, в котором предпринял попытку вновь ответить на не вполне новый вопрос о специфике китайской экономической модели. Презентующий пытался показать, что ни одна из основных интерпретаций успешного развития Китая, а именно “западно-центристский подход”, приписывающий экономический рост КНР внедрению капиталистических элементов, и “восточная модель”, указывающая на имитацию Китаем моделей развития других успешных азиатских стран, не может в полной мере отразить природу китайских экономических реформ. Чжан считает, что в Китае сложилась особая модель, характеризующаяся четырьмя факторами. Во-первых, Китай пытается построить рыночную экономику с диверсифицированной структурой собственности путем сохранения доминирования государственного сектора при одновременном стимулировании частных форм собственности. Во-вторых, необходимым условием поставленной во главу угла экономической модернизации является политическая стабильность. В-третьих, КПК трансформируется в ориентированную на результат экономическую структуру. В-четвертых, для китайской модели характерно экспериментирование на местах с одновременным улучшением координации между центральным и региональными правительствами; связка “центр — регионы” крайне важна для понимания китайской модели из-за больших территорий Китая.

В том же политэкономическом русле прозвучал доклад Джун Парк (Бостонский университет) на тему “Разрешение ‘трилемы’ открытой экономической политики — китайская повестка финансовых реформ”. Под “трилемой”, в данном случае, понимается невозможность в контексте экономического курса открытости одновременно сохранять режим валютного курса, гарантировать свободное движение капитала, сохранять автономию денежно-кредитной политики государства. По мнению докладчика, одним из этих условий придется пожертвовать. Таким образом, понимание природы “трилемы” в экономике КНР позволит лучше понять, с чем страна может столкнуться в будущем в процессе открытия рынков капитала. При этом докладчик также подчеркнула, что для полной открытости Китаю необходимы более открытый режим управления, уменьшение теневое сектора банковской системы, а также интернационализация юаня.

На секции, посвященной китайско-латиноамериканским отношениям, интересно прозвучал доклад исследователя Антонио Цяна (институт Чжили, Тайвань) на тему “АТР — новая арена для КНР, США и Латинской Америки”. Основной акцент был сделан на политических аспектах инициируемого Америкой Транс-Тихоокеанского партнерства, а именно на треугольнике отношений между Латинской Америкой, США и КНР.

Цян отмечает, что в период начала экономических реформ в Китае торговый оборот страны с Латинской Америкой был незначителен. Сейчас он вырос в сто раз и превысил 100 млрд долл. При этом значительных изменений в объемах торговли стран Латинской Америки с США не наблюдалось. Такое сравнительное увеличение роли Китая меняет конфигурацию влияния в регионе. В то же время латиноамериканские страны, продолжая развиваться и не желая оставаться младшим партнером США, стали уделять все большее внимание китайскому (а также индийскому и российскому) направле-

ниям. Все это происходит на фоне долгосрочной тенденции постепенного спада общего влияния США, что в значительной мере осложняет ситуацию и ставит вопрос: достаточно ли велик АТР, чтобы вместить интересы США и КНР? Этот вопрос заставляет Штаты предпринимать меры по усилению своей роли и активному сдерживанию конкурентов. Докладчик подчеркивает, что на это как раз и нацелен проект Транс-Тихоокеанского партнерства, подразумевающий укрепление связей США с Чили, Перу, Мексикой, куда Китай приглашен не был. Китайские аналитики утверждают, что главной целью политики США является сдерживание КНР, и обвиняют Америку в воспроизводстве холодной войны. Профессор Цян убежден, что Латинская Америка в такой ситуации должна использовать противостояние КНР и США и наращивать объемы торговли с обеими странами, избегая экономической или политической вражды.

Профессор Чжэн Шипин (Университет Бентли, США) выступил с докладом “Благоприятный эффект ‘плохих соседей’: источник возрастающей уверенности КНР”. Докладчик отметил, что в то время как руководители большинства стран не могут гордиться современным состоянием и перспективами развития своих стран, в Китае уверенность на официальном уровне все более очевидна. Достаточно взглянуть на риторику XVIII съезда КПК, где было заявлено, что партия “должна быть абсолютно уверена в выбранном пути, в своих теориях и существующих институтах” — *даоу цзисинь, литунь цзисинь, чжиду цзисинь*. Это происходит вопреки возрастающим экономическим, политическим и социальным проблемам, с которыми сталкивается Китай. Что же служит источником китайской “уверенности”? Чжан Шипин полагает, что уверенность происходит не от того, насколько хорошо Китай выступает по абсолютным показателям, а от того, как страна выглядит по отношению к своим соседям, особенно если ситуация у соседей не так хороша, как ожидалось. В этом и заключается “эффект соседствующих стран”.

Докладчик сравнивает Китай с тремя соседями: Японией — самой развитой экономикой Азии и историческим соперником КНР; Россией — источником вдохновения для китайской революции в 1920-х годах, моделью индустриализации в 1950-х и отрицаемым примером для сравнения при оценке реформ в 1990-х; и Индией, представляющей альтернативную модель развития. Для сравнения были выбраны такие показатели, как: 1) индекс государственной эффективности; 2) индекс экономической уверенности; 3) индекс инвестиционной привлекательности; 4) количество умышленных убийств; 5) индекс равенства полов; 6) индекс конкурентоспособности; 7) показатель туристической привлекательности. Сравнение показало, что Китай обходит либо догоняет конкурентов по большинству критериев. Среди сравниваемых стран Китай лидирует по показателям 2, 3, 6, и занимает второе место по всем остальным показателям. Япония, как и Китай, лидирует по трем показателям (1, 4, 7), но при этом показывает худшие результаты также по трем показателям (2, 3 и 6). Россия лидирует только по одному 5-му показателю и является худшей по трем (1, 4, 7) тогда как Индия не лидирует ни по одному из показателей, занимает второе место по двум (2, 3), третье по четырем (1, 4, 6, 7) и является худшей по одному (5). Индия, таким образом, не превосходит Китай ни по одному из выбранных индикаторов. Подобные результаты меняют тон разговоров об успехах КНР. Так, в сравнении с Японией главным вопросом становится не то, насколько Япония впереди Китая, а то, в каких областях разрыв между двумя странами стремительно сокращается, и в каких Япония отстает. Россия, когда-то образец для подражания, стала антипримером. При сравнении с Индией вопрос десятилетней давности о том, когда Индия догонит Китай, теперь стал вопросом о том, насколько сильно Индия отстает от Китая. Таким образом, несмотря на то, что Китай сталкивается с целым рядом проблем, сравнение с соседями позволяет руководству КНР подкреплять свою уверенность в правильности взятого курса.

На секции, посвященной социальному развитию Китая, аспирантка Колумбийского университета Сянь Хуан выступила с докладом “Региональная политэкономия и

реформа социального сектора в КНР". Было отмечено, что покрытие медицинского страхования в КНР значительно расширилось за 2002–2009 гг., но при этом наблюдается колоссальное неравенство в распределении средств. Средства, идущие на медицинскую страховку работающего в городе гражданина, могут в 14 раз превышать объем страховки деревенских жителей. Таким образом, как продемонстрировала докладчик, впечатляющее расширение покрытия медицинского страхования и возросшее число различных типов страховок полностью воспроизвели существующее в КНР социально-экономическое и региональное неравенство.

Почему не удается сократить неравенство и что предопределяет распределение средств в Китае? Для поиска ответа на этот вопрос Сянь Хуан обращается к политэкономическим исследованиям, согласно которым целью любого авторитарного режима является гарантия выживания. Поскольку опасность устойчивости режима может исходить как от масс, так и от элит, власть должна учитывать интересы тех и других. В Китае, по мнению докладчика, особую важность для стабильности существующего режима имеет сохранение значительных социальных гарантий привилегированным группам при предоставлении гораздо более скромного социального обеспечения основной массе населения. Для того, чтобы такой механизм работал, Китаю необходимы особые институты делегирования власти местным элитам. Такие институты, по мнению Сянь Хуан, в Китае существуют в виде комбинирования децентрализованной налоговой системы с достаточно жесткими механизмами контроля над управленцами на местах. За счет такого механизма разделения власти между центром и регионами формируется оптимальная система управления. В этой системе центральные власти, с одной стороны, поддерживают местные элиты, предоставляя им полномочия по формированию программ социального обеспечения на местах. С другой стороны, поскольку главным критерием оценки деятельности местных властей является сохранение стабильности в регионе, центр вынуждает местные власти предоставлять социальные гарантии, минимально удовлетворяющие базовые нужды населения, и таким образом сохранять социальную стабильность. Докладчик заключает, что сложившаяся модель неравномерного социального обеспечения — это результат сознательной политики, нацеленной на сохранение стабильности. Система щедро кормит элиты, но в то же время отводит потенциально исходящую от масс угрозу, отзываясь на базовые социальные нужды населения.

На секции, посвященной вопросам гражданского участия в политическом процессе в Китае, Александр Королёв (НИУ-ВШЭ, ИДВ РАН, Россия) представил доклад "Возрождение 'массовой линии' в процессах публичной политики в современном Китае". Докладчик показал, что так называемая "массовая линия" — некогда революционная тактика появляется вновь, но не как инструмент распространения коммунистической идеологии, а как эффективный способ публичной политики. Разрабатывая концепцию "новой массовой линии", А. Королёв отметил, что этот популярный в революционные годы метод общения с массами содержит в себе целый ряд практических инструментов, способных повысить эффективность политического процесса и вне революционного контекста. На примере реформы здравоохранения было показано, что "очищенная" от марксизма и революционной риторики «массовая линия» становится эффективной стратегией интеграции предпочтений разных социальных групп в политическую повестку. Это, в свою очередь, делает политическую систему современного Китая более восприимчивой к нуждам населения.

Со схожей тематикой "Оценка 'массовой линии' и взаимодействия чиновников с населением" выступил президент ACPS, профессор Джон Кеннеди (Канзасский университет). Докладчик считает, что, несмотря на настойчивые попытки КПК использовать «массовую линию» как средство взаимодействия между чиновниками на местах и населением, в последние двадцать лет наблюдается ухудшение коммуникации между массами и чиновниками. Подобный вывод основан на анализе соцопросов жителей деревень и

чиновников деревенского, волостного и уездного уровней для определения содержания и характера предпочтений населения и того, насколько они принимаются во внимание на официальном уровне. Проводимое исследование показало, что «массовая линия» не стала эффективным методом выражения и агрегирования общественных предпочтений из-за отсутствия скоординированных действий со стороны чиновничьего аппарата. Для повышения эффективности «массовой линии» как средства «связи» между государством и обществом докладчик предлагает изменить технику сбора информации о нуждах населения и сделать обязательные контакты чиновников и масс более частыми.

На церемонии закрытия конференции состоялась беседа с директором института Конфуция в Сан Хосе, а также было объявлено, что следующая конференция ACPS пройдет в США в Канзасском университете.

© 2014

*А. Королёв,
PhD, профессор Отделения Востоковедения НИУ-ВШЭ,
старший научный сотрудник ИДВ РАН.*

1. URL: <http://www.acpsus.org/welcome>.
2. "President Xi Jinping Holds Talks with Costa Rican President Laura Chinchilla, Stressing China-Costa Rica Relationship Can Absolutely Be Paradigm of Friendly Cooperation between Countries of Different Sizes and Different Conditions". Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx/t1047483.shtml>.

Формирование азиатских исследований: геополитика, институты и исследовательские сети

С 18 по 20 ноября 2013 г. в Лейдене (Нидерланды) прошла конференция на тему «Формирование азиатских исследований: геополитика, институты и исследовательские сети». Конференция была организована Международным институтом азиатских исследований (*International Institute of Asian Studies, IIAS*) совместно с сингапурским Институтом изучения Юго-Восточной Азии (*Institute of Southeast Asian Studies, ISEAS*).

Институт изучения Юго-Восточной Азии известен своими исследованиями как политических, экономических, социокультурных процессов, происходящих в отдельных странах региона, так и современных тенденций регионального развития. Международный институт азиатских исследований занимается междисциплинарными и сравнительными исследованиями Азии, а также служит организационной платформой для взаимодействия исследователей и академических институтов из разных стран мира. Структурно деятельность Института в настоящее время сконцентрирована на разработке трех программ, посвященных истории и современному развитию азиатских городов, глобальным процессам, в которые включена Азия, и изучению культурного наследия Азии. Ключевая идея всех реализуемых программ — посредством междисциплинарных исследований по-новому посмотреть на то, какую роль Азия и ее изучение играют в современном мире.

В духе данной идеи была организована и прошедшая конференция. Основные задачи, которые изначально ставили организаторы, заключались в том, чтобы проанализировать

зирать «социальное оформление»¹ азиатских исследований, то есть деятельность институтов, исследовательских сетей и центров, научных дискурсов, и ту роль, которую геополитический контекст оказывал и продолжает оказывать на эти исследования. Тематически секции конференции были разбиты на три смысловых блока по количеству дней конференции.

Первые три секции были призваны рассмотреть с разных точек зрения дискуссионный характер «Азии» как научного концепта и объекта изучения. На протяжении нескольких веков исследования Азии, или скорее — «востоковедные исследования», «ориентализм» в терминологии Эдварда Вади Санда, изучение Востока как противоположности Западу, были исключительно европейским делом. После Второй мировой войны соединение традиционного востоковедения с социальными науками в целях разработки междисциплинарных подходов к изучению Азии приобрело особое значение для США и европейских стран в контексте биполярного противостояния, в котором Азия занимала особое место. К настоящему моменту исследования Азии распались на значительное число подкатегорий (исследования Китая, Японии, Индии, Юго-Восточной Азии, исламских стран и т.д.). Их развитие подкреплено наличием различных образовательных программ в ведущих американских и европейских университетах, академических журналов, профессиональных ассоциаций. Однако, как отметила в своем докладе сотрудница Центра гималайских исследований Университета Северной Бенгалии Майтрейя Чоудхари, азиатские исследования больше не являются прерогативой только западных университетов. Растет число исследовательских программ в высших учебных заведениях самих азиатских стран, равно как и число азиатских исследователей с мировым именем, которые начинают постепенно влиять на западное восприятие Азии. Другой пример в этом отношении представляет собой Австралия — где «азиатская грамотность»² становится необходимым условием дальнейшего развития самой Австралии в динамично растущем Азиатско-Тихоокеанском регионе, равно как и определения ее национальной идентичности в регионе и мире.

Собственно азиатский научный дискурс в отношении Азии пока что находится на начальном этапе становления. Хотя, по мнению Кришны Сен (Университет Калькутты, Индия) концепт «Азии» представляет собой отнюдь не исключительно западный конструкт. В доказательство этого она приводит ряд работ индийских интеллектуалов XIX и начала XX вв., а также современные труды Амариты Сена, подчеркивающие упрощенный, схематичный характер таких понятий, как «Азиатские ценности», в то время как подлинной чертой Азии и азиатских ценностных систем является как раз разнообразие. Или же, по словам другого индийского исследователя Ашиса Нанди, к которым также апеллирует профессор Сен, — способность Азии справляться с внутренним разнообразием и выживать за счет этого³.

Собирательный подход к Азии стал основой для интересной попытки интеллектуального переосмысления азиатских исследований, представленной в работе тайваньского социолога Чэнь Гуань-сина «Азия как метод». В своем докладе Эбби Хуан Сянь-хуань (Лейденский университет) использовала данную работу в качестве примера формирования современного научного дискурса, конструирующего представление об Азии среди самих азиатских исследователей. Тем не менее, вслед за автором книги Эбби Хуан Сянь-хуань констатирует, что Запад продолжает оставаться системой координат для азиатских исследователей, продуцируя универсальную теорию, которую они в лучшем случае могут только протестировать на практическом материале. Однако децентрализация мирового «производства знания» все-таки началась и, возможно, достижение баланса западных и незападных исследований остается только вопросом времени⁴.

Последняя секция первого тематического блока конференции была посвящена роли географических факторов, находящих выражение в различных картографических изображениях азиатских стран, геополитических интерпретаций Азии и подвижных оп-

ределениях границ азиатских регионов, а также в формировании множественности подходов к определению предмета азиатских исследований с учетом кризиса, который переживает страноведение.

Второй тематический блок конференции включал в себя секции, анализирующие роль колониального наследия и различных институтов (фондов, архивов и т.д.) в формировании азиатских исследований.

Без сомнения, колониальный период оказал существенное влияние на формирование исследований азиатских обществ, равно как и повлек за собой коренную трансформацию самих этих обществ. Примерами и того, и другого служат аграрная история Индии или представления об этничности и расах в Юго-Восточной Азии, сконструированные британцами в период колониального господства. По словам Юдзи Цубои (Восточная библиотека, Япония), статистические измерения и переписи населения, предпринимавшиеся колонизаторами в британской Малайе, по сути, концептуализировали взаимосвязь конкретной территории и этничности (прежде всего — малайской), что впоследствии оказало влияние на политическую консолидацию малайцев.

Азиатские исследования, как, возможно, любые исследования в социальной сфере, не могут быть свободны от исторического, политического и геополитического контекста. Это общее соображение было в дальнейшем конкретизировано в докладе Масато Карасимы (Киотский университет, Япония) о деятельности Фонда Рокфеллера в послевоенной Японии и выступлении Давида Окона Фернандеса (Университет Каталонии, Испания) о работе японского Культурного фонда АСЕАН в Юго-Восточной Азии.

Последний тематический блок конференции был посвящен рассмотрению межрегиональных подходов, то есть подходов к азиатским исследованиям, развивающимся в других частях земного шара. В рамках секций этого блока участники конференции сосредоточились на рассмотрении того, какое отражение проблемы истории, политики и современного развития Юго-Восточной Азии, Южной Азии, Китая, Тайваня и Японии находят в структуре национальных исследований и исследовательском дискурсе в Европе, России, США, Латинской Америке, арабском мире и Израиле.

Исследования Юго-Восточной Азии в Китае в настоящее время приобретают все более комплексный характер и подкрепляются развитой институциональной структурой. Деятельность основных центров исследования Юго-Восточной Азии была проанализирована в докладе Жана Берли (Гонконгский педагогический институт, Гонконг). Очевидно, что помимо чисто академического интереса к данному региону, исследования Юго-Восточной Азии в Китае имеют и геополитический подтекст, связанный с растущей экономической и политической взаимосвязанностью Китая и ЮВА. В России же исследования этого региона продолжают выживать скорее не благодаря, а вопреки сложившейся геополитической ситуации (доклад Е.В. Колдуновой, МГИМО). Резкое «сжатие» российской внешней политики после распада СССР и связанная с этим потеря политической заинтересованности в целом ряде регионов, включая Юго-Восточную Азию, заставили академическое сообщество искать альтернативные пути самосохранения в науке. Другой пример академического интереса к Азии, который сложно объяснить наличием геополитических соображений, представляют собой исследования Индии, сформировавшиеся в советский период в Литве и ставшие предметом выступления В. Яскунаса (Вильнюсский университет, Литва).

Пристальное внимание к экономическому росту Китая и трансформациям в его внешней и внутренней политике, сопутствующим этому росту, естественно, находит отражение в развитии китаеведческих исследований по всему миру. Однако где-то, как, например, в России, эти исследования опираются на уже сформировавшиеся академические школы, а где-то, как в Латинской Америке или арабских странах, лишь начинают оформляться в консолидированное исследовательское направление. Тем не менее быстрый экономический рост страны с таким огромным населением заставляет многие стра-

ны, особенно являющиеся крупными торговыми партнерами Китая, задуматься о соответствующем аналитическом сопровождении своей политики в отношении этой страны.

Для России, имеющей с Китаем весьма протяженную границу, отношения с этим восточным соседом являются не только одним из направлений внешней политики. Они также представляют собой предмет внутриэлитных и внутриакадемических дебатов. Сближаться с Западом или теснее взаимодействовать с Китаем? Как оценивать политику Китая в Центральной Азии? Какие последствия для России будет иметь развитие китайско-американских отношений? Отражению этих вопросов в российских исследованиях внешней политики Китая был посвящен доклад В.Я. Портякова (ИДВ РАН, Россия).

Заключительная секция конференции была сконцентрирована на анализе современных тенденций в исследованиях Тайваня и Японии. По итогам состоявшейся конференции международный коллектив авторов будет в течение следующего года работать над подготовкой и изданием книги.

© 2014

Е. Колдунова,
кандидат политических наук,
доцент кафедры востоковедения МГИМО (У) МИД России

1. Именно поэтому основную тему конференции (*Framing Asian Studies*) точнее было бы переводить на русский язык как «оформление», а не «формирование» азиатских исследований, хотя такое название выглядело бы менее соответствующим стилистике русского языка.
2. Государственная программа с подобным названием реализуется в Австралии с 1970-х гг.
3. Выходя за рамки анализа доклада профессора Сен и ссылки на работу Ашиса Нанди, в данном случае напрашивается определенное противопоставление Азии и Запада, который стремится к универсализму через унификацию.
4. В этом контексте отдельный интерес представляет дискуссия о возможности формирования незападной теории международных отношений, которая нашла отражение на страницах книги с соответствующим названием под редакцией Барри Бузана и Амитава Ачарии (*Nonwestern International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia*. Ed. by Amitav Acharya and Barry Buzan. Abington: Routledge, 2010).

Рецензии

Каталог произведений российского Китаеведения, хранящихся в Китайской национальной библиотеке. [Готу цан Элосы ханьсюэ чжуцзо мулу] Сост. Чэнь Жуй. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2013.*

Изучение зарубежного Китаеведения является одной из приоритетных научно-исследовательских тем в современном Китае. Вышедший в середине 2013 г. в издательстве Пекинского университета библиографический справочник примечателен тем, что книга открывает крупномасштабный проект, посвященный российскому Китаеведению.

Это первый из 30-ти томов «Библиотеки русского Китаеведения» (такое название в русском написании приведено на обложке книги, по-китайски: *Элосы ханьсюэ взньку*). Серию изданий готовит профессор Пекинского университета Ли Минбинь — известный специалист по русской литературе и культуре, почетный доктор Института Дальнего Востока РАН. В 1990-е годы он опубликовал несколько книг, посвященных восприятию в России китайской литературы и культуры¹. Стремление реконструировать образ Китая в глазах русской интеллигенции XIX в. побудило ученого обратиться не только к наследию А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, но и к работе Китаеведа В.П. Васильева по изучению истории китайской литературы.

В первое десятилетие XXI в. Ли Минбинь издал обзорную монографию «История российского Китаеведения»². Авторская концепция исследования основана на характеристике отдельных периодов в истории Китаеведения в связи с персоналиями, олицетворяющими научный дух эпохи. Разделы книги посвящены наследию Н.Я. Бичурина (ключевая фигура Китаеведения первой половины XIX в.), В.П. Васильева (вторая половина XIX в.) и В.М. Алексеева (первая половина XX в.). Две завершающие гла-

вы излагают историю российского Китаеведения второй половины XX столетия, охарактеризованную как период «ярких светил». Ее представительными фигурами названы С.Л. Тихвинский, М.Л. Титаренко и В.С. Мясников. В качестве приложения к книге добавлен краткий биографический справочник российских Китаеведов.

Проект «Библиотеки русского Китаеведения» соединяет внимание к персоналиям с изучением истории восприятия в России китайских текстов и составлением вспомогательных справочных пособий. Планируется, что «Библиотека» будет состоять из трех разделов.

Первый, наиболее значительный по размеру раздел (16 книг) – это сборники статей российских Китаеведов. По замыслу составителей «Библиотски», книги будут построены по принципу «один человек – один том», отобранные статьи призваны отражать наиболее значимые и представительные достижения каждого ученого. Предполагается, что в китайском переводе выйдут сборники работ В.М. Алексеева, В.П. Васильева, В.С. Мясникова, Б.Л. Рифтина, М.Л. Титаренко, С.Л. Тихвинского, Н.Т. Федоренко, А.А. Драгунова, И.С. Лисевича, Л.С. Переломова, Л.Д. Позднеевой, В.И. Семанова, Е.А. Серебрякова, В.Ф. Сорокина, Тань Аошуан, С.Е. Яхонтова (в таком порядке фамилии перечислены в китайском плане «Библиотеки»).

Второй раздел (10 книг) рассказывает об изучении в России важнейших памятников китайской культуры. Один том посвящен судьбе одного китайского текста. Предполагается, что это будет рассказ об истории его перевода на русский язык, о российских переводчиках и

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского Китаеведения»

исследователях, об их оценках данного текста. В раздел включены шесть древних памятников («Лунь юй», «Мэн-цзы», «Дао дэ цзин», «Сунь-цзы бин фа», «Чжуан-цзы», «И цзин»), а также четыре литературных произведения — «Путешествие на Запад», «Речные заводи», «Троецарствие», «Сон в красном тереме».

Третий раздел «Библиотеки» охватывает пять справочных изданий, к их числу относится вышедший в свет «Каталог произведений российского китаеведения, хранящихся в Китайской национальной библиотеке». На будущее запланированы: издание «Словаря российских китаеведов», «Книжного каталога сохранившихся материалов (*шунь вэньсянь шунь*) Российской духовной миссии в Пекине», «Тематического книжного каталога (*фэньлэй шунь*) проникновения в Россию древних текстов на китайском языке», а также работы под названием «Российские исследования западных областей Китая и коллекции памятников культуры».

Это беспрецедентное по масштабам начинание китайских исследователей в сфере систематического изучения наследия российского китаеведения. Новизна состоит не только в запланированном количестве книг, поскольку в Китае можно найти более крупные собрания переводов работ зарубежных синологов. К примеру, издательство «Цзянсу жэньминь чубаньшэ» приступило к изданию «Серии зарубежного изучения Китая» (*Хайвай Чжунго яньцзю цуншу*) в конце 1980-х гг., за это время было издано свыше 160 наименований книг³. Данная серия охватывает широкий спектр проблем политики, экономики, культуры, истории, литературы и других областей общественного и гуманитарного знания. Однако за четверть века в ней не появилось ни одного перевода с русского языка, в серии доминируют американские и японские книги с редкими вкраплениями работ западноевропейских ученых. Похожий крен присутствует в деятельности многочисленных центров изучения иностранного китаеведения, созданных при ведущих китайских университетах. Усилия профессора Ли Минбиня, его учеников и коллег по комплексному изучению истории российского китаеведения заслуживают большого уважения и активной поддержки со стороны отечественных научных кругов.

Издание тридцатитомника требует значительных интеллектуальных и финансовых

ресурсов. На обложке «Каталога произведений» указано, что книга входит в «государственную программу издания важных книг в период 12-ой пятилетки». При этом на страницах книги выражена благодарность за финансовую поддержку в ее издании ректору Даляньского университета иностранных языков Сунь Юйхуа, по достоинству оценившему научную значимость проекта. Ли Минбинь и Сунь Юйхуа являются главными редакторами «Библиотеки русского китаеведения». Организаторы проекта полагают, что в перспективе устойчивое государственное финансирование позволит обеспечить планомерную работу по подготовке и выпуску книг. Заметим, что открытая структура проекта позволяет продолжать его в будущем за рамками уже объявленного плана — к примеру, в первый раздел «Библиотеки» можно добавлять сборники произведений других российских исследователей.

«Каталог произведений российского китаеведения, хранящихся в Китайской национальной библиотеке» — это библиографический справочник, в который вошли 256 российских авторов и свыше 2 тыс. наименований книг. По структуре «Каталог» разделен на шесть рубрик: литература, язык, история, философия, экономика, политика, искусство. В отдельной главе перечислены авторы, книги которых были изданы до XX в. Открывает справочник краткий очерк Ли Минбиня о российском китаеведении.

Составители отметили, что «Каталог» не претендует на универсальную полноту, поскольку российских авторов в него включали избирательно с учетом количества наименований книг, хранящихся в фондах Китайской национальной библиотеки, известности и представительности для синологических исследований. В него также не были включены коллективные работы по Китаю, изданные от имени исследовательских организаций. Впрочем, многие сборники, редакторами которых были вошедшие в «Каталог» исследователи, в справочнике упомянуты.

Каждую библиографическую справку открывает краткая информация об исследователе, включающая Ф.И.О. в полном русском написании, сведения об основных научных интересах, образовании и месте работы, теме диссертации и главных публикациях. После этого приводится список трудов на русском

языке с указанием библиотечных шифров, что делает «Каталог произведений» полезным пособием для тех, кто намерен изучать российское Китаеведение с использованием фондов Китайской национальной библиотеки – главного книжного собрания страны. В тех случаях, если книги российского автора были изданы на китайском языке, их список (также с указанием шифров) приводится в конце библиографической справки.

В библиографические списки попали отдельные случайные книги, принадлежащие другим российским авторам с одинаковой фамилией и совпадающими инициалами. Это ни в коей мере не умаляет высокой справочной ценности издания, однако указывает на необходимость расширения сотрудничества между создателями «Библиотеки» и российскими научными кругами при подготовке будущих томов.

Для отечественного читателя могут представить интерес приложения к «Каталогу произведений», прежде всего список изданий Российской духовной миссии в Пекине из фондов библиотеки (С. 215—219). В нем перечислены 64 единицы хранения с указанием библиотечных шифров. Другие приложения рассказывают об истории собрания русской литературы и трудов российских Китаеведов в Китайской национальной библиотеке, о сотрудничестве библиотеки с выдающимся российским ученым В.М. Алексеевым. Еще одно приложение – краткий рассказ об Л.Д. Позднеевой и ее вкладе в изучение жизни и творчества Лу Синя.

Составители справочника подчеркнули, что Китайская национальная библиотека, история создания которой восходит к 1909 г., обрела ныне статус глобального центра литературы на китайском языке и всекитайского центра литературы на иностранных языках. Была проведена большая работа по оцифровке фондов и составлению электронного каталога. В частности, в конце 2010 г. каталог изданий на русском языке был полностью переведен в электронную форму, что создало технические условия для подготовки «Каталога произведений».

В библиотеке собрано много специальных фондов, которых нет в других книгохранилищах Китая, в том числе исследовательские материалы по зарубежному Китаеведению. На волне интереса к этой теме в 1996 г. было принято решение о расширении закупки для

библиотеки иностранной исследовательской литературы о Китае. Ныне Китайская национальная библиотека не только собирает материалы по зарубежному Китаеведению, но и занимается их исследованием.

Уже во второй половине 1920-х годов Пекинская библиотека приступила к целенаправленной закупке литературы на западных языках. В 1929 г. ее сотрудники отправились в зарубежные библиотеки для копирования дунхуанских материалов и утраченных китайских книг. «Эти командированные за рубеж сотрудники, в определенном смысле, занимались изучением ресурсов иностранного Китаеведения» (С. 226). В том же году тогдашний директор библиотеки Юань Тунли пригласил шестерых известных зарубежных исследователей стать «корреспондентами» Пекинской библиотеки, желая получать от них информацию о новых книгах и о развитии науки за рубежом. Одним из этих ученых стал В.М. Алексеев. О нем в «Каталоге произведений» рассказано дважды – помимо стандартной библиографической справки (С. 22—23), составители справочника посвятили ему одно из приложений (С. 238—242), в котором поведали об истории поступления книг российского ученого в фонды библиотеки и о его дружбе с Юань Тунли.

«Каталог произведений» позволяет составить представление не только о том, что есть в фондах Китайской национальной библиотеки, но и о том, чего там нет. Бросается в глаза отсутствие упоминаний о произведениях известного ученого XIX столетия С.М. Георгиевского (1851–1893), оказавших большое влияние на последующее развитие российского Китаеведения, в особенности на изучение духовной культуры Китая. Нет и библиографической справки об основоположнике отечественного историко-философского Китаеведения А.А. Петрове (1907–1949) и его трудах. Вряд ли это произошло по причине их малой известности и недостаточной влиятельности. Вероятнее всего, их публикации в библиотеке отсутствуют.

Современные российские исследователи после знакомства с «Каталогом произведений» могут захотеть подарить отсутствующие в нем свои произведения главной библиотеке изучаемой страны. С изданиями XIX в. дело обстоит сложнее, хотя некоторые российские публикации о Китае той эпохи доступны ныне

на книжном рынке в виде репринтов.

Возможным путем решения этой проблемы, не требующим перемещения в другую страну редких книг, могло бы стать расширение сотрудничества России и Китая в области комплектования виртуальных электронных библиотек. Это тот случай, когда ни у кого ничего не убывает, но при этом происходит взаимное обогащение обеих сторон. К примеру, в обмен на электронные копии старых книг о Китае на рус-

ском языке из фондов отечественных библиотек китайская сторона могла бы поделиться сканами малодоступных изданий Российской духовной миссии в Пекине. Эти материалы следовало бы предоставить всем желающим в режиме открытого доступа через Интернет в электронной библиотеке РГБ или – в более отдаленном будущем – в Российской электронной библиотеке, объединяющей оцифрованные материалы ведущих книжных собраний нашей страны.

© 2014

*А. Ломанов,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник ИДВ РАН*

1. *Ли Минбинь*. Чжунго вэньсюэ цзай Э Су [Китайская литература в России и СССР]. Гуанчжоу: Хуачэн чубаньшэ, 1990; *Ли Минбинь*. Чжунго вэньхуа цзай Элосы [Китайская культура в России]. Пекин: Синьхуа чубаньшэ, 1993; *Ли Минбинь*. Чжунго юй Э Су вэньхуа цзяолю чжи [Описание культурных обменов Китая с Россией и СССР]. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1998.
2. *Ли Минбинь*. Элосы ханьсюэ ши [История российского китаеведения]. Чжэнчжоу: Дасян чубаньшэ, 2008. Подробнее об этой книге см.: *Александян А., Горбунова С.* 300 лет российского китаеведения глазами китайского ученого // Пробл. Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 176–184.
3. «Хайвай Чжунго яньцзю цуншу» чубань хуйгу цзотаньхуй цзюйсин [Состоялся обзорный семинар по изданию «Серии зарубежного изучения Китая»]. Оpubл. 21 февр. 2013 г. Источник: «Синьлан душу». URL: <http://book.sina.com.cn/news/c/2013-02-21/1153423004.shtml>.

Юбилей ученого

Юбилей Анастасии Ивановны Картуновой

90 лет назад, 31 января 1924 г., родилась Анастасия Ивановна Картунова, авторитетнейший специалист в вопросах истории КПК, истории Коминтерна и новейшей истории Китая. Среди современных российских китаеведов найдется немного таких, кто исследует Китай, опираясь на богатый и разнообразный практический опыт, помноженный на фундаментальную теоретическую подготовку.

Анастасия Ивановна получила образование в Московском институте востоковедения, поступив в него в военном 1942 г. в Фергане и закончив в 1947 г. уже в Москве. Как молодого специалиста по новейшей истории Китая, отлично знающего китайский язык и проявившего способности к научным исследованиям, ее сразу после окончания института пригласили в НИИ № 205 — один из информационно-аналитических центров ЦК ВКП(б). Пять месяцев работы в этом учреждении помогли ее быстрому профессиональному станов-

лению — среди коллег по службе были известные политики-марксисты, видные деятели Коминтерна. После расформирования в 1948 г. НИИ № 205, Анастасию Ивановну перевели в Международный отдел ЦК ВКП(б), где она проработала до 1956 г. Ее основной задачей стало обеспечение рабочих связей ВКП(б) с китайской компартией. С 1956 по 1960 гг. Анастасия Ивановна училась в Академии общественных наук при ЦК КПСС, по окончании которой, в октябре 1960 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Рабочее движение в Шанхае в 1925–1927 гг.».

Последующие 30 с лишним лет, с 1960 по 1991 гг. Анастасия Ивановна работала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Здесь она занималась исследованием проблем международного рабочего и коммунистического движения, вопросами международной деятельности КПСС. В 1981 г. А.И. Картунова защитила докторскую диссертацию на тему «Политика Компартии Китая по рабочему вопросу в революции 1925–1927 гг.». С 1992 г. она работает в Институте Дальнего Востока РАН в должности главного научного сотрудника.

Основные направления исследований А.И. Картуновой — политика СССР в национально-революционном движении в Китае в 1920-е годы, политика ВКП(б) и Коминтерна в китайском вопросе, помощь СССР Китаю, деятельность советских военных и политических советников. Среди более чем 200 научных публикаций Анастасии Иванов-

ны — исследование деятельности В.К. Блюхера в Китае, переписки И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом. Большую аналитическую и редакторскую работу проделала А.И. Картунова над заключительным, пятым томом архивных документов, посвященных важному этапу антияпонской войны китайского народа и взаимоотношениям ВКП(б) и Коминтерна с КПК в период 1937–1943 гг., которые впервые были опубликованы в труде «ВКП(б), Коминтерн и Китай» (Т.5.). Сейчас Анастасия Ивановна работает над новой монографией «Советский Союз, Коминтерн и китайская революция 1925–1927 гг. Очерк политической истории».

Биография А.И. Картуновой вместила в себя несколько эпох в истории нашей страны и в истории Китая. В начале 1950-х гг. сразу после образования КНР в СССР приезжали десятки делегаций пропагандистов, работников культуры и образования, партийных деятелей нового Китая, которые учились, перенимали советский опыт и, возвращаясь на родину, воплощали его на практике. Работая с такими делегациями, Анастасия Ивановна из первых рук узнавала о положении в Китае, совершенствовала знание китайского языка, знакомила китайских друзей с жизнью советского народа. Она была для китайских коммунистов носителем духа бескорыстной помощи СССР китайской компартии и китайскому народу.

В силу своего служебного положения А.И. Картунова работала с выдающимися деятелями КПК Лю Шаоци, Гао Ганом, директором ВПШ при ЦК КПК Ян Сянчжэнем, Сун Цинлинь, а также с членами семей руководящих работников КПК, приезжавших в Москву на учебу или лечение, в частности, с женой Мао Цзэдуна Цзянь Цин и многими другими. Политические руководители Китая представляли перед Анастасией Ивановной с человеческой стороны, а она, в свою очередь, стала для них человеком, по которому они судили о советском народе.

Последующее охлаждение в отношениях между КПСС и КПК отразилось и на судьбе Анастасии Ивановны. Когда отношения и контакты между двумя компартиями стали сворачиваться, она погрузилась в изучение истории международного коммунистического и рабочего движения, стремясь быть максимально полезной установлению взаимопонимания между правящими партиями и народами двух стран. В ИМЛ при ЦК КПСС Анастасия Ивановна стала углубленно заниматься историей связей КПСС и Коминтерна с КПК. Работая с архивами, она сделала немало открытий, по достоинству оцененных историками-китаеводами многих стран мира. Например, именно она установила точную дату начала работы I-го съезда КПК — 23 июля 1921 г., в то время как в Китае день образования КПК официально принято праздновать 1 июля. Архивы и самая точная, непредвзятая история стали делом всей жизни Анастасии Ивановны. «Я, вообще, архивы люблю», — замечает она в кругу коллег.

Перейдя на работу в Институт Дальнего Востока РАН, Анастасия Ивановна погрузилась в изучение самых интересных для нее вопросов — начального периода истории КПК, отношений СССР и Коминтерна с компартией Китая. По этому периоду в свет вышли, написанные ею по архивным материалам книги, вызвавшие большой интерес в России, Китае и многих зарубежных странах, которые ввели ее в число наиболее авторитетных специалистов по истории КПК и Китая 1920–1930-х гг.

Анастасия Ивановна — человек удивительный в сочетании присущих ей мудрости и юношеского порыва, сохранившая любовь и верность своей профессии, принципам добросовестности и объективности и веру в людей. Она типичный китаист-трудоголик, для нее жизнь и любимая работа — неразрывные части повседневного бытия. Теперь к ее кабинетной работе и встречам с китайскими коллегами прибавились беседы с журналистами, участие в съемках документальных фильмов.

Дирекция и коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» желают Анастасии Ивановне крепкого здоровья, долгих лет жизни и плодотворной работы на благо российской науки.

Contents

RUSSIAN SINOLOGY

A. Ostrovsky. On the 80th Anniversary of Academician M. Titarenko. Science Organizer, Thinker, Philosopher

M. Titarenko. Chinese Philosopher Mo Di on the Wise Management of the Country. Translations from the Book of "Mozi" (Scroll One)

POLITICS

K. Antipov. Some Aspects of the Evolution of the China's Middle East Policy

G. Lokshin. Vietnam and the United States: Partnership with "Reservations"

ECONOMY

Ya. Berger. New Stage of China's Economic Development (By the Results of the Third Plenum of the 18th CPC Central Committee)

S. Sazonov, K. Petrunko. Restructuring of the Railway Transportation in China

VIEW POINT

V. Petrovsky. Origins of the "Cold War" in the Northeast Asia: Was Gromyko Always Saying "No"

MILITARY BUILD-UP

A. Shlyndov. Air Force of the People's Liberation Army of China on the Path to Modernization and Development (Continued)

M. Yevtodyeva. "White Paper on the Defence" and Defense Programs of Japan in 2013

THE RUSSIAN FAR EAST

N. Kashina. Investment Cooperation between the Russian Far East and Northeast China in the Mining Sector

M. Lastochkina. The Russian Far East in the Context of Modernization

A. Kovalenko, V. Tokmakov. The Fates of Far Eastern Cossacks: Features to Collective Portrait

HISTORY

V. Kuzminkov. Russian-Japanese War of 1904–1905 in Japanese Historiography

I. Sokov. The Canadian Intervention of 1918–1919 in the Far Eastern Episode of the Civil War in Russia: Causes, Objectives, Outcomes

CULTURE

E. Lachina. "Korean Wave" as a Manifestation of "Soft Power"

Yu. Yershova. Chinese Traditions and Characteristics of the Late Prose Tale

N. Lebedeva. "Genius Loci" as a Factor in Intercultural Communication (Russian Emigrant Literature in Harbin and Chinese Culture)

SCIENTIFIC EVENTS

A. Korolev. Domestic and Foreign Policy of the PRC: Promoting Reforms and Global Influence. The 26th International Symposium of the Association of Chinese Political Studies at San Jose

E. Koldunova. Formation of Asian Studies: Geopolitics, Institutions and Research Networks

BOOK REVIEW

A. Lomanov. Catalogue of Russian Sinology Works Stored in the National Library of China

SCHOLAR JUBILEE

Jubilee of Anastasia Ivanovna Kartunova

Contents
Summary

Summary

M. Titarenko. Chinese Philosopher Mo Di on the Wise Management of the Country. Translations from the Book of “Mozi” (Scroll One)

Mo Di ideas of the wise management of the country, about the relationship between government and the people, about the role of morality and justice in politics have become an indispensable part of modern political culture of China.

Key words: Celestial, sages approximation, universal love, justice, the Skies, grace, talent, management, unselfishness, self-perfection, example, measure, humanity.

K. Antipov. Some Aspects of the Evolution of China’s Middle East Policy

An attempt is made to analyze the process of the changes of the strategic balance in the policy of China in Asia due to initiatives of Chinese leadership to create land and sea zones of the “Silk Road of XXI Century”. A key element of the strategy is an emerging policy of “promoting China in West Asia”, aimed at improving the global status of China, stabilization of the situation in the Middle East and the establishment of strategic partnership relations with all countries in the region.

Key words: China, the economic zone of the Silk Road, Middle East, Western Asia, strategic concept, “movement to the West”, Sino-US relations in the Middle East.

G. Lokshin. Vietnam and the United States: Partnership with “Reservations”

The author analyzes the relationship of Vietnam and the United States at the present stage, based on the outcome of the July 2013 visit of the President of Vietnam Truong Tan Sang to the United States. It shows that China’s territorial claims in the South China Sea led convergence of strategic interests of the United States and Vietnam and resulted in a boost to cooperation between the two countries. However, former enemies in a bloody war, moving far from hatred did not come close to the mutual trust.

Key words: comprehensive strategic partnership, Trans-Pacific Partnership, the South China Sea, ASEAN.

Ya. Berger. New Stage of China’s Economic Development (By the Results of the Third Plenum of the 18th CPC Central Committee)

In order prevent further reduction of growth rates and to achieve the goal of global leadership of China the Third Plenum of the CPC Central Committee of the 18th convocation adopted comprehensive program of deep reforms aimed at strengthening the role of the market in resource allocation. New stage of development is aimed at turning China into the world’s largest economy. Investment expansion leads to the global expansion of China’s interests, which in turn stimulates the evolution of military doctrine in the direction of “defense on external borders”.

Key words: reform, development, economic growth, market, investment, village, land use, urbanization, monopoly, mixed ownership, finance, distribution, taxes.

S. Sazonov, K. Petrunko. Restructuring of Railway Transportation in China

The XVIII Congress of the CPC and the Third Plenum of the CPC Central Committee formulated the task of restructuring Chinese rail industry management with simultaneous implementation of measures to enhance its investment attractiveness. In the process of reforming the Ministry of Railways of China was abolished.

Key words: the XVIII Congress of the CPC, the third plenum of the Central Committee of the CCP, Ministry of Railways of China, State Railways Administration, Ministry of Transport, China Railway Corporation, high-speed railways.

V. Petrovsky. Origins of the "Cold War" in the Northeast Asia: Was Gromyko Always Saying "No"

The article deals with ambiguous interpretation of historical lessons of World War II in Asia and the Pacific, as well as the Korean War of 1950-1953. The author believes that the objective, compromise assessment of historical facts will help achieve reconciliation and harmony among nations and peoples of Northeast Asia.

Key words: Northeast Asia, the Peace Treaty of San Francisco, the Korean War, territorial disputes, bipolar confrontation, the historical lessons of the Second World war.

A. Shlyndov. Air Force of the People's Liberation Army of China on the Path to Modernization and Development (Continued)

The second part of the article deals with the problems of modernization and development of transport aircraft and aircraft armament of the PLA. It analyzes combat training of the PLA Air Force personnel and systems-based aviation.

Key words: transport aviation, guided "air-to-air" missiles, TV-guided missiles, combat training.

M. Yevtodyeva. "White Paper on the Defense" and Defense Programs of Japan in 2013

The article analyses the process of revision of Japan defense programs and other key documents in that field that have been initiated in 2013 under the government of Liberal Democratic Party. It pays particular attention to consideration of key provisions of the Japan's "White Paper on the Defense" and the current state and prospects of Japan-U.S. defense cooperation.

Key words: Japan, defense programs, White Paper on the Defense, Japan-U.S. cooperation, re-alignment of military bases.

N. Kashina. Investment Cooperation between the Russian Far East and Northeast China in the Mining Sector

Programs for the revival of the regional economy in Northeast China and the economic development of the Russian Far East provide new prospects for the border regions of the two countries. Important role in the development of their regional investment cooperation will be played by new mechanisms aimed at creating favorable conditions for foreign investors.

Key words: Far East, investment cooperation, revival programs for the Russian Far East and Northeast China, investor preferences.

M. Lastochkina. The Russian Far East in the Context of Modernization

Based on the methodology, developed by Chinese economists, the process of modernization development in the regions of the Far Eastern Federal District has been considered. The obstacles and restrictions on its way are highlighted. Conclusion has been arrived that the modernization of the country's regions was performed very unevenly and asynchronously, and interregional gaps are very wide, even among neighboring territories.

Key words: modernization of regions, social and economic development, levels of modernization, the Chinese system of indices for modernization.

A. Kovalenko, V. Tokmakov. The Fates of Far Eastern Cossacks: Features to Collective Portrait

Basing on archival documents, memories and historical studies the article attempts to consider the fates of Amur Cossacks in their homeland and in emigration to China. Attention is paid not only to well-known leaders of the Cossacks, but to ordinary officers as well.

Key words: Cossacks, personal features, emigration, historical fates.

V. Kuzminkov. Russian-Japanese War of 1904-1905 in Japanese Historiography

The article describes the problem of interpretation in Japanese historiography of character and outcome of the Russian-Japanese War (1904-1905). Based on a comprehensive analysis of multiple documents, the author presents his views on the results of this war and evaluates the arguments of representatives of the academic community in Japan.

Key words: Russian-Japanese relations, the territorial issue, the peace treaty, historiography, Russian-Japanese War, the Kuril Islands, the Southern Sakhalin.

I. Sokov. The Canadian Intervention of 1918–1919 in the Far Eastern Episode of the Civil War in Russia: Causes, Objectives, Outcomes

The article analyzes the Causes, Objectives and results of the Canadian intervention in the Far East during the final stage of the First World war and the Civil war in Russia. The author cites the little-known facts about the first international conflict between Canada and Russia in the XX century and the first foreign participation of Canada in the “concert” of great powers to address global problems.

Key words: First World war, foreign intervention, Vladivostok, the Canadian Expeditionary Force, the foreign policy of Canada.

E. Lachina. “Korean Wave” as a Manifestation of “Soft Power”

Over the last decade, South Korean pop culture literally “infected” the world. The term “Korean Wave” (or hallyu) to describe this phenomenon is usually used. The global spread of South Korean pop culture contributed to the development of the national economy and improved the country’s image . Based on the materials of the Ministry of Culture, Sports and Tourism and the Ministry of Foreign Affairs of the RK the article describes the main stages of “Korean wave”, identifies main reasons for its popularity in the world.

Key words: “Korean Wave” (hallyu), “soft power” of the Republic of Korea (RK), hallyu stages, cultural expansion of the RK.

Yu. Yershova. Chinese Traditions and Characteristics of the Late Prose Tale

The article deals with the problem of late prose tale and its formation as a separate genre of song and narrative folk art. Despite the large number of works on vernacular Chinese literature, this topic is still poorly understood.

Key words: China, oral literature, traditions of storytelling, Chen Shihe.

N. Lebedeva. “Genius Loci” as a Factor in Intercultural Communication (Russian Emigrant Literature in Harbin and Chinese Culture)

The article is devoted to the Manchuria marginal space influence on the development of Russian emigrant and Chinese literatures. The author analyzes how the regional originalities determine the creating of the similar plots, characters and ways of literary image in both Russian and Chinese Literatures.

Key words: intercultural communication, Russian emigrant literature in Harbin, Manchuria marginal space, the “genius loci”, “Harbin note”, “Harbin text”.

Михаил Васильевич Демченко
08.06.1933 — 13.02.2014

13 февраля 2014 г. на 81-м году жизни от нас ушел наш коллега и друг, автор десятков научных трудов по японской литературе, переводчик с японского языка и опытный редактор Михаил Васильевич Демченко.

М.В. Демченко родился в деревне Ягуново Кемеровской области в крестьянской семье. После школы обучался в Училище военных переводчиков, где изучал японский язык. В 1963 г. окончил Институт восточных языков при МГУ по специальности японский язык и литература. Затем работал в Агентстве печати «Новости», журнале «Проблемы мира и социализма» в Праге, в ТАСС в качестве корреспондента в Японии.

С февраля 1978 г. Михаил Васильевич работал инструктором Отдела международной информации, а затем Отдела пропаганды аппарата ЦК КПСС. В дальнейшем он был направлен в Секретариат Верховного Совета СССР, где проработал заведующим сектором Международного отдела с 1989 по 1992 г. Михаил Васильевич продолжил свою деятельность как советник, заместитель начальника Управления, главный редактор «Дипломатического вестника МИД» в Министерстве иностранных дел РФ.

В Институте Дальнего Востока он проработал десять лет: с января 2001 г. по октябрь 2011 г., сначала в научно-издательском отделе, а затем в Центре научной информации и документации, проявив себя как авторитетный и опытный редактор востоковедных научных трудов.

Доброжелательный, отзывчивый и скромный человек, ответственный сотрудник высочайшей квалификации и широких знаний в области дальневосточной тематики Михаил Васильевич пользовался всеобщим уважением в коллективе ИДВ РАН.

Светлая память о Михаиле Васильевиче Демченко навсегда сохранится в сердцах его друзей и коллег.

*Дирекция и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

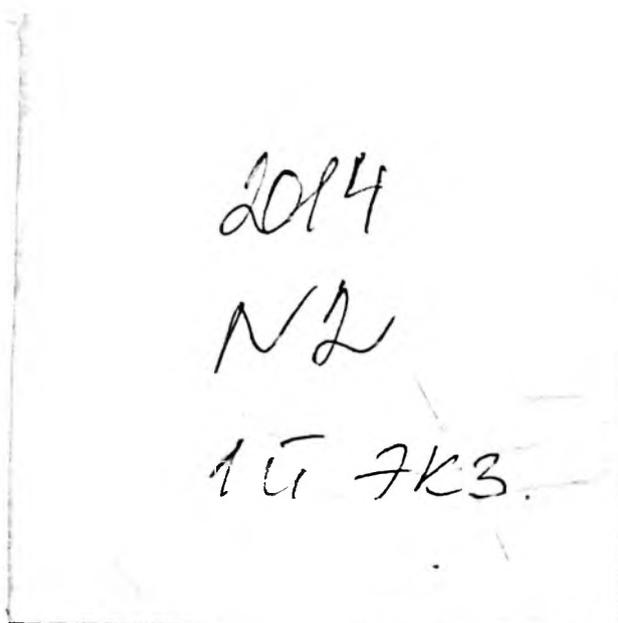
Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать заведующей редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124-02-15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935-01-01.

С условиями подписки мож

0131-2812

*Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.*

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Подписано к печати 25.03.2014 г. Дата выхода в свет 20 четн. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 8,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 533 экз. Зак. 17. Цена свободная.

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2014 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала “Проблемы Дальнего Востока” приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала на русском и английском языках.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) На русск. яз.

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) На кит. яз.

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) На англ. яз.

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) Из печатных изданий

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...

б) Из Интернет

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: 8 (499) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.